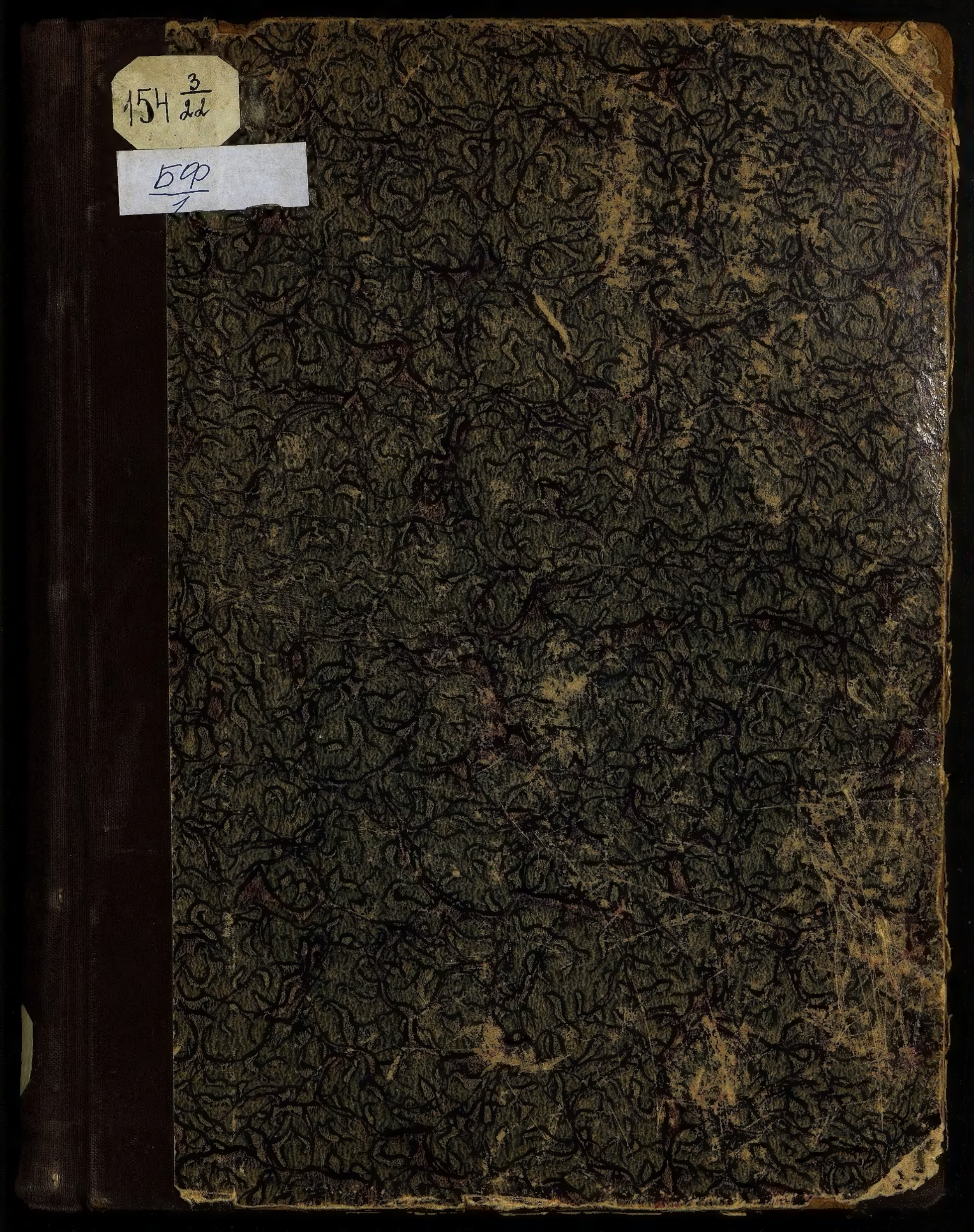

154 3/22
БФ 1

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
ГОРОДА КОСТРОМЫ.

ЧАСТЬ I.

СОСТАВИЛЪ
Членъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи
Л. Скворцовъ.

КОСТРОМА.
1913.

МАТЕРІАЛЫ
ДЛЯ ИСТОРІИ
ГОРОДА КОСТРОМЫ.

ЧАСТЬ I.

СОСТАВИЛЪ
Членъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи
Л. Скворцовъ.

КОСТРОМА.
Губернская Типографія.
1913.



Портретъ Царя Михаила Θеодоровича Романова, находящійся въ музеѣ Костромской Архивной Коммиссіи.



Общій видъ г. Костромы съ р. Волги.



ПРЕДИСЛОВІЕ.

Всякій, кто предприметъ трудъ познакомиться и прослѣдить исторію г. Костромы, ясно увидитъ, что этотъ городъ, основанный въ глубокой древности, принадлежитъ къ числу исконныхъ русскихъ городовъ, положившихъ прочный фундаментъ всему Русскому Государству. А кому неизвѣстно, сколько неурядицъ и невзгодъ, сколько горя и кровавой борьбы вынесла Русь за право своего существованія, прежде чѣмъ она окрѣпла и выросла въ могущественное государство. Крѣпкій фундаментъ, сплоченный такимъ цементомъ, какъ православная вѣра и преданность своимъ Князьямъ и Государямъ, выстоялъ, вынесъ на своихъ плечахъ всѣ невзгоды и послужилъ для постройки величественнаго зданія.

Хотя Кострома въ настоящее время и не представляетъ изъ себя по виду древняго города, благодаря весьма частымъ и опустошительнымъ пожарамъ, но она до сихъ поръ въ своемъ цѣломъ можетъ назваться памятникомъ, наглядной исторіей всего Русскаго Государства.

Одинъ изъ важнѣйшихъ моментовъ жизни Русскаго Государства есть, безъ сомнѣнія, татарскій погромъ, когда, по выраженію древнихъ лѣтописцевъ, «плакала земля русская кровавыми слезами» и рисковала быть совершенно стертой съ лица земли. И вотъ, подъѣзжая съ юга, съ низовьевъ Волги городу Костромѣ пред-

ставляется памятникъ этого погрома въ видѣ Татарской слободы, съ высящеюся среди нея мечетью, оканчивающеюся полумѣсяцемъ. За Татарской слободой, къ западу, расположенъ городъ, каждая пядь земли котораго полита кровью костромичей за освобожденіе отечества. Съ сѣвера городъ оканчивается Ипатіевскимъ монастыремъ, основаннымъ въ 1330 году, т. е. въ самый разгаръ татарскаго ига, и кѣмъ же основанный?—татариномъ, принявшимъ христіанство. Этотъ, на первый взглядъ ничтожный самъ по себѣ, фактъ, имѣетъ знаменательное и высокой важности значеніе. Крестъ, засіявшій надъ Ипатіевскимъ монастыремъ въ 1330 году, еще задолго до сверженія татарскаго ига, предзнаменовалъ собою побѣду его надъ полумѣсяцемъ. Крестъ побѣдилъ — значитъ побѣдила Русь. Переходъ татарина въ христіанство и построеніе имъ Ипатіевскаго монастыря отмѣчаютъ собою великій моментъ во всей исторіи Россіи — эту нравственную побѣду христіанства надъ магометанствомъ, а разъ такая побѣда совершилась, успѣхъ дальнѣйшей борьбы былъ обезпеченъ для Россіи. Моментъ построенія Ипатіевскаго монастыря знаменуетъ собою, такъ сказать, начало конца ненавистнаго татарскаго ига.

Черезъ 283 года послѣ своего основанія, въ 1613 г., Ипатіевскій монастырь снова дѣлается центромъ великихъ событій. Онъ участвуетъ въ освобожденіи отечества отъ враговъ и даетъ Россіи Царя, котораго благословляетъ на Царство древнѣйшая Костромская святыня — Чудотворная икона Θеодоровской Богоматери.

Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной минувшую судьбу,
Своихъ царей великихъ поминають
За ихъ труды, за славу, за добро—
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ . . .

А. Пушкинъ.

Человѣкъ есть сынъ земли своей, отпрыскъ своего народа, кость отъ костей, плоть отъ плоти своихъ предковъ, и его психическая природа есть ихъ природа съ отличительными качествами и недостатками, съ ея безсознательными стремленіями, ищущими сознательнаго выхода. Когда наша сознательная жизнь, выражающаяся во всѣхъ областяхъ творчества общественнаго, научнаго, художественнаго выростаетъ изъ этой почвы, наше творчество становится пышнымъ и сильнымъ подобно растенію, которое даетъ могучіе плоды, разъ оно беретъ питательные матеріалы изъ родной почвы.

К. П. Побѣдоносцевъ.

I.

Общія соображенія о доисторическомъ состояніи сѣвера Россіи. Скиѳы. Сарматы. Славяне. Финны. Меряне.

Сѣдая старина нашего отечества не оставила намъ письменныхъ памятниковъ, на основаніи которыхъ мы могли бы изобразить, какъ постепенно, шагъ за шагомъ, слагалась наша страна.

Но наука не остановилась передъ этимъ, повидимому, непреодолимымъ препятствіемъ и косвенными путями многое выяснила изъ темнаго до сихъ поръ доисторическаго прошлаго нашего отечества. Такими косвенными, но вѣрными путями были: сравнительная этнографія, свидѣтельства древнихъ историковъ и географовъ, сравнительное языкознаніе и археологія.

Изученіе матеріаловъ, собранныхъ Костромской ученой архивной комиссіей, выясняетъ, что Костромская губернія была уже обитаема въ, такъ называемомъ, каменномъ вѣкѣ, на что указываютъ добытыя

посредствомъ раскопокъ каменные топоры, ножи, кремневыя сѣкиры, кости мамонта и носорога. Археологическое изученіе каменнаго вѣка показало, что жилищемъ человѣка въ то время служили естественныя или искусственныя пещеры и ямы; что человѣкъ питался почти только животною пищею, добываніе которой и было его главной заботой; что одеждой ему служили шкуры звѣрей, а острые зубы животныхъ, съ просверленными въ нихъ отверстіями, служили вмѣсто иглы.

«Въ доисторическія еще времена, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, степи Азіи постоянно выкидывали на равнину Европейской Россіи множество кочевыхъ племенъ. Въ числѣ ихъ первыми были Скиѳы, затѣмъ Сарматы, Готы, Гунны, дунайскіе Болгары и другіе, не оставившіе намъ своихъ именъ, кочевники, жившіе по берегамъ Волги и Камы, и, наконецъ, монголы» [1]). Кавказскія горы и великія ворота между Уральскими горами и Каспійскимъ моремъ съ самыхъ древнѣйшихъ временъ служили путемъ въ Европу для этихъ кочевыхъ народовъ.

Народы, населяющіе Западную и Южную Европу, каковы Кельты, Нѣмцы, Литовцы, Греки и Римляне, съ незапамятныхъ временъ и вышли въ Европу, черезъ великія ворота, изъ областей Ирана, этой прародины народовъ индо-европейскаго происхожденія. Наука сравнительнаго языкознанія безспорно доказала, что и Славяне, по своему языку, принадлежатъ къ той же семьѣ индо-европейскихъ народовъ. Такъ, напр., понятіе матери въ индійскомъ языкѣ выражается словомъ mâtr, отсюда на языкахъ: зендскомъ—mata, персидскомъ—mader, греческомъ—meter, латинскомъ—mater, германскомъ—mutter, славянскомъ—мати; pitr—отецъ, отсюда: на зендскомъ—pata, персидскомъ—pader, греческомъ—pater—atta, латинскомъ—pater, германскомъ fater—papa, славянскомъ—батя, папа [2]).

Кромѣ того принадлежность Славянъ къ народамъ индо-европейскимъ доказывается еще историческими и географическими данными и данными археологіи.

---

[1]) Бестужевъ-Рюминъ. Русск. Истор., стр. 1—6.
[2]) Д. Я. Самоквасовъ. Исторія Русск. права, вып. II, стр. 6—21.

Когда же славяне переселились въ Европу? Сопоставляя несомнѣнныя историческія данныя, что въ первые вѣка *до* Рожд. Христ. области Европы между Дунаемъ, Дономъ и Чернымъ моремъ были населены Скиѳами и что въ первые вѣка *послѣ* Рожд. Христ. эти же самыя страны населялись многочисленнѣйшимъ народомъ Венетами-Славянами, Д. Я. Самоквасовъ совершенно справедливо задается вопросомъ, куда же вдругъ безслѣдно пропали Скиѳы и откуда появился такъ же неожиданно многочисленнѣйшій народъ Славяне,— и рѣшаетъ это весьма естественнымъ путемъ, именно, что Скиѳы первыхъ вѣковъ до Р. Х. были прямыми предками Славянъ позднѣйшихъ временъ, т. е. что Скиѳы и Славяне — одинъ и тотъ же народъ, и Европейская Скиѳія есть прародина Славянскаго народа. Этотъ логическій выводъ подтверждается многими другими неопровержимыми данными. Такъ древнѣйшіе географы и историки—Ефоръ, Ератосѳенъ и Страбонъ—помѣщаютъ родину Скиѳскаго народа по ту сторону Кавказскихъ горъ и Каспійскаго моря за рѣкою Яксартомъ. Позднѣйшій историкъ Геродотъ говоритъ, что Скиѳы занимали равнину, лежавшую на востокъ отъ Каспійскаго моря; отсюда слѣдуетъ, что прародиной Европейскихъ Скиѳовъ были области, лежавшія по рѣкамъ Оксу и Яксарту, т. е. тѣ же области, откуда вышли всѣ индо-европейскіе народы и Славяне. Геродотъ приводитъ преданіе, по которому отъ союза Геркулеса съ дѣвою-чудовищемъ, жившей на Днѣпрѣ, родились три сына: Агафирсъ, Гелонъ и Скиѳъ, которые и сдѣлались родоначальниками трехъ европейскихъ народовъ: Агафирсовъ, Грековъ и Скиѳовъ [1]. Это историческое преданіе имѣетъ большую важность, потому что оно указываетъ на родственную связь между Скиѳами и народами несомнѣнно индо-европейскими, каковы Агафирсы и Греки. Нѣкоторыя, дошедшія до насъ, скиѳскія слова также указываютъ, что Скиѳы принадлежали къ народамъ индо-европейскимъ. Такъ въ общеплеменномъ имени Скиѳовъ «Enarei» встрѣчается индо-европейскій корень nar—мужъ, персидскій nar—мужъ, греческій aner—мужъ, славянскій—народъ. Скиѳское слово maga—это: персидское—mase,

---

[1]) Самоквасовъ, ibid., стр. 19 и 20.

латинское—magnum, славянское—масса. Скиѳскій напитокъ—medos—тоже, что латинское—mel, славянское—медъ [1]).

Приводя рядъ всевозможныхъ доказательствъ, Д. Я. Самоквасовъ говоритъ, что скиѳская исторія, географія, этнографія, миѳологія, антропологія и археологія единогласно свидѣтельствуютъ о ближайшемъ родствѣ и единствѣ происхожденія Скиѳовъ съ народами индо-европейскими.

Неизвѣстно, когда именно началось переселеніе Скиѳовъ изъ Азіи въ Европу, но, по свидѣтельству Ефора, Страбона и другихъ древнѣйшихъ европейскихъ писателей, Скиѳы извѣстны были въ Европѣ уже во времена Гомера, Гезіода и Есхила. Переселеніе въ VII вѣкѣ до Р. Х. племени Паралатовъ (царскихъ Скиѳовъ) изъ областей закаспійскихъ было уже послѣднимъ движеніемъ Скиѳовъ изъ Азіи въ Европу.

По окончаніи, въ VII вѣкѣ, своей колонизаціи въ Европу, различныя скиѳскія племена, описанныя Геродотомъ подъ общимъ именемъ Скиѳовъ, у писателей первыхъ столѣтій послѣ Р. Х. получаютъ другое названіе—Сарматовъ, а, начиная съ VI вѣка, уже называются Славянами. Что это былъ одинъ и тотъ-же народъ, только подъ другимъ общимъ названіемъ, доказывается многочисленными фактами сравнительнаго языкознанія, этнографіи, археологіи и проч. Такъ, сравненіе скиѳскаго языка съ славянскимъ (см. выше), религіозные обычаи Скиѳовъ и Славянъ (оба народа не имѣли кумировъ, храмовъ и особой касты жрецовъ), ихъ одинаковый способъ погребенія покойниковъ со всѣми многочисленными обрядами, содержаніе могилъ, человѣческія жертвоприношенія, любовь и особенное пристрастіе къ гадателямъ, знахарямъ и прорицателямъ, пареніе въ баняхъ посредствомъ воды, изливаемой на раскаленные камни, одежда, наружность—вся эта общность и во многомъ полная тождественность ясно указываютъ на весьма близкое родство Скиѳовъ съ Славянами. Д. Я. Самоквасовъ приводитъ мнѣніе профессора Прохорова, который изучалъ скиѳскія и славянскія древности, что «многіе изъ древнѣйшихъ памятниковъ, относящихся къ обстановкѣ

---

[1]) Самоквасовъ, ibid., стр. 48.

быта Скиѳовъ, повторяются въ послѣдующихъ періодахъ жизни Славяно-Руссовъ, даже въ періодѣ христіанскомъ». Въ журналѣ «Трудолюбивая Пчела», издававшемся въ Петербургѣ въ 1759 году, ученый авторъ, скрывшійся подъ литерами А. С., говоритъ, что «русскій языкъ произошелъ безъ сомнѣнія отъ скиѳскаго, который начался близко источника первоначалія извѣстныхъ языковъ, хотя скиѳскій языкъ и на многочисленныя нарѣчія раздѣлился, однако сходство съ нашимъ во всемъ ясно видно, какъ съ языкомъ нѣмецкимъ, которой съ нашимъ безъ всякаго сомнѣнія единоутробенъ по сходству великаго числа словъ и корня ихъ» [1]).

Итакъ, Скиѳы, подобно другимъ европейскимъ народамъ, переселившись съ незапамятныхъ временъ въ Европу, къ концу IV в. до Р. Х. объединились между собою подъ властью племени Паралатовъ (царскихъ Скиѳовъ) и образовали богатое и сильное государство «Великую Скиѳію», которая по Геродоту начиналась ниже устья Дуная, у залива Фракійскаго, и отсюда простиралась по берегу моря до устья рѣки Танаиса (Дона), за исключеніемъ гористой части Крыма, которую занимали народъ Тавры. Рѣка Танаисъ отдѣляла ее отъ земель Сарматовъ; на сѣверѣ она прилегала къ необитаемымъ пустынямъ, за которыми жили Андрофаги, Меланхлены и Гипербореи; наконецъ, на западѣ и сѣверо-западѣ Скиѳія граничила съ землями Агафирсовъ и Невровъ.

Нашъ древнѣйшій русскій лѣтописецъ также свидѣтельствуетъ, что «Дулеби живяху по Бугу, гдѣ нынѣ Волыняне, а Уличи и Тиверци сѣдяху по Днѣстру, по Бугу и по Днѣпру и присѣдяху къ Дунаеви; и бѣ множество ихъ сѣдяху по Днѣстру и по Бугу, и по Днѣпру оли до моря; и суть города ихъ до сего дне: да то ся зовяху отъ Грекъ «Великая Скуѳь».

Въ 399 году до Р. Х. Филиппъ, царъ Македонскій, напалъ на Скиѳовъ и побѣдилъ ихъ, захвативъ въ плѣнъ до 20,000 скиѳскихъ женщинъ и дѣтей. Этой побѣдой воспользовались Сарматы, жившіе за рѣкою Танаисомъ, и двинулись въ предѣлы Скиѳіи. Но такъ какъ Сарматы, по свидѣтельству всѣхъ древнихъ историковъ,

---

[1]) «Трудолюбив. Пчела», Февраль 1759 г., стр. 93.

были родственны Скиѳамъ и употребляли языкъ скиѳскій, то легко смѣшались съ ними и уже во II в. до Р. Х. образовали особое царство, называемое Греками царствомъ Гетовъ, а Римлянами—царствомъ Даковъ. Геродотъ сообщаетъ преданіе, по которому Сарматы произошли отъ смѣшенія Амазонокъ съ скиѳскими юношами, что также удостовѣряетъ, что Сарматы принадлежали къ скиѳскому племени. Въ древней лѣтописи Димитрія Митрополита Ростовскаго также удостовѣряется, что «Савромація или Сармація страна есть вся въ той же Европѣ, третьей части свѣта, жребія Іафетова, обаче сугуба есть, едина скиѳская, идѣ-же нынѣ обитаютъ Скиѳы» [1].

Ипполитъ Богдановичъ въ своемъ «Историческомъ изображеніи Россіи»,—сочиненіи, посвященномъ Императрицѣ Екатеринѣ II, говоритъ, что «писатели древностей производятъ Славянъ отъ Скиѳовъ, а нѣкоторые ведутъ ихъ отъ народовъ еще болѣе древнихъ и даже отъ Мосоха одного изъ дѣтей Афетовыхъ. Древность всѣхъ первоначальныхъ племенъ и языковъ имѣла свои степени, и Славяне долженствовали испытать общую всѣмъ превратность. Исторія являетъ, что народы славянскіе стали быть болѣе извѣстны въ первомъ вѣкѣ по Рождествѣ Христовѣ. Они разсѣяны были въ сей пространной Азіатской и Европейской части, которая называлась Сармаціею, почему и языкъ ихъ называли тогда вообще сарматскимъ [2].»

Раскопки самаго послѣдняго времени подтверждаютъ мнѣніе Самоквасова и др. Такъ, графомъ А. А. Бобринскимъ при раскопкахъ въ Кіевской губ., въ окрестностяхъ его имѣнія «Смѣла», найдены скиѳо-сарматскія древности въ видѣ большихъ бронзовыхъ котловъ, относящихся къ періоду отъ II вѣка до Р. Х. по III вѣкъ по Р. Х.

Въ Воронежской губерніи найдена, при раскопкахъ кургановъ близъ города, полная скиѳская обстановка, относящаяся къ времени отъ VII вѣка до Р. Х. и не позже III вѣка по Р. Х. При этихъ же раскопкахъ найдена прекрасно сохранившаяся въ орнаментѣ скиѳская серебряная ваза, вышиною около $^{1}/_{4}$ аршина.

Въ началѣ II в. послѣ Р. Х. Гето-Дакійское царство было покорено Римлянами, и съ этого времени началось переселеніе гето-

---

[1]) Димитрій Митроп. Ростовскій, ч. IV, о началѣ древняго Словенскаго народа. Стр 7.
[2]) Иппол. Богдановичъ. Историч. изображ. Россіи. Стр. 16, 17 и 19.

дакійскихъ племенъ въ центральныя области Европы, на берега рѣкъ Вислы, Буга, Припети, Днѣпра, Десны, Сейма, Сожа и Оки. Здѣсь, на новыхъ мѣстахъ, они получаютъ новыя мѣстныя имена и новое общее названіе «Славянъ». «Також и ти Словѣне пришедше и сѣдоша по Днѣпру и нарекошася Поляне, а друзіи Древляне, зане сѣдоша въ лѣсахъ, а друзіи сѣдоша между Припетью и Двиною и нарекошася Дреговичи, а друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася Сѣверъ. Пришедше сѣдоста Радимъ на Сожю, прозвашася Радимичи, а Вятко сѣдѣ съ родомъ своимъ по Оцѣ, отъ негоже прозвашася Вятичи»[1]). Трудно сказать, откуда произошло общее названіе народа — Славяне. Въ сочиненіи Димитрія, Митрополита Ростовскаго, говорится: «той-же народъ (Славяне), расширився на странахъ полунощныхъ, восточныхъ, полуденныхъ и западныхъ, прочихъ всѣхъ силою, мужествомъ и храбростію превзыде, страшенъ и славенъ всему свѣту бысть, яко вси древніи и достовѣрніи лѣтописцы свидѣтельствуютъ, и отъ славныхъ дѣлъ своихъ, наипачеже воинскихъ, Славянами или Славными зватися начаша» [2]).

Древній русскій историкъ Ипполитъ Богдановичъ пишетъ, что «Слава, какъ видно, была въ древности особымъ божествомъ Славянъ, которые отъ нея заимствовали по справедливости свое имя. Между прочими областями Славяне и городъ Славенскъ, находившійся неподалеку отъ нынѣшняго Новагорода, являются давно извѣстны. Сей послѣдній знаемъ былъ въ пятомъ вѣкѣ, древность же города Славенска простирается до временъ апостольскихъ; и, по самой неизвѣстности его начала, о давнемъ бытіи его сомнѣватися не можно. Вскорѣ по Христѣ св. апостолъ Андрей Первозванный, проповѣдуя Евангеліе и водрузивъ Крестъ на горѣ, гдѣ нынѣ Кіевъ, былъ потомъ у Славянъ въ Славенскѣ. Видны еще и нынѣ развалины города сего. Предки Славянъ во всѣхъ полагаемыхъ ихъ происхожденіяхъ отличались всегда любленіемъ нѣкоторой Славы и твердыми обычаями, кои служили имъ вмѣсто законовъ. Славный народъ дѣлами возгремѣлъ въ свѣтѣ приличнымъ ему именемъ, подъ управленіемъ Государей Славянскихъ, въ шестомъ

[1]) Лѣтопись Нестора.
[2]) Димитрій Митроп. Ростовскій, ч. IV. Стр. д҃.

вѣкѣ, въ царство Юстиніана Великаго. Владѣтели разныхъ племенъ древняго сего народа, хотя не назывались всѣ славянскими, но, сохраняя нѣкоторымъ образомъ общественное ихъ титло, придавали къ собственнымъ именамъ своимъ однозначущія окончанія и назывались Святославы, Изъяславы, Владиславы, Премиславы, Венцеславы, Мечиславы и проч. Тоже видно въ свойственныхъ сему народу припѣвахъ, каковые донынѣ еще слышатся въ остаткахъ нѣкоторыхъ древнихъ славянскихъ пѣсней, въ коихъ припѣвается всегда «слава» [1]).

Занявши среднюю Европу и необитаемыя пустыни, за которыми, по свидѣтельству Геродота, жили Андрофаги, Меланхлены и Гипербореи, Славяне пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ этими народами.

Геродотъ, описывая эти народы полунощной Европы, выдаетъ своимъ единоземцамъ за чудо, что они на полгода обращаются въ волковъ (одѣваясь зимой въ звѣриныя шкуры) и что воздухъ въ этихъ мѣстахъ въ продолженіи 8 мѣсяцевъ бываетъ наполненъ летающими перьями (снѣгъ).

Римскій историкъ Тацитъ, жившій въ I в. по Р. Х., указываетъ, что въ полунощной Европѣ жили Финны, народъ дикій, бѣдный, не имѣющій ни оружія, ни пенатовъ, питающійся травой, покрывающій свою наготу звѣриными кожами и не имѣющій даже жилищъ, укрываясь отъ непогоды подъ сплетенными вѣтвями [2]).

Позднѣйшіе историки уже раздѣляютъ Финновъ на различныя народности: Мордву, Чудь, Весь, Мерю. Готскій историкъ Іорнандъ [3]) упоминаетъ, что готскій царь Германрихъ въ IV вѣкѣ покорилъ финскія племена Мерю, Мордву и другія. У нашихъ русскихъ лѣтописцевъ мы находимъ уже положительныя свѣдѣнія о распредѣленіи различныхъ финскихъ племенъ по сѣверу и сѣверо-востоку Россіи: «на Бѣлоозерѣ сѣдятъ Весь, а на Ростовѣ озерѣ — Меря, а на Клещинѣ Озерѣ (Переяславскомъ) — Меря-же, по Оцѣ рѣцѣ, гдѣ потече въ Волгу — Мурома, языкъ свой, и Мордва — свой языкъ. Первіи насельницы въ Новѣгородѣ — Словене, въ Ростовѣ — Меря». Названія нѣкоторыхъ мѣстностей и рѣкъ указываетъ, что Меряне

[1]) Истор. изображ. Россіи. Стр. 15, 17, 19 и 20.
[2]) Карамзинъ. Исторія. Т. I., гл. 2.
[3]) Бестужевъ-Рюминъ. Русск. Исторія. Гл. I, стр. 65.

населяли земли, граничащія рѣкою Москвою, а также земли по лѣвой сторонѣ верхней Волги, отъ рѣки Мологи и Шексны до рѣки Унжи.

Въ Костромской губерніи до сихъ поръ во многихъ мѣстахъ сохранились названія, свидѣтельствующія о томъ, что здѣсь обитали Меряне: Галичъ Мерскій, Мерехта (Нерехта), озеро Мерево, близъ Нерехты, рѣка Мера, въ Кинешемскомъ и Костромскомъ уѣздахъ, гора Мерская съ рѣченкой того-же имени, въ 11 верстахъ отъ г. Костромы по Вологодскому тракту, рѣка Станимерь, въ Костромскомъ уѣздѣ близъ Нерехтскаго, и озеро Мерское, Шунгенской вол., которая непосредственно примыкаетъ къ гор. Костромѣ и еще въ прошломъ столѣтіи числилась въ такъ называемомъ Мерскомъ стану.

Изъ этихъ историческихъ данныхъ мы можемъ съ достовѣрностью заключить, что первобытнымъ народомъ, населявшимъ Костромскую губернію, были Финны, именно Меряне. Археологическія изслѣдованія удостовѣряютъ, что Меряне имѣли уже значительно развитую культуру: желѣзные мечи, топоры, серпы, сохи, замки, гвозди, глиняную посуду и различныя украшенія [1]). Меряне, благодаря воднымъ системамъ Оки и Волги, еще въ VII и VIII в.в. развили торговыя сношенія съ Востокомъ и Сѣверомъ, чрезъ посредство волжскихъ Болгаръ, и въ началѣ X вѣка—съ норманскихъ Западомъ, черезъ Новгородъ. Съ востока Меряне получали стеклянныя, золоченыя, серебряныя и бронзовыя бусы, привѣски, перстни, бляшки, пуговицы, съ запада—бусы изъ горнаго хрусталя, аметиста и сердолика, датскія желѣзныя сѣкиры и британскіе наконечники копій. Все это вымѣнивалось на дрогоцѣнные мѣха пушныхъ звѣрей, въ изобиліи находившихся въ дремучихъ лѣсахъ, среди которыхъ обитали Меряне [2]).

Въ 859 году по Р. Х., по сказанію лѣтописи Нестора, смѣлые и храбрые завоеватели Варяги (Скандинавцы), пришедшіе изъ-за Варяжскаго моря (Балтійскаго), покорили Славянъ Ильменскихъ, Кривичей, Чудь, Мерю и наложили на нихъ дань, но скоро были изгнаны: «всташа же Новгородцы, Кривичи и Меря, и Чудь на

[1]) Раскопки въ Ярославск., Владимірск. и Костромск. губерніяхъ.
[2]) Н. Полевой. Очерки русск. исторіи въ памятникахъ быта. II Стр. 136—150.

Варяги и изгнаша ихъ за море, и начаша владѣти сами себѣ и города ставити, и бысть межъ ими рать, градъ на градъ, не бяше правды». Изъ этого историческаго свидѣтельства лѣтописи видно, что всѣ эти племена соединились между собой для борьбы съ общимъ врагомъ, отъ котораго и освободились, но, въ то же время, сами между собой они не могли ужиться въ мирѣ (вста градъ на градъ и воевать начаша сами на ся) и принуждены были для подавленія неурядицъ (не бяше бо правды) вызвать тѣхъ-же варяжскихъ князей для княженія надъ ними. Что не одни Новгородцы участвовали въ призваніи Рюрика на княженіе, о томъ свидѣтельствуютъ лѣтописи Архангельская, Никоновская и Софійская, которыя причисляютъ и Финскія племена Чудь, Весь и Мерю къ числу племенъ, вызвавшихъ варяжскихъ князей. Изъ этихъ историческихъ данныхъ можно заключить, что уже въ то время у Финновъ были какіе-то общіе со Славянами интересы, заставлявшіе ихъ дѣйствовать совмѣстно. Такимъ связующимъ звеномъ между Славянами и Финнами, по мнѣнію изслѣдователей, была славянская колонизація среди Финновъ. Русскій историкъ Бестужевъ-Рюминъ [1]) говоритъ, что славянская колонизація среди Финновъ началась еще во времена доисторическія, что доказывается славянскими именами городовъ: у Мерянъ — Ростовъ, у Веси — Бѣлоозеро, существовавшихъ еще до 862 года.

Легенды объ основаніи Ростова имѣютъ очень древнее происхожденіе. По одной изъ нихъ, сынъ египетскаго царя — Априсъ похитилъ у своего друга, потомка праотца Авраама, Росса Вандала, молодую жену, дочь скиѳскаго царя Риссона, прилетѣлъ на крылатомъ конѣ въ Гиперборейскую страну, гдѣ люди полгода спятъ и полгода бодрствуютъ, и спустился въ городѣ Горицы, на берегу озера Неро, гдѣ царствовалъ Бруговщина. Обиженный мужъ, вмѣстѣ съ братомъ похищенной царевны, узнавъ по звѣздамъ мѣстонахожденіе Априса, собралъ дружину, отправился въ походъ, нашелъ обидчика и убилъ его. Мѣсто, гдѣ расположилось войско Росса, было названо «Россовъ станъ», и народъ, жившій тамъ, именовался «Меря». Всѣ эти имена соотвѣтствуютъ дѣйствительности: Ростовъ

---

[1]) Русская Исторія. Т. I, гл. 6.

находится на берегу озера «Неро», въ немъ сохранились названія Брутавщинскій ручей и Горицы (мѣстность, гдѣ Рождественская церковь, а ранѣе былъ женскій Горицкій монастырь). Древнѣйшее населеніе Ростовской земли составляли финскія племена Меря и Весь.

По другой легендѣ, въ Новгородѣ жилъ *царь Славянъ,* ему наслѣдовалъ сынъ Вандалъ, у котораго было 3 сына: Изборъ, Столпосвѣтъ и Владиміръ, который пришелъ въ «Россовъ станъ», прогналъ оттуда племя Мерю, взялъ городъ и назвалъ его «Ростовъ».

Историкъ Костомаровъ [1]) говоритъ, что Ростово-Суздальская земля, въ районъ которой входила и Кострома, образовалась такъ: «славянское населеніе наплыло туда изъ Новгородской земли, посунулось изъ сосѣдней вятской и дополнилось переселенцами съ юга, которые шли туда въ толпахъ княжескихъ дружинъ, по раздѣленіи русскаго міра на отдѣльныя княженія. Эти славянскіе пришельцы смѣшались съ туземцами Восточно-Финскаго племени, и изъ такой смѣси образовался Великорусскій народъ».

Довольно быстрой колонизаціи славянъ много способствовалъ, съ одной стороны, самый характеръ Финновъ, который, по свидѣтельству Тацита, отличался миролюбивостью и уступчивостью, съ другой, наоборотъ, дѣятельный и промышленный характеръ Славянъ Новгородскихъ. Славянская колонизація шла преимущественно по двумъ направленіямъ, а именно: изъ земли Вятской по рѣкѣ Окѣ и Новгородцевъ по рѣкамъ Мстѣ, Тихвинкѣ, Мологѣ и Шекснѣ—въ верховья Волги.

Извѣстный археологъ графъ Уваровъ [2]) говоритъ, что быстрое ославяненіе Мерянъ подтверждается и курганными раскопками. Такъ, въ курганахъ, находящихся близъ селеній съ названіями, чуждыми духу славянскаго языка, изслѣдователи находили слѣды обоихъ обрядовъ погребенія, т. е. сожиганія и простого погребенія, безъ сожженія. Между тѣмъ, какъ въ могилахъ, находящихся близъ поселеній съ славянскими названіями, слѣдовъ сожиганія тѣлъ уже не встрѣчается.

---

[1]) Исторія. Т. I, стр. 21.
[2]) Меряне и ихъ бытъ по курганнымъ раскопкамъ.

II.

Первыя лѣтописныя извѣстія о Костромѣ. Къ какому времени можетъ быть отнесено первоначальное возникновеніе Костромы? Различныя по этому вопросу мнѣнія. Первоначальное положеніе Костромы. Время перенесенія Костромы съ праваго берега Волги на лѣвый. Различныя догадки и объясненія слова «Кострома».

Итакъ, постепеннымъ но вѣрнымъ путемъ, именно посредствомъ колонизаціи, сначала чисто народной, а затѣмъ княжеской, финскія племена слились съ племенами славянскими, усвоивъ ихъ языкъ, ихъ обычаи, ихъ вѣру,—и уже въ XII вѣкѣ появляется обширная Ростово-Суздальская область, образовавшаяся изъ ославянившихся финскихъ племенъ — Мери, Веси, Муромы и части Черемисовъ.

Вскорѣ изъ Ростово-Суздальской области образовалось обширное и могущественное Владиміро-Суздальское княжество.

Въ числѣ городовъ Владиміро-Суздальскаго княжества *подъ 1213 годомъ* въ лѣтописяхъ *въ первый разъ* упоминается городъ Кострома.

Лѣтописцы, описывая вражду между братьями Константиномъ и Юріемъ Всеволодовичами изъ-за великокняжскаго Владимірскаго престола, говорятъ: «Константинъ же посла полкъ свой на Кострому и пожже ю всю, а люди изымаша» [1]). Изъ этихъ словъ ясно видно, что въ самомъ началѣ XIII в. Кострома уже существовала какъ городъ, а слѣдовательно основаніе ея было гораздо ранѣе этого времени. Отвѣтить на вопросъ, когда же именно былъ основанъ г. Кострома, весьма затруднительно, за неимѣніемъ точныхъ историческихъ данныхъ.

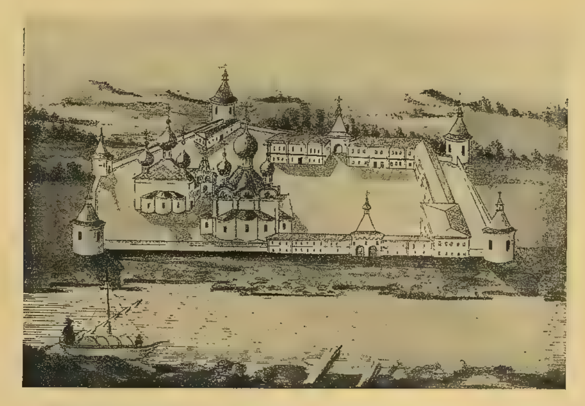
Татищевъ полагаетъ, что Кострома основана княземъ Юріемъ Долгорукимъ, сыномъ Владиміра Мономаха, въ 1152 году.

---

[1]) Карамзинъ. Т. III, глава IV, примѣч. 154.



Село Городище, первоначальное мѣсто Костромы.



Видъ Костромского Ипатіевскаго монастыря 1613 года.

Князь Александръ Козловскій [1]) въ своемъ трудѣ «Взглядъ на исторію Костромы» говоритъ, что 1152 годъ есть вѣрнѣйшая эпоха, означающая время построенія Костромы. Е. А. Бѣловъ [2]) приписываетъ построеніе Москвы, Дмитрова, Костромы, Галича Мерянскаго и Стародуба князю Юрію Долгорукому. Карамзинъ нигдѣ не упоминаетъ о годѣ основанія Костромы. Историкъ Соловьевъ [3]) говоритъ, что Кострома построена въ эпоху стремленія сѣверныхъ князей распространять колонизацію внизъ по Волгѣ. Членъ Костромской ученой архивной комиссіи И. В. Миловидовъ (нынѣ умершій) при рѣшеніи вопроса объ основаніи Костромы, кромѣ историческихъ данныхъ, пользовался еще и данными археологіи. Изслѣдованія археологовъ, въ особенности графа Уварова, показываютъ, что въ Ростово-Суздальской землѣ еще во времена Мерянъ существовало много городищъ или городковъ, расположенныхъ не въ далекихъ другъ отъ друга разстояніяхъ; въ теперешнемъ Костромскомъ уѣздѣ ихъ найдено три, а именно: городокъ близъ села Черной Заводи, Чернозаводской волости, городище противъ города Костромы и городище около села Минскаго, Пушкинской волости. Находимые въ городищахъ желѣзные предметы, груды угля, разбитые черепки и слѣды деревянныхъ строеній, по мнѣнію графа Уварова [4]), пріурочиваютъ эти насыпи къ эпохѣ желѣзнаго вѣка, слѣдовательно къ тому времени, когда эти мѣстности были заняты мерянскимъ племенемъ. Эти-то городища, или, по крайней мѣрѣ, нѣкоторыя изъ нихъ, служа защитой отъ враговъ, и составили основаніе для будущихъ городовъ. Въ селѣ Городищѣ, расположенномъ на правомъ нагорномъ берегу Волги, противъ нынѣшняго города Костромы, до сихъ поръ сохранились признаки глубокихъ рвовъ, одного—съ юго-западной стороны, а другого—у Спасской слободы. Это указываетъ, что на томъ мѣстѣ въ глубокой древности былъ городъ, оставленный впослѣдствіи по какимъ либо причинамъ. При осмотрѣ мѣста, занимаемаго

[1]) Взглядъ на исторію Костромы, стр. 5.
[2]) Е. А. Бѣловъ. Русская исторія, стр. 65.
[3]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. I, стр. 31.
[4]) Уваровъ. О бытѣ Мерянъ по курганнымъ раскопкамъ. Стр. 46, 47, 48.

Городищемъ, говоритъ И. В. Миловидовъ [1]), можно замѣтить, что возвышеніе, на которомъ находится церковь и сельцо, господствуетъ надъ окрестностью и даетъ поводъ предполагать, что оно несполна естественное, но увеличено еще и насыпною землею. Кромѣ того, изъ разспросовъ жителей И. В. Миловидовъ узналъ, что здѣсь при рытьѣ находили въ землѣ срубы вродѣ погребовъ, черепки и монеты весьма древняго происхожденія. Членами Костромской архивной комиссіи Н. М. Бекаревичемъ и І. Д. Преображенскимъ найдены были здѣсь кремневые осколки, кости животныхъ, кремневой наконечникъ копья и черепки глиняной посуды съ орнаментомъ на наружной поверхности, состоящимъ изъ различнаго рода вдавленій, расположенныхъ или правильными рядами, или ввидѣ ромбовидныхъ рисунковъ [2]). Все это, по мнѣнію г. Миловидова, указываетъ на то, что на мѣстѣ нынѣшняго сельца Городища первоначально существовалъ мерянскій городокъ, названный Костромою, въ честь древняго языческаго божества. Самое названіе этого города славянскимъ именемъ «*Кострома*» показываетъ, что этотъ городъ основанъ былъ уже въ эпоху начавшагося сліянія мерянъ со славянами, т. е. въ началѣ второй половины IX вѣка. Мнѣніе г. Миловидова о первоначальномъ возникновеніи города Костромы можетъ считаться наиболѣе вѣроятнымъ. Вѣроятность увеличивается еще тѣмъ, что до сихъ поръ живетъ среди Костромичей старинное преданіе, указывающее на Городище, какъ на бывшее мѣсто теперешняго города Костромы. Приводимъ это преданіе, записанное въ 50-хъ годахъ прошлаго столѣтія.

«Было это при князѣ Юріи Долгорукомъ. А княжилъ онъ во городѣ Владимірѣ. Князь Юрій былъ княземъ Великимъ, сирѣчь старшимъ, и всѣ князья русскіе ему повиновались какъ старшему брату и ничего безъ его совѣта не дѣлали. Костромы-то, голубушки нашей, тогда еще не было, а были на этомъ мѣстѣ лѣса непроходимые, темныя дремучія дебри, на берегу-то нижняя, а повыше верхняя дебря назывались, да и до сей поры улицы такъ зовутся. Ну, извѣстно, кто будетъ жить въ лѣсу дремучемъ, какъ не раз-

[1]) И. В. Миловидовъ. Очеркъ исторіи Костромы. 1885 г.
[2]) Доклады Костр. губерн. учен. архив. комис., 1895 г., стр. 21—28.

бойники, удалая вольница придорожная. Да такая тутъ поселилась вольница, что и Ярославлю городу жутко отъ нея подчасъ приходилось; а по Волгѣ и говорить нечего, ужъ совсѣмъ проѣзду не было. Вотъ и думаетъ думу князь Ярославскій, какъ ему избыть бѣды неминучей, какъ извести проклятую вольницу: «Войной идти на нихъ, воинства у меня мало, да и гдѣ переловить ихъ: влѣзутъ на деревья, да и перестрѣляютъ оттуда мою дружину. Посовѣтуюсь-ка со старшимъ братомъ». И ѣдетъ князь Ярославскій къ князю Володимірскому. Князь Юрій дорогого гостя встрѣчаетъ, за бѣлы руки принимаетъ, за дубовые столы сажаетъ; а великая княгиня своими бѣлыми руками чару меду наливаетъ, подноситъ дорогому гостю и цѣлуетъ его во уста. И такъ князья пируютъ, прохлаждаются три дня, а сами думу думаютъ, совѣтъ ведутъ. И надумались князья идти на Волгу съ воинствомъ: сперва выжечь лѣса дремучіе, а потомъ полонить вольницу. Вздумано, сдѣлано. Потянулись князья съ дружинами Володимерскими къ Ярославлю, а оттуда сѣли на ладьи, да и спустились по Волгѣ; и стали они станомъ на томъ берегу, а на этотъ переѣхали охотники выборные, да и зажгли лѣсъ. И занялась дебря моремъ пламеннымъ, и разлилось это море по всѣмъ концамъ, и отъ того великаго пожару подернулось небо кровавымъ заревомъ. Такой трескъ пошелъ по лѣсу, что волосъ дыбомъ становился у самыхъ храбрыхъ воиновъ княжескихъ. Вспѣнилась, закипѣла, забушевала Волга-матушка волнами красными. Любуются князья съ того берега на страшное пожарище. Испугались разбойники и изъ нижней дебри бросились въ верхнюю; да и тамъ дымъ имъ сталъ глотки захватывать. Атаманъ ихъ былъ изъ татаръ, слылъ богатыремъ и назывался Чувиль-Гроза. Онъ, видя послѣдній часъ своему молодечеству, созвалъ на совѣтъ свою шайку и сказалъ имъ зычнымъ голосомъ: «Гой еси вы, братцы-товарищи, приволжская вольница, знать насталъ, наступилъ нашъ послѣдній часъ, минуемъ-ли мы смерти лютыя? Нѣтъ теперь у насъ легкихъ лодочекъ, всѣ сгорѣли они при берегѣ, а добрые кони отъ страху задыхаются. Мы пойдемъ, побѣжимъ въ лѣса Муромскіе; здѣсь намъ остаться — живьемъ сгоримъ. А князьямъ въ руки предаться, станетъ дружина княжеская надъ нами потѣшаться, и не весело намъ будетъ на

сосенкахъ, да на елочкахъ покачиваться. Сгорѣли лѣса дремучіе и дебри непроходимыя, дружины княжескія очистили мѣсто, и вскорѣ на этомъ мѣстѣ закрасовался городъ Кострома—удѣлъ княжества Володимерскаго» [1]).

За неимѣніемъ вполнѣ точныхъ данныхъ и это преданіе имѣетъ цѣнность, хотя бы уже потому, что, какъ говоритъ одинъ французскій историкъ, «la legende et la tradition vivante trois fois sur quatre est plus vraie, que l'histoire» [2]). Народная память, говоритъ Бестужевъ-Рюминъ, [3]) знаетъ и помнитъ своихъ героевъ, а Щаповъ [4]), упоминая о свято-русскомъ могучемъ богатырѣ «Егоріи Храбромъ», объѣзжающемъ землю русскую и устанавливающемъ въ ней новые гражданскіе порядки среди лѣсовъ дремучихъ и горъ толкучіихъ, говоритъ, что подъ этимъ именемъ народъ вспоминаетъ князя Юрія Долгорукаго.

Извѣстно, что самымъ дѣятельнымъ и энергичнымъ колонизаторомъ Ростово-Суздальской земли былъ князь Юрій Долгорукій. «И началъ, говоритъ Татищевъ [5]), Юрій строить въ области своей многіе города, созывая людей отовсюду, которымъ не малую ссуду давалъ и въ строеніяхъ и другими подаяніями помогалъ, въ которые приходя, множество Болгаръ, Мордвы, Венгровъ, кромѣ русскихъ, селились и предѣлы яко многими тысячи людей наполняли», Карамзинъ [6]) говоритъ, что Юрій открылъ пути въ лѣсахъ дремучихъ, оживилъ дикія мертвыя пустыни знаменіями человѣческой дѣятельности, основалъ новыя селенія и города, украшалъ ихъ для своего воображенія именами южныхъ городовъ. Безошибочно можно сказать, что въ дѣлѣ колонизаторства Ростово-Суздальской земли Юрій поставилъ себѣ за образецъ Владиміра Святого, который, исходя изъ мысли, что «не добро, еже есть мало городовъ около Кіева, нача ставити города по Деснѣ и по Трубежу, и по Сулѣ, и нача избирати мужи лучшіе отъ Словенъ, отъ Кривичъ, отъ Чуди, и отъ сихъ посели грады».

1) А. Кобяковъ. Современникъ. 1858 г. Т. LXVIII.
2) Легенда и живое преданіе черезъ три раза въ четвертый болѣе вѣрны, чѣмъ исторія.
3) Русская исторія, стр. 187.
4) Очерки народнаго міросозерцанія.
5) Книга III, стр. 76.
6) Исторія Госуд. Россійск. Т. II, глав. XIV, стр. 166.

Юрій Долгорукій, сынъ Великаго Князя Владиміра Мономаха, родился на югѣ, провелъ тамъ свое дѣтство и юность и, посланный отцомъ въ сѣверный Суздальскій удѣлъ, никакъ не могъ примириться съ сѣверомъ и постоянно стремился на родной югъ.

«Юрій, говоритъ Карамзинъ, въ наслѣдственномъ своемъ сѣверо-восточномъ удѣлѣ видѣлъ небо суровое, дикія степи, дремучіе лѣса, народъ грубый и считалъ себя изгнанникомъ». Вотъ почему, когда, по старшинству въ родѣ, ему досталась очередь быть Великимъ Княземъ, онъ безъ колебанія и сожалѣнія бросилъ свой сѣверный удѣлъ и уѣхалъ въ Кіевъ.

По свидѣтельству лѣтописей, любовь къ югу у Юрія Долгорукаго, между прочимъ, нагляднымъ образомъ выразилась въ наименованіи имъ мѣстностей, рѣкъ и основанныхъ имъ въ Ростово-Суздальской землѣ городовъ южными именами; таковы города: Галичъ, Переяславль, Стародубъ и рѣки — Трубежъ, Лыбедь, Почайная, и Сула. Наоборотъ, уже сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій, какъ урожденецъ сѣвера, предпочелъ сѣверъ югу и отказался отъ великокняжескаго престола въ Кіевѣ. Основанные имъ города уже не носили названій южныхъ городовъ, съ которыми, въ противоположность отцу своему, онъ былъ мало знакомъ.

Въ Костромской губерніи существуютъ: городъ Галичъ и рѣка Сула, протекающая среди самаго города Костромы, носящіе южныя имена. Безъ сомнѣнія, слѣдовательно, эти имена перенесены сюда никѣмъ инымъ, какъ Юріемъ Долгорукимъ; и это тѣмъболѣе вѣроятно, что онъ хорошо зналъ Кострому и сѣверо-восточную часть Костромского края, такъ какъ, по свидѣтельству лѣтописцевъ, еще въ 1120 г. онъ изъ Ростова ходилъ Волгою на судахъ въ землю Казанскихъ Болгаръ и побѣдилъ ихъ [1]).

Почему Юрій Долгорукій далъ именно эти имена, играло ли тутъ роль какое нибудь сходство въ мѣстности и расположеніи, или здѣсь имѣло мѣсто что либо другое, конечно, рѣшить трудно.

Юрій Долгорукій большую часть своей жизни провелъ въ борьбѣ за обладаніе великокняжескимъ кіевскимъ престоломъ и, не достигая своей цѣли, онъ какъ будто утомился въ этой борьбѣ, и

[1]) Истор, Госуд. Росс. Карамзинъ Т. II, гл. VII, стр. 89.

принялся за устройство своей Ростово-Суздальской земли, утѣшая себя въ неудачахъ хотя названіями южныхъ городовъ. Этотъ періодъ устроительства лѣтописцы отмѣчаютъ, начиная съ 1152 года по 1155-й, когда онъ, наконецъ, достигъ своей цѣли и, сдѣлавшись Кіевскимъ Великимъ Княземъ, уѣхалъ на югъ. Главное его строительство относится къ 1152 году, когда онъ основалъ многіе города, преимущественно съ южными названіями и «того же лѣта (1152) въ Суздальстѣй землѣ постави многи церкви каменны» [1]. Въ послѣдующіе года города, основанные Юріемъ Долгорукимъ, уже не носили именъ южныхъ городовъ (въ 1154 г.—Дмитровъ, въ 1155 году—Боголюбовъ).

Лѣтописцы, повѣствуя объ основаніи въ 1152 году Юріемъ Долгорукимъ многихъ селеній и городовъ, точно обозначаютъ только два города, именно Юрьевъ Польскій и Переяславль Залѣсскій, но, безъ сомнѣнія, и другіе города и селенія, особенно съ южными именами, каковы Галичъ, Стародубъ и друг., были основаны имъ-же и въ то же время.

Если мы обратимъ вниманіе на названіе рѣки Сулы, протекающей по городу Костромѣ, а также примемъ во вниманіе несомнѣнныя лѣтописныя свидѣтельства, что Юрій Долгорукій въ основанныхъ имъ городахъ и рѣки называлъ южными именами, какъ напр., въ Переяславлѣ—Трубежъ, во Владимірѣ—Лыбедь, то придемъ къ заключенію, что названіе костромской рѣки Сулы не можетъ быть случайнымъ, но перенесено сюда Юріемъ Долгорукимъ съ южной Сулы, на которой построилъ такъ много городовъ Владиміръ Святой и на берегахъ которой такъ много сражался Юрій Долгорукій и его сыновья за обладаніе кіевскимъ великокняжескимъ престоломъ. Несомнѣнно, что рѣка Сула, протекая среди дремучихъ лѣсовъ, была значительно больше настоящей, что можно видѣть и до сихъ поръ по ея мѣстоположенію.

Назвавъ рѣку Сулою, Юрій Долгорукій въ ту же эпоху построенія многихъ городовъ, т. е. въ 1152 году, перенесъ на нее съ праваго берега Волги городъ Кострому, [2]) устроилъ его и увели-

---

[1]) Карамзинъ. Т. II, гл. XIV, прим. 376.
[2]) Какъ онъ перенесъ на другое мѣсто Переяславль.

чилъ населеніе, переселивъ туда жителей изъ другихъ городовъ. Самая мѣстность, куда онъ перенесъ г. Кострому, не могла не имѣть громаднаго значенія въ глазахъ Юрія, такъ какъ впадающая здѣсь въ Волгу рѣка Кострома, съ ея довольно крупными притоками, долженствовала служить связующимъ звеномъ сѣверо-восточнаго угла (Галичъ) Ростово-Суздальской земли съ верховьями рѣки Волги. Кромѣ того, немаловажное значеніе въ дѣлѣ перенесенія города и устройства его на лѣвомъ берегу Волги имѣло и то обстоятельство, что вновь построенный городъ долженъ былъ служить пунктомъ для задержки и борьбы съ разбойниками, жившими въ большихъ, непроходимыхъ лѣсахъ Костромской области и всюду, на далекое разстояніе, производившими грабежи и разбои. Можетъ быть, въ извѣстной степени справедливы и тѣ объясненія прежнихъ изслѣдователей, которые говорятъ, что Юрій Долгорукій оставилъ городу прежнее названіе Костромы опять-таки по любви къ югу, ибо, какъ по названію, такъ и по мѣстоположенію, Кострома походила на единственный, оставшійся на югѣ въ его владѣніи городъ Остръ, гдѣ впадаетъ въ Двину рѣка одного съ городомъ имени, и городъ въ разливъ представляетъ совершенное сходство въ мѣстоположеніи съ Костромою [1]).

Итакъ, на основаніи вышеприведенныхъ соображеній и сопоставленій несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ, въ виду многихъ свидѣтельствъ прежнихъ изслѣдователей костромского края объ основаніи г. Костромы именно въ 1152 году, наконецъ, въ виду живущихъ въ памяти народа до сихъ поръ преданій и многихъ, хотя и косвенныхъ, историческихъ данныхъ, должно заключить, что городъ Кострома, существовавшій уже ранѣе на правомъ берегу Волги въ видѣ небольшого городка или городища, княземъ Юріемъ Долгорукимъ въ 1152 году перенесенъ на лѣвый берегъ Волги въ мѣстность между рѣками Сулою и Костромою, устроенъ и увеличился въ количествѣ народонаселенія.

Существуетъ нѣсколько предположеній относительно происхожденія названія города словомъ «Кострома».

И. В. Миловидовъ говоритъ, что такъ какъ у нашихъ предковъ

[1]) Князь А. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 7.

божества Купало, Ярило и Кострома олицетворяли собою живительныя силы природы и такъ какъ съ глубокой древности въ костромскомъ краѣ въ честь этихъ божествъ совершались различныя празднованія и, между прочимъ, обрядъ «похоронъ Костромы», то отъ имени этого языческаго божества и получили названія какъ рѣка, такъ и городъ [1]). Въ московскомъ мѣсяцесловѣ за 1776 годъ высказано предположеніе, что названіе «Кострома» перенесено отъ областей кіевскаго великаго княженія, въ коихъ, въ 60 верстахъ отъ Чернигова, внизъ по Двинѣ, находится городъ Остръ (Остеръ), гдѣ впадаетъ въ Двину рѣка одного имени съ городомъ и въ разлитіе водъ представляетъ совершенное сходство, по мѣстоположенію, съ костромскимъ.

Князь Козловскій [2]) болѣе склоняется къ мнѣнію Татищева, который наименованіе Костромы производитъ отъ города Костра, бывшаго въ Ливоніи, недалеко отъ Юрьева (Дерпта); или замка «Кострумъ», гдѣ построенъ городъ Ревель. Замокъ «Кострумъ» расположенъ на морскомъ берегу, имѣя съ двухъ сторонъ открытое море; подобнымъ образомъ и подъ Костромою въ весеннее время, при разливѣ рѣкъ Волги и Костромы, верстъ на 30 образуется какъ-бы море.

В. Борисовъ, [3]) въ своей догадкѣ о происхожденіи слова «Кострома», говоритъ, что естественнѣе думать, что названіе города Костромы происходитъ отъ костровъ льда, весною, во время разлива воды, вытѣсняемаго на берега рѣки Костромы, который, особенно въ устьѣ ея, скопляется на берегахъ въ громадномъ количествѣ.

Многіе-же проще смотрятъ на дѣло и говорятъ, что городъ Кострома получилъ названіе отъ рѣки Костромы (какъ и Москва); рѣка-же въ свою очередь получила названіе отъ громаднѣйшихъ костровъ лѣса, заготовляемаго по берегамъ рѣки зимою для сплава. Но едва-ли и это объясненіе согласно съ дѣйствительностію—уже въ силу одного того обстоятельства, что во времена сѣдой древности врядъ-ли занимались сплавомъ лѣса, а слѣдовательно и сооруженіемъ костровъ. Даже въ первой половинѣ XIV ст. было неизвѣстно

[1]) И. В. Миловидовъ. Кострома въ историко-археологическомъ отношеніи, стр. 8.
[2]) Взглядъ на исторію Костромы, стр. 7 и 8.
[3]) «Костромск. Губернск. Вѣдомости», 1862 г., № 43.

названіе рѣки Костромы, въ чемъ мы можемъ удостовѣриться изъ словъ Воскресенской Лѣтописи, гдѣ говорится, что когда Галичскій князь Ѳеодоръ Семеновичъ, основатель Солигалича, въ 1335 году прибылъ туда для построенія Воскресенскаго монастыря, то не зналъ и не могъ навѣдаться, какая рѣка протекаетъ тѣмъ мѣстомъ, почему и послалъ лодку, чтобы узнать имя рѣки; посланные плыли до города Костромы и тамъ только узнали, что это рѣка Кострома. Отсюда можно заключить, что вѣрнѣе г. Кострома далъ свое названіе рѣкѣ, а не наоборотъ. А такъ какъ въ нашихъ древнихъ лѣтописяхъ, особенно псковскихъ, слова Кострѣ, Кострыга, Кострумъ встрѣчаются въ значеніи крѣпости, укрѣпленнаго мѣста и такъ какъ въ прежнее время каждый городъ былъ въ то же время и крѣпостью, то естественнѣе всего предположить, что это общее названіе (кострумъ—крѣпость) и осталось за городомъ.

III.

Кострома въ княженіе Великихъ Князей—Андрея Боголюбскаго, Всеволода III и его сыновей: Константина и Юрія. Нашествіе Батыя. Великій Князь Ярославъ II. Его сынъ Василій Костромской. Явленіе Θеодоровской иконы Божіей Матери. Василій Костромской—Великій Князь. Пораженіе татарскихъ полчищъ, призванныхъ бессерменскими купцами. Построеніе въ Костромѣ каменной соборной церкви. Церковный соборъ—1274 г. Построеніе церкви Воскресенія на Дебрѣ. Кончина Великаго Князя Василія Костромского.

Сынъ Юрія Долгорукаго Андрей Боголюбскій, сдѣлавшись Великимъ Княземъ, не переселился въ Кіевъ, но остался въ Ростово-Суздальской землѣ и основалъ свой стольный городъ во Владимірѣ на Клязьмѣ, подчинивъ ему старинные стольные города—Ростовъ и Суздаль. Такъ образовалось на сѣверо-востокѣ Россіи могущественное Владиміро-Суздальское княжество, имѣвшее городъ Владиміръ своимъ центромъ, какъ административнымъ, такъ и церковнымъ, такъ какъ туда же переселился на жительство и епископъ ростовскій Θеодоръ. Въ составъ Владиміро-Суздальскаго княжества вошли всѣ вновь устроенные и основанные Юріемъ Долгорукимъ города, въ числѣ которыхъ была и Кострома.

По смерти Андрея Боголюбскаго древніе города Ростовъ и Суздаль хотѣли было возстановить свое первенство, но потерпѣли неудачу и, при вступленіи на родительскій престолъ послѣдняго изъ братьевъ Андрея—Всеволода III Большое Гнѣздо, Владимірцы цѣловали крестъ «ему и его дѣтямъ», т. е. на Руси впервые появилась мысль о престолонаслѣдіи по прямой линіи [1]). Во все княженіе Всеволода, до 1212 года, въ продолженіи 37 лѣтъ, сѣверо-востокъ Руси отдыхалъ отъ войнъ и княжескихъ усобицъ, подготовляясь къ мирному развитію своей будущей гражданственности. Передъ

[1]) Проф. Трачевскій. Русск. Исторія. 1895 г., стр. 95.

смертію своею, въ 1212 году, Всеволодъ назначилъ старшаго своего сына Константина преемникомъ великокняжескаго владимірскаго престола, а Ростовскую область, гдѣ княжилъ Константинъ, передалъ въ удѣлъ второму сыну Юрію. Но Константинъ не хотѣлъ выѣхать изъ своего удѣла, желая присоединить къ Ростову Владиміръ. Раздраженный неповиновеніемъ сына, Великій Князь Всеволодъ собралъ со всѣхъ городовъ бояръ, епископа Іоанна, игуменовъ, священниковъ, дворянъ, купцовъ и назначилъ себѣ преемникомъ второго сына Юрія, которому всѣ и присягнули. Такимъ образомъ, Владиміро-Суздальская область раздѣлилась на двѣ части, и городъ Кострома остался во власти Юрія. Послѣ смерти Всеволода поднялись смуты и началась борьба между братьями, во время которой въ 1213 году была сожжена княземъ Константиномъ Кострома и плѣнены всѣ ея жители. Раздоры между братьями окончились въ 1216 году, и Константинъ сѣлъ на великокняжескій владимірскій престолъ, а Юрію отдалъ въ удѣлъ Суздаль и кромѣ того назначилъ его послѣ себя преемникомъ великокняжескаго владимірскаго престола.

Во время княженія Юрія II Всеволодовича, въ 1237 году, полчища татаръ подъ главенствомъ Батыя ворвались въ Ростово-Суздальскую область, разрушили великокняжескій городъ Владиміръ и «поплѣнили все на Волгѣ и до Галича Мерскаго». Хотя въ лѣтописяхъ и не указывается отдѣльно, что татарами былъ опустошенъ и городъ Кострома, но свидѣтельство лѣтописцевъ, что татары опустошили всѣ города и селенія до Галича Мерскаго, указываетъ, безъ сомнѣнія, что этой участи подверглась и Кострома.

Батый, говорятъ лѣтописцы, какъ лютый звѣрь пожиралъ цѣлыя области, терзая когтями остатки. Храбрѣйшіе князья пали въ битвахъ, матери плакали о дѣтяхъ, жены боярскія сдѣлались рабами варваровъ, живые завидовали мертвымъ [1]). Въ Софійскомъ временникѣ подъ 1240 годомъ помѣщенъ интересный поэтическій плачъ земли русской о гибели ея сыновъ: «сыны, сыны русскіе! вижу иго работы на плечахъ вашихъ. Я же безъ васъ, моихъ чадъ

[1]) Карамзинъ. Истор. Госуд. Росс. Т. IV, гл. I, стр. 8.

любимыхъ, остаюсь вдова бѣдная и бездомная. Но кого мнѣ теперь оплакивать—мужа-ли, чадъ-ли любимыхъ? Вдовство мое—опустѣніе многихъ городовъ, честныхъ монастырей, святыхъ церквей, лишеніе чадъ, учителей, священниковъ, властителей и народа». Вотъ въ какое время на великокняжескій владимірскій престолъ вступилъ братъ Юрія II, Ярославъ II Всеволодовичъ, который, по выраженію Карамзина, пріѣхалъ господствовать надъ развалинами и трупами. Тѣмъ не менѣе Ярославъ началъ собирать разбѣжавшихся всюду людей, подбирать и погребать мертвыхъ, валявшихся на дорогахъ, улицахъ и въ обгорѣлыхъ церквахъ и домахъ. Онъ всячески ободрялъ и утѣшалъ совершенно растерявшійся отъ ужаса народъ и принялся за возстановленіе разрушенныхъ и лежавшихъ въ пеплѣ городовъ. Воскресенская лѣтопись говоритъ, что Ярославъ «сѣде на столѣ въ Володимери и обнови землю Суздальскую, и церкви очисти отъ трупія мертвыхъ, и кости ихъ сохранивъ, и пришельци утѣши, и люди многи собра, и бысть радость велика христіаномъ». Далѣе та же лѣтопись продолжаетъ: «и пришедъ съ дѣтьми своими на владимірское княженіе, по Батыевѣ плѣненіи, Ярославъ Всеволодовичъ нача грады разоренные ставити по своимъ мѣстомъ и на Волгѣ постави градъ, и поименова его Тверью по Тверцѣ рѣкѣ,... и посади на Твери сына своего меньшого Ярослава, и оттолѣ наста великое княженіе тверское».

Ярославъ II былъ женатъ на дочери князя Мстислава Храбраго—Өеодосіи, которая 4 мая 1244 года скончалась, принявъ передъ смертью иночество съ именемъ Евфросиніи, и погребена была въ Новгородскомъ Юрьевѣ монастырѣ. У Ярослава Всеволодовича было девять сыновей: старшій изъ нихъ Өеодоръ Ярославскій убитъ былъ въ Твери еще въ 1233 году, Александру Невскому данъ былъ въ удѣлъ Новгородъ, Андрею — Суздаль, Константину — Галичъ Мерскій и Михаилу—Москва, каковые города и были возстановлены прежде всѣхъ и приблизительно въ одно время.

Во время великаго княженія Ярослава, у него родился сынъ Ярославъ-Өеодоръ, для котораго нуженъ былъ удѣльный городъ. И вотъ, какъ ясно говоритъ лѣтопись, Великій Князь возобновляетъ Тверь и отдаетъ ее въ удѣлъ восьмому сыну своему Ярославу.

Въ 1241 году [1]) у Ярослава Всеволодовича родился девятый, послѣдній, сынъ Василій (Мизинный). Тогда Великій Князь возобновляетъ городъ Кострому и отдаетъ его въ удѣлъ послѣднему своему сыну, который въ лѣтописяхъ и называется *Василіемъ Костромскимъ*.

Въ точности нѣтъ никакихъ указаній въ лѣтописяхъ, когда прибылъ Василій Ярославичъ въ свой удѣльный городъ Кострому и долго ли здѣсь жилъ до вступленія на великокняжескій престолъ, т. е. до 1272 года. Извѣстно только, что въ 1266 году, живя уже въ Костромѣ, Василій Ярославичъ вступилъ въ бракъ, который совершилъ св. Игнатій, епископъ Ростовскій, въ соборной церкви св. Ѳеодора Стратилата [2])—«въ лѣто 6674 женися князь Василій, меньшой Ярославичъ, Костромской, внукъ Всеволожь, правнукъ Юрія Долгорукаго, праправнукъ Владиміра Мономаха, преправнукъ Всеволожь, пращуръ Ярославль, прапращуръ Великаго Владиміра, и вѣнчанъ бысть въ церкви св. Ѳеодора Игнатіемъ, епископомъ Ростовскимъ, на Костромѣ» [3]).

Сдѣлавшись въ 1272 году Великимъ Княземъ, Василій Ярославичъ не поѣхалъ во Владиміръ, но остался жить въ любимой имъ Костромѣ.

По сказанію лѣтописцевъ, Василій Ярославичъ Костромской былъ государь умный, добродушный, весьма милостивый и набожный. «Бѣ же сей добродѣтеленъ зѣло, любяще Господа Бога отъ всего сердца своего, и ко всѣмъ безъ лукавства любовь и милость имѣяше, и ко святымъ церквамъ зѣло прилеженъ бѣ; чтяше же по премногу епископы, яко начальники, и пастыри, и весь священническій чинъ и иноческій любяше зѣло и чтяше; бѣ же незлобивъ и прощателенъ къ согрѣшающимъ къ нему» [4]).

Еще во время удѣльнаго княженія Василія, въ періодъ между 1259 и 1262 годами, ему чудеснымъ образомъ явилась Ѳеодоровская икона Божіей Матери. Обстоятельства явленія св. иконы

---

[1]) Карамзинъ. Истор. Гос. Росс. IV, гл. 1, примѣч. 38, стр 15.
[2]) Нынѣшняя Богоотцовская, что на Сулѣ, церковь.
[3]) Древняго лѣтописца повѣсть происшествій, бывшихъ въ Россіи при владѣніи четырнадцати великихъ князей. 1774 года. Стр. 14.
[4]) Тамъ же, стр. 36 и 37.

подробно описаны въ трехъ древнихъ рукописяхъ, находящихся въ библіотекѣ Костромской ученой архивной Комиссіи, въ Милютинской Четьи-минеѣ, Спасо-Запрудненскомъ синодикѣ и въ рукописномъ «Сказаніи» о явленіи и чудесахъ Ѳеодоровской иконы Богоматери (хранящемся въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ). «Како исповѣмъ, начинаетъ повѣствователь, или како хощу написать, или что реку, или что исповѣмъ о сей пречудной иконѣ, или что возглаголю; но еже слышахъ отъ много добрѣ вѣдущихъ, и иже у себѣ имуще писаніе до разоренія литовскихъ и польскихъ людей». Въ этихъ рукописяхъ собрано все, относящееся къ явленію чудотворной иконы.

16 августа князь Василій Ярославичъ поѣхалъ за городъ *«со псы ловчими веселитися»* и прибылъ въ мѣстность, гдѣ протекаетъ рѣка Запруденка, въ чащу лѣса—егда бѣ внѣ града поприще едино. Услышавъ сильный лай собакъ—«псы притужно лаяша»,—князь отправился къ тому мѣсту и увидѣлъ на сосновомъ деревѣ икону Богоматери. Удивленный необыкновеннымъ явленіемъ, князь сошелъ съ коня и хотѣлъ снять икону, но она невидимою силою была поднята кверху. Пораженный этимъ обстоятельствомъ, князь палъ передъ иконою и началъ со слезами молиться и, послѣ горячей молитвы, рѣшился снова снять св. икону съ дерева, но невидимая сила снова поднимаетъ ее еще выше. Тогда князь немедленно возвращается въ городъ, подробно разсказываетъ протопопу, всему священному собору и всѣмъ людемъ градскимъ все имъ видѣнное. «Протопопъ же и вси священницы и діаконы, облекшеся во священныя одежды, идуще со святыми иконами и съ честными кресты, и съ кандилы, и съ ѳиміамомъ, и со свѣщами, поюще молебныя пѣнія; съ ними же идуще и князь, и боляры его, и вельможи градстіи, и вси людіе, и иноцы, и простіи. И тако подъяша ю священническими руками невозбранно, съ великою честію несоша ю во градъ свой съ радостію великою. Слышавше же народи градстіи пришествіе Богоматери, яко Царица Небесная грядетъ, и ови послѣдующе, а иніи срѣтающе и необычный звонъ творяще повсюду. И тако пріидоша во святую Божію апостольскую церковь св. великомученика Ѳеодора Стратилата во

время вечерняго пѣнія. И поставиша ю во святѣй соборнѣй Божіей церкви» [1]).

Что послужило причиною наименованія новоявленной иконы Өеодоровскою, точно неизвѣстно. Можетъ быть, въ данномъ случаѣ имѣло значеніе то обстоятельство, что св. икона была поставлена въ церкви Өеодора Стратилата, или-же къ этому послужило поводомъ свидѣтельство многихъ жителей г. Костромы, что еще наканунѣ, т. е. 15 августа, въ праздникъ Успенія Божіей Матери, они видѣли «сію икону, несомую сквозь градъ воиномъ нѣкимъ; подобенъ же тотъ воинъ видомъ св. великомученику Өеодору Стратилату».

На томъ мѣстѣ, гдѣ явилась чудотворная икона, по повелѣнію князя Василія Ярославича воздвигнутъ былъ деревянный храмъ во имя Нерукотвореннаго Образа Спасителя, такъ какъ въ день празднованія Нерукотвореннаго Спаса обрѣтена была икона, и устроенъ Спасо-Запрудненскій мужской монастырь [2]).

Вскорѣ послѣ явленія иконы Өеодоровской Богоматери деревянный храмъ Өеодора Стратилата, въ которомъ была поставлена эта икона, сгорѣлъ, и послѣ пожара на третій день св. икона найдена была въ пеплѣ невредимою. Выстроенный вновь деревянный храмъ также сгорѣлъ, но икона снова осталась невредимою. Въ книгѣ «Небо новое» описывается причина, почему св. икона осталась невредимою: «видѣша людіе въ мѣстѣ Костромѣ, во время пожара, на воздусѣ ангеловъ, которые образъ Пречистыя Дѣвы на рукахъ держали» [3]). Несомнѣнно, что Өеодоровская икона Божіей Матери, до появленія своего въ Костромѣ, находилась въ Городецкомъ Өеодоровскомъ монастырѣ. Извѣстно, что Великій Князь Александръ Невскій въ Городцѣ, передъ иконой Өеодоровской Божіей Матери, принялъ схиму съ именемъ Алексѣя и скончался, и нѣтъ ничего удивительнаго, что родной братъ его Великій Князь Василій Костромской, послѣ смерти Александра Невскаго, въ память брата, перенесъ икону въ Кострому.

---

[1]) В. А. Соколовъ. Описаніе и критическій разборъ рукописей о явленіи и чудесахъ Өеодоровской иконы Божіей Матери. 1901 г. Костромская Старина, вып. V, стр. 244—248.
[2]) Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы.
[3]) Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ и ея святынѣ. 1864 г., стр. 15.

После вступленія на великокняжескій престолъ, Великій Князь Василій Ярославичъ, желая присоединить къ себѣ богатый и промышленный Новгородъ, отправилъ туда пословъ съ требованіемъ подчиненія Новгорода державѣ Великаго Князя; но съ таковымъ-же требованіемъ одновременно въ Новгородъ явились послы и отъ князя Димитрія, сына Александра Невскаго. Новгородцы, по совѣту своего посадника Павши, пригласили къ себѣ князя Димитрія. Тогда Великій Князь Василій отправился изъ Костромы съ войскомъ и осадилъ Торжокъ, главный пунктъ вывоза хлѣба для Новгорода изъ Ростово-Суздальской земли. Предавъ Торжокъ огню и посадивъ туда своихъ тіуновъ, Василій Ярославовичъ въ 1273 году возвратился въ Кострому. Затѣмъ Новгородцы во главѣ съ княземъ Дмитріемъ Александровичемъ выступили къ Твери и отправили пословъ Семена Михайловича, Лазаря Моисеевича и Степана Душиловича къ Великому Князю Василію съ предложеніемъ мира. Но Великій Князь не согласился на миръ, отпустивъ съ честію пословъ. Между тѣмъ Новгородцы возмутились, отняли посадничество у Павши, назначили новаго посадника Михаила Мишанича и «послаша по Василія, и цѣловаша на Торжку образъ Господенъ, яко всѣмъ одинакимъ быти съ посадникомъ Михаиломъ, и сѣдѣ Князь Василій Ярославовичъ въ Новгородѣ на столѣ» [1]).

Не смотря на то, что Василій Ярославовичъ уже два раза ѣздилъ въ татарскую столицу для поклоненія ханамъ, чтобы предотвратить нашествія татаръ, а слѣдовательно и разореніе городовъ, Кострома въ его княженіе подверглась нашествію бессерменскихъ купцовъ, которымъ татары отдавали на откупъ дань съ русскихъ областей. Эти купцы набирали войско изъ тѣхъ-же татаръ и съ помощію этого войска собирали съ русскихъ областей дань, т. е. просто грабили и разоряли города. Насколько тягостенъ былъ этотъ сборъ дани, видно изъ слѣдующихъ словъ Воскресенской лѣтописи: «избави Богъ отъ лютаго томленія бессерменскаго люди Ростовскія земли, молитвами Богородицы, и вложи ярость христіаномъ въ сердце, не можаху бо терпѣти насилія поганыхъ». Вслѣдствіе этого противъ

---

[1]) Воскрес. лѣтопись. II, стр. 252. Древняго лѣтописца повѣсть происшеств., стр. 31 и 32.

бессерменъ не рѣдко происходили возмущенія. И. В. Миловидовъ въ своемъ «Очеркѣ Исторіи Костромы» говоритъ, что при Василіи Ярославичѣ именно и было нашествіе бессерменскихъ купцовъ, и съ нимъ нельзя не согласиться, въ виду многихъ исторических данныхъ [1]). Эти бессерменскіе купцы съ большими татарскими полчищами подступили къ Костромѣ. Великій князь Василій, собравъ въ Костромѣ небольшую дружину, двинулся на татаръ, но, не надѣясь съ малыми силами побороть татарскую рать, повелѣлъ нести передъ собою Ѳеодоровскую икону Богоматери. Онъ встрѣтился съ татарскими войсками въ 3-хъ верстахъ отъ города Костромы, на озерѣ, гдѣ татары, пораженные огненными лучами, исходившими отъ лика Богоматери, смутились, тотчасъ обратились въ бѣгство и, какъ говоритъ преданіе, многіе изъ нихъ ослѣпли и мечами побивали другъ друга. Въ память этого чудеснаго спасенія и въ назиданіе потомству, на томъ мѣстѣ, гдѣ стояла чудотворная икона Заступницы, поставленъ былъ высокій дубовый столпъ, въ которой былъ вставленъ снимокъ съ Ѳеодоровской иконы, а впослѣдствіи вмѣсто столпа устроена каменная часовня, въ которой эта икона въ особомъ кіотѣ сохраняется и до сихъ поръ. По тому-же случаю и озеро испоконь-вѣковъ носитъ названіе «Святого озера», въ противоположность другому, недалеко лежащему и называющемуся до сего времени «Мерзкимъ» или «Поганымъ» озеромъ, гдѣ, по преданію, въ большомъ количествѣ потонули татары [2]).

Обрадованный этой побѣдой и побуждаемый быстро одинъ за другимъ слѣдовавшими пожарами соборной церкви, благочестивый князь Василій «совѣтъ сотвори съ боляры своими и со всѣмъ народомъ», повелѣлъ устроить каменную соборную церковь въ честь Успенія Божіей Матери съ придѣломъ св. Ѳеодора Стратилата, ибо въ день Успенія Божіей Матери чудотворная икона была несена черезъ городъ Кострому св. Ѳеодоромъ Стратилатомъ. Мѣстомъ для построенія новаго каменнаго собора Великій Князь избралъ возвышающійся надъ всѣмъ городомъ песчаный крутояръ, на которомъ стоитъ Успенскій соборный храмъ и въ настоящее время. Нѣтъ

¹) Ив. Вас. Миловидовъ, стр. 57.
²) Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 16.

сомнѣнія, что прежній соборъ Ѳеодора Стратилата находился на мѣстѣ теперешней Богоотцовской церкви, такъ какъ, въ писцовыхъ книгахъ города Костромы 1628 года, мы находимъ замѣтку: «на Сулѣ, у Мшанскія улицы, церковь стоитъ безъ пѣнія Ѳеодора Стратилата, деревянная клѣцки». Кромѣ того, когда усердіемъ гражданъ вмѣсто этой деревянной церкви была устроена въ 1760 году каменная въ честь Ѳеодоровской иконы Богоматери съ придѣломъ въ честь Богоотцовъ, то сюда каждогодно, 16 августа, приносилась съ Запрудни икона Ѳеодоровской Божіей Матери и затѣмъ уже черезъ сутки переносилась въ Успенскій соборъ. Этотъ церковный обрядъ, безъ сомнѣнія, былъ учрежденъ въ память перенесенія княземъ Василіемъ Костромскимъ съ Запрудни въ соборъ Ѳеодора Стратилата новоявленной иконы.

Протоіерей П. Островскій, одинъ изъ изслѣдователей костромскихъ святынь, на основаніи многихъ документовъ, говоритъ, что нынѣ существующій лѣтній Успенскій храмъ есть несомнѣнно тотъ самый, который устроенъ по повелѣнію Великаго Князя Василія Ярославича Костромского, но, нельзя не признаться, говоритъ протоіерей Островскій, что мы видимъ его уже не въ первобытномъ состояніи; храмъ измѣнился съ древнихъ еще временъ пристройкой почти цѣлой половины его. Доказательствомъ глубокой древности Успенскаго храма служатъ, безъ сомнѣнія, алтари этого храма, которые обращены на сѣверъ и, по словамъ протоіерея Островскаго, этому обстоятельству нельзя дать иного толкованія, какъ то, что Запрудня—мѣсто явленія чудотворнаго образа—лежитъ отъ собора на сѣверъ и что поэтому благочестіе Князя и строителей храма хотѣло сблизить мѣсто новаго селенія чудотворнаго образа съ мѣстомъ его явленія [1]).

Устроивши въ Костромѣ новый каменный храмъ и украсивъ его какъ только возможно было по тому времени, Великій Князь Василій Ярославичъ началъ устраивать и дѣла церковныя. Для этого онъ въ 1274 году, воспользовавшись проѣздомъ изъ Кіева во Владиміръ митрополита Кирилла для посвященія архимандрита

[1]) Прот. П. Островскій. Историческое описаніе Костромского Успенскаго Собора.



Каѳедральный соборъ въ г. Костромѣ.

Печерской Лавры Серапіона въ епископы, собралъ Духовный Соборъ, подъ предсѣдательствомъ митрополита Кирилла, для исправленія церковныхъ дѣлъ и безпорядковъ. На этотъ соборъ приглашены были во Владиміръ епископы: Далматъ Новгородскій, Игнатій Ростовскій, Ѳеогностъ Переяславскій и Симеонъ Полоцкій. Соборъ ревностно занялся порученными ему дѣлами и издалъ исправленный уставъ, которому должны были слѣдовать всѣ церковнослужители. «Донынѣ, пишетъ митрополитъ Кириллъ, уставы церковные были омрачены облакомъ эллинской мудрости; нынѣ же предлагаются ясно и невѣдѣніе да не будетъ извиненіемъ» [1]).

При Великомъ Князѣ Василіѣ Ярославичѣ Костромскомъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые историки (Кампенгаузенъ, Мещериновъ и друг.), переселился въ Россію князь Прусскій, изъ потомковъ царя Латышскаго Видвуда, *Гланда Камбила Дивоновичъ*, который при Великомъ Князѣ Димитріи Александровичѣ вмѣстѣ съ сыномъ своимъ крестился, и при крещеніи имя Гланда замѣнено было Иваномъ, а сынъ его получилъ имя Андрея. Андрей Ивановичъ Камбила, или Кобыла, былъ родоначальникомъ Дома Романовыхъ [2]).

Сохранилось преданіе, что Великимъ Княземъ Василіемъ Ярославичемъ построена въ Костромѣ еще деревянная церковь Воскресенія Христова на Дебрѣ. Мѣсто называемое Дебрею, какъ показываетъ и самое названіе, покрыто было лѣсами, которые, начинаясь здѣсь, продолжались далѣе на громадное пространство. Преданіе говоритъ, что около того мѣста, гдѣ теперь находится церковь Воскресенія, у князя Василія Ярославича находился загородный домъ, при которомъ содержались княжескіе охотники и псари. Это обстоятельство послужило причиной заселенія этой мѣстности. Поэтому нѣтъ ничего неправдоподобнаго, что Великій Князь для жителей этого района и построилъ церковь [3]).

Въ 1275 году Великій Князь Василій Ярославичъ поѣхалъ въ третій разъ въ Орду для обычнаго поклоненія татарскому хану. Годъ этотъ отмѣченъ въ лѣтописяхъ, какъ особенный по происхо-

---

[1]) Карамзинъ. Ист. Гос. Росс. Т. IV, гл. IV, стр. 77.
[2]) Н. Н. Селифонтовъ. Сбор. матер. по исторіи Дома Романовыхъ.
[3]) Костр. Епархіальн. Вѣд. 1892 г., № 3.

дившимъ тогда небеснымъ явленіямъ: «Іюня 12 огородися солнце яко круги, а посреди круговъ крестъ; дуги сини, зелены, желты, багряны и черны; а дуги тѣ хрепьти бяхуть къ собѣ»[1].

По пріѣздѣ изъ Орды, въ январѣ мѣсяцѣ 1277 года, Великій Князь Василій Ярославичъ Костромской, на 37 году отъ рожденія, умеръ въ Костромѣ бездѣтнымъ, пробывъ Великимъ Княземъ пять лѣтъ.

Князья и народъ горько оплакивали его. На погребеніе Великаго Князя съѣхались князья: Борисъ Васильевичъ Ростовскій, Глѣбъ Васильевичъ Бѣлозерскій, князь Михаилъ Ивановичъ (внукъ Всеволожь), Димитрій Александровичъ Переяславскій (внукъ Ярославль), Өеодоръ Ростиславичъ Ярославскій (внукъ Мстиславль), множество бояръ, епископъ Игнатій, игумены, священники и множество народа. Любовь къ Великому Князю Василію Ярославичу Костромскому ярко выразилась при его погребеніи, ибо, какъ говорятъ лѣтописцы: «*яко не слышати пѣнія во плачѣ многѣ*».

Великій Князь Василій Ярославичъ Костромской погребенъ св. Игнатіемъ, епископомъ Ростовскимъ, или въ соборной церкви Успенія Божіей Матери, въ придѣлѣ Өеодора Стратилата, или въ прежнемъ соборѣ Өеодора Стратилата—нынѣ Богоотцовской церкви.

---

[1]) Повѣсть Древняго Лѣтописца говоритъ, что это небесное явленіе было 3-го мая.

IV.

Кострома въ княженіе Великаго Князя Димитрія Александровича и его ближайшихъ преемниковъ. Роль Костромы въ спорѣ изъ-за великокняжескаго престола между Михаиломъ Тверскимъ и Юріемъ Московскимъ. Бракъ кн. Константина Тверского съ княгиней Софіею въ церкви св. Өеодора Стратилата. Княженіе Іоанна Калиты. Основаніе Ипатіевскаго монастыря. Церковный Соборъ 1330 года. Поступленіе на великокняжескую службу родоначальника Дома Романовыхъ Андрея Кобылы. Княженіе Димитрія Константиновича. Мѣры противъ волжскихъ разбойниковъ. Княженіе Димитрія Донского. Нападеніе на Кострому новгородскихъ разбойниковъ. Участіе костромичей въ Куликовской битвѣ. Удаленіе Великаго Князя въ Кострому отъ нашествія татаръ. Княженіе *Василія Димитріевича.* Нашествіе Эдигея и удаленіе Великаго Князя въ Кострому. Почему великіе князья удалялись въ Кострому, спасаясь отъ враговъ? Пожаръ, голодъ и чума въ Костромѣ. Борьба изъ-за великокняжескаго престола послѣ смерти Димитрія Донского. Роль Костромы въ этой борьбѣ.

По смерти Великаго Князя Василія Костромского на великокняжескій Владимірскій престолъ сѣлъ племянникъ его, сынъ Александра Невскаго, Димитрій Александровичъ, который, подобно дядѣ своему, не поѣхалъ во Владиміръ, но остался жить въ Переславлѣ. Такимъ образомъ Кострома была присоединена къ великому княжеству Владимірскому. Изъ лѣтописей не видно, чтобы въ ней поселился на жительство какой-либо изъ удѣльныхъ князей.

Въ 1282 году младшій братъ Великаго Князя Димитрія Александровича Андрей, по совѣту коварнаго боярина Семена Тонгліевича, съ помощію татарскихъ войскъ захватилъ великокняжескій престолъ, но вскорѣ долженъ былъ снова уступить его Димитрію и помирился съ нимъ, получивъ въ удѣлъ Городецъ и Нижній Новгородъ.

Димитрій Александровичъ, утвердившись на престолѣ и считая боярина Семена Тонгліевича, который поселился на жительство въ Костромѣ, виновникомъ вражды его съ братомъ, послалъ двухъ бояръ своихъ Антона и Өеофана въ Кострому, чтобы тамъ умертвить «крамольника льстиваго», что и было ими исполнено въ 1283 году. Въ 1293 году Димитрій Александровичъ отдалъ Кострому въ удѣлъ сыну своему Іоанну Димитріевичу, который, пробывши около года

въ Костромѣ, послѣ смерти своего отца, въ 1294 году переѣхалъ въ Переяславль Залѣсскій, получивши его себѣ въ удѣлъ, а Кострома отдана была въ удѣлъ сыну Великаго Князя Андрея—Борису Андреевичу.

Въ 1304 году умеръ Великій Князь Андрей Александровичъ и съ этого года началась знаменитая въ исторіи борьба изъ-за великаго княженія Владимірскаго между князьями Михаиломъ Тверскимъ и Юріемъ Московскимъ. Кострома была на сторонѣ Михаила. Чтобы рѣшить споръ, оба князя отправились въ Орду, гдѣ ханъ присудилъ великокняжескій престолъ князю Михаилу Тверскому. Во время ихъ отсутствія во многихъ городахъ произошли безпорядки и народныя возмущенія. Такъ, въ Костромѣ народъ схватилъ князя Бориса Даниловича, присланнаго въ Кострому для княженія Юріемъ Даниловичемъ, и отправилъ его въ Тверь, а собравшееся вѣче присудило многихъ бояръ къ смертной казни.

Въ 1307 году во всей Руси былъ великій голодъ, «а жито все мыши поѣли» [1]).

Михаилъ Ярославичъ Тверской, получивши отъ хана ярлыкъ на великое княженіе, остался жить въ Твери. Но не надолго ему пришлось успокоить свое княжество, разоряемое усобицами. Юрій Московскій настойчиво шелъ къ своей цѣли, часто ѣздилъ въ Орду на поклоненіе хану, щедро дарилъ окружающихъ хана и даже женился на сестрѣ хана Узбека—Кончакѣ. При такихъ обстоятельствахъ ему не трудно было получить старшинство между русскими князьями, и потому, возвратившись изъ Орды съ ханскимъ посломъ Кавгадыемъ, подкрѣпленный татарскими войсками, Юрій подступилъ къ г. Костромѣ, преданной князю Михаилу Тверскому, остановившись противъ города на правомъ берегу Волги, въ Городищѣ. Князь Михаилъ, соединившись съ князьями Суздальскими, занялъ Кострому. Долго стояли войска противниковъ другъ противъ друга на противоположныхъ берегахъ Волги, пока князья примирились, при чемъ князь Михаилъ уступилъ Юрію великое княженіе, а самъ удалился въ Тверь.

Но это примиреніе со стороны Юрія было только наружнымъ, ибо онъ тотчасъ же, соединившись у Костромы съ князьями Суз-

[1]) А. Титовъ. Лѣтоп. Богоявленскаго мон., стр. 13.

дальскими, опустошилъ Ростовъ, Переяславль и подошелъ къ Твери. Михаилъ Тверской разбилъ его, взявши въ плѣнъ ханскаго вождя Кавгадыя и жену князя Юрія Кончаку, которая вскорѣ умерла въ Твери. Смерть Кончаки, будто бы отравленной, дала поводъ Юрію возвести на Михаила тяжкія обвиненія.

Ханъ въ 1318 году прислалъ войско, которое прежде всего напало на Кострому, убивши здѣсь 120 человѣкъ, затѣмъ на Ростовъ. гдѣ были разграблены церкви и монастыри и много людей взято въ плѣнъ. Тогда Михаилъ предложилъ Юрію ѣхать съ нимъ въ Орду и вторично представить свой споръ на рѣшеніе хана. Князья отправились въ Орду, гдѣ въ 1319 году князь Тверской Михаилъ окончилъ жизнь свою мученическою смертію. Великокняжескій престолъ получилъ, конечно, князь Юрій Московскій и Кострома подчинилась Великому Князю Московскому.

Въ 1320 году въ Костромѣ вѣнчался въ церкви св. Ѳеодора Стратилата князь Константинъ Михаиловичъ Тверской съ дочерью Великаго Князя Юрія Софіею, но почему этотъ бракъ происходилъ именно въ городѣ Костромѣ, лѣтописи не даютъ никакихъ указаній.

Борьба московскихъ князей съ тверскими еще не окончилась со смертью Михаила Тверского и продолжалась до вступленія на великокняжескій престолъ Іоанна Даниловича Калиты, въ 1328 году, когда возстановилось спокойствіе во Владиміро-Суздальской землѣ. Христіане на сорокъ лѣтъ опочили отъ истомы и насилій долговременныхъ.

Іоаннъ Калита, получивши великокняжескій столъ, подобно своимъ предшественникамъ—Василію въ г. Костромѣ, Димитрію въ Переяславлѣ и Михаилу въ Твери, остался жить въ своемъ удѣльномъ городѣ Москвѣ, гдѣ находилась и каѳедра св. митрополита Петра. Стольный городъ Владиміръ потерялъ свое значеніе и столицей Сѣверо-восточной Россіи съ тѣхъ поръ окончательно сдѣлалась Москва.

Іоаннъ Даниловичъ Калита, подобно своимъ предшественникамъ, также принялся увеличивать свою наслѣдственную волость, но дѣлалъ это не только силою оружія, а и мирнымъ путемъ,—путемъ покупки; такъ, онъ купилъ село Селище подъ Костромой, города—Галичъ Мерянскій, Угличъ и Бѣлозерскъ.

Въ его княженіе, именно въ 1330 году, татарскимъ мурзой Четомъ, родоначальникомъ Годуновыхъ, основанъ былъ близь Костромы Ипатіевскій монастырь. Мурза Четъ, еще въ началѣ XIV вѣка принялъ христіанскую вѣру и крещенъ былъ со всѣмъ своимъ семействомъ св. митрополитомъ Петромъ, бывшимъ нѣкоторое время въ Ордѣ, принявъ имя Захаріи. Желая удалиться отъ соотечественниковъ, погрязшихъ во мракѣ невѣрія, мурза Четъ выѣхалъ изъ Орды со всѣмъ своимъ семействомъ и нѣсколькими мурзами, ему сопутствующими, въ Россію. Достигнувъ рѣкою Волгою до г. Костромы, онъ остановился для отдыха на томъ мѣстѣ, гдѣ въ настоящее время находится Ипатіевскій монастырь. Во время отдыха отъ утомительнаго пути, Захарія тяжко заболѣлъ и, готовясь уже къ смерти, удостоился чудеснаго явленія Царицы Небесной съ Предвѣчнымъ Младенцемъ и съ предстоящими, апостоломъ Филиппомъ и священномученикомъ Ипатіемъ Гангрскимъ. Оправившись отъ болѣзни, по прибытіи въ Москву, Захарія испросилъ разрѣшеніе у Великаго Князя и митрополита св. Θеогноста устроить обитель на мѣстѣ явленія ему Царицы Небесной. Возвратясь изъ Москвы, Захарія построилъ два каменныхъ храма—одинъ во имя Св. Троицы съ придѣломъ въ честь св. апостола Филиппа и священномученика Ипатія, а другой во имя Рождества Богородицы, съ трапезою и съ придѣломъ Іоанна Златоустаго, и между этими храмами колокольницу, а также кельи для иноковъ. Всѣ эти зданія онъ обнесъ дубовою оградою [1]).

Изъ одной грамоты митрополита Алексѣя видно, что въ 1330 году въ Костромѣ состоялся при митрополитѣ Θеогностѣ церковный Соборъ, на которомъ было поставленіе епископа для Суздальской епархіи и рѣшеніе спора о предѣлахъ епархій Рязанской и Сарайской. Но почему именно въ Костромѣ былъ Соборъ, осталось неизвѣстнымъ [2]).

При Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ Андрей Кобыла, родоначальникъ дома Романовыхъ, поступилъ на великокняжескую службу и въ княженіе сына Калиты Симеона Гордаго

[1]) Мѣсяцесловъ на 1848 годъ, стр. 151, 152. В. А. Самаряновъ. Палаты бояръ Романовыхъ, стр. 2—3.
[2]) С. Н. Введенскій. Докладъ на IV Археологич. Съѣз. въ г. Костромѣ.



Троицкій соборъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

былъ возведенъ въ санъ боярина, а въ 1347 году былъ посланъ Великимъ Княземъ изъ Москвы въ Тверь къ Тверскому князю Александру для сватовства его дочери Маріи за Великаго Князя [1]).

Въ полномъ собраніи русскихъ лѣтописей [2]) сказано: «Въ лѣто 6855 (1347) женися князь великій Семенъ Ивановичъ въ третіе, поя за ся княжну Марію Александровну, Тверского князя; а ѣзди по нее Андрей Кобыла, да Алексѣй Босоволковъ (Босоволкъ—предокъ Хвостовыхъ)».

Сынъ Калиты Симеонъ Гордый продолжалъ политику своего отца, увеличивая свои владѣнія такимъ же путемъ, какъ и отецъ его. Въ Костромской области имъ куплено было село Александровское, въ 12 вер. отъ города Судиславля по Кинешемскому тракту.

Послѣ трехлѣтняго княженія брата Симеона Гордаго Іоанна II Іоанновича на великокняжескомъ престолѣ былъ утвержденъ ханомъ князь Димитрій Константиновичъ, который хотѣлъ возвысить древній городъ Владиміръ и сдѣлать его столицей. Но Московскій митрополитъ св. Алексѣй не поѣхалъ во Владиміръ и тѣмъ окончательно утвердилъ въ Москвѣ духовный центръ Сѣверо-восточной Россіи.

Во время княженія Димитрія Константиновича поволжскіе и новгородскіе разбойники производили различныя неистовства по всей Руси и даже грабили татарскіе города. Такъ, костромскіе разбойники ограбили болгарскій городъ Жукотинъ, подвластный татарамъ, а новгородская ватага захватила купеческія суда хивинцевъ и армянъ и разграбила монгольскую Болгарію, расположенную по рѣкѣ Камѣ. Все это понудило татарскихъ хановъ прислать къ Великому Князю пословъ съ приказаніемъ истребить этихъ разбойниковъ. Для этой цѣли Великій Князь Димитрій прибылъ въ г. Кострому, пригласивъ сюда князей Андрея Нижегородскаго и Константина Ростовскаго. Здѣсь совмѣстно выработанъ былъ планъ дѣйствій, нѣкоторые разбойники были пойманы и выданы ханамъ.

Въ 1361 году скончался въ Костромѣ епископъ Аѳанасій, но неизвѣстно, почему этотъ святитель былъ въ Костромѣ [3]).

[1]) Н. Н. Селифонтовъ. Сборникъ матер. по исторіи предковъ царя М. Ѳ. Романова.
[2]) Т. VII, стр. 120.
[3]) Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 34.

Въ 1363 году на великокняжескій престолъ вступилъ Димитрій Донской. Въ его княженіе, въ 1375 году, новгородскіе разбойники, подъ предводительствомъ Прокопія и Емельяна, на 70 ладьяхъ спустились по Волгѣ и осадили городъ Кострому. Намѣстникъ города Александръ Плещей бѣжалъ, и городъ былъ взятъ разбойниками, которые цѣлую недѣлю грабили его. Захвативъ съ собою множество богатствъ, товаровъ и людей, они поѣхали внизъ по Волгѣ къ Нижнему-Новгороду, а что изъ награбленнаго не могли взять съ собою, то все потопили въ Волгѣ и сожгли.

Въ 1380 году произошла знаменитая Куликовская битва, въ которой, по сказанію лѣтописцевъ, на пространствѣ 10 верстъ лилась христіанская и татарская кровь. Въ этой знаменитой битвѣ участвовали и костромскія войска подъ начальствомъ воеводы Ивана Родіоновича Квашни. Множество костромичей, и среди нихъ 23 знатныхъ костромскихъ боярина, легли на полѣ битвы за освобожденіе отечества [1]).

Вскорѣ послѣ этой битвы новый ханъ золотой Орды Тохтамышъ потребовалъ къ себѣ на поклонъ русскихъ князей, но они не поѣхали, вслѣдствіе чего Тохтамышъ съ огромными полчищами ворвался въ Россію и быстро направился къ Москвѣ. Великій Князь Димитрій со всѣмъ своимъ семействомъ выѣхалъ изъ Москвы въ Кострому, гдѣ и жилъ до того времени, пока ханъ, разрушивши Москву, не удалился въ Орду. Во время пребыванія Великаго Князя въ Костромѣ, здѣсь находился, проѣздомъ изъ Переяславля, митрополитъ Пименъ и посвятилъ въ Костромѣ епископа Михаила, назначеннаго въ Смоленскъ [2]).

По смерти Димитрія Донского, въ 1389 году, на великокняжескій престолъ вступилъ старшій сынъ его Василій Димитріевичъ. Въ его княженіе татарскія полчища подъ предводительствомъ Эдигея снова вторглись въ предѣлы Россіи, и снова, по словамъ лѣтописца, вся Россія, отъ рѣки Дона до Бѣлоозера и Галича, была потрясена сею грозою; вездѣ были туга и скорбь; со многихъ св. иконъ текло миро, или капала кровь [3]). Василій Димитріевичъ, по примѣру

[1]) Кн. Козловскій, стр. 43; Синопсисъ, лист. 209 и 331. Карамзинъ.
[2]) Кн. Козловскій, стр. 44—45. Древн. Русск. Лѣтоп., ч. II, стр. 89.
[3]) Карамзинъ. Истор. Госуд. Россійск. Т. V, гл. 2, стр. 115 и 116.

своего отца, также уѣхалъ со всѣмъ своимъ семействомъ въ Кострому, оставивъ Москву на попеченіе князей, бояръ и духовенства.

Эдигей, узнавъ, что Великій Князь удалился въ Кострому, послалъ въ погоню за княземъ 30,000 войска, которое разорило города Переяславль, Ростовъ, Серпуховъ, Дмитровъ, Нижній и Городецъ, но, не дойдя до Костромы, возвратилось въ Орду.

Почему великіе князья, въ виду представлявшейся имъ опасности, удалялись именно въ Кострому, когда на ихъ пути изъ Москвы было много городовъ и болѣе укрѣпленныхъ и, повидимому, болѣе безопасныхъ, существуетъ нѣсколько предположеній. Князь Козловскій [1]), а за нимъ и Крживолоцкій, [2]) думаютъ, что порукой безопасности князей было усердіе и вѣрность костромскихъ гражданъ. Протоіерей Островскій [3]) думаетъ, что князья, не надѣясь оружіемъ превозмочь страшнаго непріятеля, ввѣряли себя и свою семью покрову Ѳеодоровской Богоматери, заступницы и покровительницы города Костромы. И. В. Миловидовъ [4]), на основаніи нѣкоторыхъ указаній Воскресенской лѣтописи, предполагаетъ, что Кострома и другіе города, гдѣ укрывались отъ татаръ Великіе Князья, были мѣстомъ болѣе безопаснымъ, чѣмъ, напр., Новгородъ и Псковъ, находившіеся близъ литовской и нѣмецкой границъ. Скорѣе же всего можно предполагать, что Кострома, хотя и не была укрѣпленнымъ городомъ, но по мѣстоположенію своему, расположенная на лѣвыхъ берегахъ большихъ рѣкъ Волги и Костромы, кромѣ того окруженная громадными и непроходимыми лѣсами, представляла наиболѣе надежную и естественную защиту отъ всякихъ нападеній.

Въ княженіе Василія Димитріевича, именно въ 1413 г., пожаръ, во время котораго сгорѣло до 30 церквей, истребилъ всю Кострому. Въ 1416 году пожаръ снова уничтожилъ городъ и, по возобновленіи его, по повелѣнію Великаго Князя, городъ былъ обнесенъ деревянною стѣною.

Въ 1419 году, на Никитинъ день — 15 сентября, «снѣгъ паде 3 дня и 3 нощи; паде его на 4 пяди», когда еще хлѣбъ не былъ

---

[1]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор Костромы, стр. 140, примѣч. 25.
[2]) Крживолоцкій. Матеріалы для статистики Костромской губерніи, стр. 6.
[3]) Прот. Островскій. Очеркъ исторіи Костромы, стр. 22—24.
[4]) И. В. Миловидовъ. Очеркъ исторіи Костромы, стр. 92.

собранъ съ полей, вслѣдствіе чего образовался голодъ и продолжался около 3-хъ лѣтъ почти во всей Россіи: «люди мертвые скоты ядоша и кони, и псы, и кошки, и кроты, и люди людей». Въ Москвѣ оковъ ржи дошелъ до $1^1/_2$ рублей, *въ Костромѣ до 2-хъ рублей,* въ Нижнемъ Новгородѣ до 6 рублей; такъ что, какъ говоритъ московская лѣтопись, — «яко на единомъ ковризѣ дати полтина».

Въ 1420 году появилась чума: «люди ходя падали на улицахъ и въ одну минуту испускали духъ; здоровые шли погребать усопшихъ и, внезапно лишаясь жизни, въ той же могилѣ сами были погребаемы. Ни посты, ни чинъ ангельскій не спасали; алчная смерть въ городахъ и селахъ, наполняя скудельницы трупами, искала добычи и въ свѣтлыхъ обителяхъ душевнаго міра». Въ ростовскихъ лѣтописяхъ подъ этимъ 1420 годомъ написано: «бысть моръ силенъ въ Костромѣ, Ярославлѣ, Галичѣ, Плесѣ и Ростовѣ; и отъ Успенья тако вымроша, яко и жита бѣ жати некому».

Въ 1425 г. скончался Великій Князь Василій Димитріевичъ и, по устанавливавшемуся тогда новому порядку престолонаслѣдія, назначилъ себѣ преемникомъ старшаго сына своего Василія Васильевича (Темнаго), дядя котораго Юрій Димитріевичъ, слѣдуя старому порядку престолонаслѣдія, не призналъ старшинства племянника и сталъ домогаться великаго княженія; отсюда началась продолжительная и кровопролитная, но уже послѣдняя усобица изъ-за Московскаго престола.

Борьба эта представляетъ интереснѣйшую страницу русской исторіи и костромского края. Она богата событіями и выдающимися типами участниковъ этой борьбы, которая происходила между Великимъ Княземъ, съ одной стороны, и Юріемъ Димитріевичемъ и его сыновьями Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Шемякой — съ другой. Здѣсь Кострома играла, такъ сказать, пассивную роль, такъ какъ главная борьба происходила между Москвой и Галичемъ (Костромской губ.). Безъ сомнѣнія, Кострома въ то время сильно страдала, такъ какъ находилась въ центрѣ борьбы, и лѣтописцы повѣствуютъ, что ее занимали то войска Великаго Князя, то войска его противниковъ. Кромѣ того, тогда же, именно въ 1429 году, казанскіе татары, подъ предводительствомъ царевича Махмутъ-Хази, разграбили въ числѣ другихъ городовъ и Кострому.

Тотчасъ по вступленіи на великокняжескій престолъ Василія II Темнаго, родной дядя его Юрій Димитріевичъ въ своемъ удѣльномъ городѣ Галичѣ началъ приготовляться къ борьбѣ съ племянникомъ, который, услыхавъ объ этихъ приготовленіяхъ, прислалъ въ Галичъ Митрополита Фотія для заключенія мира, и въ 1428 году миръ былъ заключенъ. Но уже въ 1431 году Юрій снова начинаетъ искать великаго княженія. Въ 1433 году на рѣкѣ Клязьмѣ произошелъ бой между ратями Великаго Князя и Юрія Димитріевича. Великій Князь былъ разбитъ и удалился съ семьей сначала въ Тверь, затѣмъ въ Кострому, а Юрій Димитріевичъ занялъ великокняжескій столъ, давши въ удѣлъ племяннику Коломну. Но въ томъ же 1433 году, когда отъ Юрія ушли его старшіе сыновья Василій Косой и Димитрій Шемяка, и многіе бояре, онъ, оставшись съ младшимъ сыномъ своимъ Димитріемъ Краснымъ безъ служилыхъ людей, отказался отъ великаго княженія въ пользу племянника и ушелъ въ Звенигородъ, а затѣмъ въ Галичъ. Борьбу за великокняжескій престолъ стали продолжать старшіе его сыновья — Василій Косой и Димитрій Шемяка. Великій Князь Василій послалъ рать противъ нихъ къ Костромѣ.

Московскимъ войскомъ предводительствовалъ Юрій Патрикеевичъ, правнукъ знаменитаго Гедимина, государя Литовскаго. Полки Юрьевичей, кромѣ Костромичей, державшихъ ихъ сторону, составляли галичскіе и вятскіе ратники, тайно присланные Юріемъ Димитріевичемъ, не смотря на то, что при замиреніи съ племянникомъ, Юрій обоихъ своихъ сыновей призналъ врагами общаго покоя. То́ и другое войско въ 1434 г. сошлось на рѣкѣ Куси (Галичскаго уѣзда). Здѣсь московскіе полки были разбиты на голову, самъ предводитель ихъ Патрикеевичъ взятъ былъ въ плѣнъ и привезенъ въ Кострому, «*обремененный цѣпями*» [1]). Въ томъ же 1434 году, Великій Князь снова посылаетъ рать, которая, опустошивши Галичъ и Галичскую волость, возвратилась въ Москву. Послѣ этого, въ 1435 г., Юрій, совмѣстно съ сыновьями, собравши ратныхъ людей, направился къ Москвѣ. Войска Великаго Князя встрѣтились въ Ростовской

[1]) Архангелогор. лѣтоп., стр. 119; А. Титовъ. Старинн. вол. и станы въ Костромской сторонѣ, стр. 30.

области съ войсками Юрія и его сыновей и у Николы Нагорнаго, близъ Ростова, произошла кровопролитная битва, въ которой тяжко былъ раненъ князь Димитрій Красный. Онъ былъ пораженъ обухомъ сѣкиры въ самую грудь—«тяжелое багровое пятно было на груди его».

Войска Юрія взяли Москву, захватили въ плѣнъ семью Великаго Князя Василія, а самъ Великій Князь бѣжалъ къ Новгороду, затѣмъ удалился въ Кострому, потомъ въ Нижній Новгородъ. Юрію Димитріевичу недолго пришлось княжить въ Москвѣ. Онъ въ 1435 году умеръ и на великокняжескій престолъ снова вступилъ Василій Темный. Но борьба еще не кончилась и ее сталъ продолжать Василій Косой, который собралъ въ Галичѣ и Костромѣ большую рать и двинулся къ Москвѣ. Великій Князь выступилъ съ войсками изъ Москвы и на берегахъ рѣки Которости, Ярославской волости, у Косьмы и Даміана, разбилъ рать Василія Косого, который ушелъ въ Кашинъ, а затѣмъ въ Вологду, гдѣ, уничтоживъ великокняжескую заставу, направился въ Кострому. Великій Князь также двинулся къ Костромѣ и расположился на мысѣ у Ипатіевскаго монастыря, а Василій Косой, съ прибывшими къ нему на помощь Вятчанами, расположился въ самой Костромѣ. Рѣка Кострома раздѣляла обѣ рати и соперники заключили миръ, не вступая въ бой.

Князю Димитрію Юрьевичу Красному Великій Князь Василій далъ въ удѣлъ Бѣжецкъ, въ которомъ онъ и поселился, но, услыхавъ, что братъ его Василій Косой снова собираетъ воинскую рать для похода на Москву, отослалъ свою дружину на помощь Великому Князю Московскому, а самъ уѣхалъ изъ Бѣжецка по направленію къ Устюгу, чтобъ выступить въ роли миротворца между Великимъ Княземъ и Василіемъ Косымъ. На пути онъ остановился въ полуразрушенномъ Галичѣ и заболѣлъ тамъ. Услыхавъ же объ ослѣпленіи своего брата Василія Косого, онъ окончательно слегъ въ постель и 22 сентября 1441 года скончался.

Князь Димитрій Юрьевичъ умеръ 25 лѣтъ отъ роду. Онъ былъ кроткаго незлобиваго характера, набожный, весьма красивой наружности, съ русыми кудрявыми волосами, голубыми глазами, съ румянымъ лицомъ, отчего и получилъ названіе «*Краснаго*», т. е. *красиваго*.

Лѣтописи оставили намъ весьма интересное описаніе признаковъ его болѣзни и кончины [1]).

Князь Димитрій, пріѣхавши въ Галичъ, вдругъ лишился слуха, и *«болячка въ немъ движеся»*, пишетъ лѣтописецъ. Затѣмъ онъ лишился вкуса и сна. Когда пришелъ его духовникъ, инокъ Осія,

[1]) Около 500 лѣтъ прошло со времени вышеозначеннаго событія, но интересъ къ болѣзни и смерти Галичскаго князя Димитрія Краснаго не исчезъ до сихъ поръ и требуетъ научнаго разрѣшенія и освѣщенія, тѣмъ болѣе что многіе склонны видѣть въ описаніи болѣзни и смерти князя пылкую фантазію лѣтописца.

Конечно, наши предки 500 лѣтъ тому назадъ смотрѣли на дѣло просто и объясняли этотъ, единственный въ своемъ родѣ, фактъ чудомъ, святостію князя Димитрія и особеннымъ благоволеніемъ Божіимъ. «Кому сія, Господи, уготовалъ, аще сей не внидетъ въ царствіе Твое», говорили наши предки. «Неслыханное чудо совершилось, и умъ человѣческій не постигаетъ въ немъ!»

Наши предки бродили еще во тьмѣ, они не постигали еще, что для ума человѣческаго нѣтъ никакихъ преградъ.

Попытаемся же освѣтить вышеописанный фактъ на основаніи современныхъ научныхъ данныхъ. Это необходимо въ виду того, что многіе думаютъ, что болѣзнь князя—фантазія лѣтописца.

Какою же болѣзнью страдалъ князь Димитрій Красный, и естественны ли, присущи ли его болѣзни всѣ тѣ симптомы, которые такъ поразили окружающихъ князя и вырвали изъ устъ ихъ признаніе, что умъ человѣческій не можетъ постигнуть этого?

Что у князя Димитрія не было никакой соматической, тѣлесной болѣзни, за это говоритъ его молодой, цвѣтущій, двадцатипятилѣтній возрастъ. Лѣтописецъ не одинъ разъ указываетъ, что князь былъ красивъ и румянъ, какъ красная дѣвица, чего, конечно, не было бы, еслибы у него была какая-либо, болѣе или менѣе серьезная, болѣзнь внутреннихъ органовъ. Князь Димитрій участвовалъ во всѣхъ многочисленныхъ походахъ и сраженіяхъ изъ за обладанія московскимъ великокняжескимъ престоломъ, въ сраженіяхъ, почти непрерывныхъ за послѣдніе годы его жизни, что, конечно, не былъ бы въ состояніи сдѣлать, если бы страдалъ какою-либо серьезною тѣлесною болѣзнью. Наконецъ, передъ своимъ заболѣваніемъ въ Галичѣ, князь, живя въ Бѣжецкѣ, настолько, видимо, чувствовалъ себя хорошо, что не задумался совершить дальній путь въ Великій Устюгъ, чтобы явиться посредникомъ въ примиреніи своего брата Василія Косого съ Великимъ Княземъ, и только при переѣздѣ черезъ Галичъ онъ вдругъ заболѣлъ тою болѣзнью, признаки которой нами выше были описаны.

Внезапность заболѣванія, внезапность и періодичность пораженія

со Святыми Дарами, то у князя Димитрія изъ обѣихъ ноздрей полилась кровь, такъ что нельзя было его пріобщить. Когда кровотеченіе стало немного униматься, духовникъ заткнулъ его ноздри бумажкой и пріобщилъ его. Принявъ немного пищи и вина, князь заснулъ. Къ вечеру прибѣжалъ къ Осіи діаконъ Дементій и сказалъ:

важныхъ органовъ, каковы органы зрѣнія и слуха, безъ достаточныхъ предшествующихъ основаній, а также внезапность возвращенія къ нормѣ заболѣвшихъ органовъ, и всѣ дальнѣйшіе симптомы болѣзни, безъ сомнѣнія, говорятъ, за болѣзнь нервно-психическаго заболѣванія. Но, какъ въ настоящее время извѣстно, чтобы заболѣть какой-либо тяжелой нервно-психической болѣзнью, нужно имѣть соотвѣтствующую наслѣдственность, нужно съ дѣтства имѣть задатки, которые, подъ вліяніемъ дальнѣйшаго усиленія нервной возбудимости, дали бы полную картину извѣстнаго нервно-психическаго заболѣванія.

Къ сожалѣнію, ничего не извѣстно о матери князя Димитрія, объ ея характерѣ и образѣ жизни, но все-таки нѣчто можно извлечь изъ лѣтописныхъ данныхъ о характерахъ интересующей насъ семьи князя Юрія Димитріевича.

Судя по лѣтописямъ, отецъ Димитрія Краснаго, Юрій былъ благочестивъ, кротокъ, милостивъ, открытой души, высокой доброты, но слабохарактеренъ, нерѣшителенъ, имъ легко управляли бояре, имъ легко было завладѣть каждому клеветнику, каждому смутьянину. Высокій интересъ преставляютъ характеры его дѣтей. Лѣтописцы и изслѣдователи говорятъ, что старшій сынъ Юрія Димитріевича Василій Юріевичъ Косой былъ гордъ, дерзокъ, гнѣвливъ, необузданъ, злопамятливъ, честолюбивъ. Ему несвойственны были благородные порывы души. Въ Василіи Косомъ, говоритъ Н. А. Полевой, была дикая страсть и какое-то излишество душевной силы, у него была душа Мстислава Храбраго и ярость Романа Галичскаго. Въ моментъ сильнаго раздраженія, злобы и гнѣва онъ не задумывался совершить убійство, и совершалъ его неоднажды. Такъ извѣстно, что въ моментъ раздраженія онъ убилъ любимаго его отцомъ боярина Семена Морозова и изувѣчилъ, обрубивъ руку, какого-то князя Романа, жившаго въ Новгородѣ и чѣмъ-то ему не угодившаго. Полную противоположность Василію Косому, по характеру, представляетъ братъ его Димитрій Юрьевичъ Красный, человѣкъ весьма кроткій, богобоязливый, мягкій, весьма религіозный, не терпящій ссоръ и являющійся всегда миротворцемъ между ссорящимися. «Къ душѣ Димитрія Краснаго, говоритъ Полевой, не приставала, какъ къ золоту, никакая ржавчина, его душа согрѣвалась только любовію и неслась въ горные предѣлы міра». Лѣтописи указываютъ, что во время крупной и бурной ссоры его братьевъ съ московскимъ посольствомъ, пріѣхавшимъ въ Галичъ съ предложеніемъ мира, Дмитрій Красный сидѣлъ и плакалъ. Послѣ убій-

«Князь отходитъ»! Собравшіеся бояре застали князя при послѣднемъ издыханіи и только успѣли прочитать отходную. Скончавшійся князь одѣтъ былъ въ саванъ, положенъ на столъ, окруженный свѣчами, и закрытъ покрываломъ. При умершемъ осталось нѣсколько бояръ и діаконъ. Къ полночи всѣ заснули, исключая діакона.

ства Василіемъ Косымъ боярина Морозова, Красный долгое время не могъ вымолвить ни слова и только съ ужасомъ глядѣлъ на трупъ боярина, сжимая руки въ судорожномъ движеніи, а затѣмъ отправился къ отцу и молилъ его не предавать проклятію за убійство его старшаго брата. Во время смерти своего отца Красный рыдалъ, молился, и, наконецъ, лишился чувствъ.

Средній сынъ Юрія Димитрій Шемяка по характеру своему представлялъ нѣчто среднее между братьями своими Василіемъ Косымъ и Димитріемъ Краснымъ. У Димитрія Шемяки была пылкая душа, но душа добрая, отзывчивая, благородная. Шемяка былъ храбръ, но благороденъ. Онъ много не раздумывалъ; онъ говорилъ: «скажите, куда мнѣ надо понести войну и я понесу ее». Только благородствомъ его характера и можно объяснить, что по смерти отца своего, Великаго Князя Юрія, онъ первый высказался, что великокняжескій престолъ долженъ принадлежать Василію II, а не Василію Косому, его родному брату. Разницу въ характерахъ между братьями Н. А. Полевой весьма остроумно опредѣляетъ такъ: «на предложеніе, напр., повѣсить человѣка Василій Косой усмѣхнулся-бы, Димитрій Шемяка содрогнулся-бы», а Димитрія Красный, прибавимъ мы, преисполнился бы ужаса, зарыдалъ и лишился чувствъ.

Изъ описанія характеровъ, изъ крайней ихъ противоположности, доходящей, съ одной стороны, до ничѣмъ не обузданной ярости, а съ другой, до ангельской кротости и мягкости, уже ясно видна вся нервно-психическая неуравновѣшенность семьи, видна, съ одной стороны, повышенная психическая возбудимость, а съ другой стороны, пониженная возбудимость въ центростремительной сферѣ нервной системы. А это именно тѣ явленія, которыя мы въ настоящее время называемъ *истерическими проявленіями*, которыя, имѣя задатки въ дѣтствѣ, кроясь въ наслѣдственной прирожденной нервно-психической организаціи, развиваются въ дальнѣйшемъ, конечно, при благопріятныхъ обстоятельствахъ, въ тяжелое нервное разстройство.

Итакъ, со стороны наслѣдственности, не смотря на скудость данныхъ, мы должны признать, что князь Димитрій Красный уже съ момента рожденія имѣлъ такъ называемую нервно-психическую организацію истерическаго характера.

Истерія принадлежитъ къ интереснѣйшимъ болѣзнямъ и нарисовать ея полную клиническую картину нѣтъ никакой возможности, вслѣдствіе множества самыхъ разнообразныхъ проявленій этой болѣзни. Д-ръ С. А.

Въ полночь умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, не открывая глазъ, громкимъ голосомъ воскликнулъ: «Петръ же позна, яко Господь есть!» Діаконъ оцѣпенѣлъ отъ ужаса, а князь продолжалъ говорить одно и то же съ закрытыми глазами. Діаконъ, собравшись съ духомъ, началъ всѣхъ

Слухановъ въ послѣднемъ своемъ трактатѣ объ истеріи говоритъ, что отсутствіе полной гармоніи между сознательными процессами и низшими безсознательными аппаратами создаетъ пеструю, подчасъ противорѣчивую картину, гдѣ нѣтъ необходимаго единства между отдѣльными составными частями нашего «я». Вслѣдствіе этого нѣкоторые психическіе механизмы проявляютъ самостоятельную дѣятельность въ большей степени, чѣмъ это имѣетъ мѣсто у такъ называемыхъ нормальныхъ и уравновѣшенныхъ лицъ. Въ общемъ картина истеріи такова: отсутствіе воли, чувствительное раздраженіе всякими впечатлѣніями, частыя перемѣны въ душевномъ настроеніи. У человѣка, имѣющаго задатки, истерія развивается преимущественно отъ 15 до 25 лѣтъ. Истерическій человѣкъ отличается большей впечатлительностью. Повышенная психическая возбудимость ведетъ къ разстройству сна, къ безсонницѣ, или къ постоянной дремотѣ, въ которой больные грезятъ, говорятъ, поютъ, встаютъ, не сохраняя затѣмъ никакого воспоминанія. Пониженная возбудимость въ центральной сферѣ нервной системы производитъ временную глухоту, полную или неполную слѣпоту, потерю вкуса и обонянія; больные то не переносятъ слабаго укола булавкой, или даже слабаго давленія, то становятся нечувствительными, когда ихъ жгутъ. Стоитъ вспомнить, какъ въ религіозномъ экстазѣ люди клали руку въ огонь, стойко переносили обугливаніе руки и только славили Создателя, и безошибочно можно сказать, что если глубокая вѣра можетъ двигать горами, то это больше всего подтверждается на истерическихъ субъектахъ. Въ двигательной сферѣ появляются параличи конечностей, параличи кишекъ, голосовыхъ связокъ и т. под. При истеріи часто появляются обмороки и носовыя кровотеченія. Религіозныя чувства у истерическихъ субъектовъ въ большинствѣ случаевъ сильно развиты, и подъемъ этихъ чувствъ бываетъ такъ великъ, что подъ вліяніемъ его мѣняется и самочувствіе, и настроеніе.

Общее сумеречное состояніе князя Димитрія Краснаго, его любовь къ уединенію, страсть къ созерцательности, поразительное смиреніе, несоотвѣтствующее его высокому положенію—и все это въ молодыхъ, цвѣтущихъ годахъ—наконецъ, частые обмороки, плачъ по всякому поводу, даже во время обыкновенной молитвы—безъ сомнѣнія, указываютъ на неуравновѣшенность его нервной и психической системы, на истерическій его характеръ.

Лѣтописцы еще упоминаютъ объ одномъ признакѣ, именно они говорятъ, что «*болячка въ немъ движеся*». Но что же это за движущаяся болячка?

будить, а князь продолжалъ говорить все то же. Потомъ онъ началъ пѣть разныя церковныя пѣснопѣнія и передъ утренней зарей сталъ стихать. Послѣ утрени духовникъ его, инокъ Осія, принесъ запасные Дары, но князь не открывалъ глазъ. Тогда Осія коснулся лжицею его устъ, и князь открылъ глаза. Увидавъ св. Дары, онъ

По нашему мнѣнію — это очень мѣткое описаніе одного изъ характерныхъ признаковъ истеріи, именно такъ называемаго «globus hystericus», который выражается тѣмъ, что у больныхъ истеріей появляется ощущеніе какъ-будто шара, поднимающагося изъ области желудка къ горлу, причемъ это явленіе сопровождается сильными болями.

Итакъ, всѣ, хотя и скудныя данныя, говорятъ, что князь Димитрій Юрьевичъ Красный страдалъ истеріей, которая подъ вліяніемъ бурныхъ событій, совершавшихся передъ его глазами, перешла въ тяжелую форму и была причиной тѣхъ явленій его болѣзни, которая такъ поразила окружающихъ князя.

Но предсмертныя явленія болѣзни князя Димитрія Краснаго поразили бы своей необычайностью и теперь всѣхъ тѣхъ, кто незнакомъ съ данными объ истеріи, добытыми наукой за послѣднее время.

Постараемся въ самой краткой формѣ изложить современныя данныя объ истеріи, ибо только при знакомствѣ съ ними будетъ ясно объяснена картина болѣзни князя Димитрія.

По современному ученію, многіе истерическіе субъекты подвержены гипнозу, который проявляется на нихъ въ различныхъ формахъ, или легкихъ, или весьма тяжелыхъ, къ числу которыхъ принадлежитъ такъ называемый большой гипнозъ. Большой гипнозъ состоитъ изъ трехъ фазъ: *летаргической, каталептической* и *сомнабулической.* Истерическій субъектъ, подъ вліяніемъ какихъ-либо внѣшнихъ раздраженій, непріятностей, горя и т. под. остается неподвижнымъ въ той позѣ, въ какой застало его раздраженіе. Глаза у него закрываются, теряется сознаніе, всѣ члены разслабляются, становятся неподвижными, уничтожается слухъ, способность говорить, дыханіе и сердцебіеніе сводятся до minimum'а. Однимъ словомъ, получается полная картина *летаргическаго сна.* Опытъ съ гипнозомъ показываетъ, что стоитъ только въ свѣтлой комнатѣ пріоткрыть глаза субъекта, находящагося въ летаргіи, какъ они широко раскрываются, взглядъ становится неподвижнымъ, лишеннымъ всякаго выраженія, мускулы его получаютъ восковую гибкость и долго остаются въ томъ положеніи, какое имъ придаютъ, даже самомъ неудобномъ, причемъ сознаніе нѣсколько проясняется, появляется способность говорить, но чувствительность, зрѣніе и слухъ остаются уничтоженными. Получается такимъ образомъ полная картина, такъ называемой, каталепсіи. Интересно, что стоитъ только закрыть глаза субъекту, находящемуся въ каталепсіи, какъ она переходитъ снова въ летаргію.

сказалъ: «Радуйся, утробо Божественнаго воплощенія!» и пріобщился. Въ слѣдующіе два дня, т. е. въ понедѣльникъ и вторникъ, онъ продолжалъ пѣть стихиры и произносить тексты изъ священнаго писанія, узнавалъ людей, говорилъ, что кому хотѣлъ сказать, но самъ не слышалъ ничего, что ему говорили. Въ среду онъ лишился

Далѣе, если мы субъекту, находящемуся въ каталепсіи, будемъ производить давленіе на темя, то получимъ третью фазу большого гипноза, т. е. состояніе *сомнабулизма*, при которомъ сохраняется, хотя и нѣсколько измѣненное, сознаніе, болевая чувствительность пропадаетъ, мускулы приходятъ въ состояніе окоченѣлости, тѣло становится совершенно твердымъ, не сгибается въ сочлененіяхъ, такъ что можно положить такого субъекта головою на одномъ, а концами ногъ на другомъ стулѣ, причемъ ни туловище, ни конечности не согнутся въ теченіе довольно продолжительнаго времени; можно положить на средину его тѣла значительныя тяжести, сѣсть на него, какъ на скамью.

И дѣйствительно, люди страдающіе тяжелой формой истеріи, или впадаютъ въ одно изъ этихъ состояній, или продѣлываютъ всѣ три вышеуказанныя фазы. Если примѣнить все только-что сказанное къ интересующему насъ случаю, то получится такая картина.

Князь Димитрій Юрьевичъ Красный имѣлъ задатки истерическаго состоянія своей нервной и психической системы. Эти задатки, вслѣдствіе неблагопріятно-сложившихся для него обстоятельствъ въ жизни, привели къ полному развитію тяжелой формы истеріи; а неблагопріятныхъ обстоятельствъ, способствовавшихъ раздраженію его нервной и психической системы было у князя болѣе, чѣмъ достаточно. Кругомъ неурядицы, ссоры, постоянные походы, кровопролитныя междуусобныя битвы; на его глазахъ его братъ Василій Косой убилъ любимца его отца—боярина Морозова, на его глазахъ умиралъ горячо любимый имъ отецъ, на его глазахъ Василій Косой создавалъ крамолы и сѣялъ всюду злобу и смерть.

Вспомнимъ, что переполнило, такъ сказать, чашу его страданій и послужило къ его предсмертному тяжелому заболѣванію.

Какъ извѣстно, живя въ Бѣжецкѣ и услыхавъ, что Василій Косой снова собираетъ въ Устюгѣ рать для похода на Москву, Димитрій Красный въ силу условій, заключенныхъ съ Великимъ Княземъ Московскимъ, отправилъ въ Москву свою дружину на помощь Великому Князю, а самъ поѣхалъ въ Устюгъ съ цѣлью помирить Великаго Князя съ братомъ, но въ Галичѣ услыхалъ, что братъ его Василій Косой уже потерпѣлъ пораженіе, взятъ въ плѣнъ и ослѣпленъ. «И я, присоединивъ свои дружины къ Московскимъ, сталъ невольнымъ сообщникомъ страшнаго ослѣпленія родного брата», говорилъ съ горестью князь Димитрій и тяжко заболѣлъ. Съ нимъ сдѣлался припадокъ тяжелой истеріи: онъ лишился

языка, но людей узнавалъ, а въ четвергъ во время обѣдни, именно во время чтенія евангелія, испустилъ духъ—«*конечное*», прибавляетъ лѣтописецъ. Бояре вынесли тѣло умершаго князя въ церковь св. Леонтія и послали въ Угличъ за роднымъ его братомъ Димитріемъ Шемякою, который и прибылъ на 8-й день. Тогда князя отпѣли,

аппетита, сна, оглохъ и «болячка въ немъ движеся», т. е. появился характерный признакъ истеріи—globus hystericus. Затѣмъ у него появилось сильное носовое кровотеченіе, часто бывающее при истеріи. По всей вѣроятности, обильная потеря крови, вслѣдствіе носового кровотеченія, была ближайшей причиной перехода истеріи въ нервную фазу большого гипноза, т. е. наступила летаргія. Нужно думать, что летаргія рельефно выразилась для окружающихъ въ то время, когда дыханіе и сердцебіеніе на столько мало были выражены, что вечеромъ, какъ свидѣтельствуетъ лѣтопись, одинъ изъ оставшихся при князѣ прибѣжалъ съ извѣстіемъ, что князь отходитъ. Но летаргія продолжалась недолго, и уже въ полночь мнимо умершій князь вдругъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы и, *не открывая глазъ*, громкимъ голосомъ воскликнулъ: «*Петръ же позна, яко Господь есть!*» и продолжалъ говорить одно и то же съ закрытыми глазами.

Что же произошло съ княземъ?

Несомнѣнно, князь пробудился отъ летаргическаго сна, сознаніе его болѣе прояснилось, ибо онъ обѣими руками скинулъ покровъ съ своей головы; онъ получилъ способность говорить, ибо даже пѣлъ различныя духовныя пѣснопѣнія, но, въ то же время, онъ ничего не слышалъ и лежалъ съ закрытыми глазами, а это показываетъ, что летаргическая фаза у него *не* перешла въ слѣдующую, т. е. каталепсію, ибо при переходѣ изъ летаргіи въ каталепсію, какъ сказано нами выше, глаза больного обязательно открываются, князь же, какъ нѣсколько разъ упоминается въ лѣтописи, все время не открывалъ глазъ. Болѣе прояснившееся сознаніе, возстановленіе рѣчи, появленіе самопроизвольныхъ движеній—всѣ эти признаки указываютъ, что болѣзнь перешла изъ первой фазы, летаргіи, въ третью фазу—сомнамбулизмъ, при которомъ глаза больного могутъ быть закрытыми и открытыми, причемъ сомнамбулизмъ съ закрытыми глазами считается только не такимъ типическимъ, какъ сомнамбулизмъ съ открытыми глазами. Но, что это была дѣйствительно фаза сомнамбулизма, доказывается послѣдующими явленіями. Лѣтописи ясно говорятъ, что послѣ утрени духовникъ принесъ запасные Дары, но князь не открывалъ глазъ. Когда же духовникъ коснулся лжицею его устъ, князь немедленно открылъ глаза, увидѣлъ св. Дары, воскликнулъ: «радуйся утробо Божественнаго воплощенія!» и причастился.

Этотъ, описанный въ лѣтописяхъ фактъ, указываетъ, что послѣ прикосновенія къ губамъ князя лжицею, князь пришелъ почти въ полное

положили въ засмоленную колоду и повезли въ Москву. Когда трупъ князя везли въ Москву, то дорогой дважды уронили гробъ съ носилокъ. Протекло 23 дня со времени его кончины, когда трупъ князя привезли въ Москву и, отпѣвъ панихиду, захотѣли открыть колоду, то, къ удивленію своему, нашли тѣло князя нимало не измѣнившимся, безъ всякихъ знаковъ тлѣнія. Лицо его было бѣло, какъ у спящаго, безъ синеты и черноты. Возблагодаривъ Бога, положили его въ гробъ возлѣ отца его, Великого Князя Юрія, въ Архангельскомъ соборѣ.

сознаніе, сознательно причастился, сталъ узнавать людей и говорилъ, что кому хотѣлъ сказать. По словамъ лѣтописи, у князя осталась только глухота, которая нерѣдко наблюдается, какъ мы раньше видѣли, у всѣхъ истерическихъ субъектовъ.

Теперь является вопросъ: въ силу какихъ причинъ князь пришелъ почти въ нормальное состояніе, освободившись отъ припадка сомнабулизма, и какую роль здѣсь играла, да и играла-ли еще, та лжица, при прикосновеніи которой къ губамъ князя, онъ открылъ глаза и у него прояснилось сознаніе, какъ то отмѣчаютъ лѣтописи?

Чтобы разобраться въ этомъ вопросѣ и доказать, что фактъ, описанный лѣтописцемъ, не его фантазія, мы должны обратиться къ научнымъ даннымъ современнаго ученія объ истеріи и гипнотизмѣ.

Научными, строго обставленными, опытами доказано, что при прикладываніи различныхъ металловъ къ частямъ тѣла, пораженнымъ истерическими разстройствами, замѣчается, что одинъ, или нѣсколько металловъ, различныхъ для каждаго субъекта, производятъ измѣненія въ состояніи больного, тогда какъ прикосновеніе другихъ металловъ не даетъ этихъ измѣненій. Если металлъ былъ приложенъ къ области тѣла истерически нечувствительной, то черезъ нѣсколько времени чувствительность возстановляется, причемъ прикосновеніе металловъ должно быть весьма кратковременнымъ, въ противномъ случаѣ эффекта не получится. Это явленіе наблюдается при потерѣ чувствительности органовъ спеціальныхъ чувствъ—зрѣнія, слуха, вкуса и т. д., которые приходятъ въ нормальное состояніе; тоже интересное явленіе наблюдается и въ летаргической, каталептической и сомнабулической формахъ истеріи.

Изъ всего вышеприведеннаго ясно, почему кратковременное прикосновеніе металлической лжицы къ губамъ больного князя произвело такое явленіе, что князь немедленно открылъ глаза, пришелъ въ сознаніе, сталъ узнавать людей и говорить съ ними. Прикосновеніе металла, по всей вѣроятности олова, ибо въ то время всѣ священные сосуды были оловянными, прекратило припадокъ сомнабулизма.

Со смертію, въ 1453 году, Д. Шемяки, похороненнаго въ Новгородскомъ Юрьевомъ монастырѣ, послѣдняя борьба Рюриковичей за великокняжескій престолъ прекратилась, и Василій Васильевичъ Темный сдѣлался полновластнымъ хозяиномъ русской земли. Онъ, подобно своимъ предшественникамъ, также увеличивалъ свои Московскія владѣнія покупкою различныхъ городовъ и мѣстечекъ. Имъ, между прочимъ, куплены на Костромѣ: Качаловское, Ушаковское и Святое.

Въ княженіе Василія II Темнаго русская церковь стала самостоятельной, ибо въ 1448 году въ Москвѣ соборомъ русскихъ іерарховъ, безъ участія Константинопольскаго патріарха, былъ поставленъ митрополитомъ на Руси св. Іона, и церковь русская поставлена была первою послѣ Іерусалимскаго патріархата. Св. митрополитъ Іона - *костромичъ*, родомъ изъ села Одноушева, находящагося въ 12 верстахъ отъ города Солигалича (Костр. губ.).

V.

Кострома въ княженіе Іоанна III.— Набѣги казанскихъ татаръ. — Моръ въ Костромѣ.— Участіе Костромского ополченія въ присоединеніи Новгорода. — Пожаръ Костромы.— Княженіе Василія III. — Мѣры противъ казанскихъ татаръ.— Княженіе Іоанна IV.— Поддѣлка монетъ въ Костромѣ.— Нападеніе на костромскія волости казанскихъ татаръ.— Вѣнчаніе на царство Іоанна IV и первый бракъ его.— Казанскіе походы.— Смерть царицы Анастасіи и появленіе опричнины.— Чума.— Смерть Іоанна Грознаго.— Царь Θеодоръ Іоанновичъ. — Царь Борисъ Годуновъ. — Отношеніе Бориса къ представителямъ рода Романовыхъ.

По смерти Василія II Темнаго, въ 1462 году, на великокняжескій Московскій престолъ вступилъ сынъ его Іоаннъ III Васильевичъ, который царствовалъ 43 года.

Іоанну III пришлось вести долгую и упорную войну съ казанскими татарами, которые дѣлали частые набѣги на поволжскіе города, а также на Вологду, Ростовъ и Галичъ. Для защиты этихъ городовъ Великій князь поставилъ въ Муромѣ, Нижнемъ-Новгородѣ, Костромѣ и Галичѣ оборонительныя рати и приказалъ гражданамъ сидѣть въ крѣпкой засадѣ.

Въ 1467 году Казанскіе татары опустошили двѣ Костромскія волости (Кусь), но Костромской воевода Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, узнавъ объ опустошеніи Куси, съ войскомъ тогда же выступилъ изъ Костромы на Кусь и преслѣдовалъ Казанцевъ до самой Унжи [1]).

Въ томъ же 1467 году «бысть моръ (чума) лютъ и множество людей изомре по дорогамъ и на Москвѣ, и по инымъ городамъ и селамъ». Этотъ моръ — железа — несомнѣнно былъ и въ Костромѣ, такъ какъ въ волости Ликургѣ, числившейся тогда въ Костромскомъ уѣздѣ, многія селенія опустѣли и во всей волости съ людьми осталось только шесть деревень [2]).

---

[1]) Лѣтоп. Нестор. Титовъ, А. Старин. волости и станы въ Костр. сторонѣ, стр. 30.
[2]) Ibid., стр. 34.

Въ 1469 году, по приказу Великаго Князя, двинулись по Волгѣ къ Нижнему Новгороду Угличане, Ярославцы, Ростовцы, *Костромичи* и Галичане и, соединившись тамъ съ войсками Москвы, Коломны, Владиміра, Суздали и Мурома, опустошили области Казанскихъ татаръ, но не могли окончательно покорить Казанскаго царства, какъ говорятъ лѣтописи—«по недостатку подчиненности».

Уничтоживъ многія удѣльныя княжества и утверждая единодержавіе, Великіе князья Московскіе съ недовольствомъ смотрѣли на самостоятельность Новгорода и ожидали только подходящаго случая, чтобы присоединить къ себѣ эту область, лишивъ ее самостоятельности. Такой случай скоро представился Іоанну III, когда Новгородцы, подъ руководствомъ честолюбивой и богатой своей посадницы Мареы Борецкой, вздумали возстановить древнія свои права и унизить Москву. Для каковой цѣли были захвачены многіе великокняжескіе доходы и земли и заведены сношенія съ Литвой.

Великій Князь въ двухъ походахъ противъ Новгородцевъ побѣдилъ ихъ и въ 1478 году окончательно присоединилъ Новгородъ къ Москвѣ Въ этихъ походахъ принимала участіе многочисленная костромская рать подъ предводительствомъ князя Даніила Холмскаго. Для полнаго подчиненія Новгорода Іоаннъ III въ 1488—1489 гг. вывелъ изъ Новгорода «житьихъ людей и гостей» и пожаловалъ имъ помѣстья въ Москвѣ, Владимірѣ, Муромѣ, Юрьевѣ, Ростовѣ и *Костромѣ*, а въ Новгородъ на ихъ помѣстья послалъ многихъ московскихъ лучшихъ людей, гостей и дѣтей боярскихъ изъ разныхъ городовъ Московской вотчины [1]). Историкъ Карамзинъ удостовѣряетъ, что воевода и великокняжескій намѣстникъ Яковъ Захарьевичъ Кошкинъ-Захарьинъ, родной дѣдъ Царицы Анастасіи Романовны прислалъ въ Москву 8000 семействъ Новгородцевъ для разселенія по Россіи [2]).

Въ 1493 году, въ субботу, на Вербное воскресенье, городъ Кострома подвергся опустошительному пожару [3]).

Іоаннъ III скончался 27 октября 1505 года, назначивъ себѣ въ преемники сына своего Василія III Іоанновича.

---

[1]) И. В. Миловидовъ. Очеркъ Ист. Костр., стр. 150.
[2]) Карамзинъ. Истор. Гос. Росс. Т. VI, стр. 87.
[3]) Ibid.

Княженіе Василія Іоанновича было продолженіемъ царствованія его отца. Казанскіе татары, хотя уже и находившіеся въ зависимости отъ Россіи, при Василіи III сдѣлали попытку расширить свои владѣнія и съ этой цѣлью производили частые набѣги, преимущественно на сѣверо-восточную часть Костромской области. Такъ, отъ войны «*казанскихъ людей*» въ 1515 г. обезлюдѣли 18 деревень Чухломскаго уѣзда, а въ 1525 году запустѣло въ томъ же уѣздѣ 13 деревень. Нападенія повторялись въ 1528 и 1530 годахъ [1]). Эти частыя нападенія заставили Великаго Князя устроить въ Ветлугѣ, Кологривѣ и Галичѣ пограничныя крѣпости съ насыпными земляными валами.

Василій Іоанновичъ умеръ въ 1533 году, назначивъ своимъ преемникомъ малолѣтняго сына своего Іоанна.

Во время малолѣтства Іоанна IV Васильевича управленіе Государствомъ было въ рукахъ матери его Елены, подъ руководствомъ Боярской Думы, которая состояла изъ самыхъ знатныхъ и приближенныхъ къ престолу бояръ.

Въ самомъ началѣ управленія государствомъ княгинѣ-правительницѣ пришлось вести борьбу, какъ съ внутренними, такъ и съ внѣшними врагами, которые, опасаясь сильной единодержавной власти, думали, что съ малолѣтствомъ Государя ослабли бразды правленія. Внутри Россіи появилась масса поддѣльныхъ монетъ, вслѣдствіи чего княгиня «повелѣ дѣлати деньги новыя, а поддѣльщиковъ обыскивати и казнити». Почему, какъ говоритъ лѣтопись, въ лѣто 1534, въ сентябрѣ «на Москвѣ казнили многихъ людей въ деньгахъ: Москвичъ, Смольнянъ и *Костромичей*, и Вологжанъ, и Ярославцевъ, а казнь была: олово лили въ ротъ и руки сѣкли».

Въ 1536 году Казанскіе татары напали на Костромскія и Галичскія волости. Князь Петръ Засѣкинъ, охранявшій костромскую область, вступилъ въ сраженіе съ непріятелемъ между Костромою и Галичемъ, но былъ разбитъ и самъ палъ въ этомъ сраженіи [2]).

Въ 1547 году, по кончинѣ матери своей Елены, Іоаннъ V Васильевичъ вѣнчался торжественно на царство, принялъ титулъ Царя и Самодержца Всероссійскаго и затѣмъ женился на Анастасіи Романовнѣ, дочери боярина Захарьина.

---

[1]) Г. В. Юдинъ. Дозорная книга по гор. Чухломѣ и уѣзду. 1615 года. Т. I, стр. 1—85.
[2]) Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 75.

Казанскіе татары, все еще окончательно не усмиренные, продолжали свои набѣги. Въ 1545 году напали на Чухлому (запустѣло 8 деревень), а въ 1549 году на Галичъ, но Костромской воевода Захарій Яковлевъ пошелъ съ войскомъ изъ Костромы къ Галичу, на берегахъ рѣчки Язовки разсѣялъ татарскія войска и убилъ предводителя ихъ богатыря Арака [1]).

Въ 1551 году Іоаннъ Грозный выступилъ въ походъ противъ Казани, при чемъ Кострома была назначена сборнымъ мѣстомъ праваго полка подъ начальствомъ воеводъ—князя Горбатаго и князя Серебрянаго.

14 февраля этого года полки всѣхъ городовъ соединились въ Нижнемъ Новгородѣ и подъ личнымъ начальствомъ Царя выступили на Казань. Но походъ этотъ не увѣнчался успѣхомъ, такъ какъ сначала страшные холода, затѣмъ быстро наступившая распутица заставили войска возвратиться назадъ. Въ слѣдующемъ году Іоаннъ Грозный предпринялъ новый походъ противъ Казани и 3 октября 1552 года окончательно покорилъ ее и присоединилъ къ своимъ владѣніямъ. Такимъ образомъ Россійскія владѣнія пришли въ непосредственное соприкосновеніе съ царствомъ Астраханскимъ, населеннымъ въ то время нагайскими татарами, которые, подобно казанскимъ татарамъ, безпокоили своими набѣгами русскія окраины. Въ 1556 г. Іоаннъ послалъ войско къ Астрахани и присоединилъ ее, такъ что вся Волга, отъ истока до устья, стала всецѣло русской рѣкой, что имѣло громадное значеніе, какъ для торговли, такъ и вообще для экономической жизни русскаго народа.

Въ 1560 году, 7 августа, умерла царица Анастасія, а съ ней, по выраженію Карамзина, настал конецъ счастливыхъ дней Іоанна и Россіи. Началась борьба царя съ боярствомъ, учредилась опричина, казни и опалы быстро слѣдовали другъ за другомъ. Даже собственный сынъ и ближайшіе родственники царя не избѣгли его жестокости. Такъ въ 1569 году, весною, Іоаннъ приказалъ собрать въ Нижнемъ-Новгородѣ войско для защиты Астрахани и начальство надъ ними ввѣрилъ двоюродному брату своему князю Владиміру

[1]) Кн. А. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, стр. 76.

Андреевичу, который и отправился въ Нижній черезъ Кострому. Костромичи, во главѣ съ духовенствомъ, встрѣтили его съ хлѣбомъ и солью, и съ великими почестями, но поплатились за это, такъ какъ царь приказалъ костромскимъ начальникамъ явиться въ Москву и тамъ казнилъ ихъ, а князя Владиміра Андреевича приказалъ отравить, что и исполнено было Малютой Скуратовымъ и Василіемъ Грязнымъ. Духовенство также было наказано, ибо избиты были по этому случаю, по приказанію царя, многіе иноки Богоявленскаго монастыря [1]).

Въ 1566 году въ Новгородъ изъ Эстоніи или Швеціи проникла чума, распространившаяся по всей Россіи. Лѣтописцы описываютъ, что «такого мора не бысть, отсюда же и царство Московское начася; понеже невозможно исписати мертвыхъ, множества ради». Многія деревни опустѣли, многіе дома затворились; въ городахъ церкви стояли безъ пѣнія. Интересно отмѣтить, что во время этой эпидеміи были примѣнены многія, разумныя, строгія и необходимыя мѣры къ прекращенію ея, но, къ несчастію, онѣ встрѣтили сильное противодѣйствіе со стороны духовенства, особенно монашествующихъ. Такъ Филофей, старецъ Елеазарова монастыря, послалъ грамоту великокняжескому дьяку Михаилу Григорьевичу Мисюрю, приводившему въ исполненіе строгія мѣры противъ заразы, гдѣ высказывалъ, чтобы онъ все это прекратилъ, ибо «о семъ да не ропщемъ на Владыку нашего и Господа нашего Іисуса Христа, иже случаются намъ прискорбная и тяжкая,—но вси благодарно терпимъ».

Царь Іоаннъ Грозный, спасаясь отъ эпидеміи, выѣхалъ изъ Москвы въ слободу Александровскую. Новгородская лѣтопись такъ описываетъ мѣры, какія предписывались во время эпидеміи: «на которыхъ людехъ язва обнаружится, тѣхъ у церкви погребати не велѣли, выносить ихъ въ деревню за 6 верстъ по Волхову внизъ, и поставили заставу по улицамъ и сторожей; въ которой улицѣ человѣкъ умретъ, и тѣ дворы запирали съ людьми и кормили тѣхъ людей улицею; и отцомъ духовнымъ покаивати тѣхъ людей не велѣли. А учнетъ который священникъ тѣхъ каяти, бояр не

[1]) Бажсновъ. Историч. очеркъ Богоявленскаго монастыря, стр. 40.

доложа, тѣхъ священниковъ велѣли жегчи съ тѣми же людьми больными».

Эта весьма губительная эпидемія несомнѣнно проникла и въ Кострому и ея область, что доказывается тѣмъ, что въ 1571 и 1572 годахъ она свирѣпствовала уже въ Чухломскомъ уѣздѣ. Такъ, вымерли отъ чумы буквально всѣ жители въ слѣдующихъ деревняхъ Чухломскаго уѣзда: въ 1571 году въ Барминскомъ, Иванковскомъ, Щелыковѣ, Ловушинѣ; въ 1572 году въ Пѣшковѣ, Лапинѣ на Вигѣ и Горбачевѣ [1]).

Іоаннъ Васильевичъ Грозный умеръ въ 1584 году и на престолъ вступилъ сынъ его Өеодоръ Іоанновичъ, слабый духомъ и тѣломъ, какъ говорятъ историки, вслѣдствіе чего онъ занимался мало государственными дѣлами и поручилъ кормило правленія брату жены своей Борису Өеодоровичу Годунову.

Въ царствованіе Өеодора Іоанновича въ Россіи учреждено было патріаршество, и церковь костромская, причисленная ранѣе къ ростовской митрополіи, подчинена была патріаршему управленію.

Өеодоръ Іоанновичъ не имѣлъ дѣтей, и наслѣдникомъ престола долженъ былъ быть другой сынъ Іоанна Грознаго Димитрій, но онъ былъ убитъ въ Угличѣ еще отрокомъ; поэтому, умирая, Өеодоръ Іоанновичъ вручилъ Россійскую державу супругѣ своей Иринѣ, а главными совѣтниками ея назначилъ патріарха Іова, двоюроднаго своего брата Өеодора Никитича Романова и шурина Бориса Годунова. Но царица Ирина на 9-й день послѣ смерти Өеодора Іоанновича отказалась отъ престола и постриглась въ монахини съ именемъ Александры, а на престолъ вступилъ братъ ея Борисъ Өеодоровичъ Годуновъ. При избраніи Годунова на царство присутствовалъ и подписался подъ избирательною грамотою игуменъ Костромского Богоявленскаго монастыря Исаія [2]).

Въ первые два года царствованія Бориса Россія наслаждалась миромъ, какъ внутреннимъ, такъ и внѣшнимъ и, управляемая твердою и разумною рукою, достигла высшаго могущества. Но, мучимый ли внутренними безпокойствами души и угрызеніями

[1]) Г. В. Юдинъ. Дозорная книга. Т. I, стр. 1--85.
[2]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, стр. 149, примѣч. 53. Баженевъ. Историч. очеркъ Богоявленскаго монаст., стр. 41.

совѣсти, какъ думаютъ одни историки, или постоянно раздражаемый кознями, интригами, завистью и наговорами окружающихъ его бояръ, какъ полагаютъ другіе, Борисъ становится подозрительнымъ, недовѣрчивымъ и рѣдко является народу, чтобы выслушивать его жалобы и принимать собственноручно челобитныя. Появились обязательные спутники подозрительности и недовѣрчивости — доносы. Соловьевъ, Костомаровъ и другіе говорятъ, что въ то время бояре, князья, боярыни и княгини пускались на это поприще, не понимая его позора. Подозрительность Бориса прежде всего отразилась на боярахъ Романовыхъ, ближайшихъ потомкахъ Рюрикова племени, тѣмъ болѣе что народъ уважалъ и любилъ Романовыхъ за ихъ добродѣтельную жизнь и благородныя качества. Къ этому присоединилась пущенная въ народѣ молва, что будто Ѳеодоръ Іоанновичъ думалъ еще при жизни своей объявить наслѣдникомъ престола Ѳеодора Никитича Романова. Вспомнилось при случаѣ и предсказаніе преподобнаго Геннадія Костромского, который, благословляя семейство боярина Романа Юрьевича, сказалъ его дочери, будущей супругѣ Іоанна Грознаго: «ты еси розга прекрасная и вѣтвь плодоносная, будеши намъ Государыня, Царица Благовѣрная всему міру» [1]). Все это, вмѣстѣ взятое, привело къ тому, что Ѳеодоръ Никитичъ, «*приводимый не одиново къ пыткѣ*» [2]), былъ сосланъ въ Холмогорскій уѣздъ, въ Антоніевъ-Сійскій монастырь, и тамъ постриженъ въ монахи подъ именемъ Филарета; жена его Ксенія Ивановна была пострижена въ инокини [3]), подъ именемъ Мароы, и сослана въ Заонежскіе погосты подъ строгій надзоръ священника Ключарева, а дѣтей ихъ съ теткою, княгиней Черкасской, сослали на Бѣлоозеро. Прочіе члены дома Романовыхъ были также всѣ сосланы и заточены въ разныхъ отдаленныхъ мѣстностяхъ Россіи.

Такъ, Александра Никитича сослали въ Усолье-Луку, къ Бѣлому морю, Ивана Никитича въ Пелымь, Василія Никитича въ Яренскъ, князя Бориса Черкасскаго съ семьей и 5-ти-лѣтнимъ Михаиломъ (Ѳеодоровичемъ) и маленькою его сестрою на Бѣлоозеро, князя Ивана Борисовича Черкасскаго въ Малмыжъ, князя Ивана

[1]) Карамзинъ. Истор. Гос. Росс.
[2]) Карамзинъ. Т. XI, гл. 2, прим. 149.
[3]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. г. Костромы, стр. 82.

Сицкаго въ Княжеозерскій монастырь, Михаила Никитича въ село Ныропу, Ныропской волости, что въ Перми, верстахъ въ 7 отъ Чердыни, гдѣ онъ «въ тѣсномъ заключеніи и умре насильственною смертью въ 1606 году».

Михаилъ Никитичъ, какъ его называютъ, «*Чердынскій узникъ*», отличался столь великимъ терпѣніемъ и переносилъ такія мученія, что мѣстные крестьяне, не смотря на страшныя угрозы смертью, принимали въ немъ участіе, проникали къ заключенному и закованному въ «*чепи и кандалы*», приносили ему самое нужное, чего онъ былъ лишенъ и тѣмъ облегчали мученія страдальца [1]).

Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ былъ человѣкъ красивый, видный, ловкій и чрезвычайно любимый народомъ. Есть свѣдѣнія, что Ѳеодоръ Никитичъ подстригалъ бороду, носилъ недлинные волосы на головѣ, былъ щеголемъ своего времени, ибо изящно одѣвался и по одеждѣ служилъ образцомъ модъ для всѣхъ тогдашнихъ придворныхъ.

Въ Антоніево-Сійскомъ монастырѣ Филарета Никитича охранялъ приставъ Воейковъ, который доносилъ царю обо всемъ, что такъ или иначе касалось Романова. Такъ Воейковъ доносилъ, что Филаретъ Никитичъ не желаетъ жить въ одной кельѣ съ приставленнымъ къ нему старцемъ, живетъ не по монастырскому чину, говоритъ про мірское, про птицъ ловчихъ и про собакъ, къ старцамъ жестокъ, бранитъ ихъ, бить хочетъ и говоритъ: «увидите, каковъ я впередъ буду».

На этотъ доносъ Годуновъ пишетъ: «если захочетъ Романовъ на клиросѣ стоять, то позволь, только бы съ нимъ никто изъ тутошныхъ и прохожихъ людей ни о чемъ не разговаривали». Кромѣ того царь велѣлъ починить худую ограду вокругъ монастыря, между кельями двери задѣлать и никого къ Филарету не пускать.

Филаретъ Никитичъ главнымъ образомъ тосковалъ и безпокоился объ участи своей семьи.

Боярыня Ксенія Ивановна Романова сослана была въ Толвуйскій погостъ, Олонецкой губерніи, гдѣ и прожила въ заточеніи 5 лѣтъ.

---

[1]) Костр. старина. Вып. VI, стр. 73.

Заонежская заточница—инока Мареа Ивановна родилась около 1579 года. Отецъ ея Иванъ Васильевичъ Шестовъ велъ свой родъ отъ древняго князя, выходца изъ поморской Пруссіи, поступившаго на службу къ Великому Князю Александру Невскому, и отличился въ Невской битвѣ.

Еще будучи боярышней, она обучена была грамотѣ, что въ то время было крайне рѣдкимъ явленіемъ. Ксенія Ивановна вышла замужъ около 1590 года и въ приданое за ней дано было село Домнино съ 57 деревнями и починками. Кромѣ того отъ матери ея перешло къ ней Угличскаго уѣзда село Климентино, на Суходолѣ, съ 14 деревнями и пустошами. Ксенія Ивановна славилась своею добротою и красотою. На свадьбѣ Θеодора Никитича Романова былъ царь Θеодоръ Іоанновичъ и Борисъ Годуновъ. У Романовыхъ было 6 человѣкъ дѣтей—Борисъ, Никита, Левъ, Михаилъ (царь), Татьяна и Иванъ, изъ которыхъ въ живыхъ остались лишь Михаилъ и Татьяна.

Заонежская заточница—инока Мареа Ивановна жила въ маломъ теремѣ, который стоялъ на возвышенномъ мѣстѣ, изъ котораго было видно только «царство камня, воды и лѣса» [1]). Она жила подъ присмотромъ двухъ приставовъ, пищевое довольствіе получала плохого качества и недостаточно. Въ памятной книжкѣ Олонецкой губерніи приводится преданіе, въ которомъ разсказывается, что «царицѣ Мареѣ Ивановнѣ данъ былъ столикъ, подъ столикомъ въ чашѣ вода, а на столикѣ овесъ ей ѣсть». Но такой строгій режимъ продолжался только годъ; въ 1602 году Мареѣ Ивановнѣ позволено было войти въ сношеніе съ населеніемъ, которое относилось къ изгнанницѣ весьма благожелательно. «Тотъ попъ Ермолай, а равно и сынъ его Исаакъ, памятуя Бога и свою душу, и житіе православнаго крестьянства, непоколебимымъ своимъ умомъ и твердостью разума служили и прямили и доброхотствовали» инокинѣ Мареѣ Ивановнѣ, какъ объ этомъ гласитъ обѣльная грамота царя Михаила Θеодоровича—«во всемъ вспомогагніи ей въ великихъ скорбѣхъ напраснаго заточенія». А какъ относилось населеніе къ заточницѣ, показываютъ обѣльныя грамоты

[1]) Хрущовъ—Ксенія Ивановна Романова.

От Общества изученія Олонецкой губерніи.



Инокиня Мареа, въ мірѣ боярыня Ксенія Романова. Съ портрета, сохранившагося у Челмужскихъ обѣльныхъ крестьянъ Ключаревыхъ и нынѣ поступившаго въ Музей въ г. Петрозаводскѣ.



Царь Михаилъ Θеодоровичъ. Съ портрета, хранящагося въ Московскомъ Архивѣ Министерства Иностранныхъ Дѣлъ.



Церковь въ д. Челмужахъ, Повѣнецкаго уѣзда Олонецкой губ., построенная въ 1605 г. и сохранившаяся отъ времени пребыванія инокини Мареы въ Толвуйскомъ погостѣ.

ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕНКЕ, СПБ.

царя Михаила Θеодоровича: 20 февраля 1617 года, 15 ноября 1622 года и 18 марта 1614 года.

Толвуйскіе крестьяне Гаврила и Климъ Глездуновы, съ отцомъ Еремой и дѣтьми, Поздѣй, Томила да Степанъ Тарутины и Кижскаго погоста сѣнногубскіе крестьяне—Никита, Морозъ, Сидоръ съ дѣтьми и ихъ сестра Наталья, тронутые горемъ и тоской Московской изгнанницы по дѣтямъ и мужу и въ то же время, не разсчитывая получить какую либо награду отъ опальной инокини—эти крестьяне, съ рискомъ для собственнаго благополучія, рѣшились узнать мѣсто изгнанія инока Филарета Никитича и сдѣлаться передатчиками грамотокъ изъ Толвуя и узнать, гдѣ мужъ ея и дѣти, и получать отъ нихъ извѣстія. [1]).

Есть свѣдѣнія, что Марθа Ивановна страдала въ заключеніи «портежной» болѣзнью (порча), отъ которой, по совѣту жителей Толвуя, лѣчилась цѣлебной водой изъ ключа, который до сихъ поръ зовется «Царицынымъ ключемъ» [2]).

Въ 1602 году участь изгнанниковъ была нѣсколько облегчена, благодаря тому, что царь Борисъ приказалъ посвятить Филарета въ іеромонахи и затѣмъ въ архимандриты, а дѣтямъ его, съ теткой княгиней Черкасской, жить въ вотчинѣ Романовыхъ—въ Юрьевскомъ уѣздѣ.

Всюду появившіеся разбойники, сильный голодъ, моровое повѣтріе и, наконецъ, появленіе Лжедимитрія, слѣдовавшіе непрерывно другъ за другомъ, такъ подѣйствовали на царя, что въ 1605 году онъ внезапно, послѣ пира, умеръ, по сказанію однихъ лѣтописцевъ, отъ самоотравленія, а по словамъ другихъ, отъ удара, оставивъ преемникомъ сына своего Θеодора Борисовича.

---

[1]) Н. С. Шайжинъ—Заонежская заточница. Памятная книжка Олонецкой губерніи на 1912 годъ.

[2]) Ibid.

VI.

Лжедимитрій I и бояре Романовы.—Царь Василій Шуйскій.—Лжедимитрій II—Тушинскій воръ. Побѣды тушинцевъ.—Тушинцы въ Костромѣ.—Изгнаніе ихъ отсюда.—Низложеніе Шуйскаго. Вопросъ о претендентахъ на царскій престолъ.—Жолкѣвскій.—Панъ Маскевичъ въ Костромѣ.—Посольство къ Сигизмунду.—Прокопій Ляпуновъ и князь Димитрій Пожарскій.—Козьма Мининъ.—Освобожденіе Москвы отъ поляковъ. Пребываніе Михаила Ѳеодоровича Романова и Марѳы Іоанновны въ плѣну у Поляковъ въ Московскомъ кремлѣ.

СМЕРТЬ Бориса облегчила путь Лжедимитрію къ Московскому престолу. Сынъ Бориса Ѳеодоръ былъ свергнутъ съ престола и задушенъ вмѣстѣ съ своей матерью и Лжедимитрій торжественно въѣхалъ въ Москву.

До сихъ поръ еще съ положительностью не рѣшенъ вопросъ о томъ, кто такой былъ Лжедимитрій I. Карамзинъ думаетъ, что Лжедимитрій I и Григорій Отрепьевъ—это одно и то-же лицо. Григорій былъ сынъ бѣднаго Галичскаго (Костр.) боярскаго сына Богдана Отрепьева, жилъ въ холопахъ у Романовыхъ и у князя Бориса Черкасскаго. Когда Романовы сдѣлались жертвами Бориса Годунова, Григорій Отрепьевъ также попалъ въ подозрѣніе, отчего и постригся въ монахи, какъ говоритъ преданіе, въ Желѣзно-Боровскомъ монастырѣ, отстоящемъ недалеко отъ владѣній бояръ Романовыхъ. Пирлингъ сначала думалъ, что Лжедимитрій I былъ истинный царевичъ, но затѣмъ отказался отъ этого взгляда и склонился къ отождествленію его съ Отрепьевымъ. С. М. Соловьевъ высказывается осторожно, указывая, что, судя по поведенію, самозванецъ былъ увѣренъ, что онъ истинный сынъ Ивана Грознаго. Иностранный писатель Буссовъ, очевидецъ событій, пишетъ, что Борисъ Годуновъ считалъ появленіе самозванца дѣломъ бояръ. Д. И. Иловайскій въ подробномъ и обстоятельномъ изслѣдованіи склоняется къ тому, что Григорій Отрепьевъ и Лжедимитрій были два разныхъ лица; что самозванецъ былъ не москвичъ, а человѣкъ польской, за-

падно-русской культуры, что его выставили три извѣстныя польско-западно-русскія фамиліи—Мнишки, Вишневецкіе и Сапѣги въ тайномъ соглашеніи съ группой московскихъ бояръ [1]).

Новый царь снялъ опалу съ Романовыхъ: Иванъ Никитичъ былъ пожалованъ въ бояре, архимандритъ Филаретъ возведенъ въ санъ митрополита ростовскаго, инокинѣ Мареѣ отданъ былъ на воспитаніе сынъ ея Михаилъ и имъ позволено было жить въ городѣ Костромѣ, гдѣ у инокини Мареы Іоанновны былъ осадный дворъ, находившійся въ Кремлѣ.

Но недолго пришлось царствовать Лжедимитрію, который, приведя съ собою много поляковъ, потворствовалъ имъ, дозволялъ совершать въ Кремлѣ католическую обѣдню и женился на Маринѣ Мнишекъ безъ принятія ею православія. Народъ выражалъ недовольство, и этимъ недовольствомъ воспользовался Шуйскій. Лжедимитрій былъ убитъ, а князь Василій Ивановичъ Шуйскій въ 1606 году боярской думой былъ избранъ на Россійскій престолъ. Всѣ приверженцы Лжедимитрія подверглись преслѣдованію и сосланы были въ разные города. Въ Кострому былъ сосланъ одинъ изъ такихъ приверженцовъ самозванца князь Константинъ Вишневецкій, родной братъ знаменитаго князя Адама Вишневецкаго, принявшаго Лжедимитрія I на службу. Константинъ Вишневецкій былъ вмѣстѣ съ Мнишкомъ въ Москвѣ на свадьбѣ Лжедимитрія съ Мариною Мнишекъ въ 1606 году и, по убіеніи самозванца, былъ сосланъ. Неизвѣстно, долго ли этотъ знаменитый ссыльный жилъ въ Костромѣ. Въ бывшей церкви замка князей Вишневецкихъ, въ настоящее время превращенной въ приходскую церковь [2]), сохранились двѣ древнія иконы съ польскими надписями. На одной изъ нихъ находится слѣдующая надпись: «эта чудотворная икона пожертвована въ нашъ Вишневецкій, приналежащій босымъ кармелитамъ, костелъ, нашимъ фундаторомъ свѣтлѣйшимъ княземъ Вишневецкимъ Михаиломъ Корибутомъ 7 августа 1718 года. Изображеніе написано въ г. Костромѣ, находящемся при рѣкѣ Волгѣ, и чудеснымъ образомъ

---

[1]) Д. И. Иловайскій. Смутное десятилѣтіе.

[2]) Въ мѣстечкѣ Вишневецъ, Кременецкаго уѣзда, Волынской губерніи, недалеко отъ Почаева.

перенесено изъ Московскаго государства въ Польское Константиномъ Корибутомъ Вишневецкимъ 7 января 1608 года». Этимъ свидѣтельствомъ какъ будто намекается, что Константинъ Вишневецкій убѣжалъ изъ мѣста ссылки, захвативъ съ собою св. икону [1]).

Самозванцы, подъ видомъ то сына Грознаго, то сына Бориса Годунова, или, наконецъ, спасшагося Лжедимитрія, быстро смѣняли другъ друга. Особенно много собралось всякаго сброда со всѣхъ краевъ Руси около самозванца Лжедимитрія II, извѣстнаго подъ названіемъ Тушинскаго вора. Онъ съ многочисленнымъ войскомъ пошелъ на Москву и расположился лагеремъ въ селѣ Тушинѣ, въ 15 верстахъ отъ Москвы и укрѣпился здѣсь. Во главѣ войскъ Тушинскаго вора стояли—литовскій наѣздникъ Лисовскій и донской атаманъ Заруцкій. Города одинъ за другимъ начали сдаваться самозванцу. Воевода псковскій Плещеевъ сдалъ Псковъ, воевода Иванъ Годуновъ—Владиміръ на Клязьмѣ. Сдались также Суздаль и Переяславль. Оставалось взять Ростовъ, который былъ вѣренъ царю. Вслѣдствіе чего тушинцы, соединившись съ переяславцами, взяли его силою и ворвались въ соборный храмъ, гдѣ съ немногими гражданами укрылся Ростовскій митрополитъ Филаретъ (Никитичъ), который въ рубищѣ и босой былъ отведенъ плѣнникомъ въ село Тушино.

Послѣ разгрома Ростова, войска Тушинскаго вора подъ предводительствомъ Лисовскаго появились въ поволжскихъ городахъ и пошли по направленію къ Костромѣ, разрушая все на своемъ пути. 30 декабря 1608 года тушинцы взяли Кострому и подвергли ее ужасному опустошенію. Часть жителей вмѣстѣ съ иноками заперлись въ Богоявленскомъ монастырѣ и долго отражали нападеніе, но принуждены были сдаться. Непріятели разграбили все монастырское имущество и умертвили многихъ монаховъ [2]). За вѣрность и геройскій подвигъ Богоявленскаго монастыря царь Василій Ивановичъ Шуйскій прислалъ въ 1609 году на имя игумена Арсенія утѣшительную грамоту и извѣщеніе объ отпускѣ изъ Нижняго

[1]) «Костр. Губ. Вѣд.», 1877 г., № 3, стр. 19.

[2]) Имена ихъ записаны въ Синодикѣ: Іеромонахи—Трифиллій, Макарій и Савватій; іеродіаконъ—Анфиногенъ; иноки—Варлаамъ, Діонисій, Іовъ, Кириллъ, Максимъ, Іоасафъ и Гурій; служебники—Василій, Стефанъ, Никита, Діомидъ и 18 крестьянъ.

Новгорода для братіи хлѣба [1]). Такой-же участи подвергся и мужской Крестовоздвиженскій монастырь, находившійся въ кремлѣ, близь Успенскаго собора, гдѣ убиты десять монаховъ и архимандритъ Геннадій [2]).

Въ январѣ 1609 года тушинцы пошли въ Галичъ, оставивъ въ Костромѣ большой отрядъ войска съ пушками. Но ополченіе сѣверныхъ городовъ: Солигалича, Чухломы, Вологды и другихъ, освободивъ въ февралѣ 1609 года Галичъ, подошли къ Костромѣ и, послѣ страшнаго боя на костромскихъ улицахъ, продолжавшагося съ 28 февраля по 3 марта, прогнали изъ Костромы непріятелей, которые укрѣпились въ Ипатіевскомъ монастырѣ, уже обнесенномъ въ то время каменною стѣною.

Въ ополченіи сѣверныхъ городовъ участвовали и чухломцы. Однихъ чухломцевъ пало въ кровопролитной битвѣ на улицахъ города Костромы 54 человѣка, причемъ извѣстно, что изъ Вижской волости Чухломскаго уѣзда убитъ одинъ, изъ Серапіоновой пустыни двое, изъ волости Глазуново —3, изъ волости Заболотье —3, изъ Васютина—4, изъ Конявина—4 чел., изъ Верхней пустыни—5 чел., изъ Чухломскаго Окологороднаго стана—8 чел., изъ Понизовской вол. —10 чел. и изъ волости Валуево—14 человѣкъ [3]).

Жители Солигалича и Чухломы крѣпко стояли за царя Василія Ивановича Шуйскаго и писали ему, обвиняя Ярославцевъ и Костромичей въ измѣнѣ. Весьма вѣроятно, что у Шуйскихъ, кромѣ помѣстій въ Юрьевецкомъ уѣздѣ—село Парское, были помѣстья и около Чухломы, такъ какъ въ Покровскомъ храмѣ Чухломского Аврааміево-Городецкаго монастыря, въ ризницѣ, хранится крестъ съ эмалью и драгоцѣнными камнями, серебряный, пожертвованный княземъ Иваномъ Шуйскимъ [4]).

Очистивъ Кострому, ратные люди схватили воеводу, поставленнаго самозванцемъ, Димитрія Масальскаго, долго мучили его и, обрубивъ ему руки и ноги, утопили въ Волгѣ. На мѣсто Масальскаго Костромскимъ воеводой былъ посаженъ Борисъ Салтыковъ.

---

[1]) И. Баженовъ. Историч. очеркъ Богоявлен. мон. 1895 г., стр. 42.
[2]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. гор. Костр., стр. 154, прилож. 57, 58.
[3]) Г. В. Юдинъ, стр. 1—85.
[4]) Извѣст. Импер. Археолог. Комис. Вып. 31, стр. 276.

Когда Костромичи услыхали, что воевода ярославскій Вышеславцевъ освободилъ Ярославль отъ поляковъ, то обратились къ Ярославцамъ за помощью, которая вскорѣ и прибыла въ Кострому на 17 судахъ. Ярославцы и Костромичи подъ руководствомъ царскаго воеводы Жеребцова въ іюнѣ 1609 года начали осаду Ипатьевскаго монастыря, гдѣ сидѣли тушинцы подъ командой Никиты Вельяминова [1]).

Но въ осадѣ Ипатіевскаго монастыря въ 1609 году участвовали не только Ярославцы и Костромичи, но и ополченцы сѣверныхъ городовъ, что удостовѣряется тѣмъ, что одних Чухломцевъ убито подъ Ипатіевскимъ монастыремъ 16 человѣкъ [2]).

Лисовскій, освѣдомленный о стѣсненномъ положеніи своего отряда, поспѣшилъ изъ Юрьевца къ нему на помощь, предварительно приславъ въ Кострому извѣстіе, что онъ идетъ на выручку. Извѣстіе это принесъ плѣнный Костромской посадскій человѣкъ Олешка Іевлевъ, который говорилъ, что «отпустилъ его Лисовскій да Иванъ Зубатый въ Ипатьевскій монастырь къ Никитѣ Вельяминову, чтобы въ Ипатьевскомъ монастырѣ сидѣли крѣпко; а мы-де васъ выручимъ..... хотя-бы намъ добыть малыхъ судовъ съ десятокъ, и мы-де, зашедши съ верху, перевеземся въ нихъ через Волгу пѣхотою, человѣка по два и по три» [3]).

Проходя нагорной стороной Волги, Лисовскій напалъ на Кинешму и избилъ большую часть ея жителей. Въ 11 верстахъ выше города Кинешмы, противъ села Солдоги, расположеннаго на лѣвомъ берегу Волги, войска Лисовскаго встрѣтили неожиданное сопротивленіе въ лицѣ крестьянъ, собравшихся подъ предводительствомъ Куломзина и Шушерина. Эти юные дворяне, говоритъ князь Козловскій, положили животъ свой и кровію запечатлѣли любовь къ отчизнѣ [4]).

Продолжая путь свой, Лисовскій разрушилъ Плесъ и прибылъ къ Костромѣ, остановившись съ войскомъ въ селѣ Селищахъ. Но, за неимѣніемъ лодокъ для переправы черезъ рѣку Волгу, удалился по

---

[1]) И. В. Миловидовъ. Матер. для истор. Костр., стр. 13.
[2]) Г. В. Юдинъ.
[3]) Костр. Губерн. Вѣд. 1854 г. № 46.
[4]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, стр. 153, прим. 57.



Юго-западная башня стѣны Ипатіевскаго монастыря.

направленію къ Троицкой лаврѣ, разрушивъ по пути Нерехту и Большія Соли. У Большихъ Солей отрядъ Лисовскаго снова встрѣтился, кромѣ, конечно, мѣстныхъ ратныхъ людей, и съ ополченцами сѣверныхъ городовъ, что неопровержимо доказывается тѣмъ, что въ дозорной книгѣ по г. Чухломѣ и уѣзду, 1615 года (Г. В. Юдинъ), значится, что «за Костромой, у Большихъ Солей, отъ Лисовскаго приходу въ 1609 году» убито чухломцевъ 34 человѣка, изъ которыхъ какъ разъ половина изъ Васютинской волости.

Вообще многія данныя съ несомнѣнностью доказываютъ, что ополченіе сѣверныхъ городовъ Солигалича, Чухломы, Вологды и Костромы было многолюдное и дѣйствовало дружно, имѣя только одну цѣль очистить отечество отъ враговъ. Это ополченіе было разбито на нѣсколько отрядовъ, которые работали вездѣ, гдѣ только это было необходимо. Такъ, данными дозорной книги по г. Чухломѣ, удостовѣряется, что чухломцы, которые принадлежали, несомнѣнно, къ ополченію сѣверныхъ городовъ, сражались еще подъ Калязинымъ монастыремъ въ 1609 и въ 1610 годахъ, гдѣ ихъ убито было 8 человѣкъ; подъ Тулою въ 1607 и 1608 годахъ, гдѣ ихъ убито было 9 чел.; подъ Переяславлемъ-Залѣсскимъ въ 1610 году, подъ Суздалемъ и подъ Болховымъ.

По удаленіи Лисовскаго, воевода Жеребцовъ осадилъ Ипатіевскій монастырь и вытѣснилъ засѣвшихъ тамъ непріятелей, которые, вышедши изъ монастыря, отступили къ Святому озеру, и преслѣдуемые войсками воеводы, были разсѣяны, причемъ большое количество ихъ потонуло въ озерѣ. Въ память этой побѣды впослѣдствіи воздвигнута была на берегу Святого озера часовня.

Доблестная оборона города Костромы, битва подъ Ипатьевскимъ монастыремъ и изгнаніе засѣвшихъ въ немъ враговъ имѣли громаднѣйшее значеніе въ борьбѣ за очищеніе государства, такъ какъ городъ Кострома, съ ея укрѣпленнымъ кремлемъ, Ипатьевскій и Богоявленскій монастыри—эти также укрѣпленные пункты, прикрывали собой сѣверныя области, не истощенныя еще безурядицей. И враги отлично понимали стратегическое значеніе Костромы, попонимали, что только отдѣльное завладѣніе всѣми этими тремя пунктами открывало свободный путь къ сѣверу. Вотъ почему все

вниманіе опытнаго стратега Лисовскаго было сосредоточено на Костромѣ, жители которой, потерявшіе почти все свое имущество, разоренные, не пали духомъ, но, закалясь въ бояхъ, упорно продолжали служить дѣлу освобожденія родины.

Освободивъ Ипатьевскій монастырь, воевода Жеребцовъ присоединилъ къ себѣ ярославское и костромское ополченія и двинулся для освобожденія Троице-Сергіевой лавры, осажденной Сапѣгой.

Побѣды надъ Самозванцемъ князя Михаила Скопина-Шуйскаго, любовь и довѣренность къ нему народа подавали надежду на близкое окончаніе смутъ и междоусобій, но неожиданная смерть этого народнаго героя отняла послѣднюю надежду. Всѣ окончательно растерялись, не знали на кого положиться, къ кому пристать, кому помогать. Тщетно царь Василій Ивановичъ Шуйскій взывалъ о помощи и разсылалъ грамоты по всѣмъ городамъ. Между тѣмъ участь его была уже рѣшена, и 17 іюля 1610 года, не смотря на сильное заступничество патріарха Гермогена, царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и постриженъ въ монахи, а его супруга—въ монахини. Причиною низложенія съ престола царя Василія было выставлено то, что онъ «не по правдѣ, не по выбору всей земли русской сѣлъ на престолъ и былъ несчастенъ на царствѣ». Правленіе государствомъ, до выбора новаго царя, поручено было боярской думѣ, которая немедленно разослала грамоты, призывающія къ выбору царя «всею Русскою землею». Вліятельный патріархъ Гермогенъ указывалъ на двухъ кандидатовъ, именно—на князя Василія Васильевича Голицына и на сына митрополита Филарета, юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова. Но другая партія склонялась къ признанію царемъ польскаго королевича Владислава. Польская партія взяла верхъ, пригласила пана Жолкѣвскаго въ Москву и начала съ нимъ переговоры относительно возведенія на Россійскій престолъ королевича Владислава.

Есть данныя, которыя указываютъ, что была еще третья партія, выдвигавшая на престолъ Карла Филиппа Шведскаго. Эту кандидатуру поддерживалъ даже князь Пожарскій.

Панъ Жолкѣвскій, вступившій въ Москву съ войсками, часть ихъ направилъ въ различные города, чтобы тѣмъ легче имѣть воз-

можность поддерживать кандидатуру на Русскій престолъ королевича Владислава. Въ Кострому былъ присланъ отрядъ подъ предводительствомъ Самуила Маскевича. Жителямъ города Костромы этотъ отрядъ приказано было продовольствовать [1]). Какъ дорого Костромичамъ стоило продовольствіе этого отряда, видно изъ словъ самого начальника отряда Маскевича, который говоритъ: «моей рати досталась на часть Кострома, и мы тотчасъ разослали товарищей для собранія живности, но наши такъ были неумѣренны, что, не довольствуясь хорошимъ обхожденіемъ, брали безъ разбору все, что имъ нравилось, такъ что у самаго знатнаго боярина отнимали насильно жену или дочь» [2]).

Послами для переговоровъ отправлены были къ королю Сигизмунду, между прочими, князь Василій Голицынъ и митрополитъ Филаретъ. Но Сигизмундъ самъ захотѣлъ царствовать въ Россіи и, задержавъ пословъ, посадилъ ихъ въ Маріенбургскую крѣпость и требовалъ, чтобы присягали ему, Сигизмунду. Уже въ Москвѣ его именемъ стали распоряжаться Михаилъ Салтыковъ и Өеодоръ Андроновъ, бывшій купецъ-кожевникъ, получившій отъ второго самозванца званіе думнаго дворянина. Боярская дума признала Сигизмунда московскимъ царемъ [3]).

По случаю задержанія митрополита Филарета въ Польшѣ и заключенія его въ тюрьму, инокиня Марөа о своимъ сыномъ Михаиломъ предприняли путешествіе въ Макарьевскій Унженскій монастырь, чтобы принести молитву преподобному Макарію, да поможетъ онъ своими молитвами освобожденію митрополита изъ томительнаго плѣна [4]).

Начался, говоритъ Андр. Курговскій [5]), самый тяжелый періодъ лихолѣтья. Подняли голову антигосударственные элементы, олицетворяемые многочисленной и буйной казацкой вольницей, терзали родную землю разные Сапѣги и Лисовскіе, угрожали цѣлости

[1]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. гор. Костромы, стр. 88.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1854 г. № 44.
[3]) Михаилъ Салтыковъ получилъ за свое стараніе въ награду отъ Сигизмунда село Красное, Костр. уѣзда, Рѣшму и друг. Соловьевъ. Истор. VIII, стр. 384.
[4]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костр., стр. 87. Херсонскій. Лѣтоп. Макар. Мон.
[5]) Русск. Стар. 1912 г. Іюль.

государства недавніе союзники Шведы, надвигалось съ запада многочисленное войско Сигизмунда; трагизмъ эпохи выразился тяжелой борьбой подъ стѣнами Смоленска, этого западнаго оплота русской земли. И въ это тяжелое время, которое современный лѣтописецъ считаетъ чѣмъ-то въ родѣ апокалипсическихъ ужасовъ, лютымъ временемъ гнѣва Божія, какого не бывало отъ сотворенія міра, Гермогенъ одинъ стоялъ на стражѣ народныхъ интересовъ.

Народъ, изнемогая отъ смутъ, заволновался. Онъ еще терпѣлъ, пока происходили, такъ сказать, домашнія смуты, но, когда онъ увидѣлъ, что его отдаютъ въ руки иноземщины, хотятъ навязать ему новую вѣру, онъ поднялся какъ одинъ человѣкъ.

Прокопій Ляпуновъ изъ Рязани, архимандритъ Діонисій и келарь Авраамій Палицынъ изъ Троице-Сергіева монастыря разсылали по городамъ увѣщательныя грамоты, въ которыхъ именемъ Бога и народнымъ благосостояніемъ убѣждали гражданъ спѣшить для спасенія отечества и православной вѣры. Начали подниматься вѣрные сыны отечества, тронулись исконные русскіе города, лежащіе по рѣкамъ Волгѣ и Окѣ, которые составляли фундаментъ Русскаго государства, которые всецѣло вынесли на своихъ плечахъ всю борьбу за существованіе всей Руси; тронулась вся земская Русь. Народъ началъ воодушевляться, собирался по городамъ и селамъ, несъ пожертвованія записывался въ ратные люди.

Воинскія рати собрались въ Нижнемъ Новгородѣ подъ предводительствомъ князя Пожарскаго, въ Калугѣ—Трубецкого, въ Рязани—Ляпунова, во Владимірѣ—Измайлова, въ Суздалѣ—Просовецкаго, въ Ярославлѣ—Волынскаго, въ Романовѣ—Козловскаго, въ Вологдѣ—Нащокина, въ Галичѣ (Костр.)—Мансурова и въ Костромѣ подъ предводительствомъ воеводы князя Ѳеодора Ивановича Волконскаго и Тимофея Даниловича Овцына. Всѣ эти рати, составившія ополченіе до 100,000 человѣкъ, прибыли къ Москвѣ, причемъ Костромское, Ярославское и Галичское ополченія помѣстились у Покровскихъ воротъ. Но этому ополченію не пришлось еще освободить Москву отъ непріятелей. Ляпуновъ былъ убитъ казаками, Пожарскій тяжело раненъ, единодушіе ополченія нарушилось. Поляки, въ количествѣ 5000 человѣкъ, заперлись въ Китай-Городѣ и Кремлѣ и отсюда



Святѣйшій патріархъ Гермогенъ.

грабили и жгли Москву. Захвативъ патріарха Гермогена, они требовали отъ него, чтобы онъ приказалъ разойтись ополченію.

Панъ Гонсѣвскій дерзко говорилъ Гермогену: «ты, Гермогенъ, главный заводчикъ ополченія. Тебѣ даромъ это не пройдетъ и санъ твой не охранитъ тебя»...

На эти слова патріархъ Гермогенъ съ воодушевленіомъ отвѣчалъ: «ты, гордый панъ, выслушай слово старца, когда страхъ оковываетъ уста нашихъ лучшихъ и сильныхъ людей; наша Русь святая была свободна и могущественна, пока вы не протянули къ ней алчныя руки ваши. Обманомъ, насиліемъ и лестью захватили теперь вы Русь, не взирая на проклятіе милліоновъ русскихъ людей. Ложь, хитрость, измѣна—вотъ орудія ваши. Но близокъ день, когда придется вамъ собрать кровавую жатву съ посѣянныхъ вами сѣмянъ. Прямо открыто противлюсь я вашему государству; я разрѣ-

шаю всѣхъ отъ данной королевичу Владиславу присяги и, пока языкъ мой слушаетъ меня, я буду взывать къ сынамъ Руси православной, буду призывать ихъ на бой за вѣру, престолъ и отечество и буду благословлять тѣхъ, кто жизнь свою на брани положитъ. А самъ я не боюсь угрозъ вашихъ. Ты обѣщаешь мнѣ смерть, но черезъ нее я чаю получить вѣнецъ мученическій и жизнь вѣчную. Ты умертвишь это дряхлое тѣло; но Самъ Господь пріиметъ душу мою, и къ стопамъ Его сложу я свой пастырскій посохъ, не переставая умолять, да ниспошлетъ Онъ свою небесную помощь на защиту Руси святой».

Въ началѣ 1612 года вѣсть о новомъ ополченіи дошла до поляковъ и они предлагали святѣйшему узнику остановить Нижегородцевъ: «отпиши Пожарскому и всему Нижнему-Новгороду, чтобъ не ходили къ Москвѣ». Патріахъ же Гермогенъ въ отвѣтъ на это, обратился въ сторону, откуда шли къ Москвѣ защитники отечества, протянулъ руки и торжественно произнесъ: «да будетъ надъ ними милость Божія и мое благословеніе. На васъ же, измѣнниковъ, да изліется гнѣвъ Господень». Злодѣи, видя твердость Гермогена, заключили его въ подземелье Чудова монастыря и уморили голодомъ.

Умеръ патріархъ Гермогенъ 17 февраля 1612 года.

Надежда на спасеніе отечества, повидимому, окончательно исчезла. Но энергичный архимандритъ Троице-Сергіева монастыря Діонисій вновь посылаетъ по городамъ грамоты, вновь вселяетъ надежду, вновь поднимаетъ упавшій духъ борцовъ отечества. Эти грамоты, быстро разошедшіяся всюду, возъимѣли свое дѣйствіе. Въ числѣ первыхъ городовъ отозвался Нижній Новгородъ. Тамъ выступилъ выборный земскій староста, ремесломъ «говядарь», Козьма Мининъ, который говорилъ: «будетъ намъ похотѣть помочи Московскому государству, ино намъ не пожалѣть животовъ своихъ, да не пожалѣть и дворы свои продавать, и жены и дѣти закладывать». Эта патріотическая рѣчь простого человѣка передалась далеко за предѣлы Нижняго. Снова стали подниматься города, появились различныя предсказанія богоугодныхъ людей о скоромъ освобожденіи отечества. Какой-то Григорій, повидимому священникъ, открылъ свое видѣніе, въ которомъ голосъ Божій приказывалъ ему, чтобы

вѣсь народъ постился, и народъ налагалъ на себя посты и горячо молился о спасеніи вѣры и отечества. Постановлено было по понедѣльникамъ, вторникамъ и средамъ ничего не ѣсть, а по четвергамъ и пятницамъ—сухоядѣніе... и «скотомъ не даяху ясти, и дѣти, и многіе изомроша». Во Владимірѣ простая посадская женщина объявила воеводѣ, что къ ней ночью «въ свѣтѣ несотворенномъ» явилась «пречудная жена» и велѣла ей проповѣдать всему городу постъ и молитву, обѣщая, что Господь услышитъ моленіе и дастъ землѣ тишину и благоденственное житіе. Козьма Мининъ также имѣлъ видѣніе. Преподобный Сергій, явясь во снѣ Минину, велѣлъ ему «казну собирати и воинскихъ людей надѣляти, и идти на очищеніе Московскаго государства, старѣйшіе въ такое дѣло да не внидутъ, наипаче же юнніи начнутъ творити». Мининъ увѣровалъ въ видѣніе, когда оно повторилось, и послѣ того, какъ заболѣлъ за свое «небреженіе».

Въ то время, когда въ Нижнемъ Новгородѣ несли деньги и имущество на защиту отечества, когда собирались тамъ ратные люди, въ Кострому пришла изъ Москвы боярская грамота съ увѣщаніемъ оставаться вѣрными королевичу Владиславу. Жители Костромы раздѣлялись на двѣ партіи, изъ которыхъ одна, большая, требовала присоединенія къ нижегородскому ополченію, другая же, во главѣ съ костромскимъ воеводой Иваномъ Шереметевымъ, требовала вѣрности королевичу Владиславу. Между тѣмъ князь Дмитрій Ивановичъ Пожарскій и Козьма Мининъ уже выступили изъ Нижняго со своими дружинами къ Костромѣ.

Въ Балахнѣ къ Нижегородскому ополченію присоединился съ воинами Матвѣй Плещеевъ, а жители города, собравъ деньги, вручили ихъ князю Пожарскому. Юрьевецъ, Рѣшма и Кинешма также оказали свое содѣйствіе, какъ деньгами, такъ и людьми. Въ городѣ Юрьевцѣ къ Пожарскому присоединился многочисленный отрядъ юрьевскихъ татаръ, которые одѣлены были юрьевчанами жалованьемъ и пошли съ Пожарскимъ далѣе къ Ярославлю [1]). Въ Плесѣ князя Пожарскаго встрѣтили многіе костромичи и заявили ему,

[1]) Титовъ Ан. Старин. вол. и станы въ Костромск. стор., стр. 61.

что Костромской воевода Иванъ Шереметевъ не хочетъ впускать его въ городъ. Князь Пожарскій, прибывъ въ Кострому, занялъ ея посады. Между тѣмъ большинство горожанъ возстало противъ своего воеводы и «мало не убиша его», если бы не спасъ его князь Пожарскій, вступившій съ ополченіемъ въ городъ.

Успокоивъ жителей и назначивъ имъ воеводою князя Романа Гагарина и дьякомъ Андрея Подлѣсова, Пожарскій собралъ изъ костромичей большое ополченіе, а также получилъ отъ нихъ значительное количество денегъ. Во время пребыванія своего въ Костромѣ князь Пожарскій посылалъ отрядъ войска въ Суздаль для усмиренія казаковъ, разграблявшихъ городъ. Присоединивъ костромское ополченіе къ своимъ войскамъ, князь Пожарскій выступилъ къ Ярославлю, сопровождаемый всякими почестями и благопожеланіями со стороны костромскихъ жителей.

Съ пути отъ Ярославля къ Москвѣ, въ 1612 году, князь Пожарскій заѣзжалъ въ Спасо-Ефиміевъ монастырь, находящійся въ г. Суздалѣ, чтобы помолиться на могилѣ предковъ, ибо въ этомъ монастырѣ была родовая усыпальница князей Пожарскихъ. Князья Пожарскіе составляютъ вѣтвь князей Стародубскихъ Стародубо-Ряполовскаго княжества.

Много работы и труда предстояло князю и его ополченію, но серьезность задачи, глубокая вѣра въ свое отечество и беззавѣтная любовь къ нему побѣдили всѣ препятствія, и 27 ноября 1612 года Москва и вся сѣверо-восточная Россія, въ лицѣ оставшихся въ живыхъ ополченцевъ, праздновала свое спасеніе въ древнемъ Московскомъ Успенскомъ соборѣ.

22 октября 1612 года, когда поляки сдали кремль ополченію сѣверныхъ городовъ, изъ кремля, въ числѣ другихъ бояръ и боярынь, вышли Иванъ Никитичъ Романовъ, инокиня Мареа Іоанновна и сынъ ея Михаилъ Өеодоровичъ.

Тягостно было для Романовыхъ пребываніе въ плѣну у поляковъ въ Московскомъ кремлѣ. Вотъ какъ описывается это пребываніе въ утвержденной грамотѣ объ избраніи на московское государство Михаила Өеодоровича Романова.

«Польскіе и литовскіе люди всякими мѣрами въ городахъ

крѣпилися и Московскаго государства бояръ и всякихъ людей, которые были у нихъ въ неволѣ, въ городѣ держали и изъ кремля никуда не пускали. А наипаче всѣхъ враги-злодѣи *тѣснили и во всякой крѣпости и за приставы крѣпкими держали* Михаила Ѳеодоровича Романова-Юрьева съ матерью его, съ инокой Мареѳой Ивановной, потому что всего великаго московскаго государства бояре и воеводы, и все христолюбивое воинство, которые стояли подъ Москвою и во всѣхъ городахъ всего Россійскаго царствія, всякіе люди объ немъ, объ Государѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, скорбѣли и всякими мѣрами промышляли, чтобы его, Государя, отъ таковаго злаго плѣненія освободити, понеже онъ, великій Государь, отъ благороднаго корени благоцвѣтущая отрасль благочестиваго и праведнаго Великаго Государя Царя и Великаго князя Ѳеодора Ивановича всея Руссіи самодержца племянникъ. Да не токмо Россійскаго государства всѣ православные христіане объ немъ, Великомъ Государѣ, скорбѣли и враги Московскому Государству польскіе и литовскіе люди, которые были въ Московскомъ государствѣ, слыша его государскій праведный корень и видя его разумна и благочестива, во всемъ его, Государя, почитали и честь ему, Государю, воздавали и во всякое его Государское достояніе причитали.

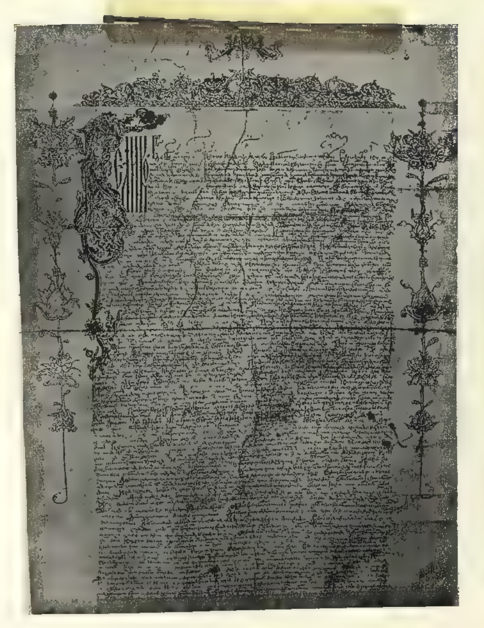
И сія слышавъ и видѣвъ, злодѣи, Московскаго государства измѣнники и христіанской вѣры разорители, Михайло Салтыковъ да Ѳедька Ондроновъ съ товарищи и со своими совѣтники, да Олександро Гонсевской наипаче на сего праведнаго Михаила Ѳеодоровича и на его благочестивую матерь, рождшую его иноку Мареѳу Ивановну, *нападаютъ и злыми томительствы и крѣпкими приставы, и гладомъ, и всякими разными злыми тѣснотами душу праведнаго мучаще, и домышляхуся, какъ бы его, аки агнца незлобиваго смерти предати*».

VII.

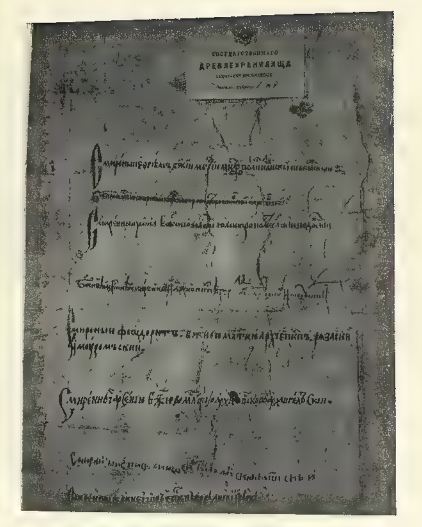
Избраніе на царство Михаила Θеодоровича Романова. Земскій соборъ 1613 года. Родословная бояръ Романовыхъ. Легенды о Романовыхъ. Посольство собора въ Кострому къ избранному Царю. Мѣстонахожденіе Романовыхъ. Жалованныя грамоты, удостовѣряющія фактъ подвига Ивана Сусанина.

Для совершеннаго успокоенія Россіи, разоренной и обезсиленной продолжительною смутою, требовалось избрать Царя. Эта задача представлялась довольно трудной: всѣ отлично понимали, что отъ неудачнаго выбора Царя снова произойдутъ смуты и безпорядки. Такъ какъ въ освобожденіи Россіи главную роль играла земская Русь, то, понятное дѣло, у многихъ могла явиться мысль, чтобы Царь былъ избранъ не одними боярами, но выборными отъ всѣхъ сословій—тѣмъ болѣе, что земскіе соборы не были учрежденіями чуждыми Россіи и очень часто собирались еще въ царствованіе Іоанна Грознаго.

Въ Москвѣ былъ учрежденъ совѣтъ, въ составъ котораго вошло высшее духовенство и главные бояре, правившіе Москвою. Духовенство прежде всего назначило въ Москвѣ, а черезъ посланія— и въ другихъ городахъ русскихъ, всеобщее очищеніе, состоявшее въ трехдневномъ постѣ, а Московскій Совѣтъ съ своей стороны разослалъ по государству окружную грамоту слѣдующаго содержанія: «при прежнихъ Великихъ Государяхъ все на Руси строилось благо и успѣшно, но, за пресѣченіемъ царской степени», явились безпорядки, достигшіе съ теченіемъ времени, ужасающихъ размѣровъ; «безъ Государя Московское государство ничѣмъ не строится»; потому предписывается по городамъ всякихъ чиновъ людямъ составить между собою совѣтъ о мѣрахъ уничтоженія и предотвращенія зла, главнымъ же образомъ, объ избраніи Царя, кого дастъ Богъ, за исключеніемъ государей литовскихъ и нѣмецкихъ; по рѣшеніи же этихъ вопросовъ, прислать въ Москву выборныхъ представителей по тому же общему дѣлу.



Грамота объ избраніи на царство
Михаила Θеодоровича Романова.



Подписи Митрополитовъ и Епископовъ.
1-я подпись Митрополита Казанскаго
и Свіяжскаго Ефрема.

ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.



Печати на грамотѣ объ избраніи на царство
Михаила Ѳеодоровича Романова.

ХУДОЖ ГР. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

Въ началѣ февраля 1613 года собрался земскій соборъ, на который, со стороны духовенства изъ Костромы, былъ посланъ игуменъ Богоявленскаго монастыря Арсеній [1]). Этотъ соборъ, какъ говоритъ проф. Трачевскій [2]), въ первые дни представлялъ картину только что окончившейся смуты: было много споровъ и криковъ, не обошлось безъ козней притязателей на престолъ, безъ подкуповъ, безъ подсыловъ; робко произносились тамъ и здѣсь имена Голицына, Шуйскаго, Трубецкого и Пожарскаго. Но вотъ какой-то дворянинъ изъ Галича (Костромского) подалъ на земскомъ соборѣ письменное заявленіе, въ которомъ говорилось, что ближе всѣхъ по родству съ прежними Царями былъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и его надобно избрать на царство. Раздались голоса недовольныхъ: «кто принесъ такую грамоту? кто? откуда?» Въ это время входить донской атаманъ и также подаетъ письменное мнѣніе. «Что ты это подалъ, атаманъ?» спросилъ его Пожарскій. «О природномъ царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ», отвѣчалъ атаманъ. И затѣмъ, когда атамана не хотѣли слушать, то стрѣльцы вологодскіе, архангельскіе и астраханскіе, обнаживъ оружіе, пообѣщались перебить всю боярскую думу [3]).

Постепенно среди выборщиковъ земскихъ укрѣплялась мысль объ избраніи Царемъ юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова. На этой мысли останавливались, во-первыхъ, по родству Романовыхъ съ Рюриковымъ домомъ, такъ какъ царица Анастасія приходилась двоюродной бабкой Михаилу Ѳеодоровичу; кромѣ того, еще въ 1391 году тверской князь Михаилъ Александровичъ женилъ сына своего Ѳеодора Михайловича, удѣльнаго князя Микулинскаго, на Аннѣ Ѳеодоровнѣ, единственной дочери знаменитаго боярина Ѳеодора Андреевича Кошки, одного изъ предковъ Михаила Ѳеодоровича Романова по прямой линіи [4]); во-вторыхъ, по заслугамъ бояръ Романовыхъ предъ отечествомъ при прежнихъ Государяхъ, начиная съ Іоанна Калиты; въ-третьихъ, въ виду ихъ всегдашней скромности и непричастности къ домогателъству престола въ Смутное время.

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1838 г., № 11, стр. 58.
[2]) Русск. Истор., стр. 314.
[3]) Соловьевъ. Истор. Россіи, т. VIII, стр. 1039.
[4]) Селифонтовъ Н. Н. Сборн. матер. по исторіи предковъ Царя М. Ѳ. Романова, ч. II, стр. 7.

Кромѣ того, народъ помнилъ указаніе на Михаила, сдѣланное знаменитымъ страдальцемъ за Россію патріархомъ Гермогеномъ, и любилъ самое имя Михаила, вспоминая при этомъ имени своего героя и защитника Михаила Скопина-Шуйскаго. Не лишены основанія также и соображенія профессора Трачевскаго, который говоритъ, что «была и нравственная связь между Романовыми и народомъ», такъ какъ измученный угнетеніемъ и смутой народъ представлялъ себѣ Романовыхъ въ привлекательномъ видѣ, какъ олицетвореніе своихъ страданій. Онъ помнилъ, сколько они претерпѣли при Годуновѣ, видѣлъ, какъ страдалъ Филаретъ въ польскомъ плѣну, а его жена въ монастырѣ, въ разлукѣ съ ребенкомъ, который чуть не погибъ подъ ножами поляковъ»; [1]) видѣлъ, какія страшныя физическія мученія перенесъ Михаилъ Никитичъ Романовъ, будучи въ ссылкѣ—въ Чердыни.

21 февраля 1613 года на засѣданіи земскаго собора всѣ выразили единодушное желаніе имѣть Царемъ Михаила Ѳеодоровича Романова.

Нѣтъ ничего удивительнаго поэтому въ томъ, что, когда рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ, келарь Авраамій Палицынъ и бояринъ Морозовъ спросили съ лобнаго мѣста московскій народъ, кого онъ желаетъ въ Цари, толпа единогласно и вполнѣ сознательно отвѣтила: «Михаила Ѳеодоровича Романова»!

Такъ благополучно и мудро разрѣшился важнѣйшій вопросъ, имѣвшій благодѣтельныя послѣдствія для дальнѣйшей жизни Россіи.

Родъ Романовыхъ принадлежитъ къ древнѣйшимъ родамъ. Герольдмейстеръ Петровскаго времени, ближайшій стольникъ, Степанъ Андреевичъ Колычевъ въ составленной имъ рукописи говоритъ, что въ 373 году по Р. Х. прусскій король Прутено «для старости своей, отдалъ въ вѣчное обладательство свое прусское королевство брату своему Войдевуду, а самъ опредѣлился ко идолослуженію первымъ жрецомъ въ городѣ Романовѣ, идѣже нынѣ нѣмецкое мѣстечко Гейлигенбейль».

«Вейдевудъ, въ свою очередь, передъ концомъ жизни раздѣлилъ Прусскую землю между 12 сыновьями, изъ которыхъ четвертый

[1]) Проф. Трачевскій. Русск. Истор., стр. 315.

Недронъ получилъ удѣлъ на берегахъ рѣки Прегеля. Крыжаки, (орденъ меченосцевъ) край земель недровскихъ мечемъ и огнемъ лютѣе паче прочихъ раззорили и городы недровскихъ князей, потомковъ вышеписаннаго Недрона, до основанія истощили и разрушили». Эти бѣдствія постигли Недровскій удѣлъ уже въ XIII вѣкѣ, при князѣ Дивонѣ, потомкѣ Недрона въ 9-мъ колѣнѣ. Въ 1280 году старшій сынъ Дивона, князь Руссингенъ, «не имѣя силы отечества своего краи отъ крыжаковъ боронити» сдался послѣднимъ и «со всею своею фамиліею», въ томъ числѣ и съ младшимъ своимъ братомъ Камбилою, нареченнымъ Гландою или Гландосомъ, крестился, «а какое имъ въ крещеніи дано имя, того въ лѣтописяхъ не написано... Въ 1283 году Гландосъ Камбила, Дивоновъ сынъ, самъ пріиде къ Московскому Великому Князю Данилѣ Александровичу всея Россіи самодержцу, и тотъ его крестилъ въ законъ Греческаго исповѣданія, съ именемъ Ивана, понеже онъ прежде окрещенъ былъ въ Римскую вѣру. А что того славнаго Камбилу стали нарицать Кобыла, учинено съ недозрѣнья особы его. Древніе писари русскіе, недовольные въ грамматическихъ ученіяхъ, вельми иноземныя прозванія и имена отмѣняли, не дописуя вѣрно, или прибавкою отъ незнанія писали».

А. П. Барсуковъ, говоритъ, что, когда-бы и откуда-бы ни выѣхалъ Андрей Кобыла (Камбила) въ Россію, онъ становится лицомъ вполнѣ историческимъ лишь съ 1347 года, когда, по лѣтописному извѣстію, Великій Князь Симеонъ Ивановичъ послалъ его сватомъ въ Тверь къ своей невѣстѣ, княжнѣ Маріи Александровнѣ. Столь почетное порученіе, возлагавшееся обыкновенно на лицъ, пользовавшихся особымъ довѣріемъ Великаго Князя, свидѣтельствуетъ о высокомъ положеніи Андрея Кобылы при Московскомъ дворѣ и подтверждаетъ разсказъ Колычева объ его знатномъ происхожденіи. Исторіографъ Миллеръ говоритъ, что достовѣрнѣе всего свидѣтельствуетъ о знатности отцовскаго рода Θеодора Андреевича Кошки (младшій сынъ Андрея Кобылы) и о заслугахъ его самого то, что исторія сохранила память только о немъ [1]). Въ духовной Великаго Князя Димитрія Донского въ числѣ свидѣтелей значится и Θеодоръ

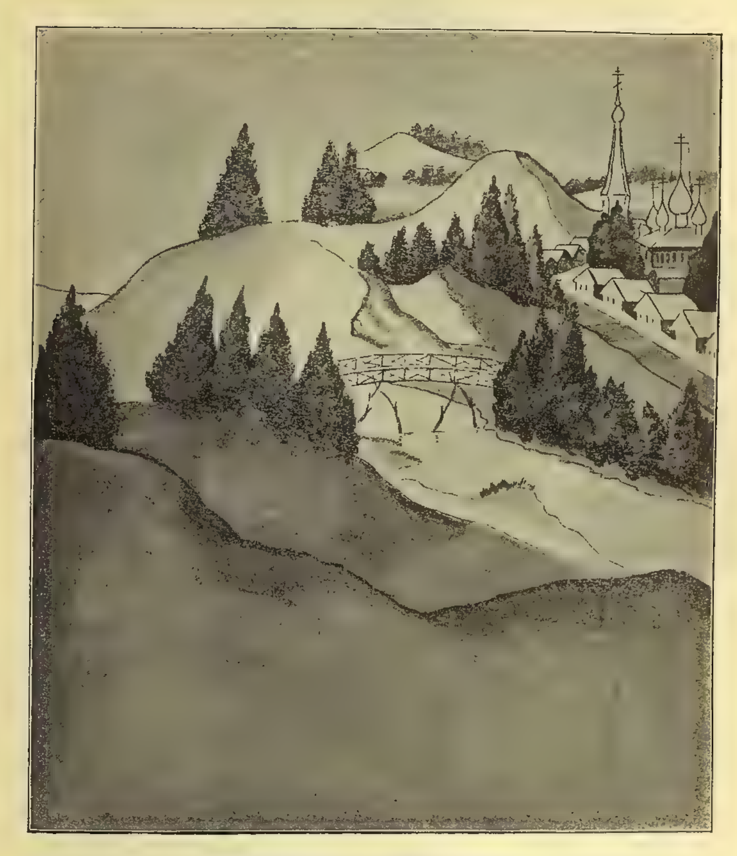
[1]) А. П. Барсуковъ.

Кошка, что доказываетъ, по мнѣнію Н. Н. Селифонтова, что Θеодоръ Кошка былъ въ числѣ правителей государства во время малолѣтства Донского и однимъ изъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ его княженія. Θеодоръ Кошка былъ хорошо извѣстенъ въ Ордѣ и пользовался тамъ большимъ уваженіемъ, особенно ордынскаго князя Эдигея [1]. Лѣта 1391, говоритъ Русская Лѣтопись, [2] женилъ Князь Великій Михайло Александровичъ Тверскій сына своего на Москвѣ у Θеодора у Кошки Ондреева сына. Этотъ бракъ породнилъ боярина Кошку съ Рюриковичами, а также и съ Гедиминовичами, ибо княжна Марія Кейстутьевна, родная сестра великаго князя Литовскаго Витовта, была замужемъ за старшимъ сыномъ Михаила Александровича — княземъ Иваномъ Михайловичемъ. Въ 1393 году Великій Князь Василій I послалъ въ Новгородъ въ числѣ пословъ и Θеодора Андреевича Кошку. Передъ смертью Θеодоръ Андреевичъ Кошка постригся въ монахи съ именемъ Θеодорита [3].

Старшій сынъ Θеодора Андреевича Кошки Иванъ Θеодоровичъ Кошкинъ, прямой пращуръ патріарха Филарета (Θеодора Никитича Романова), пользовался весьма большимъ авторитетомъ при Московском дворѣ [4]. Онъ былъ любимцемъ Великаго Князя Василія Димитріевича, что видно изъ грамоты Эдигея, который въ ней называетъ Ивана Кошкина «казначеемъ, любовникомъ и старѣйшиной» Великаго Князя. Сынъ Ивана Θеодоровича Кошкина Захарій Ивановичъ Кошкинъ былъ бояриномъ Великаго Князя Василія II Темнаго и участвовалъ въ войнѣ съ литовцами. Бояринъ Юрій Захарьевичъ, сынъ Захарій Кошкина, служалъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ III Васильевичѣ главнымъ полковымъ воеводой, участвовалъ въ походахъ на Казань и въ битвѣ съ литовцами. Сынъ Юрія Захарьевича—Романъ Юрьевичъ Захарьинъ—былъ окольничимъ и воеводой. На его дочери Анастасіи Романовнѣ женился Царь Іоаннъ Васильевичъ Грозный, а сынъ Романа Юрьевича Никита Романовичъ служилъ при Грозномъ, участвовалъ въ Шведскомъ

---

[1]) Собраніе Государ. грамотъ и договоровъ, ч. II, стр. 16.
[2]) По Никонову списку, ч. IV, стр. 202.
[3]) Селифонтовъ.
[4]) Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ царя Михаила Θеодоровича Романова, собранный Н. Н. Селифонтовымъ.



Видъ мѣстности по р. Сулѣ въ г. Костромѣ.

Пейзажъ сохранившійся на древней иконѣ.

походѣ и, въ качествѣ посла, отправленъ былъ къ польскому королю. Отъ перваго брака у Никиты Романовича родился сынъ Θеодоръ Никитичъ, впослѣдствіи Патріархъ Филаретъ, отецъ Михаила Θеодоровича Романова.

Такимъ образомъ, всѣ предки бояръ Романовыхъ служили въ высшихъ должностяхъ при дворѣ Великихъ Князей и Царей Московскихъ. Сообразно заслугамъ, Романовы обладали многими имѣніями и землями, жалуемыми имъ въ разныя времена. Такъ, имѣнія ихъ были въ предѣлахъ Псковской области и Новгородскихъ пятинъ, въ уѣздахъ Костромскомъ, Галичскомъ, Буйскомъ, Вологодскомъ, Переяславскомъ, Дмитровскомъ, Коломенскомъ, Московскомъ, Владимірскомъ, Юрьевскомъ и др.

Н. Н. Селифонтовъ, въ «Сборникѣ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Θеодоровича Романова» пишетъ, что установленное исторіею общее происхожденіе вѣтвей Шереметевыхъ, Колычевыхъ, Сухово-Кобылиныхъ и др. отъ Литовско-Самогитскихъ державцевъ подтверждается также сходствомъ составныхъ частей, присвоенныхъ симъ вѣтвямъ и линіямъ ихъ частныхъ гербовъ. Въ этихъ гербахъ изображены:

1. На золотомъ щитѣ красное овальной формы поле, окруженное лавровымъ вѣнкомъ, въ которомъ помѣщена золотая королевская корона, какъ символъ прежняго владычества прапредковъ въ Пруссіи, Самогитіи и Литвѣ; подъ короной два обыкновенныхъ серебряныхъ креста, расположенныхъ одинъ надъ другимъ, какъ свидѣтельство обращенія прародителей въ христіанство.

2. Поднимающійся изъ шлема, увѣнчаннаго короною и накрытаго краснымъ съ золотомъ наметомъ, дубъ напоминаетъ совершеніе подъ этимъ священнымъ деревомъ древними Пруссо-Самогитско-Литовскими правителями жертвоприношеній. Щитодержатели — два золотыхъ льва, изъ коихъ правый держитъ въ лѣвой лапѣ скипетръ, а лѣвый въ правой лапѣ—державу; эмблемы эти также напоминаютъ, что предки Романовыхъ были нѣкогда державцами.

Всѣ эти части герба, служащія основаніемъ гербовъ всѣхъ происшедшихъ отъ даннаго рода вѣтвей, составляли нѣкогда и гербъ Романовыхъ, пока, съ восшествіемъ на Престолъ этого дома, онъ не былъ замѣненъ гербами Московскимъ и обще-россійскимъ.



Гербъ Романовыхъ (по Кампенгаузену).

Всѣ Романовы пользовались большой популярностью среди народа. Многіе бояре испытали гнѣвъ Іоанна Грознаго, многіе поплатились жизнью — и одинъ только Никита Романовъ неизмѣнно пользовался все время большимъ уваженіемъ и довѣренностью Грознаго Царя. Въ различныхъ пѣсняхъ, былинахъ, преданіяхъ и т. п. имя Никиты Романова часто можно встрѣтить, что ясно доказываетъ, какимъ уваженіемъ, какимъ довѣріемъ народа пользовался этотъ бояринъ. Какое чувство состраданія и скорби народной вылилось въ тѣхъ былинахъ и сказаніяхъ, которыя повѣствуютъ объ ужас-

ныхъ страданіяхъ, перенесенныхъ дѣтьми Никиты Романова въ ссылкѣ и заточеніи.

Приведемъ здѣсь одну быль, какъ «Никитѣ Романовичу дано село Преображенское».

Царь Іоаннъ Грозный пируетъ «въ каменной Москвѣ», «бесѣдушка была навеселѣ, а лѣтній день въ половинѣ дня»; участвовавшіе «въ бесѣдѣ» стали другъ передъ другомъ хвастаться, кто силой, кто родомъ, кто своимъ богатствомъ. Во время этого разговора Іоаннъ Грозный сказалъ: «глупые вы, бояре, неразумные! Всѣ вы бездѣлицей хвастаетесь», и при этомъ добавилъ, что только онъ, Царь, можетъ говорить о своихъ великихъ подвигахъ—взятіи Казани, Астрахани, наконецъ, о томъ, что онъ вывелъ крамолу изъ Новгорода и т. д. Никто ничего не возразилъ на это царю, только одинъ царевичъ Ѳеодоръ осмѣлился произнести: «отовсюду ты вывелъ измѣну на Руси, не вывелъ ее только въ каменной Москвѣ» и при этомъ юный царевичъ прямо указалъ, какъ на измѣнниковъ, на Годуновыхъ. Царь съ гнѣвомъ требуетъ объясненія отъ сына. Тотъ отвѣчаетъ:

«Ты самъ про нихъ знаешь и вѣдаешь,
Про трехъ Годуновыхъ измѣнниковъ,
Ты пьешь съ ними, ѣшь съ одного блюда,
Единую чару съ ними требуешь».

Разгнѣванный Грозный царь приказываетъ созвать «палачей немилостивыхъ» для того, чтобы отвезти виновника царскаго гнѣва—царевича—на Москву-рѣку, «къ тому болоту поганому, ко той ко лужѣ кровавой, ко той плахѣ бѣло-дубовой». Однако никто не рѣшился исполнить такое страшное порученіе. «Всѣ палачи испужалися, со Москвы разбѣжалися», говоритъ былина, и только одинъ «Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ» изъявилъ готовность исполнить царскій приказъ. Царевичъ былъ отведенъ на мѣсто казни. Когда вѣсть объ этомъ событіи донеслась до с. Романовскаго, гдѣ жилъ Никита Романовичъ, послѣдній бросается на неосѣдланнаго коня, и скачетъ къ мѣсту казни. По дорогѣ онъ догоняетъ Малюту, идущаго къ «поганому болоту». Никита Романовичъ кричитъ:

«Малюта-палачъ, сынъ Скуратовичъ!
Не за свой ты кусъ хватаешься,
А этимъ кусомъ ты подавишься».

Малюта отвѣтилъ, что онъ не можетъ ослушаться Царя.

Никита Романовичъ рѣшается принести въ жертву своего любимца—конюха и отвѣчаетъ Малютѣ:

«Сказни ты любимаго конюха моего,
Окровени саблю острую,
Замарай въ крови руки бѣлыя
И съ тѣмъ поди къ Царю передъ очи».

И, вырвавъ изъ рукъ Малюты царевича, увозитъ его къ себѣ въ Романовское. Немного спустя, въ то время, какъ Іоаннъ Грозный сокрушается о несчастной судьбѣ, постигшей его сына, раскаиваясь въ страшномъ дѣяніи, которое онъ совершилъ, Борисъ Годуновъ доноситъ царю, что Никита Романовъ пируетъ въ своемъ селѣ. Разгнѣванный Царь призываетъ къ себѣ Романова и съ страшными угрозами спрашиваетъ, чему бояринъ радуется, пируя въ то время, когда Царя постигла такая печаль. Никита Романовъ отвѣчаетъ:

«А для того у меня пиръ на-веселѣ,
Въ трубочки играютъ по ратному,
Въ барабаны бьютъ по военному,—
Утѣшаютъ млада царевича».

Никита Романовъ открываетъ Грозному всю правду. Обрадованный Царь спѣшитъ въ Романовское, чтобы скорѣе увидѣть царевича, спасеннаго преданнымъ и вѣрнымъ бояриномъ, котораго жалуетъ «златомъ и серебромъ» и «грамотой на село Преображенское».

Болѣе всего сохранилось самыхъ трогательныхъ сказаній связанныхъ съ именемъ Михаила Никитича Романова, который провелъ нѣсколько лѣтъ въ ссылкѣ въ Чердыни и Ныробѣ. Съ стоическимъ мужествомъ этотъ кроткій, безгранично добрый и сердечный бояринъ, обладавшій выдающейся красотой, мужествомъ и богатырской силой, переносилъ всевозможныя физическія и нравственныя мученія.

Немало также преданій сохранилось о печальной судьбѣ, постигшей Александра Никитича. Такъ, одно изъ преданій передаетъ, что послѣ его смерти ненавистники хотѣли умышленно уничтожить слѣды могилы, но надъ ней выросли могучія сосны.



Снимокъ съ Θеодоровской иконы Божіей Матери.

Михаилъ Θеодоровичъ въ моментъ избранія жилъ съ матерью въ своей Костромской вотчинѣ. Соборомъ и рѣшено было отправить къ нему въ городъ Кострому посольство съ грамотой, а во всѣ города Россіи послать присяжныя записки и извѣстительныя грамоты объ избраніи Земскимъ Соборомъ Михаила Θеодоровича Романова на царскій престолъ. Кромѣ того, для посольства былъ выработанъ особый наказъ, въ которомъ указано было, кому и что говорить. Посольство состояло изъ слѣдующихъ лицъ: архіепископа рязанскаго и муромскаго Θеодорита, архимандритовъ: Чудова монастыря — Авраамія, Новоспасскаго — Іосифа, Симонова — Павла, Троице-Сергіевой лавры — келаря Авраамія Палицына, протопоповъ московскихъ соборовъ Благовѣщенскаго и Архангельскаго и протопопа собора Николы Зарайскаго — Димитрія; отъ царскаго синклита въ составъ посольства вошли бояре: Θеодоръ Ивановичъ Шереметевъ, Князь Владиміръ Ивановичъ Бахтеяровъ-Ростовскій, окольничій Θеодоръ Васильевичъ Головинъ, дьякъ Андрей Варѣевъ и другіе окольничіе и дворяне.

До сихъ поръ былъ спорнымъ вопросъ о томъ, гдѣ находились мать и сынъ Романовы послѣ того, какъ вышли изъ Московскаго кремля и уѣхали изъ Москвы.

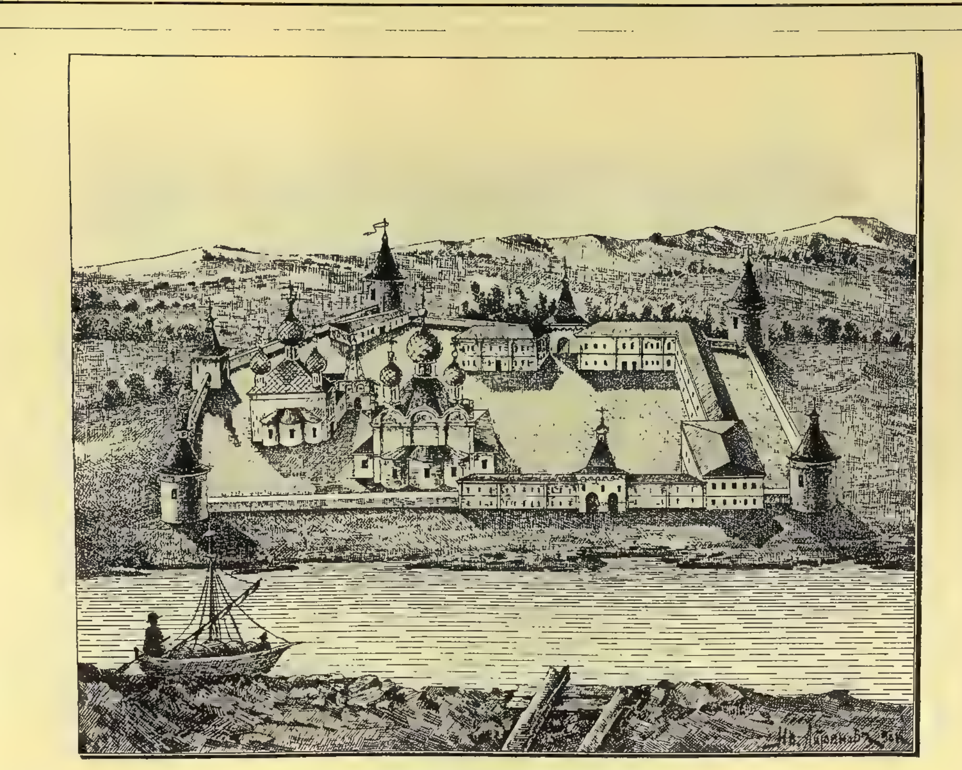
Историки отмѣчаютъ, что на Земскомъ Соборѣ, избравшемъ Михаила Θеодоровича никто опредѣленно не могъ указать, гдѣ живутъ мать и сынъ Романовы. У Костромского историка Козловскаго (на стр. 94) сказано, что Московское посольство готовилось отправиться въ Кострому, ибо тогда Михаилъ Θеодоровичъ съ родительницей жили въ Костромской вотчинѣ своей. Князь Козловскій, излагая далѣе событія, на страницѣ 95 пишетъ, что Сусанинъ вызывается проводить польскій отрядъ къ мѣсту жительства Романовыхъ, но въ то же время успѣваетъ приказать зятю своему, чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, спѣшилъ въ село Домнино для увѣдомленія Михаила объ угрожающей опасности. Въ родословной Дома Романовыхъ, составленной барономъ Кампенгаузеномъ въ въ 1805 году (Н. Н. Селифонтовъ), на стр. 151 сказано: «было и другое имѣніе (Домнино) недалеко отъ города Костромы, возвращенное семьѣ Романовыхъ по возвращеніи ихъ изъ ссылки, имѣніе,

или вотчина, тѣмъ болѣе примѣчательная, что въ ней жилъ будущій Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ въ то самое время, когда всѣ сословія государства избрали его наслѣдственнымъ и неограниченнымъ Государемъ Россійской Державы». По свидѣтельству Козловскаго (стр. 96) и по исторіи Самарянова (стр. 6), въ Костромѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью остановились въ своемъ осадномъ дворѣ и, только по просьбѣ Костромичей, переѣхали для пріема посольства въ кельи Ипатіевскаго монастыря, которыя съ-издавна носили названіе «намѣстничьи кельи».

Кромѣ того, невозможно допустить, чтобы Романовы могли найти защиту въ этомъ монастырѣ, который изстари принадлежалъ Годуновымъ — врагамъ Романовыхъ.

Въ архивѣ Костромской Палаты Государственныхъ имуществъ находится дѣло о церкви с. Домнина. Въ этомъ дѣлѣ, между прочимъ, говорится слѣдующее: «въ октябрѣ мѣсяцѣ 1612 г. Ксенія, тогда уже инокиня Марѳа Іоанновна, освободясь изъ польскаго плѣна, съ 15-лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, уѣхала изъ Москвы *въ Костромское свое помѣстье, въ село Домнино*, гдѣ, оставивъ сына своего, какъ монахиня, удалилась въ домъ свой, находившійся въ Костромскомъ кремлѣ у бывшаго тамъ Воздвиженскаго мужского монастыря».

Въ сохранившемся очень важномъ Государственномъ актѣ — въ утвержденной грамотѣ объ избраніи на Московское Государство Михаила Ѳеодоровича Романова (изд. Импер. общ. истор. и древн. Росс. при Моск. унив. подъ наблюд. Бѣлокур. 1904 г.) значится слѣдующее: «...и по милости Всемогущаго и Всесильнаго, въ Троицѣ славимаго Бога нашего и Пречистыя Его Матери и великихъ Московскихъ чудотворцевъ молитвою, а службою и радѣніемъ ко всей землѣ боярина и воеводы князя Дмитрія Тимофеевича Трубецкого, да стольника и воеводы князя Дмитрія Михайловича Пожарскаго, да выборнаго человѣка ото всего Московскаго Государства Кузьмы Минина, и бояръ, и окольничихъ, и чашниковъ, и стольниковъ, и дворянъ, и дѣтей боярскихъ, и атамановъ, и казаковъ, и стрѣльцовъ, и всѣхъ ратныхъ людей Московскаго Государства своимъ мужествомъ и храбростью Царствующій градъ Москву отъ Польскаго и отъ Литовскаго короля и отъ Польскихъ и отъ



Видъ Костромского Ипатіевскаго монастыря 1613 г.

Точная копія съ древняго рисунка, хранящагося въ Костромскомъ Романовскомъ музеѣ.

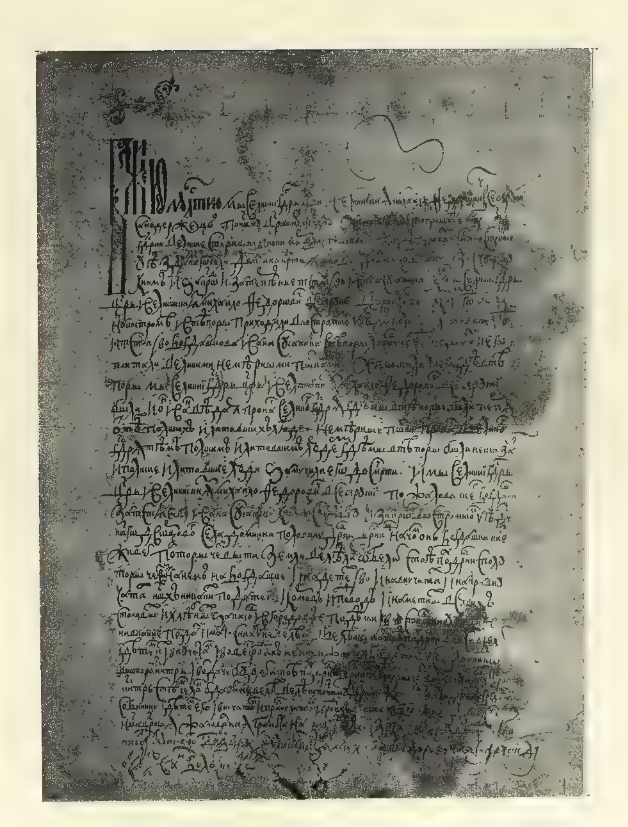
Литовскихъ людей, отъ ихъ злого плѣненія очистили. Сей же Михайло Ѳеодоровичъ, и съ матерью своею, по дѣйству Святого Духа свобоженіе отъ злого томительства пріемлетъ и яко птица отъ тенетъ отрѣшается, *и во своя вотчины, въ Костромской уѣздъ, скоро по освобожденіи возвращается»*. (Стр. 13).

Далѣе въ той же грамотѣ говорится: «а великій Государь, Богомъ избранный Царь и Великій Князь, Михайло Ѳеодоровичъ всея Руси Самодержецъ, *въ то время бысть въ Костромскомъ уѣздѣ, у себя въ вотчинѣ*, той Божіей Святой Воли и избранія всѣхъ православныхъ христіанъ всего Россійскаго Царствія по его государскому достоинству, на его Царскій престолъ, на Россійское Государство, ему, Великому Государю, никако не вѣдующе и во умъ себѣ того не помышляюще». (Стр. 14).

Резюмируя все вышесказанное, необходимо придти къ заключенію, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ и родительница его Марфа Іоанновна, освободившись изъ польскаго плѣна, по выходѣ изъ Московскаго Кремля, уѣхали изъ Москвы въ свое помѣстье, въ село Домнино, находившееся въ то время въ Костромскомъ уѣздѣ, а затѣмъ, послѣ избранія на царство Михаила Ѳеодоровича, переѣхали въ Кострому и остановились въ своемъ осадномъ дворѣ, находившемся въ Кремлѣ, и только для принятія Московскаго посольства переѣхали въ «намѣстничьи кельи» Ипатьевскаго монастыря.

2 марта 1613 года Московское посольство съ Тихвинской иконой Божіей Матери, писанной, по преданію, св. митрополитомъ Петромъ, съ Владимірской иконой Ея и съ иконой московскихъ чудотворцевъ Петра, Алексѣя и Іоны отправилось изъ Москвы въ Кострому. Но, прежде прибытія сюда посольства для предложенія, царской короны Михаилу Ѳеодоровичу, послѣдній подвергся великой опасности отъ враговъ.

Поляки и Литовцы, всюду бродившіе по Россіи, узнавъ, что въ Москвѣ избранъ Царемъ Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, задумали схватить его и убить, или отправить въ Польшу, прежде чѣмъ посольство прибудетъ изъ Москвы для приглашенія его на царство. Для этой цѣли одинъ изъ отрядовъ направился изъ Вологды къ Костромѣ, въ село Домнино.



Жалованная грамота потомкамъ Сусанина 1619 года.

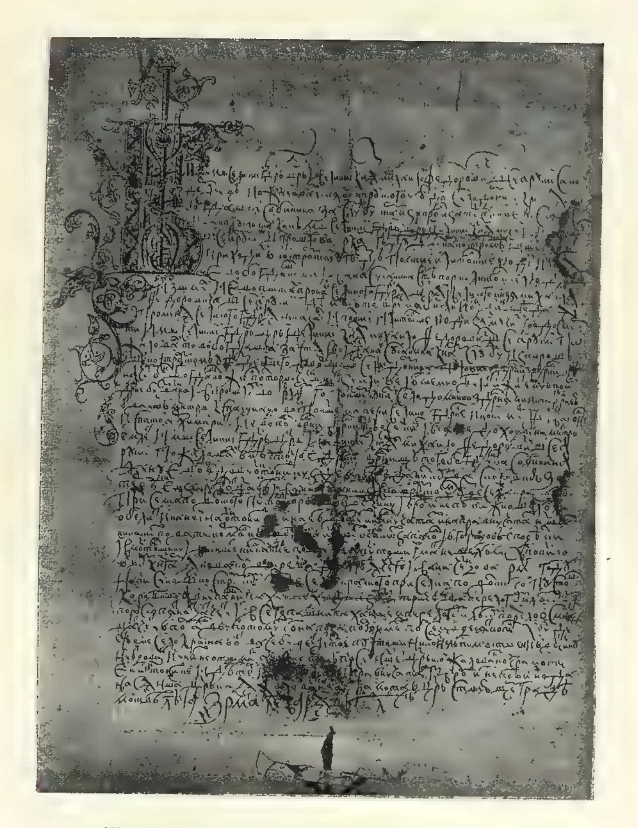
ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

Обстоятельства спасенія отъ враговъ вновь избраннаго Царя многими авторами описываются различно, а нѣкоторые историки и совершенно отрицаютъ этотъ фактъ. Но, въ настоящее время, уже никто не отрицаетъ того, что Михаилъ Ѳеодоровичъ былъ спасенъ костромскимъ крестьяниномъ Иваномъ Сусанинымъ. Это несомнѣнно и неопровержимо подтверждается грамотами, жалованными потомкамъ Сусанина Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, отъ 30 ноября 1619 г. и отъ 30 января 1633 года, а также жалованными грамотами Іоанна и Петра Алексѣевичей, Анны Леопольдовны и Екатерины II.

1. Божіею Милостью Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ, по нашему царскому милосердію, и по совѣту и прошенію матери нашей, Государыни старицы инокини Мароы Іоанновны, пожаловали есма Костромского уѣзда, нашего села Домнина крестьянина Богдашка Собинина за службу къ намъ и за терпѣніе тестя его Ивана Сусанина. Какъ Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь, Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, въ прошломъ 1613 г. были на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди и тестя его, Богдашка Собинина, въ тѣ поры Литовскіе люди изымали и его пытали великими, немѣрными пытками, а пытали у него, гдѣ въ тѣ поры Мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ всея Россіи, были, и онъ, Иванъ, вѣдая про насъ, Великаго Государя, тѣмъ Польскимъ и Литовскимъ людямъ, гдѣ Мы въ тѣ поры были, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти. И мы, Великій Государь, Царь и Великій Князь всея Россіи, пожаловали его, Богдашка, за тестя его Ивана Сусанина къ намъ службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ нашего дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ, Богдашка, нынѣ живетъ, полторы чети выти земли велѣли обѣлить: съ тое полудеревни и полуторы чети выти, на немъ, на Богдашкѣ, и на дѣтяхъ его, и на внучатахъ никакихъ податей и кормовъ, и подводъ, и наметныхъ всякихъ столовыхъ и хлѣбныхъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину, и въ иныя ни въ какія подати имати съ нихъ не велѣли. Велѣли имъ тое полдеревни во всемъ обѣлить и дѣтямъ ихъ, и внучатамъ, и во весь родъ ихъ неподвижно; а буде то наше с. Домнино въ которой монастырь и въ отдачѣ будетъ, тое полдеревни Деревнищъ, полторы чети выти земли ни въ который монастырь съ тѣмъ селомъ отдавать не велѣли, велѣли по нашему царскому жалованью владѣти ему, Богдашкѣ Собинину, и дѣтямъ его, и внучатамъ, и правнучатамъ, и въ родъ ихъ во вѣки неподвижно. Дана сія наша Царская жалованная грамота въ Москвѣ 1619 года Ноября въ 30 день. На подлинной подписано такъ: а подписалъ Великаго Царя Государя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича всея Россіи дьякъ Иванъ Болот-

никовъ. Въ окончанiи грамоты на шнуркѣ Государственная печать; а на оборотѣ той-же грамоты ознаменовано: Царь и Великiй Князь Михаилъ Өеодоровичъ, всея Россiи Самодержецъ.

2. Божiею Милостiю Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Михаилъ Өеодоровичъ, всея Россiи Самодержецъ, пожаловали есма Костромского уѣзда, села Домнина, крестьянина Богдашка Собинина, за службу къ Намъ и за кровь и за терпѣнiе тестя его Ивана Сусанина. Какъ Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Михайло Өеодоровичъ всея Россiи, въ прошломъ во 121 году были на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскiе и Литовскiе люди, и тестя его, Богдашкова, Ивана Сусанина, въ тѣ поры Литовскiе люди изымали и его пытали про Насъ, Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича всея Россiи, гдѣ Мы въ то время были, и онъ, Иванъ, вѣдая про Насъ, Великаго Государя, не сказалъ, и Польскiе и Литовскiе люди замучили его до смерти. И Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь, Михайло Өеодоровичъ, всея Россiи, пожаловали того Богдашка, за тестя его Сусанина къ Намъ службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ, Нашего дворцоваго села Домнина, половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ, Богдашка, жилъ—полторы чети выти земли, велѣли ему обѣлить и жить ему въ той деревнѣ безданно. И въ прошломъ во 139 году, по Нашему указу село Домнино, съ деревнями и съ тою ихъ деревнею, отдано въ монастырь къ Спасу на Новой, по Нашей Матери, Великой Государынѣ, Инокинѣ Мареѣ Ивановнѣ, и Спасскiй архимандритъ его полдеревни Деревнищъ очернилъ и всякiе доходы на монастырь емлетъ. И Мы, Великiй Государь, Царь и Великiй Князь Михайло Өеодоровичъ, всея Россiи, пожаловали вмѣсто той деревни Деревнищъ, того Богдашка Собинина жену его, вдову Антонидку, съ дѣтьми ея съ Данилкомъ да съ Костькою, за терпѣнiе и за кровь отца ея Ивана Сусанина, въ Костромскомъ уѣздѣ, села Краснаго, приселка Подольскаго, пустошь Коробово въ вотчину и въ родъ ихъ неподвижно велѣли обѣлить, и на ней, на Антонидкѣ, и на дѣтяхъ ея, и на внучатахъ, и на правнучатахъ никакихъ Нашихъ податей, кормовъ и подводъ, и наметныхъ всякихъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину, и въ иныя никакiя подати съ той пустоши имати не велѣли. А по писцовымъ книгамъ Якова Кондырева да подъячаго Ивана Ченцова 140 года написано: въ Костромскомъ уѣздѣ села Краснаго, приселка Подольскаго, пустошь Коробово, а въ ней пашни паханыя худыя земли три чети, да перелогомъ и лѣсомъ поросло 15 четей, а всего пашни паханыя и перелогу, и лѣсомъ поросло 18 чети въ полѣ, а въ дву по томужъ, сѣна по за полю и межъ поль 70 копенъ. А буде то наше село Красное въ отдачѣ будетъ и той пустоши никому ни въ помѣстье, ни въ вотчину не отдавать и у нихъ не отымать, а владѣть имъ по сей Нашей Царской грамотѣ ей, Антонидкѣ, и дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ въ родъ ихъ неподвижно. Дана сiя Наша Царская жалованная грамота въ царствующемъ градѣ Москвѣ лѣта 7141, Генваря 30 день.



Жалованная грамота потомкамъ Сусанина 1633 года.

ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.

У подлинной грамоты красная печать и на оборотѣ подпись: Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, всея Россіи Самодержецъ. Справилъ подъячій Аникейко Ивановъ [1]).

3. Божіею Милостію Мы, Пресвѣтлѣйшіе и Державнѣйшіе Великіе Государи, Цари и Великіе Князи, Іоаннъ Алексѣевичъ и Петръ Алексѣевичъ, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцы, слушавъ сей жалованной грамоты дѣда Нашего, Великихъ Государей, блаженныя памяти Великаго Государя, Царя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, всея Россіи Самодержца, Мишку да Лучку, Константиновыхъ дѣтей, да Гришку, Данилова сына, Собининыхъ пожаловали, велѣли сію жалованную грамоту подписать на Наши, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича, Петра Алексѣевича, всея Великія и Малыя и Бѣлыя Россіи Самодержцевъ, имяна, и пустошью Коробовою, за службу дѣда ихъ, владѣть Мишкѣ и Гришкѣ, и Лучкѣ, и ихъ дѣтямъ, и внучатамъ, и правнучатамъ, и въ родъ ихъ во вѣки неподвижно, и о всемъ чинить, какъ въ сей жалованной грамотѣ написано. (Полн. Собр. Зак. Т. III, стр. 1415).

4. Въ Правленіе Принцессы Анны Леопольдовны, 21-го сентября 1741 года, къ грамотѣ царя Михаила Ѳеодоровича сдѣлана еще слѣдующая надпись: «А нынѣ Намъ отъ Нашего Сената всеподданнѣйше донесено, что съ тѣхъ Собининыхъ, какъ и съ другихъ крестьянъ, положенныхъ въ подушный окладъ, требуютъ рекрутъ; того ради Мы Всемилостивѣйше пожаловали, указали: съ нихъ Собининыхъ, какъ въ рекрутскіе, такъ и въ другіе поборы нынѣ и впредь ничего не спрашивать, а содержать ихъ при прежнихъ Великихъ Государей жалованныхъ грамотахъ во всемъ непремѣнно. (Полн. Собр. Зак. Т. XI, стр. 8448).

5. Божіею споспѣшествующею милостію, Мы, Екатерина Вторая, Императрица и Самодержица Всероссійская, Московская, Кіевская, Владимірская, Новгородская, Царица Казанская, Царица Астраханская, Царица Сибирская, Государыня Псковская и Великая Княгиня Смоленская, Княгиня Эстляндская, Лифляндская, Карельская, Тверская, Югорская, Пермская, Вятская и иныхъ земель Государыня, и Великая Княгиня Новгорода Низовскія земли, Черниговская, Рязанская, Ростовская, Ярославская, Бѣлоозерская, Удорская, Обдорская, Кондійская и всея сѣверной страны Повелительница и Государыня, и великія земли Карталинскихъ и Грузинскихъ Царей, и Кабардинскія земли Черказскихъ и Горскихъ Князей, и иныхъ наслѣдная Государыня и Обладательница.

Въ нынѣшнемъ 1767 году, въ нашемъ Сенатѣ, Костромского уѣзда, села Подольскаго, деревни Коробовой, бѣлопашецъ Василій Сабининъ съ товарищи били челомъ о подтвержденіи жалованныхъ предкамъ ихъ на землю грамотъ, представляя при томъ и самыя тѣ грамоты, изъ коихъ явствуетъ: въ первой, 7128 ноября 1, Предокъ Нашего Императорскаго

[1]) Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію Костромы, примѣч. 79, стр. 160—164. Полное собраніе законовъ, т. III, стр. 1415.

Величества, Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ, по своему Царскому милосердію, а по совѣту и прошенію матери своей, Государыни и Великія Княгини Старицы Инокини Марθы Іоанновны, пожаловалъ Костромского уѣзда Дворцоваго села Домнина крестьянина Богдана Сабинина, за службу къ Его Царскому Величеству и за кровь и за терпѣніе тестя его Ивана Сусанина, какъ Онъ, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Θеодоровичъ, въ прошломъ 121 году, изволилъ быть на Костромѣ, и въ тѣ поры приходили въ Костромской уѣздъ Польскіе и Литовскіе люди, тестя его, Богданова, Ивана Сусанина, поимавъ пытали великими пытками и спрашивали; гдѣ Его Царское Величество; и онъ, Иванъ, вѣдая про Его Царское Величество, гдѣ въ тѣ поры находиться изволилъ, не сказалъ, и Польскіе и Литовскіе люди замучили его до смерти; и за то Его Царское Величество пожаловалъ его, Богдана, за тестя его Ивана Сусанина службу и за кровь, въ Костромскомъ уѣздѣ, Дворцоваго села Домнина половину деревни Деревнищъ, на чемъ онъ Богданъ жилъ, земли полторы четверти выти; во второй, 7141 генваря 30, Указомъ Его Царскаго Величества показанное село Домнино съ деревнями, въ томъ числѣ и ихъ бѣлопашцевъ деревня Деревнища, отданы къ монастырю, называемому Спасъ Новый, по матери Его Царскаго Величества, Великой Государынѣ Инокинѣ Марθѣ Іоанновнѣ, а вмѣсто той деревни Его Царское Величество пожаловалъ Богдана Сабинина жену, вдову Антониду, съ дѣтьми Даниломъ и Константиномъ въ томъ же Костромскомъ уѣздѣ села Краснаго, приселка Подольскаго, пустошь Коробово въ вотчину и въ родъ ихъ неподвижно, и на ней, Антонидѣ, и на ея дѣтяхъ, внучатахъ и правнучатахъ никакихъ податей, кормовъ и подводъ, и мѣстныхъ всякихъ запасовъ, и въ городовыя подѣлки, и въ мостовщину, и въ иныя никакія подати съ той пустоши не брать; а дачи въ ней, по писцовымъ 140 года книгамъ, 18 четвертей, сѣнныхъ покосовъ семдесятъ копенъ. Сія вторичная грамота и въ 200 году именемъ Предковъ Нашего Императорскаго Величества, Великихъ Государей, Царей и Великихъ Князей Іоанна Алексѣевича и Петра Алексѣевича подтверждена съ тѣмъ, чтобы помянутой пустошью Коробовою, ихъ Сабининымъ дѣтямъ, внучатамъ и правнучатамъ, и родомъ ихъ владѣть во вѣки неподвижно, а между тѣмъ въ 159 году, Августа 5 дня, особою-же грамотою къ ней, вдовѣ Антонидѣ, къ дѣтямъ и ко внучатамъ ея въ ту деревню Коробово воеводамъ, сыщикамъ и ни кому ни для какихъ дѣлъ, какъ самимъ въѣзжать, такъ и посланныхъ высылать не велѣно; а велѣно ихъ, бѣлопашцевъ, по касающимся донынѣ дѣламъ вѣдать только большого дворца; а почему и состоятъ донынѣ въ вѣдомствѣ нашей дворцовой канцеляріи и конторы безъ всякаго отнынѣ въ казну платежу; число же ихъ находится мужска пола семьдесять семь, женскаго семьдесять семь душъ. И по всеподданнѣйшему о томъ отъ Нашего Сената докладу Нашего Императорскаго Величества, въ разсужденіи вышеприсанной предка ихъ Ивана Сусанина достохвальной и вѣчной службы, тѣ данныя

имъ грамоты Всемилостивѣйше подтверждаемъ и наиточнѣйше повелѣваемъ, какъ жалованною отъ предковъ нашихъ землею владѣть, такъ и всѣми тѣми преимуществами пользоваться не только имъ, но и будущему по нихъ роду свободно, и состоять подъ вѣдомствомъ и судомъ нашей Дворцовой Канцеляріи и ея конторы, подтверждая при томъ наикрѣпчайше, чтобъ они, бѣлопашцы, изъ постороннихъ въ ихъ званіе отнюдь ни подъ какимъ видомъ не принимали, подъ опасеніемъ нашего Императорскаго гнѣва.

Въ утвержденіи всего вышеписаннаго Мы сію Нашу Императорскую подтвердительную грамоту Нашею собственною рукою подписали и Государственною Нашею печатію укрѣпить повелѣли. Дана въ Москвѣ, лѣта 1767, Декабря 8 дня, государствованія Нашего въ шестое лѣто.

Екатерина.

Вице-Канцлеръ Александръ Голицынъ.

При запечатаніи въ Коллегіи
Иностранныхъ дѣлъ № 890.

VIII.

Подвигъ Ивана Сусанина. Преданіе объ этомъ подвигѣ. Различныя редакціи его. Посольство въ Ипатіевскомъ монастырѣ. Восшествіе на престолъ Царя Михаила Ѳеодоровича. Отъѣздъ Михаила Ѳеодоровича въ Москву,

---

Самый фактъ спасенія Сусанинымъ царя Михаила Ѳеодоровича различными авторами описывается неодинаково.

Такъ, Костромской дворянинъ Васьковъ, жившій въ концѣ XVIII столѣтія, пишетъ, что «крестьянинъ Иванъ Сусанинъ въ 1613 году, во время впаденія въ Костромской уѣздъ поискомъ противу особы Михаила Ѳеодоровича, поляками и литовцами былъ пойманъ, разными истязанъ муками и въ страданіи умерщвленъ; но твердый его духъ, зная о мѣстѣ пребыванія искомаго врагами, сокрылъ испытываемую ими тайну, принесъ жизнь въ жертву для цѣлости особы ко утвержденію государства сохраняемой» [1]).

Князь Козловскій передаетъ это преданіе такимъ образомъ. Одинъ изъ отрядовъ поляковъ и литовцевъ, бродившихъ въ то время и грабившихъ Русь, отправился къ Костромѣ, въ вотчины Романовыхъ. Сбившись съ дороги, этотъ отрядъ встрѣтилъ близь деревни Деревнищъ крестьянина Ивана Сусанина и спросилъ его о дорогѣ въ село Домнино къ боярскому двору, гдѣ тогда былъ юный Михаилъ. Смѣтливый Сусанинъ, подозрѣвая коварство, рѣшается спасти Михаила, рѣшается самъ проводить ихъ, и, между тѣмъ, показывая, что будто чего-то ищетъ, успѣваетъ приказать зятю своему, чтобъ онъ, какъ можно скорѣе, спѣшилъ въ Домнино для увѣдомленія Михаила о предстоящей ему опасности. Самъ, помолясь Богу и препоручая себя Его святой десницѣ, ведетъ злодѣевъ въ противную

---

[1]) Васьковъ И. Собраніе историч. извѣстій, относящихся до Костромы. 1792 года, стран. 49.



Село Коробово.

сторону, притворяясь, что ищетъ дорогу, которую въ темнотѣ будто бы потерялъ, блуждалъ съ ними по болотамъ и глубокимъ оврагамъ. Наконецъ, разсчитывая, что Михаилъ уже могъ окольными дорогами удалиться въ Кострому, прекращаетъ нетерпѣливость поляковъ объявленіемъ, что онъ съ намѣреніемъ завелъ ихъ въ противную сторону, дабы симъ спасти жертву ихъ. Варвары уговариваютъ его, обольщаютъ наградами, угрожаютъ, наконецъ, мучительною смертію. Уже сабли блестятъ надъ головою Сусанина, но ничто не въ силахъ отвратить его отъ принятаго имъ намѣренія; ничто не можетъ устрашить души его. Поляки, приведенные въ бѣшенство твердостію старца, жестокими ударами повергаютъ его на землю, и Сусанинъ, благословляя Промыслъ, избравшій его быть спасителемъ отрока, опредѣленнаго Небомъ къ счастію Россіянъ и украшенію трона, испустилъ духъ [1]). Къ этому кн. Козловскій прибавляетъ, что въ одной древней рукописи, находившейся у издателя «Отечественныхъ Записокъ» и полученной имъ въ Костромѣ отъ коллежскаго совѣтника И. Н. Назарова, сказано, что Сусанинъ увезъ Михаила въ свою деревню Деревнищи и тамъ скрылъ его въ ямѣ овина, за два дня передъ тѣмъ сгорѣвшаго, закидавъ его обгорѣлыми бревнами [2]).

Протоіерей Островскій, придерживаясь описанія кн. Козловскаго, вводитъ уже новые факты, именно, что, проплутавши цѣлый день и не достигнувъ цѣли, злодѣи рѣшили переночевать въ лѣсу и, изъ предосторожности связавъ проводника, легли спать. Между тѣмъ, семейные Сусанина давно безпокоясь о томъ, что старикъ долго не возвращается домой, пошли искать его по лѣсу; зять его Богданъ Сабининъ былъ счастливѣе другихъ въ поискахъ: онъ нашелъ старика. Сусанинъ съ великою осторожностію передалъ Сабинину всю опасность для Романовыхъ и приказалъ ему какъ можно скорѣе извѣстить ихъ объ этомъ, что Сабининъ и исполнилъ. Мать и сынъ въ мучительной тревогѣ поспѣшили отъ близкой опасности въ Кострому, куда при помощи своихъ крестьянъ и прибыли благополучно [3]).

---

1) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, стр. 94—98, прим. 69—70.
2) Кн. Козловскій, примѣч. 71, стр. 157 и 158.
3) Протоіер. П. Островскій. Историч. записка о Костромѣ, стр. 54—58.

Н. Н. Селифонтовъ указалъ новую редакцію преданія о спасеніи Сусанинымъ Михаила Ѳеодоровича, заимствованную имъ изъ найденной и переданной ему Г. В. Мягковымъ рукописи XVIII ст. По этой редакціи дѣло происходило такъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ, предупрежденный о зломъ умыслѣ на его жизнь, не надѣясь спрятаться въ Домнинѣ, ночью ушелъ въ деревню Перевозъ. Не доходя саженъ 200 до Перевоза, онъ машинально свернулъ по другой дорогѣ, и, вмѣсто того чтобы удаляться отъ вологодской дороги, все болѣе и болѣе приближался къ ней. Вскорѣ Михаилъ Ѳеодоровичъ пришелъ въ выселокъ, состоявшій всего изъ одного дома, въ которомъ жилъ его крестьянинъ Иванъ Сусанинъ. Михаилъ Ѳеодоровичъ попросилъ Сусанина спрятать его куда-нибудь. Сусанинъ, узнавъ въ чемъ дѣло, охотно согласился и спряталъ Михаила Ѳеодоровича въ овинной ямѣ, прикрывъ ее и обложивъ дымящимися еще головнями, такъ какъ у него только что сгорѣлъ овинъ. Потомъ принесъ ему хлѣба, квасу и соли. Сусанинъ былъ дома только одинъ, дочь его Степанида была въ отсутствіи. Къ несчастію, ночью выпалъ снѣгъ, и на немъ ясно отпечатался весь путь Михаила Ѳеодоровича. Руководствуясь этими слѣдами, а также указаніями жителей деревни Перевозъ, поляки дошли до выселка Ивана Сусанина и, не видя далѣе слѣдовъ, начали спрашиватъ его о мѣстопребываніи Михаила Ѳеодоровича. Не смотря на пытки, Сусанинъ не выдалъ своего господина, и разъяренные враги разрубили его на куски, а сами поспѣшили идти далѣе, такъ какъ Русь въ то время уже поднималась противъ поляковъ, и въ вотчинѣ Михаила Ѳеодоровича было около 400 вооруженныхъ людей, да въ селѣ Молвитинѣ до 2000 человѣкъ. Мѣстопребываніе Михаила Ѳеодоровича не могли разыскать даже бывшія у поляковъ собаки-ищейки, чутье которыхъ было испорчено дымомъ отъ обгорѣлыхъ обломковъ овина. Дочь Сусанина Степанида видѣла, какъ поляки изрубили ея отца, видѣла и то, какъ они ушли, но будучи сильно испугана, рѣшилась вернуться домой только на другой день. Къ тѣлу Ивана Сусанина началъ собираться народъ. Услышавъ говоръ толпы и вопли несчастной Степаниды, рыдавшей надъ трупомъ своего отца, Михаилъ Ѳеодоровичъ вылѣзъ изъ подъ обгорѣлыхъ обломковъ и

приказалъ собрать останки Ивана Сусанина и похоронить въ родовой своей вотчинѣ, селѣ Домнинѣ, а самъ подъ охраной вѣрныхъ людей отправился въ г. Кострому.

Членъ Костромской архивной Комиссіи И. М. Студитскій сообщаетъ, что въ церковной библіотекѣ села Домнина, бывшей вотчины инокини Марѳы Ивановны, хранится рукопись, въ которой событіе спасенія Царя Сусанинымъ описывается такъ.

«Скопище злодѣевъ, настроенное въ Москвѣ тайными польскими приверженцами, поспѣшило, по избраніи юнаго Михаила Ѳеодоровича на престолъ, въ его родовую вотчину, село Домнино, въ Костромскихъ предѣлахъ, чтобы погубить его. Одна уже ночь отдѣляла ихъ отъ желаемой цѣли, одна ночь могла погрузить Россію въ новый хаосъ и самое гибельное состояніе, но Богъ сохраняетъ избранныхъ своихъ невидимой силой. Злоумышленники на дорогѣ останавливаютъ крестьянина села Домнина Ивана Сусанина и хитро выспрашиваютъ его о мѣстопребываніи новоизбраннаго царя. Усердный сынъ отечества предложилъ злодѣямъ свои услуги проводить ихъ до царскаго жилища. Они рады были такому вызову и охотно послѣдовали за нимъ. Проводникъ сворачиваетъ съ ними совсѣмъ въ другую сторону. Вьюга и мракъ ночи принудили ихъ остановиться въ одномъ жильѣ.

«Пьянство, вѣрный товарищъ злодѣевъ, и здѣсь не оставило своихъ друзей и крѣпко ихъ усыпило. Горячо вѣрующій христіанинъ, рѣшившись умереть, не могъ уже сомкнуть глазъ и на одну минуту. Тихая бесѣда его съ Богомъ была прервана почти въ самую полночь голосомъ его зятя у воротъ жилья. Сусанинъ съ осторожностью переступилъ черезъ спящихъ злодѣевъ и вышелъ къ зятю. Тотъ разсказалъ ему, что дома цѣлый день его ждали и подумали, что онъ сбился съ пути. «Я пошелъ отыскивать тебя, да и самъ, сбившись, попалъ сюда». Сусанинъ со слезами благодарности къ Богу произнесъ: «Господи! Тебѣ вручаю дѣтей моихъ. А ты, сынъ мой, не мѣшкай здѣсь, жизнь Царя въ опасности, злодѣи ночуютъ со мной; я весь вечеръ водилъ ихъ по лѣсамъ и глубокимъ снѣгамъ, какъ будто предчувствуя, что черезъ когонибудь дамъ знать Царю. Бѣги же скорѣе въ его вотчину и по-

вѣдай ему обо всемъ. Пусть остережется, а я межъ тѣмъ поведу злодѣевъ по такимъ же мѣстамъ. Прощай! можетъ быть, отъ ихъ рукъ доведется мнѣ умереть. Вотъ тебѣ нашъ родовой крестъ. Помни Бога, храни вѣру, полагай душу за братій, живи въ мирѣ со всѣми. Прощай же. Увидимся на томъ свѣтѣ»! Зять слушалъ въ волненіи и страхѣ и не хотѣлъ съ нимъ разстаться. «Ступай же скорѣе, промолвилъ Сусанинъ, не теряй времени спасти Царя».

«Раннимъ утромъ пробудились злодѣи, Сусанинъ вновь повелъ ихъ по прежнимъ слѣдамъ. Тутъ злодѣи поняли его хитрость и закричали: «Ты обманулъ насъ!»—«Не я васъ обманулъ, отвѣчалъ доблестный патріотъ: вы сами себя обманули! Какъ могли вы подумать, что я пошелъ съ вами противъ своего Государя? Самъ Богъ помогъ мнѣ. Нашъ Царь спасенъ. Вотъ вамъ вмѣсто царской моя крестьянская голова; дѣлайте съ ней, что хотите»! Сынъ вѣры и отечества умеръ мученически, а злодѣи погибли въ болотѣ».

Въ дѣлѣ, находящемся въ Костромской Палатѣ Государственныхъ имуществъ, «о ремонтѣ церкви села Домнина» подвигъ Сусанина описывается такъ.

Въ селѣ Домнинѣ, какъ извѣстно и по исторіи, былъ господскій дворъ со всѣмъ устройствомъ.

Въ октябрѣ мѣсяцѣ 1612 года Ксенія, тогда уже инокиня Марѳа Іоанновна, освободясь изъ польскаго плѣна, съ 15-лѣтнимъ сыномъ Михаиломъ, уѣхала изъ Москвы въ Костромское свое помѣстье, именно въ село Домнино, гдѣ, оставивъ сына своего, сама, какъ монахиня, удалилась въ домъ свой, состоявшій въ Костромскомъ кремлѣ у бывшаго тамъ Воздвиженскаго монастыря.

Въ 1613 году одинъ изъ начальниковъ, бродившихъ и грабившихъ тогда повсюду польскихъ и литовскихъ шаекъ, направился съ отрядомъ въ Костромскія вотчины Романовыхъ, съ намѣреніемъ захватить избраннаго въ то время въ Москвѣ на царство Михаила Ѳеодоровича. Время было холодное, ненастное, наступила уже ночь, когда въ трехъ верстахъ отъ Домнина, близъ деревни Деревнищъ, существующей и нынѣ подъ названіемъ Деревеньки, поляки встрѣтили Ивана Сусанина, бывшаго, по народному пре-

данію, вотчиннымъ старостою, и взяли его въ проводники къ селу Домнину. Сусанинъ, по увѣренію мѣстныхъ жителей, какъ староста, хотя и проживалъ въ селѣ Домнинѣ при господскомъ дворѣ, но былъ уроженцемъ деревни Деревнищъ, гдѣ и имѣлъ свой домъ, въ которомъ въ это время проживалъ его зять Богданъ Сабининъ. Сусанинъ потихоньку послалъ Сабинина въ Домнино къ Михаилу Ѳеодоровичу увѣдомить его о предстоящей опасности, а самъ повелъ отрядъ, какъ будто окольными дорогами, вмѣсто села Домнина по окружнымъ лѣсамъ и болотамъ. Проплутавъ цѣлую ночь и разсчитывая, что Михаилъ имѣлъ достаточно уже времени, чтобы удалиться изъ Домнина, онъ объявилъ полякамъ, что обманулъ ихъ и что Михаилъ, вѣроятно, теперь уже въ Костромѣ. Это было не болѣе, какъ въ двухъ верстахъ отъ Домнина на зыбкомъ болотѣ, поросшемъ большимъ густымъ лѣсомъ, здѣсь-то, по мѣстному преданію, и нашелъ мученическій вѣнецъ доблестный Сусанинъ.

До сихъ поръ на окраинахъ этого болота крестьяне находящейся близъ него деревни Перевоза, при разведеніи огородовъ, жалуются, что находящіеся во множествѣ корни и наплывы затрудняютъ и препятствуютъ работамъ. Болото это жители называютъ Чистымъ,—не потому ли, что считаютъ его очищеннымъ кровью Сусанина-мученика?!

Конечно, всѣ эти отдѣльныя редакціи преданія заключаютъ въ себѣ долю правды, но въ то же время нельзя не признаться, что всѣ онѣ, въ большей или меньше степени, прикрашены вымыслами. Такъ, разсказъ о томъ, будто-бы Сусанинъ спряталъ сбившагося съ дороги Михаила Ѳеодоровича въ овинную яму и обложилъ его горящими бревнами, не смотря на указаніе двухъ рукописей, положительно не заслуживаетъ довѣрія, такъ какъ, во 1-хъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ, если и жилъ въ селѣ Домнинѣ, то не одинъ, а съ матерью, и если уже онъ рѣшилъ спасаться, то во всякомъ случаѣ не оставилъ-бы нѣжно любимую имъ мать въ опасности, да и мать не рѣшилась-бы отпустить его одного; во 2-хъ, какая нужда была царю спасаться пѣшкомъ, когда къ его услугамъ въ вотчинѣ было много лошадей, и, кромѣ того, достовѣрно извѣстно, что изъ села Домнина онъ выѣхалъ на лошадяхъ вмѣстѣ

съ своей матерью; въ 3-хъ невозможно допустить, чтобы Михаилъ Θеодоровичъ такъ сравнительно долго могъ пробыть въ ямѣ, заваленной и окруженной потухшими и отчасти дымящимися головнями, такъ какъ въ подобной обстановкѣ онъ могъ-бы или сгорѣть, или, въ крайнемъ случаѣ, задохнуться отъ дыма.

Рукопись, находящаяся въ библіотекѣ села Домнина, несомнѣнно поздняго происхожденія.

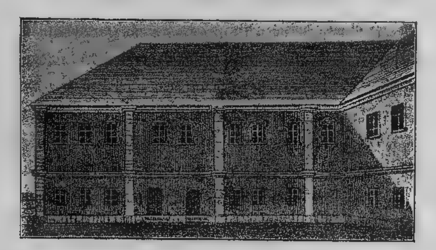
Преданіе, существующее до сихъ поръ среди Коробовскихъ бѣлопашцевъ, а равно и среди потомковъ Сусанина, переселенныхъ изъ села Коробова въ 1859 году въ Симбирскую губернію, безъ всякихъ прикрасъ и вполнѣ естественно передаетъ фактъ подвига Ивана Сусанина.

По словамъ Н. Мартынова, преданіе это слѣдующее: «Иванъ Сусанинъ жилъ въ деревнѣ Деревнищахъ, въ четырехъ верстахъ отъ вотчины Романовыхъ—села Домнина; онъ былъ тамъ выборнымъ (экономическимъ старостой), а Царь Михаилъ Θеодоровичъ жилъ тогда въ селѣ Домнинѣ, а не въ Костромѣ. Сусанинъ слышалъ, что поляки ищутъ новаго Царя, чтобы убить его, такъ что когда польскій отрядъ, разыскивая Михаила Θеодоровича, набрелъ на деревню Деревнищи и потребовалъ къ себѣ выборнаго, то Сусанинъ догадался по костюму и по произношенію, что это не русское войско, а поляки, и, улучивъ минуту, послалъ своего воспитанника Ваню въ село Домнино (а не въ монастырь, какъ представлено барономъ Розеномъ въ оперѣ «Жизнь за Царя»,—ни въ Желѣзноборовской, ни, тѣмъ болѣе, въ Ипатіевской) предупредить царя, что враги близко, чтобы онъ спасался. Самъ-же, по требованію поляковъ, повелъ ихъ лѣсомъ въ противоположную отъ села Домнина сторону, увѣривъ, что лѣсомъ дорога ближе къ мѣсту пребыванія молодого Царя. Между тѣмъ, получивъ черезъ Ваню извѣстіе, Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью своею Мароою Ивановною немедленно выѣхали въ городъ Кострому» [1].

Въ Костромѣ Михаилъ Θеодоровичъ со своею матерью остановились въ своемъ осадномъ дворѣ, находящемся въ Кремлѣ. Затѣмъ,

[1]) Н. Мартыновъ. Потомки Сусанина—въ Симбирск. губ. 1901 года, стран. 13 и 14.

когда получилось извѣстіе, что Московское посольство приближается къ Костромѣ, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью, по просьбѣ костромичей, переѣхалъ для пріема посольства въ кельи Ипатіевскаго монастыря [1]), которыя издавна носили названіе «намѣстничьи кельи» [2]).



Намѣстничьи кельи Ипатіевскаго монастыря.

13 марта 1613 года Московское посольство прибыло къ г. Костромѣ и остановилось въ селѣ Селищахъ (за рѣкою Волгою), что напротивъ Ипатіевскаго монастыря. Воеводы, дворяне, дѣти боярскіе, гости, служилые, торговые и жилецкіе люди г. Костромы встрѣтили посольство въ Селищахъ. Тотчасъ по прибытіи, посольство отрядило нѣсколькихъ чиновниковъ въ Ипатіевскій монастырь къ Михаилу Ѳеодоровичу съ просьбою указать, когда онъ прикажетъ Московскому посольству явиться къ нему. Михаилъ Ѳеодоровичъ назначилъ день 14 марта.

Въ воскресенье четвертой недѣли Великаго поста, 14 марта, отпѣвши заутреню въ селищенской церкви, «архіепископъ Ѳеодоритъ, со всѣмъ освященнымъ соборомъ, облекошася въ священныя ризы, вземше честный крестъ и чудотворный образъ Пресвятыя Богородицы и прочія св. иконы, а бояринъ Ѳеодоръ Іоанновичъ Шереметевъ и вси пришедшіе съ нимъ, учредиша чины по достоянію, поидоша чрезъ великую рѣку, именуемую Волгу, во обитель Живоначальныя Троицы, въ Ипатьевскій монастырь. И егда пріидоша на

[1]) Кн. Козловскій. Взглядъ на исторію г. Костромы, стр. 96. Самаряновъ, стр. 6.
[2]) В. А. Самаряновъ. Палаты бояръ Романовыхъ, стр. 13. Намѣстничьи кельи построены бояриномъ Дмитріемъ Ивановичемъ Годуновымъ и племянникомъ его Борисомъ Ѳеодоровичемъ Годуновымъ.

устье рѣки Костромы, весь-же церковный чинъ града того облекошася въ священныя ризы, вземше честный крестъ и чудотворную икону Пресвятыя Богородицы Ѳеодоровскія, изыдоша изъ града со множествомъ народа, съ женами и дѣтьми, и поидоша вкупѣ въ той-же Ипатіевскій монастырь, молебная совершающе» [1]).

На томъ мѣстѣ, говоритъ протоіерей Островскій, *гдѣ рѣка Кострома сливается съ Волгою, соединилась Москва и Кострома—въ лицѣ святынь ихъ, освященныхъ соборовъ, сановниковъ и множества народнаго въ одну знаменитую по цѣли процессію, единственную въ лѣтописяхъ нашего отечества* [2]).

Колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города и въ Ипатіевскомъ монастырѣ извѣстилъ Романовыхъ о приближеніи посольства.

Архимандритъ Ипатіевскаго монастыря, братія со святыми иконами и юный Романовъ съ родительницей своей вышли за ворота монастыря навстрѣчу соединенной крестной процессіи.

По благословеніи Романовыхъ архіепископомъ и послѣ привѣтственной рѣчи боярина Шереметева, послы поднесли Михаилу Ѳеодоровичу грамоты объ избраніи его всѣмъ Земскимъ Соборомъ на русскій престолъ и просили его идти во главѣ процессіи въ Троицкій соборъ Ипатіевскаго монастыря. Но Михаилъ и мать его говорили, что онъ на Московскомъ государствѣ Государемъ быть не хочетъ, а она, государыня, его на Московское государство не благословляетъ.

Послѣ молебствія въ соборѣ, посольство возобновило свои моленія о принятіи Михаиломъ царскаго скипетра. Архіепископъ Ѳеодоритъ произнесъ первую рѣчь, назначенную наказомъ. «По пресѣченіи царскаго корня, говорилъ онъ, въ Московскомъ государствѣ слѣдовалъ рядъ царей по избранію, и послѣдній изъ нихъ Василій; но, по общему земскому грѣху, многіе его возненавидѣли и оставили. Съ той поры въ государствѣ произошла рознь. Поляки и литовцы воспользовались этимъ случаемъ, чтобы довести государство до бѣдственнаго состоянія, пока не явились освободители

---

[1]) Посланіе изъ царствующаго града Москвы къ Костромѣ. Описаніе находится въ клеймѣ Успенскаго храма въ Костромѣ.

[2]) Прот. Островскій. Историч. записка о Костромѣ, стр. 59.

изъ народа. Ихъ усиліями Москва возвращена отъ иноземцевъ и государство «очистилось». Послѣ того созванъ Земскій Соборъ, единомышленно, по внушенію Божію, избравшій Царемъ Михаила. Присяга принята въ Москвѣ, и прочіе города съ радостью слѣ-



Ворота Ипатіевскаго монастыря, черезъ которые вышелъ Михаилъ Ѳеодоровичъ для принятія Московскаго Посольства въ 1613 году, 14 марта.

дуютъ примѣру столицы». Затѣмъ бояриномъ Шереметевымъ произнесена была вторая рѣчь, болѣе краткая, но усиленно повторявшая просьбу отъ лица свѣтскихъ властей. Мать и сынъ были непреклонны, не смотря на горячія убѣжденія духовенства, бояръ и плачъ народа. «Много прежде бывшихъ царей поругаемы были, говорила

Маρθа Іоанновна, а иные и чуждую землю познали, мое же чадо младо суще, недоумѣетъ управлять среди умноженія людскихъ злостей; молю васъ, не лишите меня единороднаго чада». Тогда архіепископъ Θеодоритъ беретъ образъ Богоматери и произноситъ сильную рѣчь, заканчивая ее такими словами: «повинуйтесь волѣ Божіей и пречистой Его Матери. Сіи святыя иконы притекли повѣдать Вамъ опредѣленіе Ваше; не народомъ, а ими вы избраны на великое дѣло, ими умудритесь въ предстоящихъ трудахъ и подвигахъ. Преклонитесь же передъ ними и повинуйтесь».

Марθа Іоанновна, проникнутая покорностію волѣ Божіей, наконецъ, дала свое согласіе и, на просьбы сына не соглашаться, сказала: «Божіе есть сіе дѣло, не человѣческій разумъ, не смѣю противиться». Юный Михаилъ плакалъ и, упавъ передъ образомъ Богоматери, произнесъ: «Боже! Твоя есть воля, я рабъ Твой, спаси и соблюди меня!» Затѣмъ, вставши, онъ сказалъ: «аще есть на сіе дѣло воля Божія, да будетъ тако»! Послѣ этихъ словъ всѣ преклонились передъ новымъ царемъ и слезы отчаянія смѣнились слезами радости. *Благочестивая инокиня Марθа, взявъ сына своего за руку и упавъ на колѣна передъ Чудотворной Θеодоровской иконой Богоматери, со слезами просила Ее «принять чадо ея въ Свои пречистыя руки, наставить его на путь истины и устроить полезная ему и всему православному христіанству».*

Затѣмъ Михаилъ Θеодоровичъ былъ одѣтъ въ царское облаченіе; архіепископъ, осѣнивъ его крестнымъ знаменіемъ, возложилъ на него крестъ, по преданію принадлежавшій нѣкогда великому Императору Константину, а бояре вручили ему царскій жезлъ и возвели на царское мѣсто, послѣ чего Царь слушалъ божественную литургію и торжественное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія «Богоизбранному, Благовѣрному, Благородному Государю, Царю и Великому Князю Михаилу, всея Русіи Самодержцу».

Князь Козловскій въ своей исторіи говоритъ, что Михаилъ Θеодоровичъ возведенъ былъ на великокняжеское мѣсто, хранившееся въ Ипатіевскомъ монастырѣ послѣ Великаго Князя Василія Димитріевича [1]).

[1]) Кн. Козловскій, стр. 99 и примѣч., стр. 159. Костр. Губерн. Вѣдом. 1849 г., № 19.

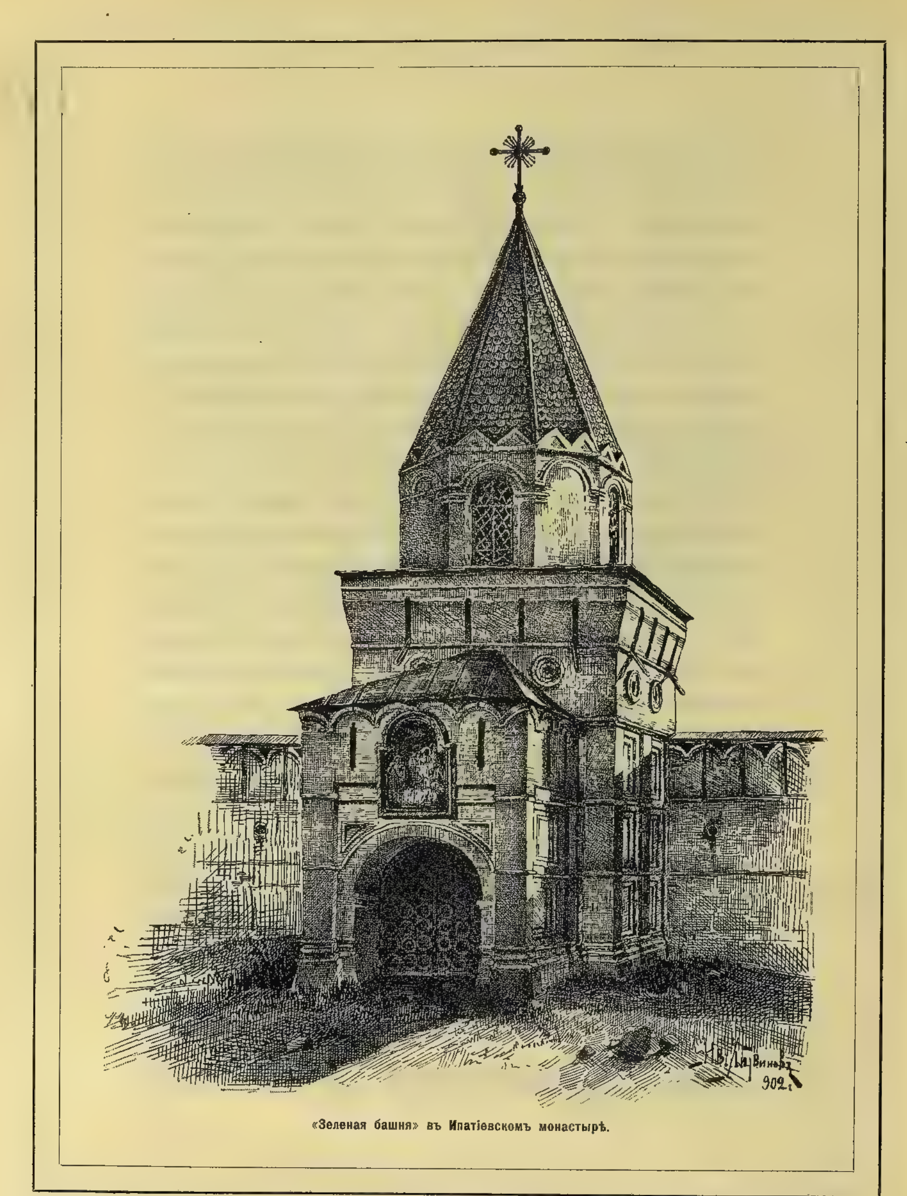
Три дня совершаемы были по церквамъ благодарственные молебны, три дня продолжался по всему городу колокольный звонъ и три дня не умолкали радостные крики народа. Однимъ словомъ, «преименитый городъ Кострома былъ охваченъ радостію и чудо согласія костромичи приписывали своей Владычицѣ». Это всенародное ликованіе Костромы, быстро передавшееся въ Москву, а затѣмъ и на всю Россію, было дѣйствительно величайшимъ моментомъ во всей исторіи многострадальнаго русскаго народа. Несомнѣнно, весь народъ чувствовалъ, что «безвременье отходитъ назадъ». Лѣтописцы писали, что русскіе люди чувствовали, что «великая держава, какъ добрострастное и красноцвѣтущее древо, еже тѣснотами лютыя зимы завядши смирися, но нынѣ паки при лѣтней теплотѣ свѣтлостію усмѣхнувшися и процвѣте!».

Подъ наружнымъ ликованіемъ народа, безъ сомнѣнія, таилось твердое убѣжденіе, что настала дѣйствительно новая, свѣтлая эра возрожденія въ конецъ измученнаго бѣдствіями народа. Русь дѣйствительно и непритворно ликовала, потому что во всю свою исторію въ первый разъ сознательно объединилась, выдѣливъ изъ всѣхъ слоевъ своего общества такихъ свѣтлыхъ дѣятелей и истинныхъ патріотовъ, какъ Скопинъ-Шуйскій, Гермогенъ, Пожарскій,召Mининъ и Сусанинъ.

Съ извѣщеніемъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ принялъ корону, вскорѣ же посланы были изъ Костромы въ Москву съ грамотой Иванъ Васильевъ Усовъ и протопопъ церкви Николы Зарайскаго — Димитрій.

Такъ 14 марта 1613 года совершилось въ древнѣйшемъ Костромскомъ Ипатіевскомъ монастырѣ воцареніе Михаила Ѳеодоровича Романова на всероссійскій престолъ и на этотъ же день, впослѣдствіи, вслѣдствіе ходатайства костромичей, по повелѣнію самого Царя Михаила Ѳеодоровича, было перенесено съ 16 августа празднованіе явленія иконы Ѳеодоровской Божіей Матери. Кромѣ того, въ память этого событія впослѣдствіи воздвигнуты были въ Костромскомъ Кремлѣ двѣ церкви [1]), изъ коихъ одна каменная, близъ Успенскаго собора—

[1]) Обѣ эти церкви сгорѣли во время великаго пожара 18 мая 1773 года и, по недостатку средствъ, не были возобновлены.



«Зеленая башня» въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

во имя преподобнаго Геннадія Костромского, какъ перваго провозвѣстника (около 1545 г.) славы Дома Романовыхъ, другая же деревянная, близь Троицкаго собора, во имя московскихъ святителей Петра, Алексія и Іоны, какъ ходатаевъ предъ Богомъ за Россію о дарованіи ей Царя Михаила Ѳеодоровича.

Москва послѣ этого нетерпѣливо ждала прибытія изъ Костромы вновь избраннаго Царя и поэтому Михаилъ Ѳеодоровичъ назначилъ 19 число марта днемъ отъѣзда своего изъ Костромы въ Москву. Въ этотъ день, по совершеніи молебствія, Царь съ родительницей своей, окруженный московскими и костромскими святынями и сопровождаемый посольствомъ и множествомъ народа, вышелъ изъ Ипатіевскаго монастыря чрезъ западныя его ворота. Въ 1642 году, по царскому повелѣнію, на мѣстѣ отправленія Михаила Ѳеодоровича въ Москву сооружена была башня, существующая до сихъ поръ и называемая «Зеленою башнею».

21 марта царственные путешественники прибыли въ г. Ярославль и остановились въ Спасскомъ монастырѣ, гдѣ жили, вслѣдствіе плохихъ дорогъ и весенней распутицы, до 16 апрѣля. Только 2 мая Михаилъ Ѳеодоровичъ прибылъ въ Москву. Причину такой медленности въ пути самъ Царь объясняетъ въ посланной имъ въ Москву грамотѣ слѣдующими словами: «ѣдемъ медленно затѣмъ, что подводъ мало, служилые люди худы (бѣдны); многіе стрѣльцы, казаки и дворовые люди идутъ пѣшкомъ».

IX.

Кострома въ царствованіе Михаила Θеодоровича. Вѣнчаніе на царство Михаила Θеодоровича. Церковные вклады Царя. Возвращеніе въ Москву митрополита Филарета и нареченіе его патріархомъ. Путешествіе Царя въ Макарьевскій Унженскій монастырь. Письма Романовыхъ. Смерть Михаила Θеодоровича.

Съ воцареніемъ Михаила Θеодоровича, а равно и въ послѣдующія царствованія, всѣ города, отдѣльно взятые, теряютъ свое прежнее значеніе и болѣе начинаютъ жить общею жизнію государства, какъ клѣтки одного организма, неразрывно съ нимъ связанныя, какъ составныя его части. Поэтому дальнѣйшая исторія Костромы, какъ и другихъ городовъ, является однообразной въ смыслѣ общегосударственной жизни и представляетъ болѣе мѣстный интересъ.

Среди многочисленныхъ государственныхъ заботъ Царь Михаилъ Θеодоровичъ никогда не забывалъ Костромы. За кровь Ивана Сусанина зятю его Богдану Сабинину и всему его потомству дарована была вѣчная свобода отъ податей, общественныхъ работъ и рекрутства. Въ 1631 году всю Домнинскую вотчину, состоявшую изъ села Домнина, 34 деревень, 14 починковъ, 1 сельца и восьми пустошей, Царь, по завѣщанію родительницы своей, приписалъ къ Новоспасскому монастырю, такъ какъ въ этомъ монастырѣ погребены были дѣти Мароы Іоанновны, умершія въ 1611 году. Вслѣдствіе этого деревня Деревнищи также перешла къ монастырю, почему Михаилъ Θеодоровичъ и далъ потомкамъ Сусанина пустошь Коробово, находящуюся на лѣвомъ берегу Волги, въ 45 верстахъ отъ города Костромы, гдѣ въ настоящее время и живутъ потомки Сусанина, названные бѣлопашцами, пользуясь до сего времени дарованными имъ привиллегіями и льготами.

Послѣ вѣнчанія своего на царство, совершеннаго митрополитомъ Казанскимъ Ефремомъ 11-го іюля 1613 года, на каковомъ вѣнчаніи присутствовали архимандритъ Ипатіевскаго монастыря

Кириллъ и игуменъ Костромского Богоявленскаго монастыря Арсеній, Михаилъ Өеодоровичъ прислалъ въ Ипатіевскій монастырь, въ память восшествія своего на престолъ, рѣзное изъ липы царское мѣсто, которое сохраняется въ Троицкомъ соборѣ монастыря и до сихъ поръ. Кромѣ того, онъ обогатилъ Ипатіевскій монастырь многими вкладами и деревнями, такъ что за монастыремъ числилось болѣе 11.000 душъ крестьянъ. Онъ же приказалъ пристроить къ монастырю новую стѣну оградную и, вмѣсто игумена, назначилъ архимандрита, причисливъ монастырь къ кафедральнымъ первокласснымъ монастырямъ.

Обогащенъ былъ щедрыми дарами и Костромской Успенскій соборъ, гдѣ какъ вклады Царя и Великаго Князя Михаила Өеодоровича значатся покровы, воздухи, ризы, евангеліе, крестъ, кадило, сосуды и большой благовѣстный колоколъ въ 200 пудовъ [1]. Особенно драгоцѣнны рясны, болѣе полуаршина длиною и въ одинъ вершокъ шириною, къ явленной чудотворной Өеодоровской иконѣ Божіей Матери, низанныя въ рѣшотку по золотой фольгѣ крупнымъ жемчугомъ, съ золотыми колодками и кольцами, изъ которыхъ первыя украшены изумрудами, яхонтами и бурмитскими зернами. На колодкахъ надпись: «Божіею милостію, Великій Государь, Царь и Великій Князь Михаилъ Өеодоровичъ, всея Русіи Самодержецъ, и Великая Старица Марөа Іоанновна приложили сіи рясны на Кострому въ соборную церковь, къ чудотворному образу Пресвятыя Богородицы Өеодоровскія въ пятое лѣто государства своего [2]. Кромѣ того, Царь приказалъ сравнять жалованьемъ причтъ костромского собора съ причтами придворныхъ московскихъ соборовъ и имѣть въ соборѣ передъ образомъ Өеодоровской Богоматери неугасимую свѣчу, для чего отпускать ежегодно 7 пудовъ воска, 12 фунтовъ ладона и ведро церковнаго вина [3]. Протопопу Костромского собора предоставлено было особенное право — дважды въ годъ (14 марта и 15 августа) являться въ Москву къ Царю со святою водою и просфорою, для чего давать ему зимою двѣ подводы, а лѣтомъ три.

[1]) Писцовыя книги гор. Костромы.

[2]) Вознесенскій. Воспоминанія о путешествіи Высочайшихъ Особъ, стр. 22 — 23. Островскій. Историч. записки стр. 68. Кн. Козловскій, стр. 100.

[3]) Островскій, стр. 66 и 67. Кн. Козловскій, стр. 169.

Этотъ обычай продолжался и при преемникахъ Михаила Θеодоровича, Царяхъ Алексѣѣ, Θеодорѣ, Іоаннѣ и Петрѣ I. Приказано было также во время крестныхъ ходовъ въ Костромѣ являться въ соборъ всѣмъ костромскимъ приходскимъ священникамъ, а воеводамъ давать отрядъ пушкарей и стрѣльцовъ для почести и охраны, для того чтобъ въ ходу было «бережно и безмятежно».

По прибытіи съ новоизбраннымъ царемъ въ Москву 2 мая 1613 года Марѳа Іоанновна удалилась въ Вознесенскій дѣвичій монастырь, въ которомъ съ 1619 года до самой кончины состояла игуменьей [1]).

Въ 1619 году возвратился въ Москву изъ плѣна митрополитъ Филаретъ и 22 іюня (по Студенкину 24) онъ былъ нареченъ Всероссійскимъ патріархомъ. На чинѣ нареченія митрополита Филарета патріархомъ присутствовалъ архимандритъ Костромского Ипатьевскаго монастыря.



Макарьевскій монастырь. Троицкій соборъ. 1663—1670 г.

Въ благодарность за благополучное возвращеніе своего отца изъ польскаго плѣна Михаилъ Θеодоровичъ съ родительницей своей пожелали совершить путешествіе въ г. Кострому, для поклоненія ея святынямъ, и въ Макарьевъ—къ св. Макарію, Унженскому Чудотворцу, особенно почитавшемуся патріархомъ Филаретомъ

[1]) Сборникъ по исторіи предковъ Царя Михаила Θеодоровича Романова ч II, стр. 81.

Въ лѣтописяхъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря по этому поводу повѣствуется слѣдующее: «воспріимшу же хоругви Россійскаго царствія христоподражательному Царю Михаилу Ѳеодоровичу и по воцареніи непрестанно мольбы и моленія творящу ко всещедрому Богу и къ Пречистѣй Богородицѣ, и святыя призывающу на помощь, съ ними же купно умиленнѣ призываше въ молитвахъ своихъ и великаго чудотворца, преподобнаго Макарія Унженскаго, яко да царствія его вcѣ мятежи и кровопролитія утолятся, и родителя своего, блаженнаго архіерея Филарета, узрить освобожденна отъ плѣна и въ царствующій градъ Москву пришедша. Положи же благовѣрный Царь обѣщаніе свое преподобному Макарію въ молитвахъ своихъ, яко аще молитвами его вышереченныя прошенія его, царскія, Богъ исполнитъ, то паки свое царское шествіе сотворити въ честную его обитель унженскую и гробъ его цѣлбоносный видѣти и цѣловати, и поклоненіе сотворити, и обитель паче распространити» [1]).

24 августа 1619 года, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго патріархомъ-отцомъ, напутствованные имъ «на продолженіе царскаго путнаго шествія освященною просфорою и святою водою», Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью своею, въ сопровожденіи свиты, въ числѣ которой были князь Ѳеодоръ Ивановичъ Мстиславскій, Иванъ Никитичъ Романовъ, князь Дмитрій Ивановичъ Шуйскій и другіе, отбыли изъ города Москвы въ Кострому. Царскій путь лежалъ черезъ Троице-Сергіеву лавру, Переяславль, Ростовъ и Ярославль [2]).

Вечеромъ 10 сентября царственные путешественники прибыли въ г. Кострому и остановились въ Кремлѣ, въ своемъ осадномъ дворѣ. Вотъ какъ описываетъ самъ Царь свое пребываніе въ Костромѣ въ письмѣ, посланномъ 12 сентября къ отцу-патріарху: «Божіею милостію и поспѣшествомъ молитвъ святѣйшаго патріарха Филарета, града Костромы дошли и въ соборнѣй апостольстѣй церкви, у чудотворнаго образа пречистыя Богородицы, глаголемыя Ѳеодоровскія, всенощная пѣнія и утреннія, и литургію, и молебная благодаренія

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., №№ 10, 11 и 13.
[2]) Вознесенскій, свящ. Воспомин. путеш. Высочайшихъ Особъ, стр. 1—6.

принести насъ сподобилъ Богъ; хощемъ же, аще Богъ восхощетъ и твои священныя молитвы споспѣшествуютъ, и въ честнѣй обители святыя и единосущныя Троицы, въ Ипатіевской обители, и у Богоявленія Господа нашего Іисуса Христа всенощная пѣнія и благодарныя молитвы принести и далечайшему пути ятися, и цѣлбоноснымъ мощемъ преподобнаго отца Макарія поклонитися, аще повелитъ Ваше Святѣйшество. А чаемъ, Государь, съ Костромы пойдемъ сентября 15 числа».

Вышедши 15 сентября изъ Костромы, Царь 17 сентября прибылъ въ свою вотчину село Домнино, гдѣ переночевалъ и затѣмъ отправился въ дальнѣйшее путешествіе. 25 сентября онъ прибылъ въ село Спасское, находящееся отъ Унженскаго монастыря въ 20 верстахъ. Переночевавъ здѣсь и выслушавъ раннюю литургію, Царь все двадцативерстное разстояніе проходитъ пѣшкомъ и, какъ онъ самъ пишетъ къ патріарху: «вечеромъ 29 сентября во обитель великаго чудотворца пришли далъ Богъ здорово; у цѣлбоноснаго гроба преподобнаго отца Макарія всенощная пѣнія и утреняя, и литургіи, и молебная благодаренія, по обѣщанію нашему, сподобилъ насъ Богъ совершити» [1]).

Обратный путь Царь совершилъ черезъ село Красное (Костромск. уѣзда) и прибылъ въ Кострому вечеромъ 10 октября, а 12-го уже отбылъ въ Ярославль, написавъ патріарху: «мы идемъ мѣшкотно, потому что дожди и снѣга идутъ многіе, и грязи великія, и мы идемъ, лготя людемъ нашимъ».

На память о своемъ посѣщеніи Костромского Успенскаго собора высокіе богомольцы оставили здѣсь двѣ иконы Божіей Матери: Ѳеодоровскую и Владимірскую, въ серебрянныхъ окладахъ съ украшеніями. Обѣ эти иконы сохраняются въ соборѣ до сихъ поръ и находятся надъ сѣверными и южными дверями иконостаса Успенскаго собора. Костромская Богоявленская обитель, дважды посѣщенная царственными путешественниками, также была щедро одарена, именно: Марѳа Іоанновна пожаловала золотой панагійный крестъ, а Царь «два угорскихъ золотыхъ». По возвращеніи въ Москву, грамотой за подписью дьяка Андрея Степанова, Михаилъ Ѳеодоровичъ отдалъ во

[1]) Письмо Мих. Ѳеод. Романова отъ сент. 1619 года.

владѣніе Богоявленскаго монастыря Пищальную слободу, находившуюся тогда близъ монастыря. Кромѣ того, на свое иждивеніе Михаилъ Θеодоровичъ устроилъ въ Костромѣ монастыри: ружный Вознесенскій и Спасъ-Подвязный на Мшанской улицѣ. Всю церковную утварь, книги, колокола и и все церковное строеніе приложилъ сюда самъ Царь Михаилъ Θеодоровичъ.

Въ 1628 году, грамотою Царя Михаила Θеодоровича, повелѣно было имѣть постоянное пребываніе въ Костромѣ отряду стрѣльцовъ и пушкарей, состоящему изъ 50 человѣкъ, которымъ отведены и мѣста подъ дворы и огороды, каждому въ длину по 12, а въ ширину по 6 саженей, именно 25 стрѣльцамъ выше города, къ Волгѣ, у Георгія Страстотерпца, а другимъ 25—ниже стараго города, къ Дебринской улицѣ. Первымъ сотникомъ костромского стрѣлецкаго отряда былъ назначенъ Степанъ Ивановичъ Жабинъ. [1]).

Съ 1628 года введены были по всему государству писцовыя книги, изъ которыхъ видно, что въ самомъ городѣ Костромѣ въ то время было два собора: холодный Успенскій и теплый Троицкій—оба въ кремлѣ; пять монастырей: Крестовоздвиженскій мужской въ кремлѣ, Богоявленскій мужской, Ризположенскій Анастасіинъ женскій, Вознесенскій ружный мужской и мужской-же монастырь Спасо-Подвязный; 36 приходскихъ церквей, 1683 жилыхъ двора, 75 пустыхъ мѣстъ, 489 лавокъ и амбаровъ и около 5000 жителей.

27 января 1631 года скончалась инокиня Марθа Іоанновна и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. 1 октября 1633 года скончался патріархъ Филаретъ (Θеодоръ Никитичъ), имѣя болѣе 80 лѣтъ отъ роду, и погребенъ въ Успенскомъ соборѣ, въ Москвѣ. 13 іюля 1645 года Царь Михаилъ Θеодоровичъ скончался. Все его тридцати двухлѣтнее царствованіе прошло въ возстановленіи порядка, нарушеннаго долголѣтней смутой. Приходилось и сводить счеты съ безпокойными остатками тушинцевъ, и усмирять кровожадныя шайки разбойниковъ (казаковъ), которые, по словамъ очевидцевъ, были «грубнѣе литвы и нѣмцевъ». [2]). Отрядъ Лисовскаго также производилъ грабежи между Ярославлемъ и Костромою.

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1838 года, № 47.
[2]) Проф. Трачевскій. Русск. Истор. стр. 317. Тоже Соловьевъ.

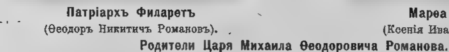
Наконецъ пришлось выдержать двѣ войны съ Польшей и одну съ Швеціей, тоже доставшіяся Россіи, какъ наслѣдіе Смутнаго времени.





Патріархъ Филаретъ
(Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ).

Марѳа Іоанновна
(Ксенія Ивановна Шестова).


Родители Царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

Приведемъ здѣсь три письма изъ переписки Царя Михаила Ѳеодоровича и инокини Марѳы съ патріархомъ Филаретомъ.

1. Письмо царя Михаила Ѳеодоровича къ патріарху Филарету отъ 26 сентября 1619 г. Превосходящему честію во святыхъ, по общему естеству человѣку, произволеніемъ же ангелу, кормчію Христова корабля, въ тихости ученія Того Словесныя овцы во пристанище спасенія направляющу и на пажити спасеныхъ велѣній соблюдающу, великому государю и отцу нашему, святѣйшему Филарету Никитичу, Божіею милостію патріарху Московскому и всея Руссіи, сынъ вашего по плоти благородія, паче же и по духу, Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ, всея Русіи, вашего святительства равноангельному лицу челомъ бью. Возвѣщаю, Государь, вашему святительству, яко мы и мать наша, благородная государыня, инока

Мареа Ивановна, Божіею милостію и поспѣшествомъ святыхъ вашихъ молитвъ, въ село Спасское пришли есмя сентября въ 25 день, далъ Богъ, здорово. А изъ села, Государь, изъ Спаскаго поидемъ къ цѣльбоносному гробу великаго чудотворца Макарія сентября въ 26 день. Да челомъ, Государь, бью вашему святительству осетры да колужку, да шоврнгу, да стерляди живыя, которыя ловлены въ Волгѣ при насъ. А посланъ, Государь, съ тою рыбою къ тебѣ, къ Государю, стольникъ Григорій Плещеевъ: и тебѣ бъ, Государь, пожаловать велѣть принять и кушать ихъ на здоровье. Да молимъ ваше превосходящее святительство, еже возслеши о насъ ко всемогущему Богу честныя ваши отеческія молитвы, яко да сподобитъ насъ Богъ путное наше шествіе, нань же обѣщахомся, радостно прейти и цѣльбоносному гробу великаго отца Макарія поклонитися, и паки къ вамъ въ царствующій градъ возвратитися здраву и радостну, и руку вашего святительства цѣловати съ радостію, и по достоинству вашему святительству челомъ ударити.

2. Письмо Патріарха Филарета къ Царю Михаилу Өеодоровичу отъ 28 октября 1619 г. Божіею милостію Великому Государю, Царю и Великому Князю Михаилу Өеодоровичу, всея Россіи Самодержцу, Богомъ хранимому и Богомъ избранному, и Богомъ вѣнчанному, побѣдопоборнику великаго истиннаго православія, по плотскому рожденію сыну, о Святѣмъ же Дусѣ возлюбленнѣйшему сыну нашего смиренія, въ православіи радоватися о Господѣ, и радость да будетъ ти, миръ и милость, и побѣда на враги и на супостаты православныя нашея истинныя вѣры, и въ жизнь живота безнавѣтна. Многолѣтствіемъ, Государь, здравствуй душевнѣ, вкупѣ жъ и тѣлеснѣ, во всякихъ благопотребныхъ и душевныхъ спасеніяхъ. Аще ли, Великій Государь, пожалуешь, похочешь спросити о нашемъ пребываніи: и язъ, Государь, призрѣніемъ Божіимъ занемогъ, къ моимъ старымъ болѣзнямъ прикинулась лихорадка и конечно меня утруднила; а нынѣ, Государь, Божіею милостію и твоею Государевою къ Богу вѣрою и молитвами, есть немного полегче. А здѣся, Государь, въ вашей Царской отчинѣ, въ пресловущемъ градѣ Москвѣ, Октября по 28 число, далъ Богъ, здраво все. А что еси, Государь, возвѣстилъ намъ о своей, Государевѣ, матери, а моей по

закону бывшей женѣ, нынѣ жъ о Святѣмъ Дусѣ дщери нашего спасенія, о старицѣ Маѳѣ — о ея болѣзни: и я, Государь, слыша о томъ, поскорбѣлъ и у всемилостиваго Бога милости прошу о ея душевномъ спасеніи и о тѣлесномъ здравіи. А о томъ благодарю Господа Бога моего Іисуса Христа, что насъ обоихъ посѣтилъ болѣзнью; а вамъ бы, Великому Государю, объ нашихъ старческихъ болѣзнѣхъ не кручинитися: то наше старческое веселіе, что болѣзни съ радостію терпѣти. Васъ бы, вселюбезнѣйшаго сына нашего, Великаго Государя, благочестиваго Царя, учинилъ милосердный Богъ здрава и счастлива, и многолѣтна, и подалъ бы тебѣ, Государю, свыше побѣду и одолѣніе на вся враги и супостаты, хотящая бранемъ, и царство бъ твое миромъ оградилъ, и велѣлъ бы мнѣ Богъ тебя, Государя, въ царствующемъ градѣ, на твоемъ Царскомъ престолѣ, въ радости видѣти, его жъ и надѣемся вскорѣ получити о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. А милость Божія и пречистыя Богородицы и великихъ чудотворцевъ Петра и Олексѣя, и Іоны, и всѣхъ святыхъ молитва, и нашего смиренія благословеніе да есть и будетъ съ вашимъ Царскимъ Благородіемъ нынѣ и во вѣки, аминь.

3. Письмо инокини Маѳы къ Патріарху Филарету отъ 2 іюня 1620 года. Вышеестественному въ подвизѣхъ и равноангельному изволеніемъ, истинному кормчію Христова корабля, неблазненно той направляющу во пристанище благочестія, великому государю, святѣйшему Филарету Никитичу, Божіею милостію патріарху Московскому и всея Русіи, старица Маѳа вашему святительству челомъ бьетъ. Маія, Государь, съ 30 числа, противъ среды въ ночи, по грѣху моему, Государь, свѣтъ очію моею, пресвѣтлый Царь и Великій Князь Михайло Ѳедоровичъ, всея Русіи, занемогъ сторонкою. И тоя, Государь, ночи и не опочивалъ, маленько къ свѣту поутишился и почало облегчевать. А помянулся прежній конской убой; а къ тому, Государь, больше къ нынѣшнему ходу, пришла кровь. А нынѣ, Государь, твоими святыми молитвами, подаровалъ Богъ ему, свѣту моему, совершенное здравіе; и по благословенію вашего святительства, по обѣщанію жъ нашему, скончеваемъ шествіе, и честныя обители святыя и единосущныя Троицы ужъ

близъ есмя. Молимъ же ваше преподобство, да возслеши о насъ честныя ваши молитвы, яко да сподобитъ насъ всемогущій Богъ, по обѣщанію нашему, живоначальной Троицѣ въ радости духовнѣй праздновати и оттолѣ здраво въ царствующій градъ возвратитися, и съ веселіемъ святолѣпное ваше лицо видѣти, и стопамъ вашего святительства поклонитись, и челомъ ударити.

X.

Общій обзоръ Смутнаго времени. Роль Макарьевскаго Унженскаго монастыря въ исторіи смутнаго времени. Связь монастыря съ Романовыми. Старецъ-строитель Давидъ Хвостовъ. Митрополитъ Ефремъ. Авраамій Палицынъ.

Періодъ «смуты», періодъ «смутныхъ временъ», по выраженію Котошихина, а по мнѣнію русскихъ людей, переживавшихъ это тяжелое время — «періодъ великой разрухи Московскаго государства» представляется однимъ изъ важнѣйшихъ и интереснѣйшихъ періодовъ нашей исторіи. Не смотря на массу историческихъ трудовъ выдающихся ученыхъ, историковъ и археологовъ, трактующихъ объ этомъ періодѣ, онъ тѣмъ не менѣе до сихъ поръ причисляется во многихъ отношеніяхъ къ темнымъ вопросамъ, настоятельно требующимъ дальнѣйшаго изученія. Интересъ къ нему возрастаетъ именно въ настоящее время, когда, ровно 300 лѣтъ тому назадъ, наши предки переживали это время.

Мы не беремся за разрѣшеніе этой громадной задачи; наша цѣль гораздо скромнѣе, а слѣдовательно и посильнѣе для насъ, именно: изложить и разъяснить нѣкоторые историческіе факты, несомнѣнно имѣвшіе мѣсто во время смуты, но не только не оцѣненные, а прямо таки обойденные молчаніемъ почти всѣми изслѣдователями, занимающимися изученіемъ смутнаго періода.

«Великая разруха» Московскаго государства, по мнѣнію проф. Ключевскаго, продолжалась съ 1598 по 1613 годъ, т. е. 14 лѣтъ. Мы не будемъ говорить о почвѣ, поводахъ и коренныхъ причинахъ смуты — все это прекрасно и очень подробно изслѣдавано въ обширныхъ и глубоко научныхъ трудахъ профессоровъ С. Ѳ. Платонова, В. О. Ключевскаго и многихъ другихъ; не будемъ также излагать исторіи самой смуты, болѣе или менѣе знакомой всѣмъ по различ-

нымъ большимъ и малымъ историческимъ трудамъ; но коснемся нѣкоторыхъ частностей, повидимому ничтожныхъ и маловажныхъ, совершенно не упоминавшихся даже въ большихъ исторіяхъ, но, тѣмъ не менѣе, требующихъ своего объясненія уже по одному тому, что нѣтъ дѣйствій безъ причинъ, производящихъ эти дѣйствія. Можетъ быть, эти частности помогутъ ученымъ спеціалистамъ, историкамъ и археологамъ, вооруженнымъ всею полнотою знанія и средствъ изученія, полнѣе и точнѣе разобраться въ трактуемомъ вопросѣ; можетъ быть, эти частности дадутъ новую нить, новый путь къ изученію многихъ, неразъясненныхъ еще и темныхъ сторонъ важнѣйшей страницы Русской исторіи.

По многимъ мѣстнымъ историческимъ даннымъ устанавливается съ несомнѣнностію тотъ фактъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ своей матерью, инокиней Марѳой Іоанновной, былъ два раза въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ.

Макарьевскій Унженскій монастырь нынѣ находится въ уѣздномъ городѣ Костромской губерніи, Макарьевѣ, расположенномъ на берегу рѣки Унжи. Монастырь основанъ въ 1439 году преподобнымъ Макаріемъ, пришедшимъ на берега Унжи съ береговъ Волги изъ Желтоводскаго монастыря, разоренаго Казанскимъ татарскимъ ханомъ Улу-Махметомъ въ 1439 году, во время княженія Василія Васильевича Темнаго.

Казалось-бы, какое отношеніе къ великимъ событіямъ, совершавшимся въ Россіи 300 лѣтъ тому назадъ, можетъ имѣть бѣдный Макарьевскій Унженскій монастырь, отстоящій отъ центра событій— Москвы, болѣе чѣмъ на 500 верстъ, находящійся въ пустынномъ, безлюдномъ мѣстѣ, покрытомъ вѣковыми непроходимыми лѣсами.

Существуютъ несомнѣнныя данныя, что болѣе чѣмъ черезъ 150 лѣтъ послѣ основанія монастыря, т. е. въ 1607 г., онъ былъ весьма скуднымъ. Такъ въ рукописи монаха Леонида, конца XVII вѣка, находящейся въ Макарьево-Унженскомъ монастырѣ, говорится, что «въ 7115 (1607) году билъ челомъ Государю и Царю, Великому Князю Василію Ивановичу строитель-старецъ Давидъ Хвостовъ: велѣлъ де мнѣ Макарьевъ монастырь строить Государь, Царь и Великій Князь Ѳеодоръ Ивановичъ, а братіи де у насъ 20 человѣкъ, а приходу

де у насъ хлѣбнаго и денежнаго *скудно* и монастырь строить *нечѣмъ*. И Государь Царь Василій Ивановичъ пожаловалъ Подмонастырной волости деревню Ярцово Верхнее съ деревнями». На этотъ даръ выдана была жалованная грамота отъ 7 декабря 1607 г. на имя «чернаго попа Іоасафа да старца Давида Хвостова съ братіею». Хотя этой подлинной грамоты въ монастырѣ и не сохранилось, но существованіе ея подтверждается сохранившимся въ монастырѣ спискомъ съ нея XVIII вѣка [1]. Какъ извѣстно изъ исторіи, старецъ Давидъ Хвостовъ былъ посланъ самимъ Царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ еще въ 1596 году для устроительства монастыря, но, не смотря на это высокое покровительство, монастырь бѣдствовалъ и не былъ благоустроеннымъ еще въ 1607 году, что заставило строителя старца Давида Хвостова обратиться съ вышеупомянутымъ ходатайствомъ къ царю Василію Ивановичу Шуйскому.

И вотъ въ эту-то, можно сказать, захудалую, мало кому извѣстную, находящуюся въ Костромскихъ лѣсныхъ трущобахъ, обитель, про которую въ лѣтописяхъ говорится, что до 1619 года она «неславна бяше и немногочеловѣчна», дважды совершаетъ путешествіе первый Царь изъ дома Романовыхъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ: въ первый разъ—еще не будучи Царемъ, а во второй—черезъ пять лѣтъ по воцареніи. А если это фактъ, то неужели-же онъ не требуетъ изученія, при которомъ могутъ выясниться такія обстоятельства, которыя пополнятъ нѣкоторые пробѣлы въ нашемъ знаніи исторіи Смутнаго времени.

Мѣстный костромской историкъ 30-хъ годовъ прошлаго столѣтія, князь Козловскій, пишетъ, что, по случаю задержанія митрополита Филарета (Никитича) въ Польшѣ, инокиня Марѳа со своимъ сыномъ Михаиломъ предприняла путешествіе въ Макарьевскій Унженскій монастырь, чтобы принести «моленія» преподобному Макарію, «*да поможетъ онъ своими молитвами освобожденію митрополита изъ томительнаго плѣна*».[2]) Членъ Костромской Ученой Архивной Комиссіи г. Херсонскій приводитъ слѣдующее извлеченіе изъ житія преподобнаго Макарія, списаннаго въ началѣ XVIII вѣка съ другой,

---

[1]) И. Херсонскій. Лѣтопись Макар. Унженск. монастыря. Вып. I, стр. 7.
[2]) Князь Козловскій. Взглядъ на исторію г. Костромы стр. 87 и 154.

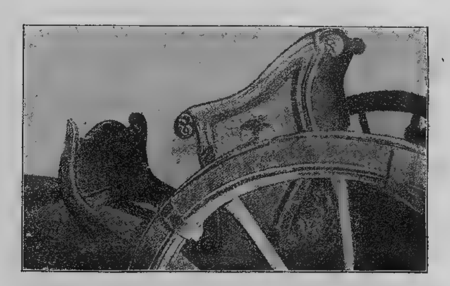
болѣе ранней рукописи: «пріиде въ монастырь сей и благовѣрная великая старица, инока Маѳа Іоанновна изъ Костромскихъ предѣловъ, изъ вотчины своея, на поклоненіе гробу святаго и молитвы ради, съ пречестною своею отраслію, съ сыномъ своимъ благовѣрнымъ отрокомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ, иже потомъ вскорѣ бысть милостію Божіею Государь, Царь и Великій Князь всея Россіи. Тіи убо мати съ сыномъ многія моленія у гроба святаго Макарія сотвориша, молящеся богоносному отцу, да поможетъ имъ своимъ ко Христу ходатайствомъ въ *печалехъ ихъ* и да сподобитъ я видѣти воистину блаженнаго и многодобродѣтельнаго Филарета, митрополита Ростовскаго и Ярославскаго, въ Польшѣ тогда удержаннаго». И въ другомъ мѣстѣ: «ангелоименитый онъ, отъ Бога предъизбранный во временное царство, вѣчное прежде возлюбивый, егда еще не у діадиму нося и скипетръ державства, егда крыяся отъ безбожныхъ ляховъ, въ младыхъ ся лѣтахъ, въ предѣлахъ Костромскихъ, паче же покрываемъ бываше покровомъ милости небесныя Царицы, христіанскія надежды и заступницы Богородицы...... достиже и Унженскія чуднаго Макарія обители. Слышалъ бо бяше славу чудесъ его и при его святѣмъ и чудотворномъ гробѣ *многія моленія показа, многія слезы излія,* еже бы молитвами его отъ злочестивыхъ сохранитися..... сотвори убо моленія своя смиренно и о родителѣ своемъ чудномъ архіереи Филаретѣ, удержанномъ въ въ Польшѣ въ плѣнѣ, яко да понеже облобыжетъ святыя его сѣдины, паче же святѣй церкви мольбы дѣяше».

Къ сожалѣнію неизвѣстно и нигдѣ въ лѣтописяхъ не указывается, въ какомъ году совершилось это путешествіе, но, изъ сопоставленія извѣстныхъ историческихъ данныхъ, можно приблизительно опредѣлить время перваго путешествія матери и сына Романовыхъ въ Макарьевскій Унженскій монастырь. Въ 1610 году митрополитъ Филаретъ возвратился въ Москву изъ Тушинскаго лагеря, пробывъ нѣкоторое время въ Іосифовомъ монастырѣ, и въ томъ же 1610 году отправленъ былъ во главѣ посольства къ королю Сигизмунду [3]), слѣдовательно въ 1610 году не могло быть и рѣчи о томительномъ плѣненіи Филарета въ Польшѣ, по поводу котораго

[3]) Исторія Соловьева, стр. 914.

состоялось путешествіе. Членъ Костромской ученой архивной Комиссіи г. Херсонскій предполагаетъ, что путешествіе это состоялось или въ концѣ 1612 года, или въ первыхъ двухъ мѣсяцахъ 1613 года, съ чѣмъ нельзя не согласиться, ибо Митрополитъ Филаретъ былъ отправленъ плѣнникомъ въ Варшаву 3 іюня 1611 года, а 22 октября 1612 года, когда поляки сдали Кремль ополченію сѣверныхъ городовъ, изъ Кремля, въ числѣ другихъ бояръ и боярынь, вышли Иванъ Никитичъ Романовъ, инокиня Мареа Іоанновна и сынъ ея Михаилъ Өеодоровичъ. Съ достовѣрностью можно сказать, что инокиня Мареа съ сыномъ своимъ Михаиломъ тотчасъ-же отправились въ костромскіе предѣлы, каковое мнѣніе подтверждается вышеприведенними словами лѣтописи, что «старица инока Мареа Іоанновна пріиде въ монастырь изъ *костромскихъ предѣловъ*» и добавляется еще: «*изъ вотчины своея*». Подтвержденіе того-же мы находимъ въ приложеніи къ журналу «Русская Старина» за 1878-й годъ, гдѣ въ статьѣ «Романовы, Царствующій Домъ Россійской Имперіи, съ 1613 года» говорится: «по освобожденіи отъ плѣна у поляковъ въ осажденномъ русскими Московскомъ Кремлѣ, Михаилъ Өеодоровичъ удалился съ матерью на Кострому».

Второе путешествіе въ Унженскій монастырь Михаилъ Өеодоровичъ съ родительницей своей совершилъ уже будучи Царемъ. Вотъ что говорится въ выпискѣ, сдѣланной г. Самаряновымъ изъ лѣтописи Макарьевскаго Унженскаго монастыря: «воспріимшу же хоругви Россійскаго Царствія Христоподражательному Царю Михаилу Өеодоровичу и по воцареніи непрестанно мольбы и моленія творящу ко всещедрому Богу и ко пречистѣй Богородицѣ, и святыя призывающу на помощь, съ ними же купно умиленнѣ призывающе въ молитвахъ своихъ и великаго чудотворца, преподобнаго Макарія Унженскаго, яко да Царствія его *вся мятежи и кровопролитія утолятся*, и родителя своего блаженнаго архіерея Филарета узритъ освобожденнаго изъ плѣна и въ Царствующій Градъ Москву пришедша. Положи же благовѣрный Царь обѣщаніе свое преподобному Макарію въ молитвахъ своихъ, яко аще, молитвами его, вышерѣченная *прошенія Царская Богъ исполнитъ, то паки свое Царское шествіе сотворити въ честную его обитель*».



Колесница, по преданію, Михаила Өеодоровича, хранящаяся въ Макарьевскомъ монастырѣ.

Изъ этихъ словъ лѣтописи ясно видно, какъ юный Царь обезпокоенъ продолжающимся нестроеніемъ земли русской, различными мятежами и кровопролитіями, какъ онъ пламенно желаетъ имѣть около себя своего родителя, какъ такового и какъ опытнаго руководителя въ сложныхъ Царскихъ трудахъ, и снова его мысль обращается ни на что другое, какъ на скромную и отдаленную обитель Унженскую, и вотъ онъ даетъ обѣщаніе *паки сотворити* свое Царское шествіе въ честную обитель преподобнаго Макарія.

О второмъ путешествіи Михаила Өеодоровича въ Макарьевскій Унженскій монастырь мы имѣетъ довольно подробныя свѣдѣнія. Такъ, ихъ можно найти въ перепискѣ Царя и Матери его Марөы Іоановны съ Патріархомъ Филаретомъ, [1]) изъ лѣтописи XVII вѣка монаха Леонида и рукописнаго (XVIII вѣка) житія преподобнаго Макарія, хранящихся въ архивѣ Унженскаго монастыря. Изъ этихъ историческихъ документовъ ясно видна причина, заставившая Царя предпринять путешествіе, которое исполнилось по его «*царскому обѣщанію*» за нѣкоторыя его, угодника Божія, «*чудеса и помощь*», оказанную ему, Великому Государю, и пречестнымъ родителемъ его государскимъ «*во время ихъ государскихъ печалей*». Самъ патріархъ Филаретъ побуждаетъ Царя исполнить обѣщаніе, говоря: «молю и благословляю Ваше Царское Благородіе,

[1]) Письма Русскихъ Государей. Изданіе археографич. комиссіи. 1848 г., т. I.



Макарьевскій монастырь. Николаевская церковь. 1685 г.

чтобы Вы, Великій Государь, свое обѣщаніе совершалъ, къ Преподобному Отцу Макарію шелъ *безъ всякаго сомнѣнія*».

24 августа 1619 года, послѣ торжественнаго богослуженія, совершеннаго патріархомъ-отцомъ, напутствуемые имъ «на продолженіе царскаго путнаго шествія освященною просфорою и святою водою», Михаилъ Ѳеодоровичъ съ родительницей своей, сопровождаемые свитою, отбыли изъ города Москвы въ Кострому, черезъ Троице-Сергіеву Лавру, Переяславль, Ростовъ и Ярославль. Вечеромъ 10 сентября Царственные путешественники прибыли въ Кострому и остановились въ Кремлѣ, въ своемъ осадномъ дворѣ.

Вышедши 15 сентября изъ Костромы, Царь 17 сентября прибылъ въ свою вотчину—село Домнино, гдѣ переночевавъ, отправился въ дальнѣйшее путешествіе и 25 сентября прибылъ въ село Спасское, отстоящее отъ Унженскаго монастыря въ 20 верстахъ. Переночевавъ здѣсь и выслушавъ раннюю литургію, Царь все

двадцативерстное разстояніе прошелъ пѣшкомъ и, какъ онъ самъ пишетъ Патріарху, «вечеромъ 29 сентября въ обитель Великаго Чудотворца пришли, далъ Богъ, здорово; у цѣльбоноснаго гроба преподобнаго отца нашего Макарія всенощная пѣнія и утренняя литургія, и молебныя благодаренія, по обѣщанію нашему, сподобилъ насъ Богъ совершити».

Великими и богатыми милостями осыпалъ Царь обитель преподобнаго Макарія, повелѣвъ «монастырь изъ своихъ Царскихъ сокровищъ пространнымъ строеніемъ устроить и весь чинъ монастырскій, якоже и въ прочихъ великихъ обителѣхъ, имѣти, и между великими обителями сей монастырь учини, наравнѣ съ Соловецкимъ монастыремъ». Со времени царскаго посѣщенія игумены Макарьевскаго монастыря получили право и обязанность два раза въ годъ ѣздить въ Москву къ Царю и патріарху, «съ образами чудотворца и со святыми водами».

По свидѣтельству лѣтописи Макарьевскаго Унженскаго монастыря, Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, какъ его отецъ и дѣдъ, питалъ глубокое почитаніе къ обители преподобнаго Макарія. Онъ обновилъ и украсилъ чудотворную икону преподобнаго Макарія, лежащую поверхъ его гроба, для каковой цѣли икона была отправлена въ Москву, откуда возвращена съ торжественнымъ пѣніемъ и при участіи въ церковномъ ходѣ самого Царя. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Царь Θеодоръ Алексѣевичъ имѣлъ намѣреніе посѣтить обитель преподобнаго Макарія, но къ несчастью вскорѣ умеръ [1]).

Такимъ образомъ устанавливается съ несомнѣнностью тотъ, весьма интересный, исторически вѣрный, фактъ, что Михаилъ Θеодоровичъ съ матерью своей Марθой Іоанновной два раза посѣщали бѣдный, кромѣ окружающихъ мѣстностей, мало кому извѣстный Макарьевскій Унженскій монастырь. Невольно бросается въ глаза, что, какъ только мать и сынъ Романовы вышли изъ Московскаго Кремля въ 1612 году, когда борьба по очищенію отъ враговъ Русскаго Государства достигла высшихъ предѣловъ, когда горячо обсуждался вопросъ о выборѣ Царя, когда предвыборная горячка,

---

[1]) Костромск. Губ. Вѣд. 1882 г.

говоря современнымъ языкомъ, достигла кульминаціонной точки, въ этотъ критическій и важный моментъ Романовы немедленно удаляются изъ центра событій въ бѣдный, далекій и пустынный монастырь, чтобы принести моленіе преподобному Макарію о всѣхъ своихъ печаляхъ и объ освобожденіи изъ плѣна Митрополита Филарета. Хотя точно и неизвѣстно, но нужно полагать, что не иначе, какъ въ этотъ-же пріѣздъ, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ надъ гробомъ преподобнаго Макарія далъ обѣщаніе вторично побывать въ монастырѣ послѣ освобожденія отца своего изъ польскаго плѣна, что и исполнилъ, по восшествіи на Всероссійскій престолъ и по возвращеніи своего отца изъ Польши.

Здѣсь volens-nolens является неотвязчивый вопросъ, почему-же мать и сынъ Романовы выказали такое сильное почитаніе преподобному Макарію Унженскому, почему ему одному они приписывали избавленіе отъ всѣхъ бѣдъ, почему, черезъ молитвы только преподобнаго Макарія, Михаилъ Ѳеодоровичъ получилъ царство и возвращенъ былъ изъ плѣна его отецъ? Гдѣ кроется причина, что патріархъ Филаретъ понуждаетъ царственнаго сына своего исполнить свое обѣщаніе *«безъ всякаго сумнѣнія»*, да и самъ Царь дѣлаетъ великій, исключительный подвигъ, когда со всѣмъ синклитомъ 20 верстъ идетъ въ монастырь *пѣшкомъ* по непроходимой осенней дорогѣ, ибо, какъ онъ самъ пишетъ съ пути въ письмѣ къ патріарху-отцу: «идемъ мѣшкотно, потому что дожди и снѣга идутъ многіе и грязи великія, и мы идемъ, льготя людемъ нашимъ». Много нужно быть благодарнымъ и даже обязаннымъ монастырю, чтобы рѣшиться на такое тяжелое путешествіе, на такую тяжелую отплату. Вѣдь извѣстно, какія первостепенной важности заслуги оказали своей родинѣ въ Смутное время знаменитая Троице-Сергіева Лавра, какія заслуги оказала Костромская Ипатьевская обитель, какъ благоговѣйно чтилась Романовыми древняя костромская святыня Ѳеодоровская Богоматерь—покровительница дома Романовыхъ. И все это несомнѣнно сознавалъ Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ, ѣздилъ ко всѣмъ этимъ, особенно чтимымъ святынямъ для благодарственныхъ молитвъ и поклоненія, щедро одарилъ ихъ богатыми дарами, но только одна Макарьевская обитель отмѣчена

была Царемъ и его матерію особеннымъ, наивысшимъ почитаніемъ, которое выразилось въ подвигѣ Царя, шедшаго къ обители пѣшкомъ двадцативерстное разстояніе. Неужели-же и этотъ фактъ не наводить на мысль, что что-то такое особенное, выходящее изъ ряда обыкновеннаго, совершилось въ Макарьевскомъ монастырѣ, что пока скрыто отъ исторіи и ждетъ своего тщательнаго изслѣдованія.

Конечно на дѣло можно смотрѣть гораздо проще. Костромской край для Романовыхъ былъ роднымъ краемъ, и поэтому весьма естественно предположить, что въ Макарьевскомъ монастырѣ они были не два раза, какъ о томъ извѣстно, и, во всякомъ случаѣ, могли хорошо его знать. Но дѣло въ томъ, что въ томъ-же Костромскомъ краѣ были и другіе монастыри, болѣе близкіе Романовымъ, какъ, напримѣръ, Желѣзноборовскій монастырь, гдѣ по преданію Михаилъ Ѳеодоровичъ нѣкоторое время жилъ со своей родительницей. Этотъ монастырь находится недалеко отъ села Домнина, вотчины бояръ Романовыхъ, и пользовался также особыми милостями Царя, однакоже онъ не получилъ такого преимущества, какъ монастырь Макарьевскій. Далѣе нельзя не упомянуть еще объ одномъ монастырѣ, гдѣ почиваютъ мощи Геннадія Костромского, который при жизни своей хорошо зналъ бояръ Романовыхъ и даже однажды, благословляя семейство боярина Романа Юрьевича Захарьина, предсказалъ его дочери Анастасіи, будущей супругѣ Царя Іоанна Грознаго, что она будетъ «Государыней, Царицей благовѣрной, всему міру». Но и этотъ монастырь, подвижникъ котораго предсказалъ славу дома Романовыхъ и къ которому такъ естественно было обращаться съ молитвами со стороны Романовыхъ, какъ они обращались къ преподобному Макарію,—и этотъ монастырь такъ рельефно не выдвинутъ былъ, какъ Унженскій.

Есть еще одно, повидимому, ничтожное обстоятельство, которое тѣмъ не менѣе требуетъ того или иного поясненія и освѣщенія. Дѣло въ томъ, что передъ вторымъ посѣщеніемъ Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Унженскаго монастыря былъ произведенъ оффиціальный «*сыскъ*» о чудесахъ преподобнаго Макарія Унженскаго. Этотъ сыскъ или «слѣдствіе о чудесахъ», по мнѣнію Члена Костромской

Ученой Архивной Комиссіи г. Херсонскаго [1]), былъ произведенъ между мартомъ и іюлемъ мѣсяцами 1619 года. Вотъ что говорится объ этомъ «*сыскѣ*» въ письмѣ патріарха Филарета отъ 3 сентября 1619 года, писанномъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу: «по твоему царскому повелѣнію и по совѣту, а по нашему благословенію, которые были посланы для свидѣтельства Макарія Унженскаго чудотворца, и въ ихъ, Государь, свидѣтельствѣ, и въ сыску написано: которыхъ они всякихъ исцѣлѣвшихъ людей распрашивали и свидѣтелей по нихъ и про ихъ исцѣленіе, ихъ родимцовъ и отцовъ ихъ духовныхъ, и иныхъ людей, которые тѣхъ исцѣлѣвшихъ людей знаютъ и про то ихъ исцѣлѣніе вѣдаютъ, предъ собою ставили; и по ихъ, Государь, сыску и свидѣтельству тѣхъ всякихъ исцѣлѣвшихъ людей, которые были больны очною болѣзнью и иными всякими, различными болѣзньми лѣтъ по тридцати, а иные по двадцати лѣтъ и по двѣнадцати, и по десяти, и по осьми, и по три, и по четыре годы—исцѣлѣло пятьдесятъ одинъ человѣкъ. Да исцѣлѣвшіе же, Государь, люди отъ различныхъ болѣзней у свидѣтельства сами про себя сказывали, а свидѣтельства про нихъ для далека не было, и тѣхъ, Государь, двадцать три человѣка, а всего, Государь, исцѣлѣвшихъ людей семьдесятъ четыре человѣка. Да про Макарьевы жъ, Государь, Желтоводскаго чудеса принесъ ко мнѣ твой, Государевъ, бояринъ, князь Дмитрій Михайловичъ Пожарскій, письмо, что отъ Макарьева жъ, Государь, чудотворцева образа въ его, князь Дмитріевѣ, помѣстьѣ, въ Пурецкой волости, чудеса и исцѣлѣніе многимъ людемъ. И про которыхъ, Государь, исцѣлѣвшихъ людей объявилось, послѣ, и про тѣхъ, Государь, велѣно сыскивать. Да, хотя бы, Государь, и не было иныхъ прибылыхъ чудесѣ, а по тому, Государь, свидѣтельству, которое писано выше сего, по нашему общему духовному совѣту о святомъ Дусѣ, проповѣдати дѣла Божіи преславно есть и угоднику Его, преподобному Макарію, честь воздаяти тако жъ, яко же и прочимъ святымъ преподобнымъ отцемъ».

Прежде всего является вопросъ, зачѣмъ понадобился этотъ сыскъ? Что Макарьевскій Унженскій монастырь былъ мало извѣ-

---

[1]) Лѣтоп, Мак. Унж. мон., стр. 18.

стенъ тогдашней широкой русской публикѣ, на это есть прямое указаніе лѣтописи Макарьевскаго монастыря, гдѣ сказано, что до 1619 года, т. е. до времени второго посѣщенія Царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Макарьевской обители, она «не славна бяше и немногочеловѣчна», а въ житіи преподобнаго Макарія объясняется даже и причина этого: «безчисленныя чудодѣйствія преподобнаго, по преставленіи его, многа лѣта не быша писана и забвенію предашася: ово убо народъ страны опыя неискусенъ сему и препростъ, ово же яко пустыня сія многое время бяше не имѣющи добрѣ имующихъ мужей, что написати, но просто живуще тако въ пустынѣ».

Изъ описанія въ монастырской рукописи чудесъ преподобнаго Макарія мы приблизительно можемъ опредѣлить сферу вліянія Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Исцѣленныхъ было: изъ Юрьевца и уѣзда—16, изъ Нижняго-Новгорода—13, изъ Унженской области—9, изъ Галича—7, изъ Балахны—5, изъ Мурома и Костромы по 3, изъ Казани, Луха, Кинешмы, Рѣшмы, Ярославля, Солигалича по 2 и по одному изъ Арзамаса, Вичуги, Городца, Ветлуги, Нерехты, Чухломы, Стародуба, Устюга и Яренска. Изъ этого, косвеннымъ образомъ, можно усмотрѣть, что преподобный Макарій былъ хорошо извѣстенъ только въ Нижнемъ-Новгородѣ, Юрьевцѣ, Балахнѣ, Галичѣ и, прибавимъ мы, въ Солигаличѣ и Казани, такъ какъ при описаніи чудесъ въ лѣтописяхъ упомянуто, что по молитвамъ преподобнаго Макарія спасенъ былъ городъ Унжа въ 1552 году отъ нашествія агарянъ, а въ 1532 году городъ Солигаличъ—отъ нашествія татаръ. Въ этихъ мѣстностяхъ мы находимъ много храмовъ, посвященныхъ препод. Макарію Унженскому. Въ Казани-же препод. Макарій самъ бывалъ и близь города Свіяжска (Казанской губ.), при устьѣ рѣки Свіяги, основалъ пустынь, извѣстную подъ именемъ Макарьевской Свіяжской подгородной, въ которой устроена была впослѣдствіи церковь въ честь основателя пустыни, преп. Макарія Желтоводскаго.

Такимъ образомъ, Макарьевскій Унженскій монастырь былъ несомнѣнно хорошо извѣстенъ только сѣверо-востоку Россіи, т. е. Костромской, Нижегородской и частью Казанской губерніи, и врядъ-ли былъ извѣстенъ въ другихъ областяхъ, особенно въ Москвѣ, гдѣ было

много такихъ молитвенниковъ за Россію и великихъ чудотворцевъ, каковы московскіе святители Петръ, Алексій, Іона, преподобный Сергій Радонежскій и друг.

Намъ думается, что заслуги Макарьевскаго Унженскаго монастыря были какіе-то особенные, исключительные и такъ велики въ глазахъ Царя Михаила Θеодоровича, его родительницы и Патріарха Филарета, что они поставили себѣ въ обязанность прославить преп. Макарія на всю Россію и причислить его къ сонму великихъ русскихъ чудотворцевъ, молитвенниковъ и духовныхъ покровителей всей земли русской, для каковой цѣли, можетъ быть, и предпринято было «оффиціальное свидѣтельство» о чудесахъ преподобнаго, которое, собственно говоря, какъ это и видно изъ вышеприведеннаго письма патріарха Филарета, не выяснило ничего новаго, да и не могло выяснить по причинамъ, можетъ быть, извѣстнымъ однимъ только Романовымъ и близкимъ къ нимъ дѣйствующимъ лицамъ.

Поставивъ на разрѣшеніе, по нашему мнѣнію, весьма важный вопросъ о томъ, какая существовала между Романовыми и Унженскимъ монастыремъ связь, вызвавшая посѣщеніе обители Царемъ и исключительное къ ней вниманіе Царя и Патріарха Филарета, мы напрасно старались бы найти хотя какой-либо отвѣтъ на интересующій насъ вопросъ въ доступныхъ намъ историческихъ сочиненіяхъ, которыя часто даже и не упоминаютъ о самомъ фактѣ двукратнаго посѣщенія Царемъ Михаиломъ Θеодоровичемъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Въ силу этого мы попытались прежде всего поискать какихъ-либо данныхъ на мѣстѣ, въ самомъ Унженскомъ монастырѣ, могущихъ, хотя бы даже косвенно, бросить лучъ къ выясненію этого интереснаго вопроса. Попытки наши въ этомъ отношеніи не остались безрезультатными. Въ г. Макарьевѣ на Унжѣ оказался свой скромный историкъ-любитель, мѣстный археологъ, нынѣ уже умершій, В. В. Бѣляевъ, который, какъ оказывается, былъ также заинтересованъ разбираемымъ нами вопросомъ. Въ вышедшемъ послѣ его смерти трудѣ, изданномъ И. М. Чумаковымъ, онъ приводитъ не лишенныя интереса соображенія и догадки, указывающія нѣкоторые пути, по которымъ слѣдуетъ идти для изученія интересующаго насъ вопроса. Въ своемъ трудѣ «Исторія

города Макарьева на Унжѣ и о пребываніи въ Макарьевскомъ монастырѣ Царя Михаила Өеодоровича» г. Бѣляевъ останавливается на строителѣ монастыря Давидѣ Хвостовѣ и говоритъ, что «Давидъ Хвостовъ — это замѣчательная историческая личность, которая составляетъ ядро исторіи и Макарьевской обители, и города, и свойства возведенія на престолъ Дома Романовыхъ. Надъ этой личностію долженъ со вниманіемъ остановиться каждый историкъ; всякій грамотный, кому случится узнать что либо новое объ этомъ лицѣ, долженъ во имя отечественной науки довести объ этомъ печатно до свѣдѣнія историковъ и археологовъ.

Мы впослѣдствіи увидимъ, на основаніи какихъ данныхъ, какихъ соображеній г. Бѣляевъ пришелъ къ такому заключенію, а пока, предварительно, выяснимъ, согласно несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, кто такой былъ Давидъ Хвостовъ?

Въ лѣтописи монаха Леонида, хранящейся въ Макарьевскомъ монастырскомъ архивѣ говорится слѣдующее: «егда же дойде вѣсть до Государя Царя и Великаго Князя Өеодора Іоанновича, всея Россіи, и слыша о чудесахъ преподобнаго отца Макарія и о неостроеніи обители, яко никимъ же брегома, изволилъ онъ Государь послати сына боярскаго, монашескій чинъ имуща, Давыда Хвостова, по седьми тысящахъ въ 104 году (1596), въ строители». [1]) Князь Козловскій въ своемъ «Историческомъ взглядѣ на исторію гор. Костромы», говоритъ, что въ 1596 году Царь Өеодоръ Іоанновичъ устроилъ Макарьевскій Унженскій монастырь, пославъ благочестиваго монаха, изъ бояръ Новгородскихъ, прозваніемъ Хвостова [2]). О посылкѣ Давида Хвостова въ Макарьевскій монастырь упоминается и въ исторіи Карамзина. В. В. Бѣляевъ въ своей исторіи г. Макарьева пишетъ: «самъ Царь Өеодоръ Іоанновичъ обратилъ на общину и могилу преподобнаго вниманіе и, крѣпко вѣря въ чудодѣйственность преподобнаго, послалъ для устроенія своимъ иждивеніемъ обители Давида Хвостова, боярина своего по однимъ сказаніямъ, а по другимъ своего постельничаго боярина.

---

[1]) И. Херсонскій. Лѣтоп. Макар. Унж. мон.

[2]) Кн. Козловскій, стр. 154.

Приводя крѣпкую вѣру въ чудодѣйственность преподобнаго, какъ причину посылки Давидъ Хвостовъ для устроенія бѣднаго и захолустнаго монастыря, В. В. Бѣляевъ [1]) тѣмъ не менѣе задаетъ вопросъ, почему именно Ѳеодоръ Іоановичъ избралъ Макарьевскій монастырь, а не другой? какая была причина посылки боярина, или боярскаго сына, а можетъ быть царскаго постельничаго, принявшаго монашескій чинъ, въ захолустный, дальній монастырь строителемъ, тогда какъ такой родовитый и, во всякомъ случаѣ, приближенный къ Царю человѣкъ могъ получить мѣсто игумена не только въ болѣе извѣстномъ и богатомъ монастырѣ, но и въ самой Москвѣ?

Фиксируясь на личности строителя монастыря—Давида Хвостова, г. Бѣляевъ рисуетъ себѣ такую картину.

Когда Годуновъ, какъ Царскій шуринъ, сталъ твердо забирать кормило Ѳеодорова правленія, и Хвостовъ сознавъ, что бороться ему съ Годуновымъ уже не по силамъ и безполезно, то, посовѣтовавшись съ другомъ своимъ іерархомъ Гермогеномъ, онъ надѣлъ на себя рясу чернеца [2]) и ушелъ въ строители на Унжу, но съ глубоко затаенной особою мыслью возведенія на престолъ Дома Романовыхъ [3]). Какъ умный и грамотный вполнѣ человѣкъ, какъ придворный, тонкій политикъ и дипломатъ, Давидъ Хвостовъ предвидѣлъ, что распри бояръ при Ѳеодорѣ разгорятся до громадныхъ размѣровъ, что отъ Бориса Годунова можно ожидать всего, и, опасаясь за свою жизнь, онъ счелъ за самое лучшее удалиться отъ міра, видимо, на извѣстное число лѣтъ изъ Москвы, чтобы впослѣдствіи имѣть полную возможность дѣйствовать изъ монастыря на дѣвственный и храбрый Унженскій народъ. Не могъ строитель Давидъ Хвостовъ не знать и знатнѣйшій по тогдашнему времени родъ боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьина, не могъ не знать онъ и придворную жизнь Царя Іоанна Грознаго и Ѳеодора, его сына, убіеніе Царевича Димитрія, такъ какъ въ 1596 году онъ, какъ извѣстно, называется уже старцемъ. Давидъ Хвостовъ во время царствованія Бориса

---

[1]) Бѣляевъ В. В. Исторія города Макарьева, стр. 155.
[2]) Ibid, стр. 183.
[3]) Ibid, стр. 148.

Годунова ни разу не обратился къ нему за помощью, какъ обитель въ томъ не нуждалась, такъ какъ Давиду Хвостову нужно было для пользы дѣла, чтобы Годуновъ забылъ его.

Наконецъ, въ 1601 году Борисъ Годуновъ раскидалъ по монастырямъ, тюрьмамъ и ссылкамъ всѣхъ Романовыхъ и многихъ ихъ родственниковъ, и только одна княгиня Черкасская съ ея племянникомъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Романовымъ и его сестрою были въ томъ же году возвращены въ свою вотчину. У жителей города Макарьева до сихъ поръ живо преданіе, что Михаилъ Ѳеодоровичъ сохранялся нѣсколько лѣтъ въ куполѣ Успенской церкви. И въ описи монастырскаго имущества, составленной воеводою Юріемъ Ловгиновымъ въ іюлѣ 1613 года, помѣчена въ числѣ построекъ Давида Хвостова «игуменская келья *съ комнатою*». Когда Царь Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ задумалъ посѣтить обитель въ 1619 году, то приказалъ себѣ выстроить для своего пребыванія особыя келіи, рядомъ со строительскими, и келіи эти были построены какъ разъ на томъ мѣстѣ, гдѣ теперь стоитъ Успенская церковь, выстроенная именно въ память прихода Царя и на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ три дня жилъ въ монастырѣ. Потомъ, въ 1620 г., келіи эти сгорѣли и была выстроена сначала деревянная церковь, когда же и та сгорѣла, выстроена уже настоящая каменная. По мнѣнію г. Бѣляева, преданіе смѣшиваетъ два случая—храненіе и посѣщеніе и, указывая на куполъ Успенской церкви, связываетъ его съ комнатой, построенной Давидомъ Хвостовымъ. Принимая все вышеизложенное во вниманіе, г. Бѣляевъ дѣлаетъ слѣдующее предположеніе. Княгиня Черкасская съ дѣтьми Филарета Никитича, возвращаясь изъ ссылки съ Бѣлоозера въ свое помѣстье, село Клонъ, въ Юрьевецкій уѣздъ, пожелала быть въ Обители Преподобнаго Макарія, да, несомнѣнно, и лично была знакома съ строителемъ Давидомъ Хвостовымъ. Давидъ взвѣсилъ всю важность сохраненія въ своихъ рукахъ молодого Михаила и оставилъ его при себѣ, поселивъ въ особой комнатѣ, устроенной имъ при игуменскихъ кельяхъ, въ которой молодой Михаилъ и прожилъ отъ 5 до 10 лѣтъ, т. е. до того времени, когда родительница его была возвращена изъ ссылки изъ села Челмужъ, Повѣнецкаго уѣзда. Г-нъ Бѣляевъ думаетъ,

что первый пріѣздъ Марѳы Іоанновны въ Макарьевскій Унженскій монастырь былъ прямо изъ Челмужа за молодымъ Михаиломъ и въ видѣ доказательства приводитъ то обстоятельство, что въ монастырѣ долгое время сохранялись сани, никогда не употребляемыя въ дѣло, въ которыхъ, по преданію, пріѣхала изъ Челмужа Марѳа Іоанновна за сыномъ своимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Останавливаясь далѣе на личности строителя старца Давида Хвостова, г. Бѣляевъ отмѣчаетъ одно важное обстоятельство, именно таинственное изчезновеніе Давида Хвостова изъ монастыря. Если бы, говоритъ онъ, Давидъ Хвостовъ окончилъ свою земную жизнь въ обители преподобнаго, то ужели бы до насъ не сохранилась память о мѣстѣ его погребенія, какъ перваго строителя и царскаго посланника. Изъ лѣтописей монастыря извѣстно только, что еще при жизни Давида Хвостова, въ 1607 году, строительство и игуменство получаетъ Іоасафъ, а Давидъ сходитъ со сцены, и нужно думать, говоритъ г. Бѣляевъ, что тотчасъ же послѣ смерти Бориса Годунова и патріарха Іова, когда на патріаршій престолъ былъ возведенъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, онъ, Гермогенъ, тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Давида Хвостова и поставилъ его на свое мѣсто. Такимъ образомъ, по мнѣнію г. Бѣляева, строитель Давидъ Хвостовъ явился уже не въ лицѣ строителя, а казанскаго и свіяжскаго митрополита Ефрема.

Обсуждая постепенно весь ходъ дальнѣйшихъ событій, говоритъ г. Бѣляевъ, невольно придешь къ убѣжденію, что Давидъ Хвостовъ, уходя въ монашество отъ распрей и враждующихъ партій при дворѣ, точно намѣтилъ для себя ясно опредѣленную цѣль, которую скрылъ подъ скромнымъ видомъ строительства бѣднаго монастыря. Чинъ инока въ прежнее время давалъ такія преимущества, каковыхъ никто не могъ имѣть. Прежній инокъ всюду имѣлъ доступъ, и, какъ ни суровы были царскіе пристава, вѣра брала свое, иноки были почитаемы всюду, а разъ инокъ выдавалъ себя за провинціала, незнакомъ былъ съ Москвою, то само особой разумѣется, чего было опасаться его, что онъ можетъ передать какое-нибудь тайное политическое сообщеніе и, конечно, таковые допускались къ арестованнымъ для развлеченія и духовнаго собесѣдованія; да и чего было опасать-

ся какого-то унженскаго монаха, когда и о монастырѣ-то этомъ не было извѣстія. Вотъ такіе-то нарочно посылаемые иноки или лица, принадлежащія къ монастырю и преданныя своему строителю отправлялись повсюду, собирали всюду необходимыясвѣдѣнія и разносили тайныя сообщенія. Г. Бѣляевъ указываетъ, какимъ путемъ, наприм., инокиня Марѳа, засланная Годуновымъ въ заонежскіе погосты Толвуй и Челмужъ, могла узнать, что въ Макарьево-Унженской обители находится ея малолѣтній сынъ, разъ она прямо изъ ссылки пріѣхала за сыномъ. Такіе разсылаемые изъ монастыря иноки, по мнѣнію г. Бѣляева, и только они освѣдомляли и воодушевляли Филарета и Марѳу Романовыхъ, и давали имъ силу переносить свое горе съ теплою вѣрою въ свѣтлое будущее. Безъ объясненія личности Давида Хвостова, говоритъ Бѣляевъ, неразрѣшимы вопросы, почему въ 1607 году Унжа и Галичская сторона, какъ одинъ человѣкъ, выставили два ополченія по 5000 человѣкъ, одно подъ руководствомъ Ивашки Кологривца, а другое, такое же, подъ начальствомъ воеводы Давида Жеребцова—галичское, и кромѣ ихъ строилась коряковцами (Коряковская волость) и всѣми унжаками особая рѣчная флотилія, которая въ 1609 году показала себя на Волгѣ, разбила на голову Лисовскаго, гнала его къ Костромѣ и здѣсь дралась до выгона поляковъ за Волгу. Народное движеніе на Унжѣ, опредѣленно выразившееся въ подготовкѣ боевой арміи и флотиліи, очевидно, организовалось и воодушевлялось, сначала строителемъ Давидомъ Хвостовымъ, а затѣмъ митрополитомъ казанскимъ Ефремомъ. Крѣпко стояла за вѣру христіанскую и обитель преподобнаго Макарія, изъ которой еще въ 1602 году начали разсылаться особые проповѣдники на крайній сѣверъ, а равно и на югъ—въ Астрахань и на Донъ.

Останавливаясь на фактѣ избранія Михаила Ѳеодоровича Романова на царство, г. Бѣляевъ пишетъ: «находись молодой Михаилъ въ другой губерніи, онъ бы непремѣнно пропалъ. Также могъ-бы онъ пропасть и при томъ условіи, если бы не было въ живыхъ Давида Хвостова, который неустанными заботами своими ковалъ крѣпкое орудіе. Какъ не былъ труденъ путь въ Челмужъ, гонцы отъ Ефрема или Давида находили Марѳу Іоанновну и Филарета

Никитича. Переписываясь съ Гермогеномъ, при абсолютной безурядицѣ московской думы, нужно-же было опереться на что нибудь болѣе твердое, и Ефремъ обратилъ свой взоръ на Донъ и его казаковъ. Онъ завелъ съ атаманомъ ихъ сношенія, отправилъ свое посланіе въ Астрахань, къ своимъ стрѣльцамъ, такъ какъ епископъ казанскій былъ въ тоже время епископомъ астраханскимъ, какъ мѣстный архіерей Божій. Послалъ также и на сѣверъ, въ Вологду и Архангельскъ, и непрестанно руководилъ Унжею черезъ Макарьевскую обитель. Соображенія, продолжаетъ Бѣляевъ, насчетъ воинской силы оказались не напрасными, почему у Соловьева и вырывается фраза: «когда же Дума и нѣкоторые изъ бояръ сказали, кто такой этотъ Михаилъ, прочитавъ два посланія собору, одно врученное галичаниномъ, а другое атаманомъ донскихъ казаковъ, тожественныя по своему смыслу, стрѣльцы схватились за оружіе».

Резюмируя все вышесказанное, г. Бѣляевъ приходитъ къ слѣдующему. Съ какой стороны ни взглянешь на дѣло, а безъ участія строителя Макарьево-Унженскаго монастыря Давида Хвостова возведеніе на престолъ Дома Романовыхъ было немыслимо. Во всей системѣ возведенія былъ точно и ясно сознанный геніальный планъ одного ума, который неуклонно шелъ къ своей цѣли. Въ свою очередь, и молодой Михаилъ привыкъ къ Давиду Хвостову, и, замѣчая ежедневно совершаемыя преподобнымъ Макаріемъ чудеса, такъ привыкъ почитать великаго угодника, что, когда молитвами его сдѣлался Царемъ, само собою онъ все припомнилъ, оцѣнилъ и созналъ, что необходимо воздать должное почтеніе обители угодника [1]).

Познакомившись съ весьма интересными соображеніями мѣстнаго Макарьевскаго монастырскаго историка В. В. Бѣляева, мы видимъ, что его соображеніями дѣйствительно объясняется громадное значеніе Макарьевской обители, ея несомнѣнныя заслуги для Романовыхъ во время смуты, но вопросъ только въ томъ, насколько все это не фантазія, а реальный фактъ, насколько это согласуется съ извѣстными въ настоящее время несомнѣнными историческими данными. Вѣдь, если допустить справедливость соображеній г. Бѣ-

---

[1]) Бѣляевъ, стр. 152—155, 187 и 188, 174—175, 207, 213, 226 и 227.

ляева, то дѣйствительно строитель Давидъ Хвостовъ явится великой исторической личностью, поэтому справедливъ г. Бѣляевъ, когда говоритъ, что надъ этой личностію долженъ со вниманіемъ остановиться каждый грамотный человѣкъ, во имя отечественной науки.

Прежде всего необходимо, насколько только возможно точно выяснить, кто же такой Давидъ Хвостовъ и какое онъ имѣлъ отношеніе къ Романовымъ?

Къ сожалѣнію довольно трудно разрѣшить этотъ вопросъ, ибо нигдѣ не упоминается, какъ звали Давида Хвостова, когда онъ не былъ еще монахомъ. Въ лѣтописи монаха Леонида сказано: «изволи онъ, Государь, послати сына боярскова, монашескій чинъ имуща, Давида Хвостова, по седьми тысящахъ въ 104 году (1596), въ строители.» Бѣляевъ говоритъ, что Давидъ Хвостовъ былъ бояриномъ, или боярскимъ сыномъ, а есть указаніе, что онъ былъ постельничимъ бояриномъ Царя. Князь Козловскій пишетъ, что Давидъ Хвостовъ былъ изъ бояръ Новгородскихъ. Въ вѣчномъ синодикѣ Макарьево-Унженскаго монастыря въ числѣ настоятелей обители записано имя строителя монаха Давида, но родъ его не записанъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ Брокгауза и Эфрона находятся слѣдующія данныя: «Хвостовы—это старинный дворянскій, а потомъ графскій родъ. Родоначальникъ его, выѣхавшій изъ Пруссіи при Великомъ Князѣ Даніилѣ Александровичѣ въ 1267 году, «*дивенъ мужъ честію своею Маркграфъ Аманда Басаволъ*», крещенный съ именемъ Василія и бывшій намѣстникомъ Московскимъ. Праправнукъ его Алексѣй Петровичъ, по прозванію Хвостовъ, былъ на Москвѣ тысяцкимъ и въ 1357 г. убитъ на площади «*на великій день безвѣстно*», отъ него пошли Хвостовы. Родъ Хвостовыхъ записанъ въ Владимірской, Новгородской, Тверской и *Костромской* губерніяхъ». Нѣкоторые изъ Хвостовыхъ, служившихъ воеводами, осадными головами и проч., упомянуты, но нѣтъ никакихъ указаній на монаха Давида Хвостова [1]. Въ Россійской родословной книгѣ [2], изданной княземъ Петромъ Долгорукимъ въ 1856 году, въ части 3, мы находимъ, что Петръ Васильевичъ,

---

[1]) Брокгаузъ и Эфронъ. Энциклопед. словарь, т. 37, стр. 142 и 143.
[2]) Россійская родословная книга, князя Петра Долгорукова 1856 г., ч. III, стр. 289—292

воевода Великаго Князя Іоанна Даниловича Калиты и намѣстникъ его въ Муромѣ, имѣлъ сына Алексѣя Петровича, по прозвищу Хвостъ, боярина, занимавшаго важное мѣсто Московскаго тысяцкаго. Онъ былъ найденъ безвѣстно убитымъ на площади въ Москвѣ, утромъ 3 февраля 1356 года, во время благовѣста къ заутренѣ. Въ лѣтописяхъ сказано: «убіеніе же его страшно и не знаемо, и невѣдомо ни отъ кого-же; точію обрѣтеся убіенъ, лежа на площади, егда заутреню благовѣстятъ... и бысть мятежъ велій на Москвѣ того ради убивства». Здѣсь перечисленъ весьма точно родъ Хвостовыхъ и сказано, что Петръ Басаволъ при Великомъ Князѣ Даніилѣ Александровичѣ выѣхалъ къ Москвѣ изъ цесарскія земли иименованъ въ то время честнымъ мужемъ служить къ Великому Князю, и за то былъ пожалованъ, сынъ же его Алексѣй Петровичъ Хвостовъ былъ на Москвѣ тысяцкимъ еще въ 1362 и 1363 годахъ и отъ него пошли Хвостовы.

Такимъ образомъ всѣ данныя подтверждаютъ, что родоначальникъ Хвостовыхъ вышелъ изъ Пруссіи или Литвы и переселился въ Россію при Князѣ Даніилѣ Александровичѣ. Несомнѣнно также, что этотъ родоначальникъ принадлежалъ къ знатному роду—честію своею Маркграфъ, мужъ честный, какъ говорится въ лѣтописяхъ и поэтому на службѣ въ Москвѣ занялъ одно изъ важныхъ мѣстъ. Изъ Костромскихъ дворянскихъ родословныхъ книгъ видно, что Хвостовымъ принадлежали помѣстья въ Буйскомъ уѣздѣ, а изъ дозорной книги по Чухломскому уѣзду [1]), видно, что въ 1615 году въ Чухломскомъ уѣздѣ были вотчины Хвостовыхъ. Несомнѣнно, слѣдовательно, что Костромской край былъ хорошо извѣстенъ Хвостовымъ, по крайней мѣрѣ въ періодъ смутнаго времени. Но всѣмъ этимъ все таки не разрѣшается вопросъ о личности Давида Хвостова, ибо несомнѣнно, что имя Хвостова, Давидъ, монашеское, а въ извѣстныхъ въ настоящее время рукописяхъ и историческихъ трудахъ нигдѣ не упоминается его мірское имя, что, понятное дѣло, имѣетъ большую важность. Приходится попытаться разрѣшить вопросъ, такъ сказать, косвенными данными.

---

[1]) Г. В. Юдинъ. Матеріалы для исторіи гор. Чухломы.

Намъ извѣстно, что при посвященіи въ монашескій чинъ перемѣняется имя, данное при рожденіи, на другое, причемъ, по весьма древнему обычаю, существующему и по настоящее время, при перемѣнѣ имени избирается имя такого святого, которое начинается съ той же буквы алфавита, какъ и мірское, и только въ видѣ исключенія можно встрѣтить несоблюденіе этого обычая. Такъ, Царь Борисъ Годуновъ передъ смертью принялъ монашество съ именемъ Боголѣпа, бояринъ Ѳедоръ Кошка, родоначальникъ Романовыхъ, передъ смертью принялъ монашество съ именемъ Ѳеодорита, бояринъ Василій Андреевичъ Шереметевъ принялъ монашество съ именемъ Вассіана, сынъ его Иванъ Васильевичъ Шереметевъ, бояринъ при Грозномъ, постригся въ монахи съ именемъ—Іоны, Иванъ Михайловичъ Юрьевъ-Захарьинъ умеръ въ 1552 году, принявъ монашество съ именемъ Іоасафа, бояринъ Никита Романовичъ Захарьинъ-Юрьинъ умеръ схимникомъ съ именемъ Нифонта, Федоръ Никитичъ Романовъ получилъ при постриженіи въ монашество имя Филарета, Аверкій Палицинъ въ монашествѣ получилъ имя Авраамія и т. д. Мы съ умысломъ привели имена многихъ личностей, принявшихъ монашество, почти современниковъ Давида Хвостова, которые придерживались обычая сохранять при перемѣнѣ первую букву имени, даннаго при рожденіи, поэтому съ громадной долей вѣроятности можно предположить, что и Давидъ Хвостовъ по отношенію къ себѣ не измѣнилъ древняго обычая, всѣми соблюдаемаго въ эпоху его жизни и дѣятельности, и удержалъ при поступленіи въ монашество первую букву своего мірского имени, т. е. букву «*Д*».

Если мы обратимся къ поколѣнному родословію Хвостовыхъ, помѣщенному въ Россійской Родословной Книгѣ Петра Долгорукаго, и къ родословнымъ книгамъ Костромского Дворянства, то увидимъ вполнѣ согласныя слѣдующія свѣдѣнія:

№	Колѣно I:	№ отцовскій.
1.	Алексѣй Петровичъ Хвостовъ.	
	Колѣно II:	
2.	Василій Алексѣевичъ Хвостовъ	1

24. Григорій Александровичъ 19
25. Иванъ Ивановичъ 20

Колѣно IX:

26. Данило Васильевичъ 22
27. Степанъ Ивановичъ 23
28. Өеодоръ Ивановичъ 23
29. Игнатій Григорьевичъ 24
30. Уключка Григорьевичъ 24
31. Павелъ Ивановичъ 25

Колѣно X:

32. Михайло Даниловичъ 26
33. Никита Степановичъ 27
34. Өеодоръ Өеодоровичъ 28
35. Панкратій Павловичъ 31
36. Петръ Павловичъ 31
37. Василій Павловичъ, воевода въ Орѣшкѣ въ 1582 году 31

Колѣно XI:

38. Матвѣй Никитичъ 33
39. Иванъ Өеодоровичъ 34
40. Родіонъ Петровичъ 36
41. Өеодоръ Петровичъ 36
42. Дѣй Васильевичъ 37

Колѣно XII:

43. Максимъ-Воинъ Матвѣевичъ 38
44. Иванъ Ивановичъ 39
45. Василій Родіоновичъ 40
46. Александръ Родіоновичъ 40
47. Стахій Өеодоровичъ 41
48. Иванъ Дѣевичъ, воевода на Дону, гдѣ убитъ Разинымъ 42

Изъ этой родословной видно, что на букву «*Д*» значатся только два лица—Данило Васильевичъ Хвостовъ, въ IX колѣнѣ и по прямой линіи, и Дѣй Васильевичъ Хвостовъ, въ XI колѣнѣ, а слѣдовательно необходимо разрѣшить, который изъ нихъ могъ быть подъ именемъ Давида Хвостова: Данило Васильевичъ, или Дѣй

Васильевичъ. Въ энциклопедическомъ словарѣ находимъ свѣдѣнія, что единственный сынъ Данилы Васильевича Хвостова Михаилъ Даниловичъ Хвостовъ былъ осаднымъ головой въ Шацкѣ въ 1581—1582 году, т. е. въ царствованіе Іоанна Грознаго, слѣдовательно Данило Васильевичъ былъ современникомъ боярина Никиты Романовича Захарьина-Юрьина, умершаго къ 1585 году. Вполнѣ понятно поэтому, почему Давидъ Хвостовъ въ грамотѣ царя Василія Ивановича Шуйскаго отъ 1607 года называется уже старцемъ, ибо Даніилъ Васильевичъ Хвостовъ въ 1607 году долженъ былъ быть дѣйствительно въ преклонныхъ лѣтахъ. Что же касается Дѣя Васильевича Хвостова, то онъ не могъ *быть* Давидомъ Хвостовымъ, такъ какъ извѣстно, что сынъ его Иванъ Дѣевичъ былъ донскимъ воеводой, жилъ во времена Степана Разина и въ 1667 году былъ убитъ взбунтовавшимися казаками.

Такимъ образомъ наличныя свѣдѣнія говорятъ, что Давидъ Хвостовъ происходилъ по старшей прямой линіи изъ знатнаго древняго рода Хвостовыхъ, предокъ которыхъ переселился изъ Пруссіи или Литвы въ Россію на службу къ Князю Московскому Даніилу Александровичу. Всѣ Хвостовы служили князьямъ и Царямъ Московскимъ, занимая важныя должности тысяцкихъ, бояръ, царскихъ постельничихъ, стольниковъ, стрѣлецкихъ и осадныхъ головъ и проч. Съ громадной долей вѣроятности можно утверждать, что Давидъ Хвостовъ, посланный царемъ Ѳеодоромъ Іоанновичемъ въ строители Макарьевскаго Унженскаго монастыря въ 1596 году, былъ никто иной, какъ *Данило Васильевичъ Хвостовъ*.

Выше было упомянуто, что предокъ Хвостовыхъ пришелъ на службу къ Московскому Князю Даніилу Александровичу, который справедливо считается основателемъ Московскаго Царства. Онъ присоединилъ къ Москвѣ Переяславль-Залѣсскій и началъ тотъ планъ собиранія земли русской подъ главенствомъ Москвы, который продолжали его потомки, послѣдующіе за нимъ князья, Юрій Даниловичъ, Иванъ Калита и другіе. Здѣсь интересно отмѣтить, что къ Даніилу Александровичу, не бывшему даже Великимъ Княземъ, ѣхали русскіе и литовскіе князья, принимали православную вѣру и поступали именно къ нему на службу. Кромѣ Аманды Басавола,

родоначальника Хвостовыхъ, изъ «Литвы или Пруссъ» прибылъ на службу въ Москву къ тому же Князю Даніилу Александровичу и, приблизительно, въ то же время Гланда Камбилла Дивоновичъ, принявшій православную вѣру и при крещеніи получившій имя Ивана. У Ивана Камбиллы былъ сынъ Андрей Ивановичъ Кобыла, который служилъ бояриномъ при Великомъ Князѣ Іоаннѣ Даниловичѣ Калитѣ и однимъ изъ первыхъ сановниковъ при сынѣ его Симеонѣ Гордомъ. Этотъ Андрей Ивановичъ Кобыла является прародителемъ 18 русскихъ родовъ и въ числѣ ихъ Дома Романовыхъ [1]). Такимъ образомъ несомнѣннымъ является, что, какъ Аманда Басаволъ, прародитель бояръ Хвостовыхъ, такъ и Гланда Камбилла, прародитель бояръ Романовыхъ, въ одно и тоже время эмигрировали изъ Пруссіи, или вѣрнѣе изъ Литвы, въ Москву, оба приняли православную вѣру, оба поступили на службу къ одному Князю Даніилу Александровичу и, наконецъ, потомки ихъ обоихъ служили въ высшихъ должностяхъ при дворѣ Великихъ Князей и Царей Московскихъ. Такъ извѣстно, что Великій Князь Симеонъ Гордый посылалъ за своей невѣстой въ Тверь Андрея Кобылу (предка Романовыхъ) и Алексѣя Басавола (предка Хвостовыхъ). Слѣдовательно, давнишнее и прочное ихъ знакомство, продолжавшееся, можно сказать, вѣками—внѣ всякаго сомнѣнія. Если къ этому прибавить, что въ XVII вѣкѣ какъ у Романовыхъ, такъ и у Хвостовыхъ были вотчины въ Костромской области и даже въ одномъ уѣздѣ—Буйскомъ, то предположеніе о близкомъ, давнишнемъ и прочномъ знакомствѣ Романовыхъ съ Хвостовыми, становится фактомъ. А это, въ свою очередь, можетъ служить указаніемъ, что Давидъ Хвостовъ принадлежалъ къ партіи Романовыхъ, т. е. дѣйствовалъ не иначе, какъ въ ихъ интересахъ.

Вотъ всѣ, весьма скудныя, данныя о Давидѣ Хвостовѣ, которыя пришлось добыть намъ изъ находящихся у насъ подъ руками источниковъ.

Г-нъ Бѣляевъ говоритъ, что Давидъ Хвостовъ, оцѣнивая и анализируя происходившее передъ его глазами положеніе вещей,

[1]) Н. Н. Селифонтовъ. Сборникъ матеріаловъ по исторіи предковъ Царя Михаила Ѳеодоровича Романова.

посовѣтовался со своимъ другомъ іерархомъ Гермогеномъ, надѣлъ на себя рясу чернеца и ушелъ въ строители на Унжу съ глубоко затаенною мыслію возведенія на престолъ представителя Дома Романовыхъ. Онъ съ заранѣе обдуманнымъ намѣреніемъ скрылся съ глазъ Годунова, что, какъ говоритъ г. Бѣляевъ, доказывается тѣмъ, что онъ ни разу не обратился къ Годунову за помощію для устройства монастыря.

Посмотримъ, насколько все это согласуется съ извѣстными намъ историческими данными. Прежде всего неизвѣстно, самъ ли, по своей волѣ, принялъ Давидъ Хвостовъ монашество, или же его принудилъ къ тому Годуновъ. И. Херсонскій въ своей «Лѣтописи Унженскаго монастыря» говоритъ слѣдующее.

Такъ какъ именемъ Өеодора правилъ тогда государствомъ Борисъ Годуновъ, то, очевидно, назначеніе Давида Хвостова строителемъ въ Макарьевскій монастырь состоялось по распоряженію Годунова. Можетъ быть Давидъ Хвостовъ былъ изъ числа лицъ, которыхъ Годуновъ считалъ своими недоброжелателями, а потому, какъ нерѣдко дѣлалъ съ подобными лицами, и заставилъ его постричься въ монахи и, подъ предлогомъ благочестиваго порученія—устроить бѣдную обитель, удалилъ его изъ Москвы [1].

Мы, съ своей стороны, болѣе склоняемся на сторону мнѣнія г. Херсонскаго, что Давидъ Хвостовъ былъ постриженъ въ монахи противъ своей воли и тотчасъ же отправленъ изъ Москвы, какъ-бы въ ссылку, въ захолустный Унженскій монастырь уже человѣкомъ, «монашескій чинъ имущимъ», но нигдѣ не упоминается изъ какого монастыря былъ этотъ монахъ, что, безъ сомнѣнія, было бы указано, если бы только онъ дѣйствительно былъ въ какомъ - нибудь Московскомъ монастырѣ; кромѣ того немыслимо допустить, чтобы родовитаго боярина, принявшаго по своему желанію монашескій санъ, послали безъ всякой вины съ его стороны устроителемъ въ захолустье, въ бѣдный монастырь; затѣмъ, если бы причиной посылки Давида Хвостова было дѣйствительно желаніе самого Царя, вслѣдствіе какихъ-либо поводовъ, устроить бѣдную Унженскую обитель,

---

[1]) И. Херсонскій. Лѣт. Мак.-Унж. мон., стр. 6.

то Давидъ Хвостовъ былъ бы, безъ сомнѣнія, снабженъ соотвѣтствующими средствами изъ Царской казны, чего не было на самомъ дѣлѣ, ибо строитель Давидъ Хвостовъ, по словамъ лѣтописи, постоянно нуждался въ средствахъ, не могъ даже устроить церкви надъ могилой преподобнаго Макарія, и обитель, по словамъ тѣхъ-же лѣтописныхъ данныхъ, была бѣдна и неблагоустроена до 1619 года, т. е. до Царскаго посѣщенія обители. Вѣдь, если Царь Михаилъ Ѳеодоровичъ дѣйствительно захотѣлъ устроить обитель, то онъ и далъ для этого средства, а если Царь Ѳеодоръ Іоанновичъ не сдѣлалъ того-же, то ясно, что обстоятельства дѣла, при которыхъ былъ посланъ Давидъ Хвостовъ, были какія-то другія. Наконецъ, за насильственное постриженіе въ иноки Давида Хвостова и его ссылку говоритъ и тогдашнее политическое положеніе.

Правитель Государства Борисъ Годуновъ уже съ 1587 г. началъ нащупывать своихъ враговъ и удалять ихъ съ своего пути. Такъ извѣстно, что въ этомъ году Ивана Петровича Шуйскаго удавили на Бѣлоозерѣ, Андрея Ивановича Шуйскаго также удавили въ Каргополѣ, князя Ивана Татева сослали въ Астрахань, Крюкъ-Колычева—въ Нижній-Новгородъ, въ «тюрьму каменную», Ѳеодору Ногаю съ шестью товарищами отсѣкли головы, многихъ въ тюрьмы разослали по городамъ на житье. Въ 1588 году состоящій въ Царской службѣ дворянинъ Аверкій Ивановичъ Палицынъ подвергся опалѣ, лишился имущества, которое было взято въ казну, постриженъ въ монахи съ именемъ Авраамія (знаменитый впослѣдствіи келарь) и сосланъ въ Соловецкій монастырь. Наконецъ, бояринъ Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ въ 1601 году постриженъ въ монахи, лишился имущества и сосланъ въ Антоніевъ-Сійскій монастырь. Такимъ образомъ, скорѣе всего нужно думать, что бояринъ Данило Васильевичъ Хвостовъ былъ постриженъ въ монахи не по своей волѣ, и, по всей вѣроятности, какъ недоброжелатель Бориса Годунова, былъ сосланъ на жительство въ бѣдный, захолустный Унженскій монастырь.

Что касается разсужденій г. Бѣляева о томъ, что строитель Давидъ Хвостовъ съ умысломъ не обращался къ Борису Годунову ни за какой помощью, то это противорѣчитъ лѣтописнымъ даннымъ, имѣющимся въ Унженскомъ монастырѣ, которыя прямо

указываютъ, что строитель Давидъ Хвостовъ въ 1601 году «билъ челомъ святѣйшему патріарху Іову: храмъ де у нихъ въ монастырѣ теплый, святыхъ мучениковъ Фрола и Лавра, ветхъ, и, чтобы пожаловалъ—велѣлъ построить новый храмъ Святыя Троицы и святыхъ мученикъ Фрола и Лавра, теплый и съ трапезой. И дана ему грамота строить». Херсонскій въ своей лѣтописи Макарьевскаго Унженскаго монастыря добавляетъ, что по челобитью Давида *жалованною грамотою Царя Бориса* предоставлены монастырю «рыбныя ловли» на Стрежѣ рѣкѣ и въ Унжѣ, отъ рѣки Марьинки вверхъ по рѣчку Иршъ, озерко Доманъ, озерко Свиное, да выше Ирша заводь Темницына. Кромѣ того, при Давидѣ Хвостовѣ унженскій житель Ѳома Крюковъ пожертвовалъ въ монастырь недвижимое имущество, и Царь Борисъ Годуновъ утвердилъ это своею грамотою. Право на это владѣніе подтверждено было впослѣдствіи Царемъ Василіемъ Шуйскимъ. Наконецъ, указаніе г. Бѣляева на то, что будто бы Давидъ Хвостовъ совѣтовался съ патріархомъ Гермогеномъ и былъ даже его другомъ ни на чемъ не основано, ибо къ тому не только нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, но нѣтъ никакихъ даже косвенныхъ указаній.

Объясняя дальнѣйшія событія, г. Бѣляевъ говоритъ, что послѣ того, какъ въ 1601 году Борисъ Годуновъ раскидалъ по монастырямъ, тюрьмамъ и ссылкамъ всѣхъ Романовыхъ, княгиня Черкасская, возвратясь черезъ годъ, т. е. въ 1602 году, изъ ссылки съ Бѣлоозера вмѣстѣ съ дѣтьми Ѳеодора Никитича Романова, Михаиломъ и Татьяной, къ себѣ въ Юрьевецкій уѣздъ (?) пожелала быть въ обители преподобнаго Макарія, тѣмъ болѣе, что знала лично строителя Давида Хвостова, и Давидъ оставилъ Михаила при себѣ, поселивъ его въ особой комнатѣ, которую устроилъ при своей игуменской кельѣ, гдѣ Михаилъ и жилъ съ 5 до 10 лѣтъ, т. е. до того времени, когда родительница его была возвращена изъ ссылки изъ села Челмужа.

Посмотримъ, подтверждается ли это предположеніе имѣющимися историческими данными. Извѣстно, что Ѳеодоръ Никитичъ Романовъ въ 1601 году былъ постриженъ въ монахи и сосланъ въ Антоніевъ Сійскій монастырь. Въ 1606 г. Лжедимитріемъ I, въ день его коро-

нованія, 30-го іюля, возведенъ въ санъ митрополита Ростовскаго. 3 іюня 1505 года перевезъ мощи Царевича Димитрія изъ Углича въ Москву. Въ 1608 году схваченъ въ Ростовѣ тушинцами, отведенъ въ Тушино и 11 октября жилъ уже въ Тушинѣ, откуда возвратился въ Москву въ 1610 году. Въ томъ-же 1610 году, 11 сентября, по распоряженію патріарха Гермогена и бояръ, отправленъ былъ посломъ въ Польшу, арестованъ поляками 26 марта 1611 года и прожилъ въ плѣну до 1 іюня 1619 года.

Ксенія Ивановна Романова въ іюнѣ 1601 г. пострижена была въ монахини и сослана въ Толвуйскій погостъ. При Лжедимитріи I она была возвращена изъ ссылки и жила до 1608 года съ сыномъ своимъ Михаиломъ въ Ростовѣ, гдѣ святительствовалъ Филаретъ Никитичъ [1]). 22 октября 1612 года, когда поляки сдали кремль ополченію сѣверныхъ городовъ, то въ числѣ другихъ бояръ и боярынь вышли изъ кремля Иванъ Никитичъ Романовъ и инокиня Марѳа Іоанновна съ сыномъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ; въ Москву они удалились изъ Ростова по захватѣ митрополита Филарета поляками. По выходѣ изъ кремля Марѳа Іоанновна отправилась въ монастырь св. Ипатія.

Тетки Михаила Ѳеодоровича — Анастасія Никитична и Марѳа Никитична Черкасская, съ мужемъ и дочерью, а также съ племянниками—6 лѣтнимъ Михаиломъ и Татьяною Романовыми, сосланы были въ 1601 году на Бѣлоозеро, гдѣ и жили до конца 1602 г., когда переведены были на жительство въ вотчину Романовыхъ, Юрьевецкаго уѣзда, село Клинъ, освобождены же изъ подъ надзора Лжедмитріемъ I [2]).

Изъ этихъ историческихъ данныхъ видно, что Михаилъ Ѳеодоровичъ никоимъ образомъ не могъ жить съ 5 до 10 лѣтняго возраста у Давида Хвостова. Несомнѣнно, что, согласно вышеприведеннымъ историческимъ даннымъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ момента освобожденія Лжедимитріемъ его родителей, т. е. съ конца 1605 г., жилъ съ своими родителями въ Ростовѣ и числился даже въ званіи

[1]) Г. В. Мещериновъ; Г. Н. Студенкинъ, Русск. Старина, 1878; Н. Н. Селифонтовъ, ч. II, стр. 79—81.

[2]) Романовы,—Царствующій Домъ. Русск. Стар., 1878, IV, прилож.; Н. Н. Селифонтовъ, ч. II, стр. 93—97.

стольника, а послѣ отвода въ плѣнъ изъ Ростова въ Тушино отца его, митрополита Филарета, уѣхалъ съ матерью въ Москву, гдѣ, нужно полагать, и жилъ до освобожденія своего изъ кремля, т. е. до 22 октября 1612 года. Можетъ быть только вопросъ о томъ, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ послѣ того, когда сосланные на Бѣлоозеро Романовы и Черкасскіе были возвращены изъ ссылки въ концѣ 1602 года, т. е. въ продолженіи 3-хъ лѣтъ, съ 6-лѣтняго до 9-лѣтняго возраста, когда еще родители его продолжали быть въ ссылкѣ—въ селѣ ли Клину, вмѣстѣ съ теткой своей княгиней Черкасской, или въ другомъ какомъ-либо мѣстѣ?

Никакихъ историческихъ данныхъ для рѣшенія этого вопроса нѣтъ. Если допустить самое простое, что, если изъ ссылки съ Бѣлоозера всѣ Романовы и Черкасскіе были переселены въ село Клинъ, Юрьевскаго уѣзда, да еще подъ надзоръ, что видно изъ того, что всѣ они были освобождены изъ подъ надзора только при Лжедимитріи I, то, слѣдовательно, Михаилъ Ѳеодоровичъ и жилъ эти три года у тетки, княгини Черкасской, въ Клину. Но въ такомъ случаѣ непонятно, почему нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ о жизни Михаила Ѳеодоровича въ Клину, почему въ этомъ селѣ не осталось никакихъ даже воспоминаній о трехлѣтнемъ пребываніи будущаго Царя Московскаго. Почему ни самъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, ни родители его ни единымъ словомъ нигдѣ не упоминаютъ о селѣ Клинъ? Бѣляевъ по этому поводу справедливо говоритъ, что будучи пятилѣтнимъ (шестилѣтнимъ, какъ мы выше сказали) ребенкомъ и живя еще четыре (а мы думаемъ три), года, молодой Михаилъ былъ уже девяти лѣтъ въ селѣ Клинахъ (Клинѣ), а это такой возрастъ когда всѣ симпатіи человѣка вылетаютъ наружу и обозначаются на разныхъ предметахъ, и у молодого Михаила непремѣнно бы появилась какая нибудь привязанность въ селѣ Клинѣ, либо къ товарищу дѣтства, либо къ какому нибудь мѣсту.

Мы видѣли, что Михаилъ Ѳеодоровичъ отмѣтилъ тѣмъ или инымъ путемъ много мѣстъ, къ которымъ онъ имѣлъ хотя какое либо отношеніе, но онъ не сдѣлалъ этого по отношенію къ селу Клинъ, поэтому, какъ думаетъ г. Бѣляевъ, въ Клину онъ

не жилъ [1]). И мы, съ своей стороны, думаемъ, что дѣйствительно Михаилъ Ѳеодоровичъ не жилъ въ Клину.

Не говоря уже объ отсутствіи всякихъ слѣдовъ пребыванія его въ этомъ селѣ, мы можемъ привести по данному вопросу еще слѣдующія соображенія. Изъ историческихъ данныхъ извѣстно [2]), что въ 1601 г., по приказанію царя Бориса Годунова, Михаилъ Ѳеодоровичъ съ тетками своими, Мароою Никитичною Черкасскою, Анастасіею Никитичною и Ульяною Семеновною (жена Александра Никитича) Романовыми, сестрою Татьяною Ѳеодоровною, княземъ Борисомъ Камбулатовичемъ и дочерью его Ириною Борисовною были сосланы на Бѣлоозеро, гдѣ всѣ они и жили до конца 1602 г., когда были переведены на жительство въ с. Клинъ, Юрьево-Польскаго уѣзда. Во время ссылки на Бѣлоозерѣ, 25 апрѣля 1601 г., а по другимъ источникамъ 29 апрѣля 1602 года, князь Борисъ Камбулатовичъ Черкасскій умеръ, слѣдовательно переселены были и должны были жить въ селѣ Клинъ однѣ женщины съ единственнымъ мужчиной, шестилѣтнимъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ.

Принимая во вниманіе тогдашнее положеніе вещей въ Россійскомъ Государствѣ, когда вся Русь находилась въ броженіи, когда голодъ, пожары и моровая язва свирѣпствовали повсемѣстно, когда безземельное, не имѣющее никакихъ интересовъ и связей съ обществомъ казачество, получившее со второй половины XVI столѣтія сильное развитіе, бродило по всей Руси съ цѣлями грабежа, убійствъ и насилій,— принимая все это, повторяемъ мы, во вниманіе, тетки Михаила Ѳеодоровича, имѣя на рукахъ шестилѣтняго малютку, хотя бы по чисто родственнымъ чувствамъ и въ силу нѣкоторой нравственной отвѣтственности передъ родителями малютки, не могли не задумываться надъ его участью, когда отовсюду ему грозила опасность, когда ежеминутно онъ могъ погибнуть. И вотъ мы видимъ, что дѣйствительно Михаилъ скрывается съ горизонта, историческая нить какъ-бы прерывается на три года, и нѣтъ нигдѣ никакихъ данныхъ объ его мѣстопребываніи.

---

[1]) В. Бѣляевъ. Исторія г. Макарьева, стр. 223—224.
[2]) Н. Селифонтовъ, ч. II, стр. 91—97.

Мы пытались прослѣдить жизнь и дѣятельность всѣхъ окружающихъ Михаила лицъ, живущихъ, какъ на Бѣлоозерѣ, такъ и въ селѣ Клинъ, чтобы по этимъ даннымъ выяснить, жилъ-ли Михаилъ Ѳеодоровичъ въ селѣ Клинъ, но доступныя намъ историческія данныя также не даютъ никакихъ, даже косвенныхъ указаній. Князь Черкасскій, какъ мы видѣли выше, умеръ еще на Бѣлоозерѣ. Марѳа Никитична, его жена, переведена была съ Бѣлоозера въ село Клинъ, вотчину Романовыхъ, освобождена изъ подъ надзора при Лжедимитріи, умерла 28 февраля 1610 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Анастасія Никитична, впослѣдствіи по мужу Лыкова-Оболенская, освобождена изъ подъ надзора при Лжедимитріѣ I, упоминается на второй свадьбѣ Михаила Ѳеодоровича въ 1626 году и Алексѣя Михайловича въ 1648 году, умерла 9 октября 1655 года, принявъ въ схимѣ имя Анисіи, и погребена въ Пафнутіево-Боровскомъ монастырѣ. Ульяна Семеновна, вторая супруга Александра Никитича, изъ рода Погожевыхъ, скончалась 5 декабря 1624 года, при схимѣ принявъ имя Іуліи, и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Ирина Борисовна была замужемъ за Ѳеодоромъ Ивановичемъ Шереметевымъ, умерла 2 марта 1616 года и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ. Татьяна Ѳеодоровна, сестра Михаила Ѳеодоровича, была замужемъ за княземъ Иваномъ Михайловичемъ Катыревымъ-Ростовскимъ, скончалась 21 іюня 1611 г. и погребена въ Новоспасскомъ монастырѣ.

Такимъ образомъ, остается открытымъ вопросъ, гдѣ жилъ, и подъ чьимъ покровительствомъ и надзоромъ находился Михаилъ Ѳеодоровичъ съ конца 1602 года до второй половины 1605 года, т. е. съ 6-ти до 9-ти лѣтняго его возраста?

Историческія данныя говорятъ одно и тоже, что Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ съ тетками въ селѣ Клинъ, и говорятъ это единственно только потому, что болѣе ничего не извѣстно, кромѣ того, что всѣ сосланные на Бѣлоозеро были въ 1602 году переведены въ с. Клинъ. А между тѣмъ три года прожилъ юный Михаилъ съ родственниками въ селѣ Клинъ, и у этого села не осталось никакой съ нимъ связи, ни одного воспоминанія, въ то время какъ въ Унженскій монастырь, гдѣ никогда не жилъ Михаилъ, по крайней мѣрѣ

на это нигдѣ нѣтъ указаній, онъ идетъ съ матерью своею на поклоненіе по какому-то *«обѣту»*, исполнить который понуждаетъ его отецъ-патріархъ. Въ селѣ Клину, гдѣ три года якобы жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ, нѣтъ никакой памяти, оставленной Романовыми, въ Унженской же обители сохраняется *«келейный»* образъ Михаила Ѳеодоровича, крестъ изъ масличнаго дерева, присланный патріархомъ Филаретомъ въ благодарное воспоминаніе объ избавленіи отъ польскаго плѣна. Уже будучи Царемъ, одаривъ и отмѣтивъ такъ или иначе все заслуживающее хотя малѣйшаго вниманія, Михаилъ Ѳеодоровичъ совершенно забылъ о селѣ Клинъ, гдѣ онъ жилъ впродолженіи 3-хъ лѣтъ, между тѣмъ Макарьевской Унженской обители, гдѣ онъ не жилъ—«многую милость сотвори и веліе благоутробіе показа, и премногія щедроты излія..... радостною душею и свѣтлымъ образомъ, Христоподобнымъ призрѣніемъ на святую преподобнаго отца Макарія обитель и ко игумену, и братіи» [1]. И невольно взоры каждаго изслѣдователя должны обратиться на Макарьево-Унженскую обитель, невольно въ ней хочется найти ключъ къ разъясненію многихъ темныхъ событій Смутнаго времени.

До сихъ поръ мы приводили въ доказательство того, что Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ съ 1602 по 1605 годъ не въ селѣ Клинъ, а скорѣе въ Унженскомъ монастырѣ, только болѣе или менѣе правдоподобныя, чисто теоретическія сопоставленія и соображенія, но мѣстный Макарьевскій историкъ В. В. Бѣляевъ указываетъ еще на два факта, которые могутъ только подтвердить вышеозначенныя соображенія—это постройка строителемъ монастыря Давидомъ Хвостовымъ при своей игуменской кельѣ какой-то особой «комнаты» и преданіе, что въ куполѣ церкви Макарьевскаго монастыря нѣкоторое время сохранялся Михаилъ Ѳеодоровичъ.

Что Давидомъ Хвостовымъ построена игуменская келья съ «комнатою»—это несомнѣнный фактъ, ибо подтверждается оффиціальнымъ документомъ, именно описью монастырскаго имущества, составленной воеводою Юріемъ Ловчиковымъ при передачѣ монастыря игумену Зосимѣ въ іюлѣ 1619 года, гдѣ сказано, что при

---

[1]) И. Херсонскій. Рукописное житіе преп. Макарія, стр. 23.

строителѣ Давидѣ въ монастырѣ, между прочими постройками, была сдѣлана «игуменская келья съ комнатою». Что это за комната? Вѣдь въ игуменскомъ жильѣ навѣрное была не одна комната, но въ данномъ случаѣ зачѣмъ-то понадобилось оттѣнить эту «комнату», особо упомянуть ее. Это упоминаніе о комнатѣ при игуменской кельѣ—столь не обычно, что заставляетъ думать, что она служила для какихъ-либо особыхъ цѣлей. Бѣляевъ, приводя преданіе, упорно живущее среди унженскаго народа до сихъ поръ, о томъ, что Михаилъ Ѳеодоровичъ сохранялся въ Макарьевскомъ монастырѣ, говоритъ, что въ этой-то комнатѣ и жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ. И съ этимъ опять-таки нельзя не согласиться. Вѣдь почему нибудь да существуетъ такого рода народное преданіе, и именно въ районѣ Унженскаго монастыря; вѣдь откуда же нибудь оно взялось и упорно держится, и его нельзя игнорировать.

Во многихъ храмахъ, между прочимъ и въ Костромскомъ Успенскомъ соборѣ, сохраняются образа, пожертвованные Михаиломъ Ѳеодоровичемъ въ память посѣщенія имъ какихъ-либо монастырей и церквей, но въ одномъ только Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ сохраняется его особый образъ—*«келейный»*, каковое названіе образа указываетъ, что онъ когда-то былъ въ его кельѣ и остался въ этой кельѣ послѣ его отъѣзда изъ нея, откуда онъ впослѣдствіи и перенесенъ былъ въ храмъ на храненіе.

Въ какой-же кельѣ могъ жить Михаилъ Ѳеодоровичъ и когда?

Михаилъ Ѳеодоровичъ могъ жить въ кельѣ какого-либо монастыря въ Ростовѣ, когда онъ жилъ тамъ съ своей матерью инокиней Марѳой; могъ жить въ келіяхъ Ипатіевскаго монастыря и Желѣзноборовскаго, на что есть нѣкоторыя указанія,—но въ такомъ случаѣ этотъ «келейный образъ» и остался бы въ томъ монастырѣ, въ кельяхъ котораго имѣлъ пребываніе Михаилъ Ѳеодоровичъ. Поэтому проще и правильнѣе допустить, что, если въ Унженскомъ монастырѣ сохранился келейный образъ Михаила Ѳеодоровича, то въ кельяхъ этого монастыря онъ и жилъ нѣкоторое время.

Слѣдовательно, если и нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній на то, гдѣ жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ конца 1602 года, до второй половины 1605 г., то всетаки, на основаніи многихъ по-

бочныхъ и косвенныхъ данныхъ, мы должны придти къ заключенію, что скорѣе всего Михаилъ Ѳеодоровичъ жилъ въ это время въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ, въ комнатѣ при игуменскихъ кельяхъ, подъ наблюденіемъ и руководствомъ строителя-старца Давида Хвостова.

Намъ остается еще разсмотрѣть со стороны исторической возможности предположеніе г. Бѣляева, что Давидъ Хвостовъ и Митрополитъ Казанскій Ефремъ—одно и тоже лицо.

Въ 1596 году Давидъ Хвостовъ назначается строителемъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Въ 1607 году, еще при жизни строителя-старца Давида Хвостова, вступилъ въ управленіе Унженскимъ монастыремъ игуменъ Іоасафъ. Такимъ образомъ въ 1607 г., говоритъ Бѣляевъ, Давидъ Хвостовъ скрывается изъ Макарьевской обители, т. е. вдругъ пропадаетъ изъ виду и, если бы Давидъ Хвостовъ окончилъ свою земную жизнь въ обители преподобнаго Макарія, то ужели бы до насъ не дошла память о мѣстѣ его погребенія, какъ перваго строителя и царскаго посланника? — это съ одной стороны. Съ другой же, какъ неожиданно скрывается изъ Макарьевской обители строитель Давидъ Хвостовъ, такъ неожиданно появляется въ Казани митрополитъ Ефремъ, который продолжаетъ, по мнѣнію Бѣляева, дѣйствовать въ духѣ Хвостова. Отсюда г. Бѣляевъ дѣлаетъ заключеніе о тождествѣ этихъ лицъ и думаетъ, что вѣрнѣе всего, что тотчасъ же послѣ смерти Бориса Годунова и патріарха Іова (?), когда на патріаршій престолъ былъ возведенъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, то онъ тотчасъ же вызвалъ къ себѣ Давида Хвостова и поставилъ его на свое собственное мѣсто.

Для отрицанія или утвержденія этого предположенія нѣтъ никакихъ историческихъ данныхъ, и дѣло будущихъ историковъ изслѣдовать этотъ весьма интересный вопросъ. Мы же, съ своей стороны, можемъ привести слѣдующее. Въ монастырскомъ архивѣ есть копія съ грамоты Шуйскаго 1607 года, писанная въ XVIII вѣкѣ, гдѣ право на владѣніе Ѳоминымъ дворомъ и рыбными ловлями подтверждено грамотою Царя Василія Ивановича Шуйскаго отъ 10 марта 1607 года *на имя строителя Давида.* Въ лѣто-

писи монаха Леонида и сохранившемся спискѣ съ грамоты приводится другая жалованная грамота Царя Василія Ивановича Шуйскаго, отъ 7 декабря 1607 г., на владѣніе угодьями—«*на имя чернаго попа Іоасафа и строителя Давида Хвостова съ братіею*». Сопоставляя даты этихъ жалованныхъ грамотъ, данныхъ царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ, отъ 10 марта 1607 года на имя одного строителя Давида Хвостова и отъ 7 декабря того же года на имя уже двоихъ—чернаго попа Іоасафа да старца Давида, можно заключить, что Давидъ Хвостовъ въ періодъ времени отъ 10 марта по 7 декабря 1607 года уступилъ свое игуменское мѣсто Іоасафу, но или оставался въ монастырѣ, или только числился въ немъ нѣкоторое время. Между тѣмъ, по несомнѣннымъ историческимъ даннымъ, извѣстно, что казанскій митрополитъ Гермогенъ 3 іюля 1606 года посвященъ въ санъ патріарха русскими святителями [1]) и уже отъ 29 и 30 ноября 1606 года разослалъ по всей Россіи грамоты о погибели вора и еретика Лжедимитрія и о воцареніи Шуйскаго «Царя благочестиваго и поборателя по православной вѣрѣ [2])». Въ это время казанскій митрополитъ Ефремъ, услышавъ, что жители Свіяжска увлечены злодѣями и измѣнили Государю, наложилъ на нихъ запрещеніе и приказалъ мѣстному духовенству не принимать отъ нихъ въ церкви приношеній. Тогда виновные смирились и били челомъ Государю простить ихъ, а патріарху снять съ нихъ запрещеніе. Царь простилъ, патріархъ разрѣшилъ, а митрополиту Ефрему послалъ отъ лица всего освященнаго собора благословеніе, какъ доблестному пастырю—это было 22 декабря 1606 года [3]). Въ документахъ казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря говорится, что митрополитъ казанскій Ефремъ погребенъ въ пещеркѣ казанскаго Спасо-Преображенскаго монастыря, рядомъ съ мѣстомъ нетлѣннаго покоя казанскихъ просвѣтителей Гурія и Варсонофія, причемъ добавлено, что митрополитъ Ефремъ былъ посвященъ въ 1606 г.

---

[1]) Митр. Макарій. Исторія Русской церкви, т. X, стр. 130.
[2]) Ibid, стр. 132.
[3]) Карамзинъ, т. XII, стр. 15—27; митр. Макарій. Исторія Русской церкви, т. X, стр 133.

Такимъ образомъ, судя по вышеприведеннымъ грамотамъ на имя строителя старца Давида Хвостова, выходитъ, что Давидъ Хвостовъ сдалъ свое игуменство черному попу Іоасафу и ушелъ изъ монастыря въ 1607 году, между тѣмъ, какъ мы только что видѣли, исторія указываетъ съ опредѣленными датами, что митрополитъ Ефремъ хиротонисанъ въ 1606 году и былъ въ Казани дѣйствующимъ лицомъ уже во второй половинѣ 1606 года. Кромѣ того, какъ мы выше видѣли, у Хвостова имя Давидъ было монашеское и, при посвященіи его въ санъ епископа, оно не было-бы измѣнено.

Но не смотря на это, всетаки съ положительностью нельзя отрицать того, что строитель Макарьевскаго Унженскаго монастыря старецъ Давидъ Хвостовъ и казанскій митрополитъ Ефремъ не были однимъ и тѣмъ же лицомъ, и вотъ на какихъ, хотя и косвенныхъ, данныхъ. Историческія свидѣтельства указываютъ, что митрополитъ Ефремъ былъ назначенъ въ Казань тотчасъ послѣ назначенія Гермогена патріархомъ и свидѣтельства казанскаго Спасова монастыря не противорѣчатъ этому и указываютъ, что митрополитъ казанскій Ефремъ былъ посвященъ въ 1606 году. Весьма возможно и вполнѣ естественно допустить, что Давидъ Хвостовъ былъ хиротонисанъ въ митрополита Казанскаго во второй половинѣ 1606 года и переѣхалъ туда на жительство и что тогда же состоялось назначеніе и чернаго попа Іоасафа на мѣсто Давида Хвостова, а грамоты указываютъ только на то, что все то, что ранѣе просилъ единолично и совмѣстно съ Іоасафомъ Давидъ Хвостовъ, принято во вниманіе и утверждено. Отъ момента посылки до утвержденія просимаго могло пройти нѣсколько мѣсяцевъ, даже и годъ, и за это время могли, конечно, совершиться многія перемѣны. Что-же касается того, какимъ образомъ монахъ Давидъ Хвостовъ могъ еще разъ перемѣнить имя на Ефрема, то и это могло быть, ибо извѣстно, что, напримѣръ, святитель Іоасафъ Горленко (1705—1754), епископъ бѣлгородскій и обоянскій, нареченъ былъ въ святомъ крещеніи именемъ *Іоакима*, при поступленіи въ иночество получилъ имя *Илларіона*, а при принятіи мантіи ректора и игумена Кіево братскаго нареченъ былъ *Іоасафомъ*.

(Князь Н. Д. Жеваховъ. Святитель Іоасафъ Горленко, стр. 171 и 172).

И въ самомъ дѣлѣ, откуда взялся митрополитъ Ефремъ, почему онъ именно сдѣлался замѣстителемъ знаменитаго Гермогена, почему онъ, а не кто-либо другой, послѣ смерти Гермогена, сталъ во главѣ русской іерархіи; наконецъ, почему онъ 11 іюля 1613 года совершилъ въ Москвѣ, въ Успенскомъ соборѣ, священное вѣнчаніе и миропомазаніе перваго Царя изъ Дома Романовыхъ?

При вступленіи на престолъ московскій Лжедимитрія были слѣдующіе архипастыри Русской церкви: патріархомъ—Іовъ; митрополитами: Крутицкимъ—Пафнутій, Новгородскимъ—Исидоръ, Казанскимъ—Гермогенъ и Ростовскимъ—Кириллъ (Завидовъ); архіепископами: Вологодскимъ—Сильвестръ, Суздальскимъ—Галактіонъ, Рязанскимъ—Игнатій, Смоленскимъ—Сергій, Тверскимъ—Ѳеоктистъ, Архангельскимъ (элассонскимъ)—Арсеній и Астраханскимъ—Ѳеодосій; епископами: Коломенскимъ—Іосифъ и Псковскимъ—Геннадій [1]).

При Лжедимитріи произошли только нѣкоторыя измѣненія, именно, вмѣсто патріарха Іова поставленъ былъ патріархомъ рязанскій архіепископъ Игнатій, грекъ, который первый призналъ Лжедимитрія за истиннаго Димитрія Царевича, [2]) и вмѣсто митрополита ростовскаго Кирилла (Завидова) поставленъ былъ Филаретъ Никитичъ Романовъ. Почему же, когда, вмѣсто низложеннаго патріарха Игнатія, призванъ былъ Царемъ Василіемъ Шуйскимъ на патріаршій престолъ казанскій митрополитъ Гермогенъ, то на его мѣсто въ Казань не былъ назначенъ никто изъ наличныхъ архіепископовъ и епископовъ, а поставленъ невѣдомый до сихъ поръ Ефремъ, между тѣмъ какъ среди іерарховъ были люди, по своему образу дѣйствій въ царствованіе Лжедимитрія, достойные повышенія. Такъ, можно указать на тверского архіепископа Ѳеоктиста и астраханскаго Ѳеодосія. Первый изъ нихъ въ 1606 году, когда къ самозванцу пристали уже города Орелъ, Мценскъ, Тула, Калуга, Рязань, Дорогобужъ и друг., созвалъ къ себѣ духовенство, приказныхъ людей

---

[1]) Митр. Макарій, Исторія рус. церкви, т. X.
[2]) Ibid, стр. 106 и 107.

и всѣхъ жителей, укрѣпилъ ихъ постоять за св. Божіи церкви, за вѣру православную, и Тверь не пристала къ бунту [1]). Архіепископъ же астраханскій Ѳеодосій, когда уже многіе города признали Лжедимитрія, убѣждалъ астраханцевъ, что называющій себя царевичемъ Димитріемъ есть самозванецъ и похититель царскаго имени. Эти слова онъ не побоялся повторить и передъ лицомъ Лжедимитрія, когда астраханцы препроводили къ нему своего архіепископа [2]).

Когда Гермогена не стало, говоритъ въ своей «Исторіи Русской Церкви» митрополитъ московскій Макарій, естественно было ожидать, что управленіе дѣлами церкви, впредь до выбора новаго патріарха, приметъ въ свои руки митрополитъ крутицкій, такъ какъ крутицкіе владыки, постоянно жившіе въ Москвѣ, издавна считались помощниками и какъ бы викаріями московскаго первосвятителя, но въ Крутицахъ въ то время не было архіепископа, такъ какъ архіепископъ Пафнутій скончался. Первымъ изъ русскихъ митрополитовъ, послѣ патріарха, былъ митрополитъ новгородскій, который и долженъ былъ сдѣлаться временнымъ управителемъ церковныхъ дѣлъ, но всетаки во главѣ церкви сталъ митрополитъ казанскій Ефремъ. Объясняя это обстоятельство, церковный историкъ Макарій принимаетъ мнѣніе историка Соловьева и говоритъ, что Новгородъ тогда находился подъ властію шведовъ и какъ бы отдѣлился отъ Россіи, вслѣдствіи чего тогдашній митрополитъ новгородскій Исидоръ не могъ завѣдывать управленіемъ Русской церкви и вообще не участвовалъ ни въ какихъ дѣлахъ Московскаго Государства и церкви.

При всемъ уваженіи къ авторитетамъ упомянутыхъ историковъ, мы не можемъ съ этимъ согласиться, такъ какъ это не вяжется съ тѣмъ несомнѣннымъ фактомъ, что тотъ же митрополитъ новгородскій Исидоръ былъ главнымъ святителемъ при поставленіи въ патріархи Гермогена, сидѣлъ на уготованномъ мѣстѣ, посреди церкви, рядомъ съ Царемъ Василіемъ Ивановичемъ Шуйскимъ и вручилъ Гермогену посохъ святителя Петра Чудотворца. Кромѣ того, самъ же митрополитъ Макарій, на страницѣ 224, т. X, своей «Исторіи Рус-

[1]) Ibid., стр. 131 и 132.
[2]) Ibid., стр. 106.

ской Церкви» подтверждаетъ, что и новгородское духовенство участвовало въ дѣлахъ московскихъ, говоря, что вмѣстѣ съ монастырями епархіальными и домовыми жертвовали на нужды отечества и наши архипастыри, лично отъ себя, какъ это засвидѣтельствовалъ о *новгородскомъ* митрополитѣ *Исидоръ* князь-герой Михаилъ Васильевичъ Скопинъ-Шуйскій.

Поэтому мы думаемъ, не было-ли другихъ, болѣе глубокихъ, причинъ къ устраненію новгородскаго митрополита Исидора и къ назначенію казанскаго митрополита Ефрема къ верховному управленію церковными дѣлами.



«Св. Ефремъ, митрополитъ Казанскій и чудотворецъ».
(Оригиналъ этого изображенія находится въ казанской единовѣрческой Николаевской церкви).

Касательно личности митрополита казанскаго Ефрема нужны дальнѣйшія изысканія и изслѣдованія. Митрополитъ казанскій Ефремъ называется знаменитымъ историческимъ лицомъ во всей восточной окраинѣ Руси, усмирителемъ мятежей и всякихъ нестроеній въ эпоху самозванцевъ, но неизвѣстно, когда онъ родился, откуда происходилъ и въ чемъ заключалась, собственно говоря, его дѣятельность. Говорятъ только, что онъ игралъ крупную роль въ избраніи перваго Царя изъ Дома Романовыхъ, Михаила Ѳеодоровича (С.-Пет. Вѣд., «Забытое имя», 1901 г.). Онъ имѣлъ утѣшеніе первымъ подписать грамоту объ избраніи на Царство юнаго Михаила Ѳеодоровича Романова; въ 1613 году встрѣтилъ избраннаго народомъ Царя и 11 іюля того же

года торжественно возложилъ на Михаила вѣнецъ и бармы Мономаха. (Пещерка Казан. Спас. Преображ.монаст., стр. 14—15—16). Существуетъ даже его иконописное изображеніе, относящееся къ 1722 г., но, какъ справедливо говорятъ, онъ совершенно забытъ, какъ современниками, такъ и исторической наукой. Въ настоящее время интересъ къ личности казанскаго митрополита Ефрема усугубляется, въ виду весьма возможной тождественности его съ не менѣе интересной исторической личностію — строителемъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря, Давидомъ Хвостовымъ.

Путешествіе Михаила Өеодоровича и его родительницы въ Макарьевскій Унженскій монастырь, особенное почитаніе монастыря Романовыми и, вообще, всѣ обстоятельства дѣла, выясненныя нами выше, указываютъ, что, несомнѣнно, такъ или иначе Макарьевская Унженская обитель играла въ Смутное время не последнюю роль. Какая была это роль, кто были здѣсь дѣятелями и какую связь эти дѣятели имѣли съ дѣятелями московскими,—до сихъ поръ никто этими вопросами не интересовался. Чтобы нѣсколько приблизиться къ выясненію роли Макарьевскаго Унженскаго монастыря въ Смутное время, мы рѣшаемся сдѣлать, хотя можетъ быть и слабую, попытку привести въ связь все ранѣе высказанное, по возможности не отступая отъ извѣстныхъ историческихъ данныхъ.

Ушедшій ли добровольно въ монахи съ особою затаенною цѣлью, какъ предполагаетъ г. Бѣляевъ, или насильно постриженный и сосланный по волѣ Бориса Годунова въ захолустный и далеко отстоящій отъ Москвы Макарьевскій Унженскій монастырь, какъ думаемъ мы, бояринъ Даніилъ Васильевичъ Хвостовъ, въ иночествѣ Давидъ Хвостовъ, не могъ остаться безучастнымъ зрителемъ постепенно и неудержимо развертывающихся на Руси великихъ событій. Несомнѣнно онъ, какъ близкій ко двору бояринъ, дѣйствовавшій еще при Царяхъ Іоаннѣ Грозномъ и Өеодорѣ Іоанновичѣ, былъ въ курсѣ всѣхъ тогда совершившихся и совершающихся событій, хорошо зналъ всѣхъ современныхъ ему дѣятелей и, конечно, принадлежалъ къ извѣстной партіи, дѣйствовавшей согласно съ его убѣжденіями. Ушедшій ли въ монахи съ извѣстной цѣлью, или, тѣмъ болѣе, постриженный насильно и сосланный, — какъ въ томъ, такъ и въ

другомъ случаѣ, онъ, конечно, не могъ принадлежать къ партіи Годунова и былъ его врагомъ; и если нѣтъ никакихъ прямыхъ лѣтописныхъ указаній, что онъ былъ въ одной партіи съ боярами Романовыми, то онъ всталъ окончательно на ихъ сторону, когда всѣ Романовы подверглись опалѣ царя Бориса Годунова и незаслуженнымъ страданіямъ.

Бояринъ Даніилъ Васильевичъ Хвостовъ, явившись въ роли монаха Давида Хвостова, конечно не могъ жить и дѣйствовать какъ обыкновенный монахъ. Онъ понялъ и оцѣнилъ свое новое положеніе и постарался использовать его сообразно своимъ убѣжденіямъ и взглядамъ на положеніе раздираемаго смутами отечества.

Какъ-же онъ могъ использовать свое положеніе?

Прежде всего, по нашему мнѣнію, онъ использовалъ свой, стоящій въ Костромскихъ лѣсныхъ дебряхъ, монастырь, какъ крѣпкое и надежное убѣжище для юнаго сына Филарета и Мароы Романовыхъ, Михаила Θеодоровича, когда еще его родители находились въ ссылкѣ, т. е. съ конца 1602 г. до второй половины 1605 г. Народное преданіе всего сѣверо-востока Россіи упорно говоритъ, что Михаилъ Θеодоровичъ скрывался въ монастырѣ, но въ какомъ именно точно не указывается ни исторіей, ни преданіями Но всѣ народныя преданія сводятся только къ тремъ костромскимъ монастырямъ: Ипатьевскому, Желѣзноборовскому и Макарьевскому Унженскому. Надежнымъ убѣжищемъ для Михаила не могъ служить въ царствованіе Бориса Годунова, Ипатіевскій монастырь, ибо этотъ монастырь, какъ основанный предками Годунова и постоянно обогащаемый Годуновыми, былъ, безъ сомнѣнія, близокъ царю Борису. Такъ извѣстно, что въ 1586 году бояре Дмитрій Ивановичъ, Иванъ Ивановичъ и Борисъ Θеодоровичъ Годуновы обнесли монастырь крѣпкою каменною стѣною, украсили его и обогатили такъ щедро, что въ то время онъ назывался преименитою, великою лаврою. Затѣмъ, боярами Дмитріемъ Ивановичемъ и Борисомъ Θеодоровичемъ Годуновыми построены были церкви надъ святыми и въѣзжими воротами. Кромѣ того, трудно было сохранять кого-либо въ неизвѣстности въ монастырѣ, стоящемъ близъ большого города, въ каковомъ положеніи находился Ипатіевскій монастырь. Въ Желѣзно-

боровскомъ монастырѣ, находившемся въ труднопроходимомъ лѣсномъ бору, конечно, могъ бы сохраняться юный Михаилъ, тѣмъ болѣе, что этотъ монастырь находился недалеко отъ вотчины Романовыхъ, села Домнина, но здѣсь не было человѣка, которому можно было бы поручить это важное дѣло.

Остается, слѣдовательно, одна Макарьевская обитель, которая удовлетворяла требованіямъ момента во всѣхъ отношеніяхъ и, по нашему глубокому убѣжденію, съ 1602 года по 1605 годъ Михаилъ Ѳеодоровичъ сохранялся именно въ Унженскомъ монастырѣ, въ кельяхъ строителя монастыря, старца Давида Хвостова, бывшаго боярина Даніила Васильевича Хвостова. Но здѣсь необходимо добавить, что какъ Ипатіевскій, такъ и Желѣзноборовскій монастыри также служили убѣжищемъ Михаила Ѳеодоровича, но совершенно въ другое время, именно въ концѣ 1612 года, или въ началѣ 1613 года, когда Михаилъ Ѳеодоровичъ съ родительницей своей, освободившись изъ Московскаго кремля, уѣхали въ Костромскіе предѣлы. Имѣются отрывочныя, но несомнѣнныя историческія извѣстія, что въ это время мать и сынъ Романовы жили: то въ вотчинѣ своей, селѣ Домнинѣ, то въ Ипатіевскомъ, то въ Желѣзноборовскомъ, то въ Унженскомъ монастыряхъ, то въ г. Костромѣ. Такое скитаніе ихъ по разнымъ мѣстамъ вполнѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что политическое положеніе вещей начало выясняться, Михаилъ Ѳеодоровичъ уже намѣчался Царемъ, и враги его, рыская по всей Руси, разыскивали его съ намѣреніемъ погубить. Погибель Сусанина и извѣщеніе имъ Михаила о грозящей опасности, установленные несомнѣнными историческими документами, есть неопровержимое доказательство того, что Михаилъ Ѳеодоровичъ переѣзжалъ изъ монастыря въ монастырь, предупреждаемый объ опасности въ той, или другой мѣстности, спасаясь отъ преслѣдованія своихъ враговъ.

Если мы внимательно разсмотримъ путь слѣдованія Царя Михаила Ѳеодоровича Романова на поклоненіе преподобному Макарію Унженскому, то мы увидимъ безусловное подтвержденіе всего нами вышесказаннаго.

Какъ извѣстно «Царское путное шествіе» совершено было

черезъ Троице-Сергіеву Лавру, Ростовъ, Ярославль, Кострому—Ипатіевскій монастырь, село Домнино—(Желѣзно-Боровскій монастырь) и село Спасское, отъ котораго Царь шелъ пѣшкомъ до Макарьевскаго Унженскаго монастыря. Изъ писемъ Царя къ Патріарху-отцу видно, что Царь изъ Костромы до Унженской обители находился въ пути 11 дней, не считая остановокъ въ Домнинѣ и селѣ Спасскомъ, обратный же путь онъ совершилъ только въ 9 дней со всѣми остановками на пути, слѣдовательно обратный путь онъ совершилъ значительно скорѣе, ибо есть указаніе, что онъ возвратился въ Кострому, черезъ село Красное, Костромского уѣзда. Слѣдовательно болѣе длинный маршрутъ царскаго путешествія былъ составленъ съ тѣмъ разсчетомъ, чтобы принести благодареніе и посѣтить всѣ тѣ мѣста, которыя необходимо было отмѣтить вниманіемъ и обязательною къ нимъ благодарностію Царя и его родителей.

Но Макарьевскій Унженскій монастырь могъ играть и другую роль въ Смутное время, на которую указываетъ г. Бѣляевъ, именно онъ былъ центромъ объединенія и сплоченія разъединенныхъ силъ всего сѣверо-востока Россіи, вставшаго впослѣдствіи такъ единодушно на защиту отечества и вѣры христіанской. Конечно Унженскій монастырь не принималъ такого участія въ борьбѣ, какъ Троицкая Лавра, выдержавшая 16-ти мѣсячную осаду, какъ Ипатіевскій монастырь и другіе, которые выдерживали цѣлыя сраженія и осады, но онъ могъ удовольствоваться болѣе скромною, но и не менѣе важною задачею—объединенія и поднятія духовныхъ и физическихъ силъ того района, на который онъ имѣлъ вліяніе. Обыкновенно историки говорятъ, что весь сѣверо-востокъ Россіи поднялся на защиту погибающаго отечества, возбужденный патріотической рѣчью Козьмы Минина въ Нижнемъ-Новгородѣ, но, нисколько не умаляя заслугъ Минина, врядъ ли одна патріотическая рѣчь могла объединить весь сѣверо-востокъ безъ заранѣе исполненныхъ подготовительныхъ работъ, которыя несомнѣнно велись въ монастыряхъ.

Во всей исторіи Смуты весьма рельефно выдѣляется дѣятельное участіе многихъ монастырей въ борьбѣ, и это явленіе находитъ

себѣ объясненіе во многихъ обстоятельствахъ. Прежде всего монастыри, особенно въ Смутное время, выдѣлялись и какъ центры удовлетворенія религіозныхъ чувствъ, и какъ центры грамоты, образованности и учености, и, наконецъ, какъ кормильцы бѣдныхъ и обездоленныхъ людей.

Неудивительно поэтому, что они пользовались большимъ авторитетомъ среди народа, взоры котораго всегда обращались на нихъ при всякомъ событіи, особенно общегосударственномъ. Неудивительно также и то, что въ Смутное время болѣе всего пострадали именно монастыри, особенно средней и южной Россіи, гдѣ бродили польскіе и литовскіе люди, русскіе воры и измѣнники, и безземельные казаки, которые грабили и раззоряли обители, надругались надъ ихъ святынями и массами убивали иноковъ. Поэтому глубоко справедливо мнѣніе Митрополита Макарія, который описывая полное нравственное паденіе русскаго народа во всѣхъ его слояхъ во время Смуты, говоритъ, что одно только святое чувство осталось тогда въ русскихъ твердымъ и непоколебимымъ — это чувство любви и преданности къ своей православной вѣрѣ; оно-то и спасло Россію, оно-то, во имя поруганной и оскорбленной православной вѣры, подвинуло дружины для освобожденія отечества [1]).

Дѣятельность монастырей особенно проявилась во время патріаршества Гермогена, который, еще будучи митрополитомъ казанскимъ, правильно уяснилъ себѣ положеніе дѣла и имѣлъ извѣстный, опредѣленный планъ дѣйствій, отъ котораго онъ не отступилъ до самой своей смерти, что доказывается слѣдующими фактами. Лжедимитрій, по вступленіи своемъ на престолъ Московскій, вызвалъ въ Москву для присутствованія въ сенатъ между прочимъ и казанскаго митрополита Гермогена, который былъ однако вскорѣ удаленъ въ епархію и заключенъ въ монастырь, такъ какъ не могъ ужиться съ людьми и Царемъ, склонными къ католицизму, и настойчиво и рѣшительно потребовалъ, чтобъ Марина Мнишекъ передъ свадьбой съ Лжедимитріемъ приняла православную вѣру и была вновь крещена [2]).

---

[1]) Митр. Макарій. Ист. Русск. Церкви, стр. 231 и 233.
[2]) Кремлевскій. Богословская Энциклопедія, стр. 318—331.

Въ ноябрѣ 1606 года, при Царѣ Василіи Шуйскомъ, будучи уже патріархомъ Московскимъ, онъ разсылалъ грамоты объ усмиреніи царства и увѣщевалъ православныхъ не слушаться тѣхъ воровъ, злодѣевъ и разбойниковъ, которые говорятъ, что Лжедимитрій живъ. И послѣ этого тотчасъ же митрополитъ Казанскій Ефремъ, замѣститель Гермогена, услышавъ, что жители Свіяжска увлечены злодѣями, наложилъ на нихъ запрещеніе, запечаталъ церкви, и виновные смирились, а митрополиту Ефрему Гермогенъ прислалъ благословеніе, какъ доблестному пастырю. Поддерживая царя Василія Ивановича Шуйскаго противъ всевозможныхъ самозванцевъ и противъ всѣхъ дворцовыхъ интригъ, Гермогенъ однако же отлично понималъ, что положеніе Шуйскаго далеко не прочно, такъ какъ онъ былъ избранъ не всею Русскою землею, а только боярско-княжеской реакціонной партіей (С. Ѳ. Платоновъ). Государственная политика пока требовала этой поддержки, но, по существу дѣла, несомнѣнно Гермогенъ былъ противъ Шуйскаго, на что есть прямыя историческія указанія. Такъ, во многихъ историческихъ трудахъ указывается, что Гермогенъ былъ мужъ словесенъ и хитрорѣчивъ, но къ Царю Василію «строптиво и неблаголѣпно бесѣдовавше всегда, понеже *внутрьюду* имый навѣтованный *огнь ненависти* и супостатнаго коварства, якоже лѣпо, бѣ *никакоже отчелюбно* совѣщевающеся съ Царемъ».

Поддерживая Шуйскаго, патріархъ Гермогенъ въ то же время весьма дипломатично указывалъ на Романовыхъ, говоря въ порицательной грамотѣ къ приверженцамъ тушинскаго вора: «Филаретъ же митрополитъ и прочіе не своею волею, но силою взяты въ плѣнъ и на христіанскій законъ не стоятъ, крови православныхъ братій не проливаютъ. Мы такихъ не порицаемъ, но молимъ о нихъ Бога... то мученики Господни и ради нынѣшняго временнаго страданія они удостоятся небеснаго царства».

Послѣ 17 іюля 1610 года, когда, не смотря на заступничество Гермогена, Царь Василій Ивановичъ Шуйскій былъ свергнутъ съ престола и когда правленіе государствомъ поручено было, до выбора новаго Царя, боярской Думѣ, патріархъ Гермогенъ обнаружилъ свой планъ и немедленно разослалъ грамоты, призывающія къ выбору

Царя всею Русскою землею, причемъ онъ первый указалъ кандидатовъ—князя В. В. Голицына и сына митрополита Филарета, Михаила Өеодоровича Романова. Кромѣ этого въ Москвѣ тотчасъ же образовалась сильная партія, къ каковой принадлежалъ и патріархъ Гермогенъ, знаменемъ которой выставлено было: хотѣть Царя только изъ своихъ бояръ и не хотѣть Государемъ ни польскаго королевича, ни Лжедимитрія. Въ этомъ смыслѣ съ лобнаго мѣста говорили рѣчи патріархъ Гермогенъ и митрополитъ ростовскій Филаретъ Никитичъ, который между прочимъ сказалъ: «не прельщайтесь, мнѣ самому доподлинно извѣстно королевское злое умышленіе надъ Московскимъ государствомъ и хочетъ онъ имъ съ сыномъ завладѣть и нашу христіанскую вѣру разорить, и свою латинскую утвердить».

При управленіи Государствомъ Боярскою Думою, Гермогенъ продолжаетъ идти по намѣченному плану. Онъ соглашается на кандидатуру Владислава на Московскій престолъ, но опять таки выставляетъ непремѣннымъ условіемъ и при томъ весьма тяжелымъ, даже, можно сказать, невозможнымъ для католика, чтобы королевичъ Владиславъ прежде всего принялъ православіе. Онъ твердо высказался и противъ короля Сигизмунда и не далъ своей подписи въ грамотѣ московскимъ посламъ, находящимся у Сигизмунда, въ которой говорилось отъ имени боярской Думы, чтобъ во всемъ положиться на волю короля Сигизмунда.

Проводя извѣстный планъ борьбы въ защиту церкви и государства, само собой разумѣется, патріархъ Гермогенъ не былъ одинъ и имѣлъ помощниковъ, какъ среди святителей и духовенства, такъ и среди свѣтскихъ лицъ.

Кто же были его главные помощники?

Гермогенъ и самъ указываетъ на это въ послѣдней предсмертной своей грамотѣ, посланной въ августѣ 1611 года въ Нижній-Новгородъ изъ своего заключенія, въ которой онъ говоритъ «*пишите въ Казань къ митрополиту Ефрему*, пусть пошлетъ въ полки *къ боярамъ* и *къ казацкому войску* учительную грамоту, чтобъ они стояли крѣпко за вѣру и не принимали Маринкина сына на царство, я не благословляю. Да и въ Вологду пишите къ властямъ о томъ, и къ рязанскому владыкѣ: пусть пошлетъ въ полки учитель-

ную грамоту къ боярамъ, чтобъ унимали грабежъ, сохраняли братство и, какъ обѣщались положить души свои за домъ Пречистой и чудотворцевъ и за вѣру, такъ бы и совершили. Да и во всѣ города пишите, что сына Маринкина отнюдь не надо на царство. *Вездѣ говорите моимъ именемъ*».

Изъ этого интереснаго документа ясно видно, что Патріархъ Гермогенъ прежде всего настаиваетъ на томъ, чтобъ написали къ казанскому митрополиту Ефрему, очевидно считая его однимъ изъ главныхъ своихъ сотрудниковъ, могущихъ повлiять даже на казацкое войско. Какъ исполнилъ это порученіе митрополитъ Ефремъ, къ сожалѣнію, на это нѣтъ никакихъ данныхъ, но судя по тому, что онъ остался послѣ смерти Гермогена во главѣ русской церкви, нужно думать, что онъ продолжалъ вести дѣло въ духѣ Гермогена и завершилъ его вѣнчаніемъ на царство Михаила Ѳеодоровича Романова. Интересъ къ личности святителя Ефрема еще больше увеличивается, если допустить, что это былъ никто иной, какъ бояринъ Даніилъ Васильевичъ Хвостовъ, или, что тоже, монахъ Давидъ Хвостовъ.

Чтобы хотя приблизительно уловить связь между дѣятелями Смутнаго времени, мы должны вкратцѣ коснуться біографическихъ данныхъ нѣкоторыхъ изъ нихъ. Патріархъ Гермогенъ родился около 1530 года, былъ незнатнаго происхожденія, родомъ *изъ донскихъ казаковъ*, служилъ клирикомъ въ казанскомъ Спасо-Преображенскомъ монастырѣ и въ 1579 году уже былъ приходскимъ священникомъ въ Казани при церкви св. Николая, въ гостинномъ ряду [1]). Современникъ Гермогена Александръ Гонсѣвскій, начальникъ поляковъ въ Москвѣ, жалуясь на патріарха Гермогена за возбужденіе имъ ненависти въ русскихъ противъ поляковъ, говоритъ: «чого доводимъ письмомъ руки священника вашего московскаго, который въ тѣ поры (1610—1611 г.г.) въ Москвѣ мене, Александра, остерегалъ и прежнія дѣла многія патріарховы, какъ *онъ въ казакахъ донскихъ* и послѣ потомъ въ Казани бывалъ, выписалъ.. » Затѣмъ Гермогенъ былъ архимандритомъ казанскаго

¹) Митр. Макарій, стр. 127; С. Ѳ. Платоновъ. Журналъ министерства народн. просвѣщ.; Энциклоп. словарь, т. IV, стр. 317.

Спасо-Преображенскаго монастыря, въ 1589 году возведенъ въ санъ архіерейскій и началъ собою рядъ митрополитовъ казанскихъ. Въ 1606 году возведенъ въ московскіе патріархи.

Авраамій Палицынъ происходилъ изъ древняго дворянскаго рода, вышедшаго изъ Литвы, родился въ селѣ Протасьевѣ, близъ Ростова (Яросл. губ.). Состоя на царской службѣ дворяниномъ, Аверкій Ивановичъ Палицынъ, въ царствованіе Ѳеодора Іоанновича, въ 1588 году, подвергся опалѣ, лишился имущества, которое было взято въ казну, сосланъ въ Соловецкій монастырь, гдѣ и постриженъ въ монахи съ именемъ Авраамія. Въ царствованіе Бориса Годунова Авраамій Палицынъ упоминается какъ старецъ Богородицкаго Свіяжскаго монастыря, въ царствованіе Шуйскаго онъ же былъ келаремъ Троице-Сергіевой лавры и жилъ въ Москвѣ на Троицкомъ подворьѣ.

Въ своей послѣдней грамотѣ патріархъ Гермогенъ указываетъ еще на рязанскаго владыку и Вологду. Въ то время въ Рязани былъ архіепископомъ Ѳеодоритъ, который, какъ извѣстно, былъ посланъ въ Кострому во главѣ посольства для приглашенія избраннаго на царство Михаила Ѳеодоровича, а въ Вологдѣ—архіепископъ Сильвестръ, котораго «злодѣи, за приверженность къ патріарху Гермогену, взяли въ 1612 году, уже послѣ смерти Гермогена, въ плѣнъ и четыре ночи держали подъ стражей, много разъ приговаривали къ казни и отпустили чуть живого.

Изъ всего только что сказаннаго можно усмотрѣть, что патріархъ Гермогенъ имѣлъ дѣятельныхъ сотрудниковъ, связанныхъ между собой общей идеей, и пункты, гдѣ эти сотрудники развивали свою дѣятельность, вполнѣ согласную съ намѣреніями Гермогена. Этими главными пунктами, какъ видно изъ послѣдней грамоты Гермогена, были: на юго-востокѣ Казань, гдѣ жилъ и дѣйствовалъ самъ Гермогенъ и подъ его руководствомъ Авраамій Палицынъ, а затѣмъ митрополитъ Ефремъ; въ Вологдѣ архіепископъ Сильвестръ; въ центрѣ Россіи—рязанскій архіепископъ Ѳеодоритъ; на сѣверѣ—Соловецкій монастырь, гдѣ жилъ и подготовлялъ почву въ извѣстномъ направленіи Авраамій Палицынъ. Что почва была подготовлена ранѣе въ Соловецкомъ монастырѣ, доказывается письмомъ въ

Москву соловецкаго игумена Антонія, который писалъ, что у нихъ, въ Соловецкомъ монастырѣ, и по всей Поморской области рѣшили имѣть Царемъ изъ прирожденныхъ бояръ московскаго государства, такъ рѣшили патріархъ въ Москвѣ и бояре и мы съ ними согласны.

Дѣйствуя въ Казани подъ руководствомъ самого Гермогена, Авраамій Палицынъ, вмѣстѣ съ Гермогеномъ, перешелъ въ Москву при Царѣ Василіи Шуйскомъ и, хотя былъ назначенъ келаремъ Троице-Сергіевой лавры, но жилъ въ Москвѣ даже во время знаменитой осады лавры, очевидно, состоя правою рукою Гермогена, тѣмъ болѣе, что въ лаврѣ, въ то время былъ другой энергичный помощникъ Гермогена, архимандритъ Діонисій, весьма образованный для своего времени человѣкъ, который, по порученію Гермогена, «многи эпистоли посылалъ по градомъ».

Какъ извѣстно, донскіе казаки при Царѣ Борисѣ Годуновѣ были сильно стѣснены, ибо онъ не велѣлъ впускать ихъ ни въ одинъ городъ, а когда они куда-либо пріѣдутъ—велѣно было ихъ ловить и сажать въ тюрьму. И это было, по мнѣнію многихъ историковъ, причиною того, что казаки тотчасъ же откликнулись на призывъ Лжедимитрія I и вообще весьма сочувственно относились ко всѣмъ послѣдующимъ Лжедимитріямъ. Но гдѣ кроется причина того, что, въ числѣ прочихъ, и атаманъ донскихъ казаковъ подалъ въ боярскую думу письменное мнѣніе о природномъ Царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ? По этому поводу проф. Ключевскій говоритъ, что казаки подали свои голоса за Михаила Ѳеодоровича Романова потому, что отецъ его Филаретъ былъ ставленникомъ обоихъ самозванцевъ, получилъ санъ митрополита отъ перваго самозванца, а вторымъ провозглашенъ патріархомъ въ тушинскомъ лагерѣ. Казаки, слѣдовательно, продолжаетъ Ключевскій, хотѣли видѣть Царемъ или сына тушинскаго Царя, или сына тушинскаго патріарха [1]).

Но, по нашему скромному мнѣнію, это объясненіе слишкомъ натянуто и скорѣе всего нужно предположить, что митрополитъ казанскій Гермогенъ, впослѣдствіи патріархъ, будучи самъ дон-

[1]) Проф. Ключевскій, стр. 76—80.

скимъ казакомъ по рожденію, не порывалъ своей связи съ Дономъ и съумѣлъ на своей родинѣ найти себѣ многихъ единомышленниковъ и сплотить ихъ для своихъ цѣлей. Можетъ быть, и въ этомъ случаѣ главнымъ помощникомъ ему былъ старецъ Богородицкаго Свіяжскаго монастыря Авраамій Палицынъ.

Но на соборъ, собранный въ Москвѣ для избранія Царя, кромѣ казацкаго атамана, явился еще *галичанинъ* съ грамотой, въ которой также указывалось на Михаила Романова. Одинаковое существо обѣихъ грамотъ уже указываетъ, что онѣ происходили изъ одного источника, преслѣдовали одну и туже идею. Конечно всѣ нити опять таки можно свести къ Гермогену и его сотрудникамъ, его партіи, но въ такомъ случаѣ возникаетъ интересный вопросъ: кто же былъ дѣятелемъ въ Галичской области, иначе сказать — всего сѣверо-востока Россіи. Если мы, хотя и съ приблизительной точностію, выяснили нѣкоторыхъ дѣятелей сѣвера, юго-востока и центра Россіи, то о Галичской области уже не имѣется никакихъ, даже косвенныхъ данныхъ, но, тѣмъ не менѣе, мы попытаемся подойти къ приблизительному рѣшенію и этого вопроса.

Какъ извѣстно, сѣверо-востокъ Россіи, принявъ дѣятельное участіе въ борьбѣ по очищенію Русскаго государства, въ концѣ концовъ безповоротно рѣшилъ дѣло и возстановилъ нормальный порядокъ вещей въ государствѣ. Да иначе и быть не могло, ибо государство было крайне истощено борьбой во всѣхъ отношеніяхъ, между тѣмъ сѣверо-востокъ Россіи сравнительно мало пострадалъ отъ борьбы. Проф. С. Ф. Платоновъ [1]) въ своихъ очеркахъ по исторіи смуты въ Московскомъ Государствѣ, говоритъ, что рыболовство (Галичъ, Чухлома и друг.), лѣсные промыслы, варка соли и землепашество составляли занятія жителей. Давность поселеній и хозяйственность культуры въ краѣ сказывались — съ одной стороны, въ очень значительной населенности края, а съ другой въ крѣпости внутренней связи, сложившихся ко времени смуты XVII вѣка. Уже въ 1608 г. Галичскій уѣздъ былъ изъ самыхъ богатыхъ по населенію, а въ Чухломскомъ краѣ усилилось заселеніе еще въ XV и, особенно, въ XVI вѣкахъ.

---

[1]) Платоновъ, С. Очерки Исторіи Смуты.

Унженскій край также сталъ усиленно заселяться еще въ XV вѣкѣ, по крайней мѣрѣ есть свѣдѣнія (Бѣляевъ, стр. 18), что въ первый разъ казанскіе татары пришли на Унжу, чтобы воротить уведенный преп. Макаріемъ съ береговъ Волги народъ, который обложенъ былъ данью татарами. Городъ Унжа считался въ это время уже большимъ городомъ. Водные пути сообщенія по Унжѣ, Волгѣ и Окѣ благопріятствовали развитію судоходства и торговли въ Унженскомъ краѣ, который причислялся въ то время къ Галичской области, и есть свѣдѣнія, что жители Унженскаго края вели дѣятельную торговлю не только съ Нижнимъ, Казанью Москвою, но и съ Дономъ. В В. Бѣляевъ удостовѣряетъ, что жители по рѣкѣ Унжѣ и ея притокамъ съ очень давнихъ временъ и до сихъ поръ продолжаютъ ходить каждую осень на низы Дона катать валяную обувь и другія шерстяныя издѣлія (войлоки, стельки, потники, подсѣдельники и т. под.).

Такимъ образомъ, становится яснымъ, что если и произошло оскудѣніе силъ и средствъ Москвы и вообще центра государства для окончательной борьбы за очищеніе Московскаго государства, то эти средства по вышеприведеннымъ причинамъ нашлись на сѣверо-востокѣ Россіи. Но вѣдь необходимо было подвинуть на это дѣло всѣ разрозненные и далеко отстоящіе другъ отъ друга элементы, объединить ихъ и вдохнуть въ дѣло общую руководящую и одухотворяющую идею.

Напрасно мы стали бы искать такого руководителя, онъ неизвѣстенъ пока исторіи, но онъ несомнѣнно былъ. Безошибочно можно только утверждать, что руководительство исходило изъ Макарьевской Унженской обители. Что это было именно такъ, подтверждается вышеприведенными документальными данными, что Царь идетъ вознести моленіе преподобному Макарію за помощь, оказанную ему въ то время, когда онъ принужденъ былъ скрываться въ Костромскихъ предѣлахъ въ молодыхъ лѣтахъ, и за помощь ему и родителямъ его во время ихъ *государскихъ печалей.*

Также безошибочно можно сказать, что имя преподобнаго Макарія, его авторитетъ, распространявшійся на далекое разстояніе вокругъ Унжи сыграли выдающуюся роль. Если Патріархъ Гермо-

генъ, главный дѣятель по очищенію Московскаго государства, объединялъ и воодушевлялъ народъ на борьбу съ врагами, приглашая идти за домъ Пречистой и за чудотворцевъ московскихъ Петра, Алексѣя и Іону; если Авраамій Палицынъ дѣйствовалъ именемъ преподобнаго Сергія Радонежскаго; если митрополитъ Казанскій Ефремъ воодушевлялъ народъ именемъ новоявленной иконы Казанской Богоматери и снимокъ съ этой иконы послалъ даже въ московскіе полки,—то Унженскій монастырь, въ районѣ своего вліянія, дѣйствовалъ именемъ преподобнаго Макарія. Что это было именно такъ, можно привести въ доказательство сраженіе на островѣ Мамшинѣ, около Юрьевца, коряковскихъ крестьянъ съ отрядомъ Лисовскаго въ 1609 году, которые вступили въ бой *„съ надеждою на помощь преподобнаго Макарія“*, и, побѣдивши враговъ, дали обѣщаніе выстроить монастырь въ честь преподобнаго. Историкъ города Макарьева г. Бѣляевъ удостовѣряетъ, что въ царствованіе Михаила Ѳеодоровича благодарные жители во многихъ мѣстахъ устроили храмы въ честь преподобнаго Макарія, избавившаго ихъ въ Смутное время отъ враговъ. Такъ устроены были: въ Богоявленскомъ монастырѣ храмъ въ честь преподобнаго Макарія, храмы въ двухъ весяхъ: Елнатской, на рѣкѣ Лазаревой, и въ Березницкой, на рѣкѣ Сегати, съ отводомъ церковной земли и луговъ близь рѣки Немды—обитель съ храмомъ, кельями и угодіями, наконецъ—въ Рѣшмѣ и Пурехѣ.

Но кто-же былъ руководителемъ, кто былъ въ Унженскомъ монастырѣ тѣмъ человѣкомъ, который вынесъ на своихъ плечахъ всю тяжесть, всю отвѣтственность этой нелегкой задачи?

Невольно бросается въ глаза и напрашивается на параллель судьба трехъ личностей: Ѳеодора Никитича Романова, Даніила Васильевича Хвостова и Аверкія Ивановича Палицына. Предки всѣхъ ихъ вышли изъ Литвы, происходили отъ древнихъ знатныхъ родовъ и служили на видныхъ мѣстахъ Московскимъ Князьямъ и Государямъ. Сами они при Царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, когда фактически правилъ государствомъ Борисъ Годуновъ, всѣ подверглись опалѣ, сосланы въ монастыри и пострижены въ монахи. Наконецъ двое изъ нихъ, Романовъ и Палицынъ, играли выдающуюся роль въ

Смутное время, и только о дѣятельности Хвостова исторія не сохранила намъ ничего, кромѣ отрывочныхъ свѣдѣній.

Принимая во вниманіе всѣ вышеизложенныя данныя и соображенія, мы вполнѣ присоединяемся къ мнѣнію В. В. Бѣляева, что большимъ дѣятелемъ въ Макарьево-Унженскомъ монастырѣ былъ именно старецъ Давидъ Хвостовъ, въ міру бояринъ Даніилъ Васильевичъ Хвостовъ. Онъ былъ единственною въ то время въ монастырѣ личностью, могущею вести и совершить такое отвѣтственное дѣло. За него же говоритъ и масса другихъ косвенныхъ данныхъ, изложенныхъ нами выше, а именно, постройка имъ игуменскихъ келій съ «комнатою», назначеніе при жизни своей своего преемника, безслѣдное исчезновеніе его изъ монастыря и т. д. Какое отношеніе имѣлъ онъ къ патріарху Гермогену, былъ-ли онъ лицомъ идентичнымъ съ митрополитомъ Казанскимъ Ефремомъ—на это пока нѣтъ никакихъ историческихъ доказательствъ.

Патріархъ Гермогенъ, конечно, не могъ не знать и не придавать большого значенія Сѣверо-Востоку Россіи въ борьбѣ съ врагами вѣры и государства и, кромѣ тѣхъ или иныхъ посредниковъ, весьма возможно и самъ посѣтилъ нѣкоторые пункты сѣверо-востока. Намекъ на это можно найти въ исторіи г. Костромы князя Козловскаго, который говоритъ, что въ 1609 году 8 мая святѣйшій патріархъ Гермогенъ освятилъ въ Богоявленскомъ монастырѣ въ Костромѣ придѣлъ во имя Іоанна Богослова. Тоже подтверждаетъ историкъ Костромского Богоявленскаго монастыря И. В. Баженовъ, который пишетъ, что, при упраздненіи храма, подъ напрестольною доскою въ одномъ изъ столбцовъ престола найденъ холстинный антиминсъ съ надписью: «освятися алтарь Господа Бога и Спаса нашего Іисуса Христа въ церкви святаго и всехвальнаго апостола и евангелиста Іоанна Богослова въ обители святыхъ Богоявленій, святѣйшимъ Ермогеномъ, партріархомъ Московскимъ, при благовѣрномъ Царѣ и Великомъ Князѣ Васильѣ Ивановичѣ и при благовѣрной Царицѣ и Великой Княгинѣ Маріи Петровнѣ и при благовѣрной Царицѣ Анастасіи, въ лѣто 7118 (1610 г.), маія въ 8 день, при игуменѣ Арсеніѣ». Нельзя допустить, чтобы въ такое критическое время, можно сказать, наканунѣ сверженія съ престола Царя Ва-

силія Ивановича Шуйскаго, патріархъ Гермогенъ могъ оставить Москву только для одного освященія придѣла въ церкви г. Костромы.

Подводя итогъ всему изложенному, мы рѣшаемся сдѣлать слѣдующіе общіе выводы:

1. Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ съ матерью своей инокой Мареой Іоанновной дважды посѣщали Макарьевскій Унженскій монастырь: въ первый разъ въ послѣднихъ двухъ мѣсяцахъ 1612 г., или въ самомъ началѣ 1613 года; во второй разъ—осенью 1619 г.

2. Причиной посѣщенія монастыря нельзя считать только особое религіозное чувство къ личности и чудесамъ преподобнаго Макарія Унженскаго. Необходимо допустить какія-то особенныя, исключительныя заслуги со стороны Макарьевскаго Унженскаго монастыря передъ Романовыми во время смуты, благодаря каковымъ заслугамъ и образовалась интимная и притомъ глубокая связь между монастыремъ и домомъ Романовыхъ.

3. Заслуги эти, какъ видно изъ нѣсколькихъ несомнѣнныхъ историческихъ документовъ, выразились въ помощи преподобнаго Макарія Унженскаго, оказанной великому Государю Михаилу Ѳеодоровичу, «егда онъ не у діадиму нося и скипетръ державства, крыяся отъ безбожныхъ ляховъ, въ младыхъ лѣтахъ, въ предѣлахъ костромскихъ, и пречестнымъ родителямъ его, государскимъ, во время ихъ государскихъ печалей».

4. На основаніи несомнѣнныхъ историческихъ данныхъ—въ Макарьевскомъ Унженскомъ монастырѣ съ 1596 года по 1607 г. былъ строителемъ старецъ Давидъ Хвостовъ, который происходилъ отъ древняго знатнаго рода, предки котораго вышли изъ Литвы при Московскомъ князѣ Даніилѣ Александровичѣ. Нужно полагать, что старецъ Давидъ Хвостовъ въ міру былъ бояринъ Даніилъ Васильевичъ Хвостовъ, принявшій при постриженіи, добровольномъ или насильственномъ, монашеское имя Давида.

5. Хотя и нѣтъ прямыхъ историческихъ указаній, но, на основаніи многихъ косвенныхъ данныхъ, Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ, съ конца 1602 года до второй половины 1605 года, т. е. съ

6-ти до 9 лѣтняго возраста своей жизни, жилъ въ кельяхъ Макарьевскаго Унженскаго монастыря у строителя монастыря старца Давида Хвостова, подъ его личнымъ наблюденіемъ и руководствомъ.

6. Былъ ли строитель Макарьевскаго Унженскаго монастыря Давидъ Хвостовъ и митрополитъ казанскій Ефремъ однимъ и тѣмъ же лицомъ, сказать трудно, въ виду отсутствія какихъ-либо данныхъ, но отрицать это по многимъ соображеніямъ нельзя. Во всякомъ случаѣ необходимы дальнѣйшія изслѣдованія о весьма загадочныхъ и крайне интересныхъ личностяхъ—старца Давида Хвостова и митрополита казанскаго Ефрема.

7. Есть указанія, что Макарьевскій Унженскій монастырь въ Смутное время игралъ громадную роль, какъ центръ объединенія и сплоченія разъединенныхъ силъ всего сѣверо-востока Россіи, и нужно предполагать, что не послѣднюю роль въ данномъ случаѣ игралъ строитель монастыря Давидъ Хвостовъ, за время его пребыванія въ монастырѣ.

XI.

Царствованіе Алексѣя Михайловича. Пожары въ Костромѣ. Чума. Состояніе Костромы въ 1670 г. Мятежъ въ Костромѣ. Расколъ и его дѣятели. Царь Θеодоръ Алексѣевичъ, правительница Софія и Императоръ Петръ Великій. Голодъ въ Костромѣ при Императрицѣ Аннѣ Іоанновнѣ. Императрица Елизавета Петровна. Учрежденіе въ Костромѣ епархіи. Развитіе въ Костромѣ крупной промышленности. Послѣдняя смертная казнь въ Костромѣ.

По смерти Михаила Θеодоровича на престолъ вступилъ 16-лѣтній сынъ его *Алексѣй Михайловичъ*. Тотчасъ же по всѣмъ городамъ посланы были особыя лица для приведенія народа къ вѣрноподданической присягѣ. Въ Кострому присланъ былъ для этой цѣли стольникъ князь Андрей Михайловичъ Солнцевъ-Засѣкинъ [1]).

Въ 1646 году для «разбора дѣтей боярскихъ и дворянъ» присланъ былъ въ Кострому бояринъ Михаилъ Михайловичъ Салтыковъ и дьякъ Никифоръ Шипулинъ [2]).

Въ 1652 году, когда на патріаршій престолъ былъ назначенъ Никонъ, Царь Алексѣй Михайловичъ повелѣлъ игумену Костромского Богоявленскаго монастыря Герасиму, вмѣстѣ съ попомъ Николаевской церкви Григоріемъ Алексѣевымъ, имѣть надзоръ за священно-церковно-служителями г. Костромы, «чтобы чтеніе и пѣніе въ церквахъ совершалось по чину: единогласно и не спѣшно», причемъ игумену предоставлено было право наказывать ослушниковъ монастырскимъ смиреніемъ, работами, денежнымъ штрафомъ и даже заковываніемъ въ цѣпи [3]).

Въ 1654 году для набора дворянъ и дѣтей боярскихъ присланъ былъ въ Кострому стольникъ Иванъ Андреевичъ Полевъ. 1654 годъ

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 102—103.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1855 г., № 21.
[3]) Русск. Временникъ; Кн. Козловскій, стр. 103, стр. 171.

былъ однимъ изъ самыхъ неблагополучнымъ для г. Костромы, такъ какъ въ этомъ году въ Костромѣ былъ большой пожаръ: обгорѣлъ Успенскій соборный храмъ отъ загорѣвшейся теплой деревянной церкви, при Троицкомъ соборѣ, и съѣзжей избы; также сгорѣло много домовъ, принадлежавшихъ монастырямъ, осадный дворъ старицы Мароы Іоанновны и деревянныя стѣны, окружавшія городъ [1]). Въ Большесольской ратушѣ хранится требованіе отъ 7162 (1654) года о вызовѣ изъ Большихъ Солей, по случаю истребленія пожаромъ въ Костромѣ деревяннаго города, людей, знающихъ строительное дѣло, какъ для устройства города, такъ и для вѣрной смѣты къ постройкѣ онаго, равно количества лѣсу, тесу, гвоздей и разныхъ другихъ запасовъ [2]). Изъ этого очевидно, что большесольцы славились въ то время знаніемъ строительнаго дѣла.

Съ 1 сентября появилась въ г. Костромѣ моровая язва (чума) въ такой сильной степени, что умершіе оставались безъ погребенія, изъ 5356 человѣкъ народонаселенія Костромы осталось въ живыхъ только 1893 человѣка; дворовъ жилыхъ осталось 1122, а пустыхъ дворовъ и мѣстъ 1276. Одинъ Богоявленскій монастырь лишился 56 человѣкъ братіи [3]).

Дѣло по постройкѣ городскихъ стѣнъ, сгорѣвшихъ въ 1654 году, подвигалось крайне медленно, ибо черезъ 10 лѣтъ стѣны не были еще окончены постройкой, что видно изъ слѣдующаго интереснаго документа: «7172 (1664) года поступилъ доносъ Костромитянъ Царю Алексѣю Михайловичу, якобы въ Костромскихъ пригородкахъ, на посадѣхъ, живутъ люди торговые черные и не тяглые, и въ городѣ де Костромѣ съ Костромичами городового дѣла не дѣлаютъ. Вслѣдствіе доноса поступила грамота изъ Пушкарскаго Приказа князю Ивану Петровичу Вяземскому, по коей велѣно посадскихъ на монастырское повытье послать Костромского Ипатіевскаго монастыря на городовое дѣло. А чего посадскіе городового дѣла не додѣлаютъ, велѣно съ Костромичами додѣлывать, почему Нерехчане и Усольцы дѣлали въ кремлѣ проѣзжую Спасскую башню и на дѣлахъ монастырей

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1838 г., № 47, стр. 106 и 107.
[2]) Костр. старина, вып. V.
[3]) Костром. Губ. Вѣд. 1874 г., № 24; Соловьевъ; Козловскій, стр. 103.

Ипатіевскаго и Богоявленскаго былп, а Костромичи, что въ остаткахъ было дѣла, не помогали и налегали на посадскихъ, и учинились противны указу Государя. Посадскіе приносили на это жалобу» [1]).

Послѣ того, какъ вторая польская война окончилась въ 1667 году перемиріемъ, заключеннымъ Московскимъ дипломатомъ Ордынъ Нащокинымъ въ деревнѣ Андрусовѣ, Алексѣй Михайловичъ, пожаловавъ его званіемъ боярина, подарилъ ему серебряный кубокъ, соболью шубу и село Шишкино, Костромского уѣзда. Въ 1668 году Алексѣй Михайловичъ пожаловалъ городу Костромѣ чугунныя пушки [2]), которыя и поставлены были на валахъ Костромского кремля [3]).

Такія же пушки пожалованы были Алексѣемъ Михайловичемъ и Богоявленскому монастырю, по ходатайству боярина Михаила и кравчаго Петра Михайловичей Салтыковыхъ [4]).

Въ смѣтной книгѣ Разряда за 1670 годъ описывается состояніе г. Костромы въ 1670 году. Оказывается, что Кострома не крѣпость, а кремль, а острогъ ея—только руина. Со времени пожара 1654 года пушки безъ станковъ ржавѣютъ подъ Успенскимъ соборомъ, запаловъ нѣтъ, кромѣ пороху и свинца; 18 отставныхъ дворянъ и дѣтей боярскихъ, явившихся въ земскую избу, представляютъ собой ядро гарнизона; если прибавить къ этому 12 стрѣльцовъ и 3 пушкарей, а также воеводу Дементья Тимоѳеева, то весь гарнизонъ состоялъ изъ 34 человѣкъ защитниковъ на 2½ версты крѣпостныхъ стѣнъ и 25 башенъ, и не менѣе 50 безполезныхъ орудій. Ремесленная жизнь въ Костромѣ не богата и не разнообразна. Болѣе всего въ ней было рукавичниковъ, затѣмъ сапожниковъ и шапочниковъ; одежду выдѣлывали всякаго рода портные мастера, швари, шубники и эпанечники. Эта группа самая многочисленная. Группа ремесленниковъ по дереву—вторая послѣ вышеуказанныхъ—это плотники, строгальщики, красильщики и т. под.; по металлу—кузнецы, замочники; имѣлись также иконники, коло-

---

[1]) Костр. старина, вып. V, стр. 177, 178.
[2]) Эти пушки сняты въ 1814 г. и поставлены на Муравьевкѣ.
[3]) Кн. Козловскій, стр. 104; Памятная книжка Костр. Губ. 1862 г., стр. 261.
[4]) Костр. Губ. Вѣд. 1847 г., № 1.

дезники, мыльники и т. п. Третья группа—это люди, занимавшіеся приготовленіемъ съѣстныхъ припасовъ [1]).

Въ 1672 году въ Костромѣ былъ большой пожаръ: «оба города... сгорѣли безъ остатку, тайничный колодезь обгорѣлъ и весь обрушился, и землею засыпало» [2]).

Въ томъ же году, въ сентябрѣ мѣсяцѣ, была написана на стѣнѣ юго-западной башни Богоявленскаго монастыря икона Смоленской Божіей Матери [3]), которая уже давно составляетъ мѣстно чтимую великую святыню, привлекающую къ себѣ многихъ богомольцевъ изъ Костромичей.

Только что пережитая неслыханная смута не могла не отразиться весьма сильно на всемъ организмѣ Россійскаго Государства. Она, по словамъ проф. В. Ключевскаго, произвела глубокія опустошенія, какъ въ хозяйственномъ положеніи народа, такъ и въ нравственномъ настроеніи русскаго общества; народъ изъ смуты вышелъ гораздо впечатлительнѣе, ибо выносливость его, которой онъ отличался во время смуты, уже истощилась. Полное разстройство народнаго хозяйства, взяточничество, увеличеніе податей, пьянство, церковные непорядки — все это создало «*Бунташное время*», каковымъ эпитетомъ отмѣчено исторіей царствованіе Алексѣя Михайловича. Мятежи въ Москвѣ, Устюгѣ, Козловѣ, Сольвычегодскѣ, Томскѣ и другихъ городахъ—въ 1648 году, въ Псковѣ и Новгородѣ—въ 1650 году, снова въ Москвѣ изъ-за мѣдныхъ денегъ—въ 1662 г., въ Соловецкомъ монастырѣ противъ новоисправленныхъ книгъ — въ 1668 году, завершились колоссальнымъ мятежемъ Степана Разина въ 1670—71 годахъ.

Кострома также не избѣгла мятежа, который былъ въ 1660 г. Вотъ какъ описываетъ священникъ Лаговскій этотъ мятежъ въ Костромѣ.

«Во время буйнаго всеобщаго смятенія окрестныхъ жителей, прославился своею дерзостью и буйствомъ нѣкто села Селищъ близь Костромы недостойный своего званія священникъ Иванъ. Пользуясь

---

[1]) П. П. Смирновъ. Къ исторіи г. Костромы, докладъ IV област. Археол. съѣзду.
[2]) Ibid.
[3]) Костр. Губ. Вѣд., 1847 г., № 21.

слабодушіемъ начальства или неумѣлымъ снисхожденіемъ, 1660 г. въ маѣ мѣсяцѣ Иванъ собралъ шайку подобныхъ себѣ буйныхъ пьяницъ, того-же села Селищъ и села Минскаго крестьянъ, человѣкъ до ста, а въ другое время до двухъ сотъ и болѣе. Такимъ образомъ, пьяные ходили въ городѣ Костромѣ, пѣли срамныя пѣсни, кричали, вопили, плясали и всяческими бѣсовскими играми играли, бранились скаредно всячески, а которые стояли за благочестіе, тѣхъ побивали до смерти, а иныхъ замертво. Богоявленскаго монастыря игумена Герасима и братію, и монастырскихъ служекъ, и крестьянъ хотѣли на смерть побить. Костромского протоіерея Даніила хотѣли убить до смерти. Протоіерей сей укрылся отъ скопу въ Воздвиженскомъ монастырѣ женскомъ. И къ соборной церкви приходили скопомъ и искали протоіерея и у соборной церкви скоморохи пѣли пѣсни. Отцы духовные извѣщали, кто именно приходилъ къ церквамъ съ ножами и, на церковныхъ порогахъ стоя, кричали въ церковь на отцовъ духовныхъ и матерно лаяли, угрожая ихъ ножами зарѣзать, а иные, увидѣвъ протопопа Даніила и другихъ добрыхъ людей, вынявъ срамные уды наружу, гонялись за людьми, и всякое скаредное дѣло въ городѣ и уѣздѣ дѣлали. А кои безчинники были взяты подъ палатку соборной церкви на смиреніе, тѣхъ села Селищъ попъ Иванъ и крестьяне, сбивъ замокъ, выпустили. А 25 мая боярина Бориса Ивановича Морозова крестьянинъ Лысковецъ, Куземка Васильевъ съ товарищи, ѣдучи снизу на суднѣ, Костромского протопопа Даніила на Волгѣ на берегу на смерть били и скуфью сбили. И тотъ же Куземка Васильевъ съ ярыжными, пришедъ къ соборной церкви, у воеводскаго двора и при воеводѣ Юрьѣ Аксаковѣ того протопопа билъ» [1]).

Этотъ бунтъ, происшедшій подъ руководствомъ священника и направленный главнымъ образомъ противъ протоіерея Даніила и вообще противъ духовенства и монаховъ, нужно полагать, происходилъ на почвѣ духовныхъ, церковныхъ неурядицъ, царившихъ въ то время. С. Н. Введенскій, пользуясь документами архива Министерства Юстиціи, говоритъ, что безпорядки, въ столкновеніи костромского

[1]) Костр. Стар., вып. V, стр. 178—179.

протопопа Даніила съ воеводой и жителями города Костромы и сосѣднихъ селъ, были вызваны строгостями Даніила относительно пьянства, бѣсовскихъ пѣсенъ и скомороховъ [1]. Но врядъ ли одно только это было причиной безпорядковъ въ Костромѣ и не было ли тутъ одной изъ причинъ появленіе церковнаго раскола, ибо извѣстно, что протопопъ Даніилъ былъ пріятелемъ знаменитаго юрьевецкаго протопопа Аввакума и, по словамъ Введенскаго, окончилъ свою жизнь въ ссылкѣ за расколъ въ Астрахани.

Въ Большесольской Ратушѣ сохранилось много разныхъ прошеній и жалобъ, изъ которыхъ видно, что мятежи въ Костромѣ и ея округѣ имѣли разнообразныя причины, коренившіеся въ общемъ экономическомъ положеніи государства.

«Всюду слышны разбои, обиды, на пастбищахъ отнимали лошадей, коровъ съ поля, хлѣбъ изъ житницъ днемъ увозили, противящихся били, не щадили даже монастырскаго достоянія, увозили покосы съ луговъ, ломали житницы, ходили съ ружьями, ножами въ самый иногда посадъ къ варницамъ, угрожали воеводѣ, внутри самаго посада проѣзжихъ грабили. Окрестные бояре съ своими крестьянами выступали для таковыхъ промысловъ съ саблями на бояръ, или крестьянъ другихъ господъ. И крестьяне иногда не уступали, чужіе лѣса сѣкли, травили своею скотиною хлѣбъ и покосы. Въ это бѣдственное время открылись въ посадѣ у Большихъ Солей денежные мастеровые воры» [2].

Въ царствованіе Алексѣя Михайловича появился церковный расколъ. Еще предшественникъ Патріарха Никона, Патріархъ Іосифъ вмѣстѣ съ царскимъ духовникомъ Стефаномъ Вонифатьевымъ хлопотали объ обновленіи церкви, о школѣ, о переводѣ и изданіи образовательныхъ книгъ. И для проведенія въ народную массу благопристойныхъ понятій и нравовъ Стефанъ вызвалъ изъ разныхъ угловъ Россіи популярныхъ проповѣдниковъ - священниковъ: Ивана Неронова изъ Нижняго, Даніила изъ Костромы, Логгина изъ Мурома, Аввакума изъ Юрьевца и Лазаря изъ Романова-Борисоглѣбскаго [3].

---

[1]) С. Н. Введенскій. Извѣст. IV областн. съѣзда въ Костр., № 8, стр. 11.
[2]) Костр. Стар., вып. V, стр. 179.
[3]) Проф. В. Ключевскій. Курсъ всеобщ. истор., стр. 389.

Хотя въ этой же средѣ былъ и Никонъ, но, тѣмъ не менѣе, всѣ вышеупомянутые священники впослѣдствіи времени, при патріархѣ Никонѣ, сдѣлались ярыми приверженцами раскола.

Отсюда слѣдуетъ полагать, что въ Костромѣ и ея области протопопы Даніилъ Костромской и Аввакумъ Юрьевецкій были первыми насадителями раскола. Но извѣстенъ еще весьма интересный человѣкъ, потрудившійся въ насажденіи сектанства въ Костромскихъ предѣлахъ — это Капитонъ, который, по изслѣдованію преосв. Макарія, первый положилъ начало безпоповщинской сектѣ.

Капитонъ, крестьянинъ Даниловской слободы (нынѣ г. Даниловъ, Яросл. губ.), принявъ постриженіе, юношей, около 1630 года, основалъ въ Вологодской губ. Спасо-Преображенскую пустынь и въ 1633 году, «отошедъ недалече отъ села Даниловскаго въ мѣсто, нарицаемое Колясниково, тамо нача жити по образу пустынножителей». Строгая жизнь среди распущеннаго и сребролюбиваго духовенства того времени привлекла къ нему не мало поклонниковъ и послѣдователей. Молва о его подвигахъ дошла до царя Михаила Ѳеодоровича, который и пожаловалъ Капитону пустошь Колясниково, гдѣ онъ построилъ церковь Св. Троицы съ двумя придѣлами. Строитель «постомъ себя томилъ» и даже въ праздники Рождества Христова и Пасхи не разрѣшалъ своимъ ученикамъ сыръ, масло и рыбу, христосовался крашеными луковицами. Вериги на себѣ носилъ каменныя, вѣсу въ 3 пуда, «петля ему бѣ поясъ, а крюкъ въ потолкѣ, и оба желѣзны, и то ему постеля: прицѣпя крюкъ въ петлю, повисаше спати». Таковы были и ученики Капитона. Первое отступленіе Капитона отъ церковнаго устава было: «онъ и въ субботу разсудилъ по жидовски поститися». Онъ много возмнилъ о себѣ и началъ презирать духовный санъ, и внушалъ своимъ послѣдователямъ отстраняться отъ пастырей церкви и чуждаться единенія съ церковью. Капитонъ жилъ болѣе ста лѣтъ, укрывался отъ преслѣдованія церковныхъ властей и распространялъ свое ученіе преимущественно въ Костромскомъ и Кинешемскомъ уѣздахъ [1]).

Развитіе раскола, бунты казаковъ на Дону, Степана Разина на

---

[1]) Титовъ. Колясниковскій синодикъ, стр. 3—7.

Волгѣ и масса другихъ неурядицъ положительно раздирали государство. То же самое продолжалось и при преемникѣ Алексѣя Михайловича — Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, когда ко всему вышеупомянутому присоединилась еще семейная вражда и интриги между многочисленными родственниками Царя.

Очевидно было, что при старыхъ порядкахъ оставаться не было уже возможности. Сознаніе кутьтурной отсталости и нравственной и умственной несостоятельности, говоритъ Е. А. Бѣловъ, проявлялось во всѣхъ сферахъ жизни. Народъ живой и окрѣпшій, по словамъ С. М. Соловьева, рвался изъ пеленокъ. Государство требовало обновленія.

Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, даровитый и весьма образованный по тому времени, но все время болѣвшій, сознавалъ, въ чемъ должно быть произведено обновленіе. Онъ уничтожилъ мѣстничество и, при содѣйствіи патріарха Іоакима, учредилъ около 1680 года греческую школу, въ которой обучалось до 40 мальчиковъ, и думалъ ее увеличить, вызывая «искусныхъ мужей», но, къ несчастію, вскорѣ умеръ. И когда такіе «искусные мужи», братья Іоанникій и Софроній Лихуды прибыли въ Москву, то ихъ оклеветали и въ 1690 году сослали въ заточеніе въ Костромской Ипатіевскій монастырь [1]).

По свидѣтельству лѣтописи Макарьевскаго Унженскаго монастыря, Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ, какъ его отецъ и дѣдъ, имѣлъ глубокое почтеніе къ обители преподобнаго Макарія. Онъ обновилъ и украсилъ чудотворную икону преподобнаго Макарія, лежавшую поверхъ гроба, для каковой цѣли икона была отправлена въ Москву, откуда возвращена съ торжественнымъ пѣніемъ, при участіи въ церковномъ хорѣ самого Царя. Лѣтописецъ прибавляетъ, что Царь Ѳеодоръ Алексѣевичъ имѣлъ намѣреніе посѣтить обитель преподобнаго Макарія, но вскорѣ умеръ [2]). Въ 1682 году, во время стрѣлецкаго бунта, пострадалъ Костромской помѣщикъ, комнатный стольникъ, Иванъ Богдановичъ Сумароковъ. Въ это же время, уби-

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 106.

[2]) Костр. Губ. Вѣд., 1882 г., стр. 66.

тый въ царскихъ чертогахъ, въ мастерскихъ сѣняхъ, стольникъ Ѳеодоръ Петровичъ Салтыковъ, похороненъ въ Костромскомъ Богоявленскомъ монастырѣ [1]).

При правительницѣ Софьѣ Алексѣевнѣ положеніе вещей еще болѣе ухудшилось, но, къ счастью для Россіи, въ эту трудную пору ея жизни во главѣ Государства сталъ геніальнѣйшій *Царь Петръ Алексѣевичъ*, человѣкъ съ могучей силой воли и съ желѣзнымъ характеромъ. Судьба, наградивъ его всѣми дарами своими, какъ бы нарочно приготовляла его для того, чтобы онъ свомъ геніемъ быстро обновилъ Россію, сблизивъ ее съ Европой. Царь понималъ, что для сближенія съ Европой нужно было вывести Россію изъ замкнутости, дать ей выходъ въ море. Онъ ясно видѣлъ, что Москва, исполнивъ предначертанную ей исторіей роль, должна была уступить свое политическое и административное первенство новому центру, выдвинутому новыми культурными запросами жизни. Такимъ новымъ центромъ по волѣ Петра явился С.-Петербургъ.

Конечно, историческое развитіе каждаго народа происходитъ постепенно, по извѣстнымъ законамъ, независимо отъ отдѣльныхъ личностей, но эти отдѣльныя личности, благодаря своимъ геніальнымъ способностямъ, умѣютъ понять духъ времени, воплощаютъ въ себѣ всѣ нужды, всѣ желанія, всѣ, зачастую безсознательныя, стремленія своего народа, ищущаго извѣстнаго выхода.

Если еще въ 1628 году въ г. Костромѣ, въ самомъ Кремлѣ, нѣкоторые дворы принадлежали иностранцамъ—фонъ Менгдену, Гольбергу, Ѳельмиру, Зенгеру, Мецтену, что было навѣрное не въ одной только Костромѣ, то нужно признать за фактъ, что сближеніе русскихъ съ иностранцами началось далеко ранѣе эпохи Петра Великаго, но его громадная заслуга и заключалась въ томъ, что онъ понялъ это инстинктивное стремленіе своего народа и своимъ личнымъ примѣромъ показалъ, какъ и чему нужно учиться у иностранцевъ, и тѣмъ быстрѣе и успѣшнѣе подвинулъ Россію на путь цивилизаціи.

Обновленіе Россіи Петромъ началось вскорѣ послѣ его воца-

[1]) Кн. Козловскій, стр. 105.

ренія. Налогъ на бороды, введеніе новаго платья, перемѣна съ 1700 года лѣтосчисленія, запрещеніе писаться уменьшительными именами [1]) и т. под. нововведенія быстро слѣдовали другъ за другомъ и, конечно, вызывали естественную реакцію въ различныхъ городахъ государства. Къ сожалѣнію, въ настоящее время нѣтъ возможности, за неимѣніемъ данныхъ, изобразить, какъ относились костромичи къ новымъ мѣропріятіямъ, проводимымъ въ Москвѣ, но, судя по тому, что Кострома съ ея окрестностями издавна принадлежала къ раскольничьимъ мѣстностямъ, нужно полагать, что реакція была здѣсь очень *неблагопріятна всякимъ новшествамъ*. Но какое бы противодѣйствіе ни оказывалось реформамъ Царя, прогрессивное движеніе продолжало расти и скоро коснулось даже отдаленныхъ областей Россіи.

Въ 1708 году Россія раздѣлена была на 8 губерній, при чемъ Костромской край вошелъ въ составъ губерній: Московской, Архангелогородской и Казанской [2]). Въ 1719 году Россія была раздѣлена на 11 губерній, а каждая губернія подраздѣлена была на провинціи. Кострома тогда сдѣлалась провинціальнымъ городомъ Московской губерніи и къ ней приписаны были города Судиславль, Любимъ, Буй и Кадый съ ихъ уѣздами.

Въ 1721 году Императоръ Петръ Великій, указомъ отъ 11 февраля, повелѣлъ съ Костромской области собрать съ каждаго двора по два четверика ржи для магазиновъ, учрежденныхъ на Бѣлоозерской, Батошинской и Крохинской пристаняхъ [3]). Въ 1722 году на счетъ казны приказано было завести въ Костромѣ цифирную школу [4]).

28 января 1725 года скончался великій Императоръ и по его смерти вступила на престолъ супруга его *Екатерина*, которая царствовала только два года. По ея указу, отъ 6 августа 1726 г., повелѣно было въ г. Костромѣ построить квартиры для помѣщенія

---

[1]) Менѣе низости, говорилъ Петръ по этому случаю, и болѣе усердія къ службѣ и вѣрности ко мнѣ и государству.

[2]) Козловскій, стр. 106; Памятная книжка Костром. губерніи за 1862 г., стр. 240.

[3]) Кн. Козловскій, стр. 106.

[4]) Н. Андрониковъ. Записки о семинаріи и гимназіи, стр. 2; Памятная книжка Костром. губ. 1862 г., стр. 243.

пѣхотнаго Троицкаго и гарнизоннаго Уфимскаго полковъ. Эти квартиры вскорѣ были построены для Троицкаго полка на берегу Волги, нѣсколько выше Татарской слободы, а для Уфимскаго полка на рѣкѣ Костромѣ, противъ Ипатіевскаго монастыря [1]). Въ 1726 г., когда въ Костромѣ воеводою былъ полковникъ Любимъ Андреевичъ Грибоѣдовъ, по Высочайшему повелѣнію былъ командированъ въ Кострому «съ полною мочью», какъ значилось въ указѣ, для обревизованіи воеводской канцеляріи сенаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ, графъ Андрей Автамоновичъ Матвѣевъ [2]). Въ томъ же году государственной военной коллегіей чрезъ воеводскую канцелярію истребованы были въ Москву костромскіе каменьщики и кирпичники для постройки цейгауза [3]).

По смерти Екатерины I, въ 1727 году, на престолъ вступилъ двѣнадцатилѣтній сынъ царевича Алексѣя Петровича—Петръ II. Въ его царствованіе Костромскимъ воеводой былъ полковникъ Иванъ Дмитріевичъ Кольчугинъ, который по Императорскому указу ввелъ продажу табаку и картъ въ пользу казны, на канцелярскіе расходы воеводской канцеляріи. По смерти Императора Петра II отъ оспы, въ началѣ 1730 года вступила на престолъ дочь Царя Іоанна Алексѣевича—*Анна Іоанновна.*

Во время ея царствованія, именно въ 1735 году, въ Костромской области былъ голодъ и по этому случаю воеводѣ Никифору Васильевичу Кольчугину поручено было купить хлѣба на 477 руб. 60 коп. для раздачи бѣднымъ города одной трети даромъ и двухъ третей заимообразно. Въ теченіи 1737 и 1738 годовъ по указу военной коллегіи костромской воевода маіоръ Илларіонъ Григорьевичъ Воронцовъ заготовлялъ лошадей для драгунскихъ полковъ съ зачетомъ суммъ въ подушную подать, причемъ съ 284 душъ бралась одна лошадь. Костромскими посадскими людьми поставлено было 8 лошадей.

Когда, по случаю предстоящей войны съ Турками, произведенъ былъ сборъ пѣшихъ ратниковъ, съ 143701 души народонаселенія

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 106; примѣчаніе 99, стр. 172.
[2]) Бантышъ-Каменскій. Словарь достопам. людей, ч. 3, стр. 290.
[3]) Памятная книжка Костромск. губерніи 1862 года, стр. 264.

Костромской провинціи собрано было 572 человѣка, изъ которыхъ 70 человѣкъ было отправлено въ Азовъ, на мѣсто военныхъ дѣйствій. Когда началась война съ Турками, въ Кострому были присланы 2 офицера и 76 рядовыхъ, причемъ офицеры получали въ сутки по 5 коп. каждый, а рядовые по 2 коп. и провіантъ для продовольствія. Во время Турецкой войны многіе плѣнные турки присланы были въ Кострому и содержались здѣсь до заключенія мира; знатные плѣнные жили въ Уфимскомъ полковомъ дворѣ, а остальные были размѣщены въ городѣ по квартирамъ. [1]).

Послѣ смерти Анны Іоанновны и кратковременнаго царствованія малолѣтняго Іоанна VI, подъ регенствомъ сначала Бирона, а затѣмъ принцессы Анны Леопольдовны, на престолъ вступила дочь Петра Великаго *Елизавета Петровна*.

Согласно завѣтамъ своего отца, Елизавета Петровна старалась улучшить государственный механизмъ Россіи во всѣхъ отношеніяхъ. Такъ, введенъ былъ правильный ежегодный рекрутскій наборъ, основаны два банка—дворянскій и купеческій и улучшено судопроизводство и администрація, что было совершенно необходимо, такъ какъ дороги, деревни и города, были переполнены разбойниками и бродягами, вслѣдствіе постоянныхъ побѣговъ помѣщичьихъ и монастырскихъ людей. Для борьбы съ разбойниками и грабителями въ 1744 году, при Костромскомъ воеводѣ Иванѣ Александровичѣ Нащокинѣ, учреждена была «комиссія для поимки и искорененія воровъ и разбойниковъ», подъ начальствомъ полковника Левина съ командою изъ 57 драгунъ, а послѣ него подъ начальствомъ премьеръ-маіора Васькова, на коего кромѣ того возложено было отысканіе грабителей по рѣкѣ Волгѣ отъ Твери до Кинешмы. [2]).

Въ томъ-же 1744 году учреждена въ г. Костромѣ епархія и первымъ епископомъ костромскимъ былъ рукоположенъ въ С.-Петербургѣ, въ присутствіи Государыни Елизаветы Петровны, 31 марта 1745 года, Симонъ Тодорскій, архимандритъ костромского Ипатіев-

[1]) Кн. Козловскій, стр. 106.
[2]) Памятная книжка Костр. губ. 1862 года, стр. 240–244.

скаго монастыря. Симонъ Тодорскій былъ весьма образованный и ученый человѣкъ, получившій образованіе въ двухъ заграничныхъ университетахъ Галльскомъ и Іенскомъ и хорошо знавшій языки нѣмецкій, латинскій, греческій, еврейскій, сирскій, арабскій, и халдейскій. Епископъ Симонъ, собственно говоря, не былъ въ Костромѣ и всѣ свои распоряженія по епархіи присылалъ въ консисторію. 18 августа того-же года онъ былъ переведенъ въ Псковъ, а впослѣдствіи уже въ званіи архіепископа, былъ назначенъ законоучителемъ Государыни Императрицы Екатерины II. [1]). Вмѣсто Симона Тодорскаго въ Кострому былъ рукоположенъ въ епископы изъ архимандритовъ кіевскаго Богоявленскаго монастыря знаменитый богословъ и проповѣдникъ, лично извѣстный Императрицѣ Елизаветѣ Петровнѣ, Сильвестръ Кулябка, при которомъ, въ концѣ 1747 года, была основана въ Костромѣ церковническая или епаршая школа для образованія юношества изъ духовнаго званія, современемъ получившая названіе Духовной Семинаріи. [2]).

Въ 1746 году изъ придворной интенданской конторы присланъ былъ въ Кострому подпоручикъ Скрипицынъ для набора костромскихъ каменьщиковъ и штукатуровъ и для заключенія съ ними договоровъ о разныхъ каменныхъ постройкахъ въ Петербургѣ. [3]). Въ число ихъ попалъ и знаменитый костромской печникъ и штукатуръ Андрей Ивановъ Хлѣбниковъ. [4]).

Въ царствованіе Елизаветы Петровны, именно къ концу первой половины XVIII ст., городъ Кострома начинаетъ становиться крупнымъ фабрично-промышленнымъ центромъ. Первую полотняную фабрику въ городѣ на 500 станковъ завелъ купецъ Иванъ Дмитріевичъ Угличаниновъ и получилъ привиллегію. Вслѣдъ за нимъ построили значительныя фабрики: Иванъ Пименовъ Стригалевъ, Семенъ Ивановъ Ашастинъ и Дмитрій Ѳедоровъ Волковъ, дѣдъ знаменитаго основателя русскаго театра, Ѳеодора Григорьевича Волкова.

---

[1]) Козловскій, стр. 107, примѣч., стр. 173; Памятн. кн. Костр. губ. 1862 г., стр. 248; Прот. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 120.

[2]) Островскій, стр. 118—122; Н. Андрониковъ. Истор. записки о духовн. семинар., стр. 1—4.

[3]) Памятн. кн. Костр. губ. 1862 г., стр. 264.

[4]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1847 года, № 20.

На этихъ фабрикахъ работали равендуки, фламскія полотна, коломенки и отправляли эти издѣлія въ Петербургъ и черезъ Архангельскъ въ Голландію и Англію [1]).

Благодаря развитію фабричной промышленности, городъ сталъ принимать болѣе благоустроенный видъ. За это время были построены пять каменныхъ приходскихъ церквей, каменный домъ для присутственныхъ мѣстъ (домъ нынѣшней думы), соляной магазинъ [2]), и каменные дома купцовъ Угличанинова, Стригалева, Волкова, Ашастина, Пыпина, Соколова, Бородавкина и Панова.

Въ 1751 году въ Кострому присланъ былъ для квартированія Пермскій пѣхотный полкъ, но скоро былъ выведенъ въ хлѣбныя мѣста, такъ какъ въ этомъ году по всей Костромской губерніи былъ большой неурожай хлѣбовъ [3]).

Важнымъ мѣропріятіемъ Императрицы Елизаветы Петровны была отмѣна смертной казни. Послѣдняя казнь въ городѣ Костромѣ была совершена надъ знаменитой костромской свахой Лузихой.

Болѣе полутораста лѣтъ прошло съ тѣхъ поръ, но въ памяти Костромичей до сихъ поръ живетъ преданіе объ этой казни и до сихъ поръ съ подробностями переходитъ изъ поколѣнія въ поколѣніе.

Интересенъ поводъ, по которому сваха Лузиха была присуждена къ смертной казни. Въ Костромѣ въ то время жилъ богатый купецъ Барышниковъ, который торговалъ краснымъ товаромъ. Жилъ онъ около Мѣднаго пруда со своей тещей и дочерью Настей, рожденіе которой было причиною смерти его супруги. Для того, чтобы нескучно было Настѣ рости одной, отецъ ея взялъ сиротку дѣвочку, которую и воспитывалъ вмѣстѣ съ своею дочерью. Барышниковъ былъ человѣкъ добрый, честный, отзывчивый на все хорошее и, имѣя большіе достатки, много помогалъ бѣднымъ, въ противоположность тещѣ, которая была сердита, сварлива и скупа. Въ 18 лѣтъ Настя сдѣлалась красавицей, а при богатствѣ отца и завидной невѣстой. Сваха Лузиха, славившаяся своимъ ремесломъ по всей Ко-

---

[1]) Кн. Козловскій, примѣч. стр. 173; Штукенбергъ. Статистическіе труды, 1858 г., стр. 17.

[2]) На этомъ мѣстѣ въ настоящее время находится домъ Губернскихъ Присутственныхъ мѣстъ.

[3]) Изъ записокъ В. А. Нащокина, Козловскій стр. 107.

стромѣ, уже приходила съ предложеніемъ различныхъ жениховъ. Но Настя давно уже полюбила сына костромского рыбака, красавца Гришу. Но онъ былъ бѣденъ и не имѣлъ никакой надежды на то, чтобы за него отдали Настю. Между тѣмъ Лузиха сватала ей очень богатаго, пожилого и некрасиваго купца Живчикова. Однажды Барышниковъ сдѣлалъ новоселье въ день именинъ своей дочери, на которомъ было много гостей, и пиръ вышелъ на славу, такъ какъ угощали гостей даже чаемъ, въ то время только что начавшимъ входить въ употребленіе и поэтому слишкомъ дорогимъ. На самомъ пиру теща Барышникова поссорилась съ Лузихой и выгнала ее. Вслѣдствіе этого Лузиха поклялась по гробъ жизни не забыть этой обиды и рано или поздно отомстить за нее. Вскорѣ она наружно примиралась съ Барышниковыми.

Узнавши, что Настя любитъ сына рыбака Гришу и что они видятся другъ съ другомъ въ старой избѣ Барышникова, она однажды привела его и тещу на мѣсто свиданія. Отецъ, считая себя опозореннымъ, тутъ же избилъ дочь свою и проклялъ ее, прогнавъ съ мѣста Гришу, который въ то время былъ у него отчетнымъ приказчикомъ по рыбной торговлѣ. Сдѣлавши такое дѣло, Лузиха не остановилась на этомъ. Съ одной стороны, она посовѣтовала, чтобы покрыть грѣхъ, отдать ее насильно за Живчикова, на что согласились отецъ и теща, а съ другойс тороны, обѣщала Настѣ, что она устроитъ ея замужество съ Гришей. Для этой цѣли Лузиха велѣла Настѣ собрать всѣ свои драгоцѣнныя вещи и явиться въ указанное Лузихой мѣсто, куда она приведетъ и Гришу, чтобъ они могли бѣжать. Настя повѣрила и явилась въ назначенный домъ, гдѣ Лузиха, забравъ всѣ драгоцѣнности, задушила ее подушкой, а затѣмъ извѣстила своего племянника, который занимался разбоемъ и грабежами въ Костромѣ и ея окрестностяхъ, чтобы онъ скрылъ куда нибудь тѣло Насти. Разбойникъ завернулъ трупъ въ рогожу и бросилъ его за городъ по большой дорогѣ.

Гриша, лишившійся отъ горя сна, бродя по окрестностямъ города, случайно замѣтилъ трупъ Насти и, узнавъ ее, лишился чувствъ. Тутъ онъ былъ найденъ проходящими и, подозрѣваемый въ ея убійствѣ, посаженъ былъ въ острогъ. Началось судебное слѣдствіе.

Г-жа Кобякова, со словъ очевидцевъ, разсказывая въ «Современникѣ» [1]) эту драму, пишетъ: «въ родительскомъ домѣ, на дубовомъ столѣ, лежитъ Настя, въ своемъ объяринномъ сарафанѣ; черная коса двумя волнами сбѣжала по плечамъ, обвитая алою лентой, въ уши были вдѣты жемчужныя серьги. На оттаявшихъ щечкахъ мертвой красавицы игралъ яркій румянецъ, словно у живой, только на груди было большое багровое пятно, да лебединая шея распухла». Отецъ обезумѣлъ отъ горя. Масса народа не отходила отъ умершей. Всѣ ждали главнаго момента—слѣдствія. Дѣло въ томъ, что въ то время было обычаемъ приводить убійцу для прощанія съ убитой. Этимъ психическимъ моментомъ пользовались слѣдственные судьи дли того, чтобы выяснить, какое впечатлѣніе произведетъ этотъ моментъ свиданія. И нужно полагать, что въ прежнія, по крайней мѣрѣ, времена, этотъ моментъ приводилъ зачастую къ положительнымъ результатамъ. Солдаты съ ружьями, подъ начальствомъ воеводскаго писаря, привели закованнаго въ кандалы Григорія въ домъ покойницы. Весь народъ внимательно всматривался въ него и нетерпѣливо ожидалъ его признанія. Но Гриша тихо поцѣловалъ покойницу въ губы и проговорилъ: «а какъ мы любили другъ друга, такъ какъ же вы думаете, будто я убилъ ее». Послѣ того, какъ воеводскій писарь записалъ эти слова, Григорія увели снова въ острогъ. Лузиха также пришла проститься съ Настей и, подошедши, поцѣловала ее. Народное прощаніе разсказываетъ, что вмигъ лицо Насти покрылось румянцемъ, и струйка алой крови брызнула фонтаномъ изъ носу на бѣлую камчатную наметку убійцы. «Злодѣйка, убійца, душегубка»! раздалось со всѣхъ сторонъ, и Лузиха чистосердечно покаялась въ томъ, что она ограбила и задушила Настю. Послѣ этого Лузиху отправили въ судъ, гдѣ ее вторично допросили, заковали въ кандалы и посадили въ острогъ. Затѣмъ состоялся судъ и Лузиху приговорили къ повѣшенію. Въ назначенный для казни день ударили въ соборный колоколъ, и народъ толпами устремился къ Кремлю, гдѣ на валу, противъ острога,

[1]) Современникъ. Т. LXVIII. 1858 года.

устроена была висѣлица [1]. Скоро весь валъ и даже пересохшій около вала ровъ наполнился людьми. Наконецъ привели Лузиху и поставили ее на помостъ. Секретарь воеводской канцеляріи снялъ трехугольную шляпу, чему послѣдовали и всѣ окружающіе, и громкимъ голосомъ прочелъ приговоръ. Лузиха перекрестилась и, поклонившись на всѣ стороны, сказала: «простите вы меня, отцы и братія, и сестры, и сродницы. Помолитесь за упокой грѣшной моей души; мзду пріемлю по грѣхомъ моимъ; простите меня небо и свѣтила небесныя, и ты, мать сыра-земля! не было на тебѣ грѣшницы окаяннѣе меня и ты возопіяла къ Богу»! Палачъ ввелъ ее на лѣсенку, накинулъ петлю—и Лузиха закачалась въ воздухѣ.

Это была послѣдняя казнь въ Костромѣ, такъ какъ на другой день, въ соборѣ, при большомъ стеченіи народа, прочитанъ былъ указъ Императрицы Елизаветы Петровны объ отмѣнѣ смертной казни.

---

[1] Острогъ въ то время находился на Ильинской улицѣ за рвомъ. Это было большое деревянное зданіе, обнесенное вокругъ высокимъ заборомъ, изъ стоячихъ бревенъ, верхъ котораго былъ усаженъ большими желѣзными гвоздями остріемъ кверху. Въ заборѣ были пропилены узкія отверстія и, когда въ праздничный день или въ поминальныя родительскія субботы колодниковъ выпускали на дворъ, то въ эти отверстія подавались добрыми людьми арестантамъ деньги.

XII.

Императрица Екатерина II. Комиссія для сочиненія проекта новаго Уложенія. Путешествіе Екатерины II по Волгѣ. Приготовленіе г. Костромы къ пріему Государыни. Депутація для встрѣчи Государыни въ Ярославлѣ. Встрѣча Государыни въ Костромѣ. Пожалованіе городу Костромѣ герба.

Послѣ кратковременнаго царствованія Императора Петра III, на престолъ вступила супруга его *Екатерина II.*

Первой ея заботой было улучшить законодательство, для каковой цѣли Государыня составила «комиссію для сочиненія проекта новаго уложенія». Эта комиссія представляла изъ себя нѣчто въ родѣ прежняго земскаго собора, такъ какъ депутаты ея, въ количествѣ 565 человѣкъ, были избраны баллотировкою по большинству голосовъ отъ сената, синода, всѣхъ коллегій, отъ каждаго города, отъ дворянства каждаго уѣзда, отъ государственныхъ крестьянъ, служилыхъ людей, инородцевъ и казацкихъ войскъ. Въ 1766 году въ Костромѣ происходили выборы въ означенную комиссію, причемъ избраны были отъ дворянства—Костромского уѣзда генералъ-поручикъ Александръ Ильичъ Бибиковъ и лейбъ-гвардіи капитанъ-поручикъ Иванъ Тимоѳеевичъ Одинцовъ; отъ города—купцы Кузьма Ивановичъ Угличаниновъ и Василій Ивановичъ Стригалевъ. Для наблюденія за исполненіемъ законовъ въ каждый провинціальный городъ назначенъ былъ комиссіонеръ-прокуроръ. Первымъ Костромскимъ прокуроромъ былъ Иванъ Ивановичъ Вердеревскій [1]).

Комиссія для сочиненія новаго уложенія начала звои занятія 30 іюня 1767 года въ Москвѣ, въ Грановитой Палатѣ. Изъ трехъ представленныхъ кандидатовъ въ маршалы этой комиссіи былъ

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 108.

утвержденъ Государыней костромской депутатъ Александръ Ильичъ Бибиковъ. Императрица собственноручно положила такую резолюцію: «какъ графъ Орловъ Насъ просилъ о увольненіи, а графъ Чернышовъ обязанъ многими дѣлами, то быть предводителемъ костромскому депутату Александру Бибикову». Кромѣ того въ комиссіи засѣдалъ еще костромичъ, генералъ-прокуроръ А. А. Вяземскій [1]).

Интересно, между прочимъ, что въ этой комиссіи поднятъ былъ вопросъ объ уничтоженіи крѣпостного права, чему весьма сочувствовала Императрица.

Такъ какъ Императрица ясно видѣла, что внутреннее государственное устройство требовало коренныхъ преобразованій, то она и рѣшила посѣтить нѣкоторые города, чтобы лично вникнуть въ нужды Государства. Маршрутъ царскаго путешествія составленъ былъ на Новгородъ, Москву, Тверь и далѣе по рѣкѣ Волгѣ до Казани, причемъ для переѣзда Государыни сухимъ путемъ съ костромского яма (Ямской слободы) назначено было поставить на станцію Новгородъ 75 лошадей. Флотилія, приготовленная для Государыни въ Твери, состояла изъ 11 судовъ:

1. Царская Галера *Тверь* съ судовой командой, состоявшей изъ одного штабъ-офицера, 3 оберъ-офицеровъ, 14 унтеръ-офицеровъ и 19 рядовыхъ. На галерѣ находились: Императрица, генералъ-поручикъ, членъ государственной адмиралтейской коллегіи графъ Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ и капитанъ 1-го ранга Петръ Пущинъ.

2. Галера *Волга* съ командой—изъ одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, 7 унтеръ-офицеровъ и 14 рядовыхъ. На ней были: генералъ-поручикъ Бибиковъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Волковъ и капитанъ Лаврентій Лушандинъ.

3. Галера *Ярославль* съ командой—изъ одного штабъ-офицера, одного оберъ-офицера, 10 унтеръ-офицеровъ и 128 рядовыхъ. На ней были: графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, камергеръ Будлянскій, генералъ-полиціймейстеръ Чичеринъ, камеръ-юнкеръ Всеволожскій, лейбъ-хирургъ Рейсленъ, полковникъ князь Долгорукій и капитанъ-лейтенантъ Нѣмчиновъ.

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 108.

4. Галера *Казань* съ командой—изъ одного штабъ-офицера, двухъ оберъ-офицеровъ, 6 унтеръ-офицеровъ и 137 рядовыхъ. На ней были гофмаршалъ Орловъ, лейбъ-докторъ Гюнгіосъ и капитанъ-лейтенантъ Палибинъ.

Кромѣ того: галера *Угличъ*, галера *Кострома*, экипажное судно *Симбирскъ*, госпиталь *Ржевъ-Владиміръ*, провіантское судно *Новгородъ* и суда *Лама* и *Савостьяновка* [1]).

Кромѣ того, государыню сопровождали министры иностранныхъ дворовъ: австрійскаго—князь Лобковичъ, прусскаго—графъ Сольмсъ, испанскаго—Виконтъ-Де-ля-Герерхъ, датскаго—Ассебургъ и шведскаго—баронъ Рибингъ [2]).

Какъ только стало извѣстно о путешествіи Государыни, городъ сталъ приготовляться къ принятію Высокой Путешественницы. Отдѣланъ былъ воеводскій домъ, находившійся въ кремлѣ, сдѣланы приспособленія къ иллюминаціи и воздвигнута была при въѣздѣ въ городъ тріумфальная арка. Сохранилось довольно подробное описаніе этой интересной арки, заслуживающей вниманія по идеѣ, какой старались достигнуть устроители ея.

При въѣздѣ въ ворота на верхней главной картинѣ изображена была Ея Императорское Величество, въ образѣ богини Цереры, везомая двумя львами и держащая въ правой рукѣ возжи, а въ лѣвой сплетенный изъ лавровъ вѣнецъ; надъ нею летящая слава съ трубою, подъ которою хартія съ вензелемъ Ея Императорскаго Величества. Съ правой стороны, близъ колеса одноколки, представленъ городъ Кострома въ видѣ женщины въ длинной одеждѣ, съ распущенными по вѣтру волосами, имѣющей на головѣ зубчатый вѣнецъ. Эта женщина, припадши однимъ колѣномъ на землю, лѣвою рукою подаетъ сидящей въ колесницѣ горящее сердце, а правою указываетъ на упражненія и труды молодыхъ геніусовъ, изъ которыхъ одинъ вяжетъ хлѣбный колосъ, другой собираетъ земные плоды и кладетъ въ корзину, третій держитъ въ рукѣ

---

[1]) Кн. Козловскій, примѣч. стр. 186.

[2]) Свящ. Е. П. Вознесенскій. Воспоминаніе о путешествіяхъ Высочайшихъ особъ, стр. 31.

челнокъ и играетъ нитянымъ клубкомъ, а четвертый указываетъ на составленную имъ кипу, которая назначена къ отправленію въ путь. Внизу—сидящая женщина съ длинными волосами, у которой голова убрана широкими водяными листьями и которая держитъ весло въ правой рукѣ, облокотясь оною на урну; въ ногахъ у нея лежитъ рыба, чрезъ которую пробирающаяся изъ урны вода образуетъ Волгу; вдали видѣнъ пахарь, который отдыхаетъ, отложивъ отъ плуга свою лошадь.

2. Двѣ статуи, изображающія: 1) благочестіе и 2) милосердіе.

3. Два девиза: 1) курица, къ которой подбѣгаютъ со всѣхъ сторонъ цыплята, съ надписью: «Матерь свою познаваютъ»; 2) посреди цвѣтного поля пальмовое дерево, къ коему привѣшенъ щитъ съ Россійскимъ гербомъ; внизу, около комля дерева, лежатъ знаки наукъ и художествъ, и всякихъ полезныхъ промысловъ съ надписью: «Тако процвѣтутъ». На другой сторонѣ воротъ верхняя главная картина изображаетъ избраніе на престолъ Государя Царя Михаила Ѳеодоровича съ аллегорическимъ изображеніемъ избавленія Россіи отъ злоключеній; двѣ статуи: «Слава Имперіи» и «Надежда благополучныхъ временъ» и два девиза, изъ которыхъ первый изображаетъ площадь, кругомъ которой поставлены статуи Государей Россійскихъ изъ дома Романовыхъ; посреди площади сооруженъ высокій столпъ, на которомъ лежитъ императорская корона съ надписью: «Утвержденная на вѣки»; другой девизъ представляетъ солнце, восходящее въ полномъ сіяніи надъ частью земного шара, на которой изображены предѣлы Россійской Имперіи съ надписью: «Да будетъ свѣтъ, и бысть свѣтъ»[1]).

19 апрѣля 1737 года по повѣсткѣ, посланной предводителемъ дворянства гвардіи капитаномъ Одинцовымъ, собралась Костромская депутація, спеціально избранная для встрѣчи въ Ярославлѣ и сопровожденія до Костромы Государыни Императрицы и для всеподданнѣйшаго приглашенія ея удостоить городъ Кострому своимъ посѣщеніемъ. Депутація эта состояла изъ шести лицъ: надворнаго со-

---

[1]) Свящ. Е. П. Вознесенскій. Воспоминаніе о путешествіяхъ Высочайшихъ особъ стр. 40 и 41.

вѣтника Ивана Золотухина, премьеръ-маіора Родіона Зузина, отставного гвардіи поручика Василія Каблукова, отставного прапорщика Михаила Щепина и фабрикантовъ—Петра Угличанинова и Ѳеодора Ашастина. Предводитель и депутація, въ сопровожденіи комиссіонеръ-прокурора Вердеревскаго и множества народа, отправились въ Успенскій соборъ для испрошенія отъ Всевышняго помощи въ благополучномъ исполненіи возложеннаго на нихъ порученія и, по окончаніи молебствія, прибыли на богато убранную депутатскую лодку у волжской пристани, къ тому времени наполненной множествомъ собравшихся гражданъ Костромы. Въ честь отправляющихся депутатовъ съ пристани Ипатіевскаго монастыря сдѣланъ былъ залпъ изъ 13 пушекъ, а на депутатской лодкѣ поднятъ главный флагъ. При прощаніи съ депутатами предводителя дворянства и прокурора, съ депутатской лодки сдѣланъ былъ залпъ изъ 9 пушекъ.

Въ 7 часовъ по полудни Костромская депутація въ сопровожденіи множества лодокъ [1]), отправилась въ Ярославль и, отъѣхавъ 9 верстъ, расположилась ночевать. 30 апрѣля депутація прибыла къ Николо-Бабаевскому монастырю и совершивъ тамъ молебствіе, продолжала свой путь. Въ 7 часу вечера лодка остановилась у села Введенскаго, гдѣ находилась костромская граница. Здѣсь съ лодки сдѣлали залпъ изъ 5 пушекъ и выпустили 12 верхнихъ ракетъ въ знакъ окончанія границы своей родины, при чемъ множество народа изъ близь лежащихъ селеній собралось для встрѣчи депутаціи. 1 мая въ 12 часу по полудни депутація благополучно прибыла въ г. Ярославль.

По прибытіи въ Ярославль депутатъ Зузинъ, черезъ канцеляриста Якова Логинова, письменно увѣдомилъ графа Романа Илларіоновича Воронцова и князя Александра Алексѣевича Вяземскаго о прибытіи въ Ярославль костромской депутаціи. Съ 1-го до 9 мая депутація посѣщала храмы и обители г. Ярославля и каждодневно о всѣхъ своихъ дѣйствіяхъ писала въ Кострому предводителю дворянства Одинцову. 9 мая Императрица прибыла въ Ярославль, а въ 10 часовъ утра костромская депутація была представлена А. И.

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 173.

Бибиковымъ, пріѣхавшимъ изъ Москвы, гофмаршалу Григорію Никитичу Орлову и графу Григорію Григорьевичу Орлову, который при видѣ депутатовъ сказалъ: «очень хорошо, они мнѣ люди знакомые». Чрезъ часъ послѣ того костромская депутація гофъ-маршаломъ Орловымъ была предстявлена Государынѣ, причемъ депутатъ Золотухинъ, какъ старшій, сказалъ слѣдующее: «Всемилостивѣйшая Государыня! Вашему Императорскому Величеству костромское дворянство и все общество города приноситъ всеподданнѣйшее поздравленіе съ благополучнымъ прибытіемъ, и всенижайше Вашего Императорскаго Величечества просимъ вѣрноподданнѣйшіе рабы, обрадовать насъ Высокомонаршимъ своимъ присутствіемъ». На это привѣтствіе Государыня изволила объявить со Всемилостивѣйшимъ благоволеніемъ свое прибытіе и допустила къ рукѣ, которую депутаты цѣловали съ преклоненіемъ колѣна. Затѣмъ Государыня подошла къ маіору Зузину и спросила его: «какъ далеко отъ Ярославля до Костромы? водою или сухимъ путемъ пріѣхали? такъ-ли въ Костромѣ веселы мѣста, какъ въ Ярославлѣ?» Отвѣтивъ на всѣ эти вопросы, Зузинъ прибавилъ, что «дворянство и общество города со всерадостнѣйшими сердцами ожидаютъ Высокомонаршаго Вашего Императорскаго Величества матерняго присутствія», на что Государыня отвѣчала: «благодарна» и, обратясь къ генералитету, прибавила: «онъ мнѣ показался; вижу, что онъ добрый человѣкъ».

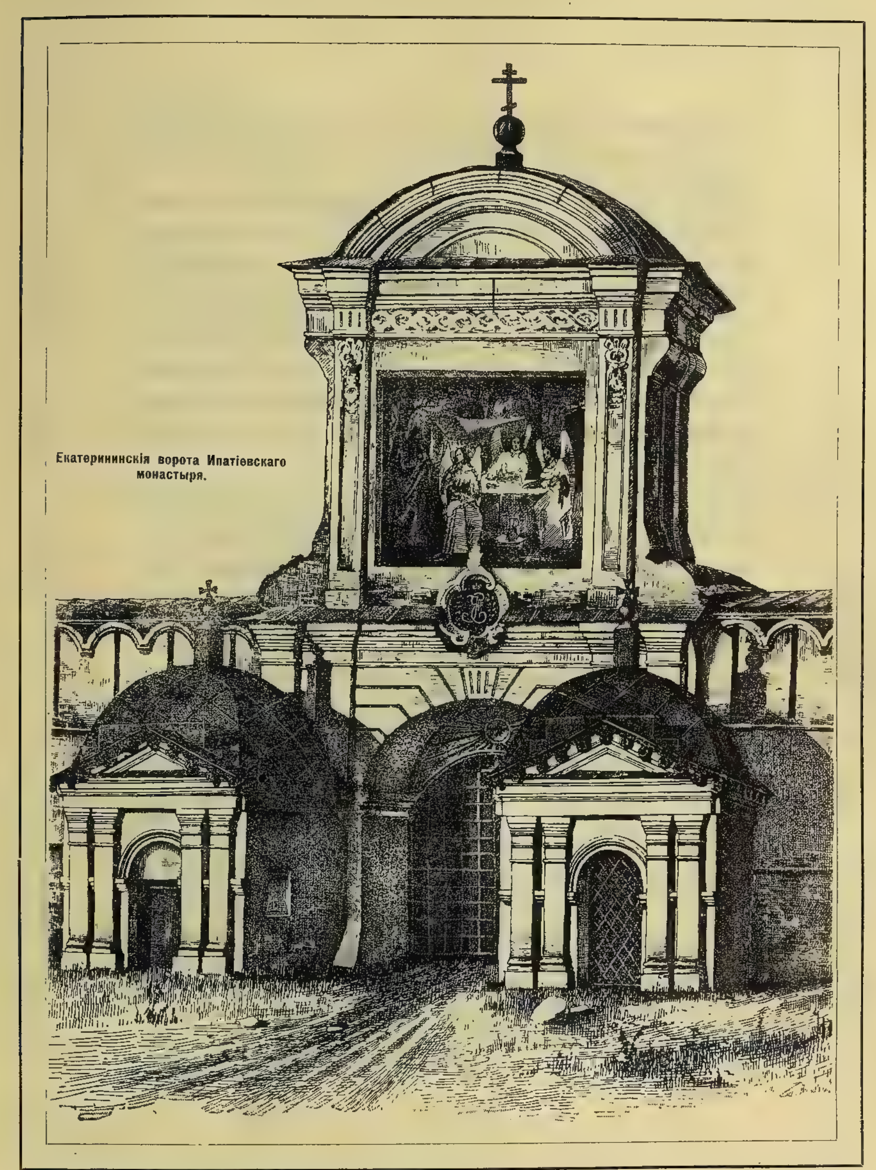
11 мая костромскіе депутаты были у графа Григорія Григорьевича Орлова и благодарили его за представленіе, при чемъ маіоръ Зузинъ просилъ графа о посѣщеніи и доложилъ ему, что они прибыли для встрѣчи и проводовъ Государыни отъ костромской границы до Костромы, на что графъ сказалъ, что онъ дастъ депутаціи знать о времени выѣзда Государыни и приказалъ депутатской лодкѣ идти передъ галерою Ея Величества. Въ тотъ же день депутатовъ посѣтили графъ Андрей Петровичъ Шуваловъ, Александръ Ильичъ Бибиковъ и многіе изъ лицъ генералитета. На слѣдующій день, т. е. 12 мая, бывши на обѣдѣ у ярославскихъ фабрикантовъ, Государыня, подошедши къ Зузину, снова его распрашивала: далеко ли онъ живетъ отъ Костромы, имѣетъ ли въ

въ городѣ домъ, похоже ли мѣстоположеніе Костромы на Ярославль и много ли дворянства въ Костромѣ? Отвѣтивъ на всѣ вопросы, Зузинъ прибавилъ, что въ ожиданіи Ея Величества въ городъ прибыло много дворянства съ намѣреніемъ видѣть Ея Величество, милосердную Матерь отечества. На это Государыня отвѣчала: «благодарна, буду».

Въ тотъ же день депутаты выѣхали изъ Ярославля къ своей границѣ, предварительно отправивъ письмо къ костромскому предводителю дворянства съ описаніемъ всего происходившаго.

14 мая, въ 8 часу утра, флотилія Ея Величества приблизилась къ предѣламъ костромской области, которые были обозначены флагами. Когда галера Ея Величества поровнялась съ флагами, то какъ на берегу, такъ и на депутатской лодкѣ флаги были спущены, народъ, собравшійся на берегахъ рѣки, громкимъ ура привѣтствовалъ Государыню, которая находилась у окна галеры, милостиво раскланиваясь съ народомъ. Изъ всѣхъ селеній на Волгѣ жители собирались толпами и привѣтствовали Государыню, крестьяне махали шапками, крестьянки платками, причты сельскихъ церквей выходили на берегъ и святою водою окропляли путь Ея Величества. За 8 верстъ до Костромы депутаты Золотухинъ и Зузинъ на малой лодкѣ подъѣхали къ галерѣ Ея Величества съ донесеніемъ гофмаршалу о домѣ, назначенномъ для Государыни. Когда депутаты были представлены Государынѣ, она сказала: «мнѣ жаль Васъ, вы такъ перемокли и сегодня весь день трудились на дождѣ», затѣмъ дала приказаніе депутатамъ ѣхать впередъ и дать знать о ея прибытіи.

Въ 7 часу вечера, 14 мая, пушечными выстрѣлами данъ былъ сигналъ собираться къ Ипатіевской пристани для встрѣчи Государыни; начался благовѣстъ въ Успенскомъ и Ипатіевскомъ соборахъ, и въ Богоявленскомъ монастырѣ. На пристани собрались преосвященный Дамаскинъ съ духовенствомъ, костромское дворянство, во главѣ съ предводителемъ, депутаты, купечество и масса народа. Въ 8 часовъ вечера прибыла Императрица въ Кострому. При вступленіи флотиліи въ устье рѣки Костромы, съ кремлевскаго вала сдѣланъ былъ 31 выстрѣлъ, въ Ипатіевскомъ монастырѣ



Екатерининскія ворота Ипатіевскаго монастыря.

также сдѣланъ былъ залпъ изъ 37 пушекъ, начался колокольный звонъ во всѣхъ церквахъ города, и кликами ура народъ привѣтствовалъ свою Государыню.

Царская галера Тверь стала на якорь посреди рѣки противъ пристани, куда съ поздравленіемъ о благополучномъ прибытіи явились генералъ Александръ Ильичъ Бибиковъ и костромской губернскій предводитель дворянства, которые и были приглашены къ Высочайшему ужину, а всѣмъ остальнымъ повелѣно было на слѣдующее утро собраться для торжественной встрѣчи Государыни.

15 мая, въ 7 часовъ утра, преосвященный Дамаскинъ съ духовенствомъ, въ сопровожденіи генералитета, предводителя, депутатовъ, дворянства всей губерніи, купечества и массы народа собрались въ указанныя мѣста для встрѣчи Государыни. Царскій путь въ Ипатіевскую обитель окруженъ былъ съ правой стороны множествомъ женъ и дѣвицъ дворянскаго и купеческаго сословій, съ лѣвой дворянами и купцами.

Въ 9 часовъ утра, при колокольномъ звонѣ церквей всего города, пушечной пальбѣ и непрерывныхъ народныхъ кликахъ, Государыня взошла въ приготовленную шлюбку, при выходѣ изъ которой преосвященный Дамаскинъ привѣтствовалъ Ее рѣчью, заканчивавшейся такими словами: «вниди, Государыня, въ древнюю обитель своего предка и обнови ее твоимъ присутствіемъ. Прими отчину древняго князя Василія Ярославича и съ ней градъ сей и страну подъ Твое Монаршее покровительство и матернее милосердіе, да и мы, какъ израильтяне о Давидѣ, прославляемъ о Тебѣ навсегда Божіе величество». Прослушавъ рѣчь и приложившись ко кресту, Государыня прослѣдовала въ Троицкій соборный храмъ чрезъ нынѣшнія сѣверныя ворота, гдѣ, приложившись къ св. иконамъ, встала на царское мѣсто, присланное царемъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ, и слушала божественную литургію. Послѣ литургіи Государыня со свитою посѣтила преосвященнаго, гдѣ привѣтствовалъ Ее рѣчью генералъ-поручикъ Бибиковъ. Затѣмъ было допущено къ рукѣ Императрицы все костромское дворянство и костромской воевода Малыгинъ. Четверо изъ воспитанниковъ Костромской духовной семинаріи привѣтствовали Государыню рѣчами на греческомъ, латин-

скомъ, еврейскомъ и русскомъ языкахъ. Преосвященный поднесъ образъ и на тафтѣ богословскія сочиненія.

Во время обѣденнаго стола подлѣ Государыни стояли двѣ дѣвицы—Надежда Золотухина и Елизавета Борщова; для принятія со стола тарелокъ находились: Николай Овцынъ, Павелъ Шиповъ и Александръ Зузинъ; подавали кушанье—подполковникъ Скрипицынъ и двадцать человѣкъ дворянъ. Передъ столомъ Ея Величества находились для услугъ: генералъ Бибиковъ, предводитель, два депутата и дамы—Прасковья Одинцова, Анна Золотухина, Анна Зузина, Анна Протопопова, Екатерина Овцына и Анна Арцыбашева. Послѣ перемѣны кушанья генералъ Бибиковъ и предводитель, наливъ бокалы бургундскаго вина и вставъ на колѣни, пили за здоровье Государыни, а депутаты подносили вино свитѣ Ея Величества. Когда обнесли всѣхъ виномъ, генералъ Бибиковъ поднесъ Ея Величеству бокалъ съ крышкою, который Государыня, принявъ, пила за здоровье костромского дворянства, чему послѣдовали иностранные министры и вся свита. Дворянство же, взявъ бокалы и вставъ на колѣни, благодарили за высочайшую Ея Величества милость. Вышедши послѣ обѣда въ залъ, Императрица объявила, что жалуетъ городу Костромѣ гербъ, котораго до сихъ поръ городъ не имѣлъ.



Гербъ города Костромы.

Изображеніе герба города Костромы найдено въ архивѣ Костромского Городского Общественнаго Управленія. Изображеніе написано масляными красками. Подъ изображеніемъ герба сохранилась подпись, что гербъ нарисованъ натуральными цвѣтами и сочиненъ во время путешествія Императрицы въ 1767 году.

Нужно полагать, что ладья, изображенная на гербѣ, есть точная копія галеры «Тверь», на которой совершала путешествіе по Волгѣ Императрица.

XIII.

Торжественное шествіе Императрицы Екатерины Великой въ Успенскій соборъ и рѣчь преосвященнаго. Отъѣздъ изъ Костромы. Письмо Императрицы къ графу Панину. Чума и пожаръ въ Костромѣ. Подготовительныя военныя мѣропріятія по случаю появленія на низовьяхъ Волги Емельяна Пугачева. Торжества въ Костромѣ по случаю заключенія мира между Россіей и Турціей.

Въ 4 часа пополудни Императрица со всею блестящею свитою, при пушечной пальбѣ со стѣнъ Ипатіевскаго монастыря, съ флотиліи и съ кремлевскаго вала, при колокольномъ звонѣ церквей всего города, отправилась на богато убранной шлюпкѣ черезъ рѣку Кострому до городской пристани, отъ которой до Успенскаго собора продолжала путь въ каретѣ, запряженной восемью вороными лошадями. Ей предшествовали: четыре человѣка купцовъ верхомъ, въ русскомъ платьѣ, а за ними четыре же въ нѣмецкомъ платьѣ; далѣе, подъ предводительствомъ коллежскаго совѣтника Нелидова, на богато убранныхъ лошадяхъ верхами ѣхали по четыре человѣка въ рядъ: подполковникъ Скрипицынъ, маіоръ Одинцовъ, маіоръ Кернкорсъ, маіоръ Николай Сумароковъ; поручики Павелъ Шиповъ и Александръ Зузинъ; подпоручики Андрей Сумароковъ и Николай Бородавкинъ; прокуроръ Вердеревскій и товарищъ воеводы Бардаковъ. Подлѣ кареты ѣхалъ предводитель дворянства, а за нимъ офицеры Каблуковъ и Супоневъ въ гвардейскихъ мундирахъ. Въ каретѣ съ Государыней сидѣли двѣ фрейлины. Весь штатъ ѣхалъ въ трехъ таратайкахъ и шести каретахъ. По прибытіи къ спеціально выстроеннымъ тріумфальнымъ воротамъ, гдѣ играли на трубахъ и литаврахъ, генералъ Бибиковъ поднесъ Ея Величеству планъ этихъ воротъ. Около Святыхъ вратъ собора Государыню встрѣтилъ преосвященный съ городскимъ духовенствомъ и чудотворною ико-

ною Θеодоровской Богоматери и сказалъ привѣтственную рѣчь, закончивъ ее такими словами: «вниди, молю, вниди въ градъ сей, вниди путемъ, имъ же, пріемъ скипетръ Всероссійскаго царства, шествовалъ достохвальный прадѣдъ твой Михаилъ Θеодоровичъ. Сей путь не столько ваіями, сколько доброхотствами украшенъ; се врата, се храмъ Богоматери, се и сердца наша—имѣемъ отверста». Послѣ привѣтствія епископа, Императрица, войдя въ соборъ, приложилась къ св. иконамъ и послѣ краткаго молебствія слушала многолѣтіе. На обратномъ пути изъ собора маленькія дочери дворянъ Глафира и Кира Нелидовы, Анна и Елизавета Иваницкія, Александра Карцева, Юдина, Анна и Екатерина Бардаковы, Татьяна Буракова и Марія Князева, въ бѣлыхъ кисейныхъ платьяхъ съ зелеными перевязями и гирляндами черезъ плечи, на коихъ висѣли корзины съ цвѣтами, съ вѣнками на головахъ, поставленныя съ обѣихъ сторонъ входа по ступенямъ соборной лѣстницы, усыпали путь Государыни цвѣтами; причемъ дѣвочка Глафира Нелидова сказала слѣдующее привѣтствіе: «Всемилостивѣйшая Государыня! духъ мой и сердца всѣхъ, видя свою Монархиню, отъ радости горятъ. Вѣнокъ сей въ знакъ благодарности всенижайше отъ малыхъ дѣтей просимъ принять». Принявъ вѣнокъ, Государыня перецѣловала всѣхъ дѣвочекъ и отправилась въ домъ костромского воеводы Степана Гавриловича Малыгина, гдѣ были представлены Ея Величеству костромскіе фабриканты, костромской магистратъ, купечество городовъ Костромы, Ярославля и Нерехты, прокуроръ Вердеревскій и костромскіе татары съ женами; присемъ костромскими фабрикантами поднесены были полотна и платки, разсматривая которыя, Государыня хвалила ихъ доброту. Изъ воеводскаго дома Ея Величество возвратилась въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ Бибиковъ, предводитель дворянства и депутаты приглашены были къ царскому ужину, послѣ котораго, допустивъ всѣхъ къ рукѣ, сказала: «я очень довольна; объявите отъ меня всему Костромскому дворянству обоего пола благодарность».

Въ 12 часовъ ночи Государыня отправилась на галеру. Передъ отбытіемъ изъ Ипатіевскаго монастыря, Государыня пожаловала 3000 рублей Ипатіевскому монастырю на благоукрашеніе и ремонтъ

въ немъ. Весь городъ и берега рѣки Костромы были иллюминованы всю ночь.

16 мая, въ 7 часу утра, при пушечной пальбѣ съ пристани Ипатіевскаго монастыря, галеры, снявшись съ якорей, отправились въ дальнѣйшее путешествіе, а управляющій флотиліею Иванъ Григорьевичъ Чернышовъ съ иностранными послами отправился въ Москву сухимъ путемъ. Первой плыла лодка съ двумя экономическими казначеями Степановымъ и Ашитковымъ, далѣе шла богато убранная депутатская шлюпка въ сопровожденіи 10 лодокъ, на которыхъ гребцы были одѣты въ пестрядинныя рубахи, обшитыя позументами, и въ шляпахъ, перевязанныхъ лентами разныхъ цвѣтовъ. Когда галера поравнялась съ соборомъ, съ городского вала сдѣланъ былъ залпъ изъ 51 пушки, а на депутатской лодкѣ заиграли въ волторны. Болѣе 300 лодокъ окружали царскую флотилію и сопровождали ее. По проѣздѣ города, въ знакъ прощанія съ нимъ, съ галеры сдѣланъ былъ залпъ изъ семи пушекъ. Такъ Кострома принимала великую Государыню Екатерину Алексѣевну въ половинѣ мая 1767 года [1]).

Въ какомъ расположеніи духа находилась въ Костромѣ Императрица, видно изъ слѣдующаго ея письма къ графу Никитѣ Ивановичу Панину.

«Изъ Костромы, маія 15. 1767. Никита Ивановичъ! Ваше письмо отъ 13 числа я сего утра здѣсь получила; мы всѣ здоровы и радуюсь, что и вы съ великимъ княземъ таково же находитесь. Завтра поѣду отселѣ, а иноплеменниковъ отпущу къ Москвѣ. Они вамъ скажутъ, какъ здѣсь я принята была. Я ихъ всѣхъ не одинажды видѣла въ слезахъ отъ народной радости, а I. Гр. Чернышовъ весь обѣдъ проплакалъ отъ здѣшняго дворянства благочиннаго и ласковаго обращенія. Захаръ Григорьевичъ ногу ушибъ вчерась; только думаю, что недолго будетъ дома сидѣть. Прощайте, я завтра буду отвѣтствовать на ваше письмо, а теперь нельзя: я пишу въ Ипатскомъ монастырѣ, который прославленъ въ исторіи

---

[1]) Описаніе путешествія Императрицы Екатерины II см.: кн. Козловскій, стр. 108—115, примѣч. 173—189; свящ. Вознесенскій. Воспоминанія о путешествіяхъ Высочайшихъ Особъ. 1859 г., стран. 26—42; Костромскія Губернскія Вѣдомости, 1838 годъ, №№ 6—9.

нашей тѣмъ, что изъ него Царь Михайло Ѳеодоровичъ на Царство веденъ къ Москвѣ, и истинно сіе мѣсто и видомъ, и богатствомъ украшеній въ церквахъ почтенно. Екатерина» [1]).

Во время пребыванія своего въ Костромѣ Императрица Екатерина II приказала костромскому воеводѣ Малыгину состоящую близъ города Костромы Татарскую слободу и живущихъ въ ней татаръ имѣть ему, воеводѣ, подъ собственнымъ его смотрѣніемъ и попеченіемъ во всякихъ касающихся ихъ нуждахъ и отъ нихъ прошеніяхъ разбирать ему, а кромѣ его никому не вѣдать, потому что они татары, хотя и иновѣрцы, но ихъ можно считать за иностранныхъ [2]).

По однимъ извѣстіямъ, татары переселены были въ гор. Кострому изъ Романово-Борисоглѣбска (Ярославской губ.) еще въ первой половинѣ XVII в. [3]), по другимъ же, болѣе правдоподобнымъ, эти татары, потомки татаръ ногайскихъ, переселены дѣйствительно изъ нынѣшняго Романово-Борисоглѣбскаго уѣзда, но позднѣе, именно въ 1761 году. Причина ихъ переселенія была та, что къ 1761 году большая часть татаръ приняла уже христіанскую вѣру, а оставшимся поклонникамъ Магомета пожалована была земля около города Костромы, на которую они и переселились [4]).

Въ 1771 году, 3 августа, въ Костромѣ была сильная буря и какъ въ городѣ, такъ и во всей области свирѣпствовала чума, занесенная торговцами изъ Москвы. Несмотря на заставы, поставленныя у воротъ города, чтобы не впускать никого изъ Москвы, и не смотря на другія мѣропріятія, болѣзнь распространилась по городу и похитила въ короткое время множество людей.

Въ 1773 году новое бѣдствіе постигло Кострому: сильнымъ пожаромъ истреблена была вся юго-западная часть города. Кромѣ обывательскихъ домовъ сгорѣли Крестовоздвиженскій дѣвичій монастырь, находившійся въ кремлѣ и оградою отстоявшій на 12 только саженъ отъ Успенскаго собора, Успенскій соборъ, девять приходскихъ церквей, всѣ торговые ряды и лавки съ хлѣбомъ. Вотъ какъ

[1]) Чтен. Импер. Общ. Исторіи и древн. Росс., 1863 г., кн 2, стр. 19.
[2]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, примѣч. стр. 183.
[3]) Описаніе Костромской губерніи въ историч. и географ. отношен. 1871 г., стр 15.
[4]) Кн. Козловскій, примѣч., 182—183 стр.

описываетъ этотъ пожаръ костромичъ и очевидецъ этого бѣдствія, имя и фамилія котораго остались неизвѣстными: «1773 года, мая 18 дня, во градѣ Костромѣ прилучился тогда пожарный грѣхъ при великой и страшной погодѣ. Загорѣлось близъ Благовѣщенія въ нѣкоторомъ домѣ. Первою погорѣла церковь Благовѣщенія, второю — Николаевская, что въ Кузнецахъ, потомъ — Иліи Пророка, Воскресенія на площади, Богословская, Борисоглѣбская, Никольская на Дебрѣ, Анастасіинскій монастырь, Успенскій соборъ, гдѣ чудотворный образъ Ѳеодоровскія Пресвятыя Богородицы; оный святый образъ съ прочими святыми пяти образами вынесены, кромѣ оныхъ образовъ ничего не вынесено, вся утварь церковная пригорѣла и колоколъ большой подгорѣлъ, упалъ и расшибся на многія части. Затѣмъ еще Спасская церковь, что на горѣ, еще Предтеченская, что въ Молочномъ ряду, Николаевская, что у кабака, Михаила Архангела и прочее. Магистратъ, воеводская канцелярія, амбары съ хлѣбомъ, ряды всѣ со всякимъ товаромъ, домовъ купецкихъ и прочихъ погорѣло 665, кабакъ большой съ прочими стойками, которыя близъ кабака были. Такой былъ пожаръ сей, что страшно было и смотрѣть, никогда такого великаго пожару въ Костромѣ ни сначала, сказывали, не бывало» [1]).

После пожара монахини Крестовоздвиженскаго монастыря, по Высочайше утвержденному 5 марта опредѣленію Св. Синода, переведены были въ Анастасіинскій женскій монастырь, что на Сулѣ, а на мѣстѣ Троицкаго монастыря построенъ мѣщаниномъ посада Большія Соли Стефаномъ Воротиловымъ теплый Богоявленскій соборъ (освященъ въ 1791 г.) съ колокольней, на каковой предметъ изъ Государственной коллегіи, по именному указу Императрицы Екатерины II, выдано было 12000 руб. Кромѣ того, тогда же обновленъ обгорѣвшій во время пожара Успенскій соборный храмъ, а изъ оставшагося отъ зданій сгорѣвшаго монастыря кирпича построены были въ 1791 году около собора два большихъ каменныхъ дома [2]).

Въ 1773 году бѣглый донской казакъ Емельянъ Пугачевъ

---

[1]) Рукопись въ библіотекѣ Костромской архивной комиссіи; I. Преображенскій. Журналъ Костр. губ. учен. арх. ком. 1894 г., стр. 26.

[2]) См. Крживоблоцкій, Островскій, Козловскій и Памятн. книг. К. Губ. 1862 года.

объявилъ себя Императоромъ Петромъ III, вошелъ въ сношенія съ раскольниками и двинулся съ войскомъ къ Казани, которую и сжегъ. Чернь во всѣхъ поволжскихъ городахъ глухо волновалась, подбиваемая раскольниками, которымъ Пугачевъ обѣщалъ «крестъ и бороду». Въ виду этого костромской воевода Иванъ Даниловичъ Арсеньевъ и предводитель Зузинъ своевременно приняли энергичныя мѣры къ тому, чтобъ предупредить народное возстаніе въ г. Костромѣ. Они раздѣлили весь Костромской уѣздъ на 8 частей; въ каждой части набранъ былъ корпусъ. Четыре корпуса назначены для защиты нагорной стороны, 4—для луговой, а 9-й корпусъ долженъ былъ составлять городскую стражу. Начальниками въ городовомъ корпусѣ были: капитанъ Егоръ Линевъ, офицеръ гвардіи Иванъ Супоневъ, артиллеріи поручикъ Николай Овцынъ и офицеры Сысоевъ и Каблуковъ [1]).

Съ 10 іюля 1775 года происходили въ г. Костромѣ торжества по случаю заключенія мира между Россіей и Турціей. Вотъ какъ описываются эти торжества въ рукописи, пожертвованной Костромской Архивной Комиссіи П. Г. Горскимъ.

«Наканунѣ онаго дня, т. е. 9 числа іюля, благородное дворянство изъ уѣзду собралось въ городъ, и предводитель онаго общества просилъ на завтрашній день, т. е. 10 числа, къ обѣденному столу, приготовленному отъ благороднаго общества, присланнаго по имянному Ея Императорскаго Величества повелѣнію съ объявленіемъ радостнаго мира лейбъ-гвардіи господина поручика Евреинова, Его Преосвященство епископа Симона съ прочимъ духовенствомъ, господъ въ канцеляріи присутствующихъ, также и провинціальной межевой конторы членовъ, прилучившихся тогда въ городѣ по разнымъ комиссіямъ господъ штабъ и оберъ-офицеровъ, и все знатное купечество.

«Потомъ того же дня, съ 9 часа пополудни, отправлялось въ соборной церкви всенощное бдѣніе самимъ епископомъ Симономъ съ прочимъ духовенствомъ, при слушаніи коего какъ все вышеписанное общество, такъ и множество народа находилось. А какъ слѣдовало обнародовать чтеніемъ трактатъ мирный, присланный при указахъ,

---

[1]) Кн. Козловскій, стр. 116, примѣч. стр. 189.

то Его Преосвященство разсудилъ оный читать на ономъ всенощномъ отправленiи вмѣсто другихъ чтенiй, почему оный и прочтенъ»...

«10 числа по утру, по съѣздѣ того же общества, началась божественная литургiя, которую совершалъ означенный же епископъ съ прочимъ своимъ духовенствомъ. По окончанiи оной Его Преосвященство говорилъ приличную сему радостному торжеству проповѣдь. По окончанiи проповѣди Его Преосвященство началъ соборный благодарственный молебенъ, предъ начинанiемъ коего читанъ былъ Ея Императорскаго Величества манифестъ о заключенiи вѣчнаго и славнаго мира самимъ Его Преосвященствомъ. По прочтенiи коего и по окончанiи молебна, при пѣнiи многолѣтiя, выпалено изъ прiуготовленныхъ орудiй, которыя поставлены были на городскомъ валу, изъ 101 пушки. А между тѣмъ, какъ народу помѣститься въ церкви было невозможно и чтобы тѣмъ чувствительнѣе и знаменитѣе начать торжество, то въ городѣ, въ Кремлѣ, предъ прежнимъ погорѣвшимъ соборомъ, внѣ ограды на пространномъ мѣстѣ, разбиты были ставки, куда отъ церкви, въ коей было служенiе, началось шествiе слѣдующимъ порядкомъ:

1) Напередъ шли серединою, по два въ рядъ—попарно, для того прiуготовленные отъ Его Преосвященства изъ семинарiи и изъ пѣвчихъ мальчики, одѣтые въ особливо украшенное бѣлое платье и препоясанные черезъ плеча алыми кушаками, на головѣ имѣя лавровые вѣнки, а въ рукахъ держа зеленѣющiя вѣтви, что и придавало прiятный видъ. За сими мальчиками по сторонамъ непосредственно шло множество другихъ пѣвчихъ и пѣли всѣ восклицательно нарочно сочиненные на тотъ торжественный день стихи.

2) Духовенство священники и дьяконы шли передомъ по сторонамъ, средину давъ пѣвчимъ; а архимандриты и протопопы шли около Его Преосвященства; Преосвященный же шелъ серединою въ мантiи и съ посохомъ.

3) Прибывшiй съ объявленiемъ манифеста господинъ лейбъгвардiи Преображенскаго полку поручикъ и господа, присутствующiе въ канцелярiи.

4) Предводитель съ благороднымъ дворянствомъ, по три въ рядъ, по своимъ степенямъ.

5) Городской голова съ депутатомъ, съ магистратскими членами и купечество таковымъ же порядкомъ. А заключало мѣщанство и окружающее великое множество обоего пола народа зрителей. Шествіе было отъ церкви, въ коей служба совершалась, ведущею улицею къ означенному мѣсту, которая была по обѣ стороны украшена деревьями. Да и прочія во всемъ городѣ улицы оными были уставлены.

«По приходѣ къ означенному мѣсту, ставъ на посланномъ коврѣ, Его Преосвященство читалъ самъ, во первыхъ, манифестъ Ея Императорскаго Величества объ изліянныхъ милостяхъ; потомъ, когда Его Преосвященство сіе скончалъ, то по приказанію его, протодіакономъ громогласно былъ читанъ реэстръ о милостяхъ отъ Ея Императорскаго Величества, оказанныхъ вѣрноподданнымъ ея. Народу же при семъ находилось толикое множество, что не только ставки окружали, но вся площадь и городской валъ онымъ наполненъ былъ. По прочтеніи онаго списка Его Преосвященство говорилъ къ народу рѣчь, въ коей изъяснялась сила торжества и побужденіе къ радости и благодарности къ Богу, виновнику блага нашего, такъ и помощницѣ Его, Ея Императорскому Величеству. По окончаніи рѣчи, какъ отъ пѣвчихъ запѣто многолѣтіе Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ, и народъ тому радостнымъ гласомъ восклицалъ «ура»! то съ городского валу паки производилась изъ пушекъ пальба, и во всемъ городѣ происходилъ колокольный звонъ, который и весь тотъ день продолжался; въ тоже время народу отъ купечества выставлено было вино и пиво.

«По окончаніи сей церемоніи, черезъ часъ и болѣе, званные къ столу, сѣвъ въ кареты поѣхали въ означенный для того особый домъ, и народъ туда же для общаго веселія собираться началъ, и улицу наполнилъ. По собраніи всѣхъ говорена была рѣчь отъ имени благороднаго общества къ прибывшему лейбъ-гвардіи Преображенскаго полку господину поручику, яко вѣстнику и участнику того торжества, лейбъ-гвардіи Семеновскаго полку курьеромъ Никитою Сумароковымъ.

«По окончаніи рѣчи, отъ благороднаго общества поднесенъ былъ господину вѣстнику подарокъ и вручена рѣчь, говоренная. Послѣ

сего сѣли за пріуготовленный столъ, который накрытъ былъ на 80 кувертовъ; впродолженіи коего играла вокальная и инструментальная музыка. Во время стола, при питіи за Высочайшее Ея Императорскаго Величества и Ихъ Императорскихъ Величествъ здравіе, съ пѣніемъ многолѣтія, происходила пушечная пальба. Учинено почтеніе питіемъ за здоровье господъ главнокомандовавшихъ въ арміи и во флотахъ съ воинствомъ, а въ заключеніи сего пито здоровье присланнаго вѣстника и всѣхъ Ея Императорскаго Величества вѣрноподданныхъ. Столъ продолжался по полудни до 6 часовъ. По выходѣ изъ за стола играла инструментальная, а отъ собравшагося народа по улицѣ роговая музыка, и происходили, какъ по улицамъ, такъ и въ находящемся того дому садѣ, разныя пѣсни, что и продолжалось до 10 часу.

«Въ наступленіи 10 часа все собраніе поѣхало въ кремль къ пріуготовленнымъ ставкамъ, куда пріѣхалъ же и Его Преосвященство. А собраніе народа толь многое находилось, что всѣ тѣ мѣста онымъ съ великою тѣснотою заняты были; и, по данному сигналу изъ пушки, начали засвѣчать поставленные у собора по оградѣ огни, гдѣ вдругъ означились двѣ пріуготовленныя отъ благороднаго дворянства и отъ купечества картины. Также городъ былъ весь иллюминованъ и знатные дома многими плошками уставлены были. А по второму, выстрѣлами изъ трехъ пушекъ, сигналу увидѣли посреди Волги, на поставленномъ большомъ суднѣ, храмъ веселія, разными огнями украшенный, вверху котораго вензелевое имя Ея Императорскаго Величества, виновницы нашей толикой радости въ пріятномъ видѣ оказывалось; въ то же время по берегу рѣки Волги зажжены были смоляныя бочки, а вдали, при устьѣ Костромы рѣки, представилась флотилія, состоящая изъ множества лодокъ въ линіи и украшенная разными огнями. Потомъ сдѣланъ выстрѣлъ изъ пушки, поставленной при храмѣ, тогда сія флотилія начала свой походъ тихою греблею въ двѣ линіи, а какъ прошли нѣсколько, то еще сдѣланъ сигналъ тремя выстрѣлами изъ пушекъ отъ того храма, тогда та флотилія начала строиться въ линію, а по построеніи еще данъ сигналъ ракетою, при чемъ построились въ двѣ линіи и шли греблею уже скорѣе прежняго. Послѣ данъ сигналъ 3 раке-

тами, тогда начали строиться въ одну линію и пошли ко храму, откуда было сдѣлано пять выстрѣловъ изъ пушекъ, по которому знаку у храма затрубили на трубахъ и флотилія начала раздѣляться на двое и окружать оный съ пѣніемъ и стрѣльбой, что зрителямъ дѣлало увеселительное зрѣлище, и слышенъ былъ пріятный шумъ. А, при слѣдованіи флота, на валу пѣты пѣвчими въ свѣтлости огней поставленными, разныя кантаты торжественныя. Послѣ онаго, по знаку съ городского валу семи выстрѣлами изъ пушки, пущены были ракеты, и попеременно представлены были разныя огненныя явленія, каковыя при фейерверкахъ бываютъ, какъ-то: колеса, фонтаны, пирамиды—и продолжалось то болѣе часа. А между тѣмъ съ городского валу происходила пушечная стрѣльба; въ окончаніи всего выстрѣлено изъ 15 пушекъ, чѣмъ торжество того дня по полуночи во 2 часу и окончено.

«11 числа былъ разставъ. Купечество же просило на 12 число все то общество, которое находилось у благороднаго дворянства къ обѣденному столу.

«На слѣдующій день было всенощное бдѣніе. 12 числа, по совершеніи Его Преосвященствомъ Божественной литургіи, говорена проповѣдь протоіереемъ Троицкаго Ипатскаго собора Іоанномъ Красовскимъ. А по окончаніи оной отправлялся о здравія Ея Императорскаго Величества соборный молебенъ со звономъ и при многолѣтіи выпалено изъ 51 пушки. По выходѣ изъ церкви всѣ приглашенные гости поѣхали въ домъ городского головы Углеченинова, гдѣ пріуготовленъ былъ отъ всего купечества столъ; и какъ прибыли въ домъ, тогда господинъ отъ купечества депутатъ Стригалевъ къ прибывшему вѣстнику съ объявленіемъ Ея Императорскаго Величества манифеста говорилъ краткую со изъясненіемъ благодарности рѣчь. По окончаніи коей городской голова подносилъ подарокъ, а послѣ онаго таковой же подарокъ, при изъясненіи за оказанныя Ея Императорскаго Величества милости всеподданической благодарности, и отъ нерехотскаго купечества, через фабрикера Михайла Меншого Пастухова, поднесенъ былъ. А потомъ начался столъ, который происходилъ таковымъ же порядкомъ, какъ первый. Послѣ

стола поднесенъ подарокъ отъ купечества плесского тому же господину вѣстнику.

«А Преосвященный, пробывъ нѣсколько времени, отъѣхалъ въ монастырь свой до вечера, при чемъ просилъ всѣхъ тутъ присутствующихъ гостей къ себѣ 14 числа, къ обѣденному столу. Въ 4 часа начали къ городскому головѣ пріѣзжать дамы и начался балъ, который и продолжался по полудни до 10 часовъ. А на дворѣ собралось множество народа обоего пола и веселились разными деревенскими играми. Въ вечеру прибылъ въ городъ и Его Преосвященство съ пѣвчими, и также, какъ и въ первый день, украшенные мальчики съ прочими ходили по знатнѣйшимъ мѣстамъ къ народу, по данному имъ порядку пѣли торжественныя пѣсни, къ великому утѣшенію собравшихся въ множайшемъ числѣ зрителей.

«Домъ же хозяйскій плошками и представленною картиною также и другіе обывательскіе домы иллюминованы, а при томъ возжены были при пушечной стрѣльбѣ фейерверковыя штуки и ракетъ пущено не малое число; продолжалось и сіе увеселеніе по полуночи до 2 часа.

«13 числа ночи былъ разставъ, и отъ Преосвященнаго черезъ присланнаго прошены были на завтрашній день, т. е. 14 числа, къ обѣденному столу; а въ вечеру Ипатцкаго монастыря въ соборной церкви отправлялось всенощное бдѣніе храмовому празднику.

«14 число въ одномъ Ипацкомъ монастырѣ, за Костромою рѣкою, кой есть и архіерейскимъ домомъ, въ 10 часу пополуночи, при благородномъ и прочемъ собравшемся множественномъ обществѣ, была Божественная литургія, послѣ коей самъ Преосвященный епископъ служилъ за здравіе Императорскаго Величества по храмовому празднованію молебенъ, который и отправленъ, равно какъ и въ прежніе дни, съ колокольнымъ звономъ и пушечною пальбою.

«По окончаніи молебна Преосвященный шествіе имѣлъ въ мантіи къ шатрамъ, на дворѣ по лугамъ поставленнымъ, и передъ нимъ шли пѣвчіе, между коими и убранные въ отличное одѣяніе и въ вѣнки, и пѣли тропарь: «Спаси, Господи, люди Твоя». Дошедъ же до ставки, стали пѣвчіе по сторонамъ въ порядкѣ, а Преосвященный и гости вошли въ ставку; священнослужители же со всего города

передъ палаткою окружили мѣсто, а за ними народъ, для коего была выставка вина и пива. По семъ вышелъ Его Преосвященство изъ ставки предъ всѣхъ окружающихъ оную и стоящихъ по двору и говорилъ краткую рѣчь о продолжающейся радости и коль усердно о здравіи Матери Отечества и виновницы нашего мирнаго торжества молитвы приносить мы должны и ликовать. По тѣхъ словахъ вдругъ пѣвчіе и священнослужители, и народъ «ура»! воскликнули; въ колокола же звонъ, а изъ пушекъ пальба учинена. По отправкѣ сего пошли хозяинъ и гости въ покои учрежденнымъ порядкомъ. По переду же ихъ шли пѣвчіе и пѣли пѣснь, первую изъ сочиненныхъ на сіе торжество. Какъ вошли въ залу и заняли по учрежденію хозяина мѣсто, то вошелъ одинъ изъ учителей семинаріи костромской передъ вѣстника и, по повелѣнію Его Преосвященства, говорилъ рѣчь.

«По сказаніи сея рѣчи, Его Преосвященство господина вѣстника благословилъ образомъ и, учиня подарокъ, пошелъ съ гостями за пріуготовленный столъ, который и производился по примѣру двухъ прошедшихъ дней и въ томъ празднованіи, съ питіемъ за Высочайшія здравія и съ пушечною пальбою.

«Въ началѣ 8 часа все собраніе, вышедъ изъ покоевъ, смотрѣли монастырскія зданія и внѣ онаго украшенныя отъ натуры мѣстоположенія; въ исходѣ 9 часа данъ былъ сигналъ выстрѣломъ изъ пушки, почему всѣ, обратясь, пошли паки въ монастырь, который весь свѣчами и плошками, и при немъ садъ, преизрядно были иллюминованы. Противъ же балкона, къ Костромѣ рѣкѣ, поставлена была изрядными фигурами размалеванная картина и двѣ по сторонамъ ея. За сими картинами были плошки зажжены, изрядною фигурою Высочайшихъ именъ вензели изображающія. Также и въ городѣ знатные дома были иллюминованы плошками.

«Въ 10 часовъ данъ былъ сигналъ изъ 3 пушекъ, по которому вышли хозяинъ и гости изъ покоевъ на переходъ, что около покоевъ, на внутреннюю монастыря сторону, и тогда вдругъ представилась глазамъ посреди двора огненная пирамида на столѣ, изъ свѣчъ сдѣланная, къ оной съ четырехъ сторонъ шли въ бѣломъ одѣяніи мальчики съ лаврами и со свѣчами и пѣли кантаты, но,

не дошедъ оной, остановились, а другіе позади, и еще не доходя, стояли со свѣчами же. И по данному знаку оные мальчики пошли къ оной пирамидѣ, не доходя другъ друга, что составляло глазамъ пріятный видъ; а послѣ того данъ былъ знакъ, по которому всѣ собрались въ одно мѣсто, и пошли по два въ садъ, въ томъ же монастырѣ находящійся, въ которомъ всѣ аллеи были иллюминованы фонарями. А какъ вошли въ оный, то разошлись изъ средней аллеи по ведущимъ въ три стороны дорогамъ и согласно пѣли, а, наконецъ, оборотясь обратно, съ пѣніемъ же сошлись на среднюю дорогу и пошли изъ онаго вонъ, и, вышедъ изъ монастыря въ ворота, раздѣлились на три части, изъ коихъ одна пошла къ главной картинѣ противу балкона, а другіе двѣ къ другимъ картинамъ, и пѣли стихи похорно. Потомъ, по данному знаку, пошли обратно въ монастырь и, вышедъ въ другія ворота на берегъ, сѣли на суда, украшенныя фонарями, и проѣзжали съ пѣніемъ же по рѣкѣ, внизъ и вверхъ; а между тѣмъ на другой сторонѣ рѣки Костромы, по данному сигналу изъ 5 пушекъ, пущены были ракеты и нѣсколько колесъ фонтановъ, пирамидъ и другихъ фейверочныхъ явленій, что и продолжалось часъ, и при томъ производилась пушечная пальба и, наконецъ, заключено 15 выстрѣлами; пѣвчіе же, возвратившись съ пѣніемъ въ монастырь и, вошедъ въ покой, допѣвали то, что надлежало пѣть. Наконецъ, хозяинъ заблагоразсудилъ тѣмъ закончить торжество, чѣмъ начато, т. е. возглашеніемъ многолѣтія Ея Императорскому Величеству и Ихъ Императорскимъ Высочествамъ.

«Тако оконча все торжественно празднованіе, проводилъ хозяинъ гостей съ оказаніемъ чувствительнѣйшаго патріотическаго усердія. Сіе время было уже время за полночь».

---

[1]) Костр. Старина, вып. III, стран. 8—21.

XIV.

Костромскіе воеводы. Торжества въ Костромѣ по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича. Открытіе Костромского намѣстничества и новыхъ учрежденій. Пожаръ Костромы. Ходатайство Костромскихъ дворянъ объ открытіи училища. Генеральный планъ Костромы. Первая аптека и первая частная типографія.

Въ 1775 году вышло, по указу Императрицы, новое положеніе о губерніяхъ. Во главѣ губерній, вмѣсто воеводъ, поставлены были генералъ-губернаторы, или намѣстники, облеченные широкими полномочіями.

Послѣднимъ костромскимъ воеводой былъ князь Николай Андреевичъ Вяземскій.

Начиная съ эпохи Великаго Князя Димитрія Донского и до учрежденія при Екатеринѣ II Костромского намѣстничества, исторія сохранила имена слѣдующихъ костромскихъ воеводъ:

1. Воевода Александръ Плещей, въ 1375 г.
2. Иванъ Родіоновичъ Квашня, въ 1378 г.
3. Иванъ Ивановъ, въ періодъ 1425—1462 г.
4. Иванъ Васильевичъ Стрига-Оболенскій, въ 1467 г.
5. Семенъ Ѳедоровичъ Алабышевъ, въ 1512 г.
6. Захарій Яковлевъ, въ 1548 г.
7. Князь Михаилъ Ивановичъ Воротынскій, въ 1551 г.
8. Бояринъ Степанъ Васильевичъ Годуновъ.
9. Князь Дмитрій Масальскій, въ 1609 г.
10. Борисъ Салтыковъ, въ 1610 г.
11. Князь Волконскій, въ 1611 г.
12. Иванъ Шереметевъ, въ 1612 г.
13. Князь Романъ Гагаринъ, въ 1613 г.
14. Колычевъ, въ 1614 г.

15. Стольникъ, князь Василій Васильевичъ Хилковъ, въ 1616 г.
16. Князь Миронъ Михайловичъ Шехонскій, въ 1623—1624 г.г.
17. Матвѣй Ѳедоровичъ Стрѣшневъ, въ 1627 г.
18. Князь Иванъ Андреевичъ Козловскій, въ 1628 г.
19. Андрей Ивановичъ Голубовскій, въ 1629—1630 г.г.
20. Князь Петръ Ѳедоровичъ Волконскій, въ 1630—1631 г.г.
21. Иванъ Борисовичъ Доможировъ, въ 1632—1633 г.г.
22. Иванъ Андреевичъ Францшковъ, въ 1635 г.
23. Князь Иванъ Ѳедоровичъ Меньшой-Шаховской, въ 1636—1638 г.г.
24. Стольникъ Иванъ Дмитріевичъ Колычевъ, въ 1639—1640 г.г.
25. Стольникъ, князь Иванъ Ѳедоровичъ Дѣевъ, въ 1641 г.
26. Князь Василій Васильевичъ Тюфякинъ, въ 1644 г.
27. Владиміръ Кирилловичъ Бутурлинъ, въ 1645 г.
28. Иванъ Ивановичъ Стрѣшневъ, въ 1647 г.
29. Стольникъ, князь Михаилъ Никитичъ Егуповъ-Черкасскій, въ 1649—1650 г.г.
30. Иванъ Гордѣевичъ Судаковъ, въ 1651 г.
31. Юрій Михайловичъ Аксаковъ, въ 1652 г.
32. Никифоръ Владиміровичъ Жедринскій, въ 1653 г.
33. Василій Михайловичъ Еропкинъ, въ 1653—56 г.г.
34. Константинъ Устимовичъ Нащокинъ, въ 1657 г.
35. Ѳедоръ Владиміровичъ Пушкинъ, въ 1657—1659 г.г.
36. Посникъ Григорьевичъ Огаревъ, въ 1660 г.
37. Романъ Ивановичъ Беклемишевъ, въ 1662—1663 г.г.
38. Князь Иванъ Петровичъ Вяземскій, въ 1664 г.
39. Иванъ Корсаковъ, въ 1665 г.
40. Андрей Ивановичъ Тушинъ, въ 1667 г.
41. Стольникъ, князь Иванъ Андревичъ Львовъ, въ 1670 г.
42. Дементій Тимофеевичъ Тарбѣевъ, въ 1671—1673 г.г.
43. Стольникъ Иванъ Ивановичъ Боборыкинъ, въ 1675 г.
44. Андрей Илларіоновичъ Пущинъ, въ 1676—1677 г.г.
45. Андреянъ Петровичъ Парфеновъ, въ 1678 г.
46. Стольникъ Борисъ Дмитріевичъ Нетесовъ, въ 1682 г.
47. Стольникъ Борисъ Марковичъ Чириковъ, въ 1684 г.

48. Өедоръ Ивановичъ Чемодановъ, въ 1685 г.

49. Стольникъ Афанасій Давыдовичъ Неплюевъ, въ 1688 г.

50. Григорій Андреевичъ Племянниковъ, въ 1689—1691 г.г.

51. Стольникъ Андрей Алексѣевичъ Мѣшковъ-Плещеевъ, съ 1694 г.

52. Стольникъ Тимофей Акимовичъ Дуровъ, въ 1697 г.

53. Стольникъ Афанасій Ивановичъ Зиновьевъ, въ 1698 г.

54. Стольникъ Иванъ Сергѣевичъ Племянниковъ, въ 1698—1699 г.г.

55. Князь Афанасій Ивановичъ Шедяковъ, съ 1700 г.

56. Василій Головцынъ, въ 1701 г.

57. Стольникъ Василій Дмитріевичъ Сабуровъ, въ 1702 г.

58. Тимофей Ивановичъ Боборыкинъ, въ 1705 г.

59. Стольникъ Иванъ Петровичъ Бунаковъ, въ 1708 г.

60. Стольникъ Петръ Ивановичъ Большой-Воейковъ, въ 1710 г.

61. Петръ Никитичъ Мусинъ-Пушкинъ, въ 1712 г.

62. Стрежневъ, въ 1721—1723 г.г.

63. Подполковникъ Любимъ Андреевичъ Грибоѣдовъ, въ 1723—1726 г.г.

64. Подполковникъ Иванъ Дмитріевичъ Кольчугинъ, въ 1726—1731 г.г.

65. Бригадиръ Алексѣй Григорьевичъ Киселевъ, въ 1731—1733 г.г., товарищъ его капитанъ Бѣлоцерковцевъ.

66. Подполковникъ Никифоръ Васильевичъ Кольчугинъ, въ 1733—1736 г.г., товарищъ его капитанъ Воейковъ.

67. Маіоръ Илларіонъ Григорьевичъ Воронцовъ, въ 1736—1738 г.г.

68. Маіоръ Лука Ивановичъ Іевлевъ, въ 1738—1740 г.г., товарищъ его капитанъ Мусинъ-Пушкинъ.

69. Маіоръ Иванъ Никитичъ Борноволоковъ, въ 1740—1742 г.г., товарищъ его капитанъ Захаровъ.

70. Маіоръ Матвѣй Васильевичъ Перфильевъ, въ 1742—1744 г.г., товарищъ его капитанъ Петръ Пазухинъ.

71. Коллежскій асессоръ Андрей Шиповъ, въ 1744 г., товарищъ его коллежскій асессоръ Семенъ Глѣбовъ.

72. Коллежскій совѣтникъ Иванъ Александровичъ Нащокинъ, въ 1744—1747 г.г.

73. Коллежскій совѣтникъ Александръ Ивановичъ Кайсаровъ, въ 1747 г.

74. Иванъ Жеребцовъ, въ 1764—1767 г.г.

75. Бригадиръ Степанъ Гавриловичъ Малыгинъ, съ 1767 г.

76. Иванъ Даниловичъ Арсеньевъ, въ 1774 г.

77. Коллежскій совѣтникъ князь Николай Андреевичъ Вяземскій съ 1777 г., его товарищъ надворный совѣтникъ Яковъ Сарскій [1]).

При послѣднемъ воеводѣ князѣ Вяземскомъ, по распоряженію епископа Костромского Симона II, перенесена была изъ деревни Байдарокъ въ Успенскій соборъ чудотворная икона святителя Николая, которая до сихъ поръ чтится жителями города Костромы.

1-го, 7-го и 21 января 1778 года, по случаю рожденія великаго князя Александра Павловича, въ Костромѣ происходили большія празднества.

1-го числа, при громадномъ стеченіи народа, епископъ Симонъ совершилъ въ Успенскомъ соборѣ торжественную литургію съ молебномъ. Когда произносилось многолѣтіе Царствующему Дому и новорожденному великому князю, происходила пальба изъ пушекъ. Послѣ литургіи всѣ начальствующія и почетныя лица города приглашены были къ воеводѣ князю Николаю Андреевичу Вяземскому на обѣдъ, гдѣ, при провозглашеніи тоста за Царствующій Домъ, также производилась пушечная пальба. Весь день былъ колокольный звонъ, а вечеромъ иллюминація.

7-го числа, по тому же поводу, происходило второе торжество, начавшееся литургіею въ Успенскомъ соборѣ и молебномъ, во время котораго была произведена пушечная пальба. Въ этотъ день состоялся у преосвященнаго Симона парадный обѣдъ, во время котораго архіерейскими пѣвчими исполнялись различные канты, сочи-

---

[1]) Списокъ воеводъ, взятый изъ Памятной книжки Костромской губерніи за 1862 г., стр. 241—244, пополненъ по сочиненіямъ князя Козловскаго, Н. В. Миловидова, а также по грамотамъ и документамъ, собраннымъ Костромской архивной комиссіей; по сочиненіямъ: Титова «Упраздненные монастыри Костр. епархіи», стр., 50; Н. Н. Селифонтова—Подробная опись 440 рукописей, приложеніе I; Опись Большесольскаго архива, стр. 189; Опись 962 рукопис., прилож. VI, и Опись 272 рукописямъ, стр. 142.

ненные спеціально для этого торжества. Кромѣ того, въ срединѣ Ипатіевскаго монастыря представлена была великолѣпная пирамида, составленная изъ прозрачныхъ картинъ, освѣщенная бенгальскимъ огнемъ.

21 числа, по просьбѣ костромского дворянства, состоялось третье торжество, на которое приглашенъ былъ ярославскій генералъ-губернаторъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ съ семействомъ. Послѣ литургіи съ молебномъ состоялся торжественный обѣдъ въ домѣ костромского дворянина Аже. Во время обѣда играла музыка. Вечеромъ домъ былъ иллюминованъ и сожженъ фейерверкъ [1]).

Въ 1778 году, въ началѣ лѣта, прибылъ въ Кострому ярославскій генералъ-губернаторъ, дѣйствительный тайный совѣтникъ Алексѣй Петровичъ Мельгуновъ, командированный Императрицей Екатериной II для открытія Костромского намѣстничества и вообще всей системы вновь вводимыхъ административныхъ и судебныхъ мѣстъ, дворянскихъ и городскихъ управленій. По прибытіи Алексѣя Петровича въ Кострому, костромичи отправились къ нему съ хлѣбомъ и солью и почтительнѣйше просили его открыть намѣстничество въ Галичѣ, или Кинешмѣ, во избѣжаніе народнаго разоренія. Мудрый и опытный вельможа ласково принялъ ихъ, убѣдилъ ихъ въ благотворныхъ послѣдствіяхъ открытія намѣстничества именно въ Костромѣ и указалъ на явную пользу его для жителей. Сконфуженная депутація разошлась по домамъ [2]).

Прежде всего генералъ-губернаторъ приступилъ къ подготовительнымъ работамъ, для каковой цѣли онъ лично объѣхалъ всю Костромскую область, собралъ данныя о мѣстоположеніи, количествѣ населенія, состояніи торговли и промышленности, количествѣ лѣса, хлѣбопашествѣ, состояніи путей сообщенія и намѣтилъ мѣста для основанія нѣкоторыхъ уѣздныхъ городовъ (Ветлуга, Варнавинъ). Вооруженный этими богатыми свѣдѣніями, собранными всюду лично, генералъ-губернаторъ опредѣлилъ границы Костромского намѣстничества, назначивъ уѣздные города, и раздѣлилъ все Костромское

---

[1]) Костр. Губернск. Вѣд., 1856 годъ.
[2]) Памятная книжка Костромск. губ. на 1862 годъ, стр. 245.

намѣстничество на двѣ провинціи: Костромскую съ 22100 и Галичскую съ 130970 жителями.

Вотъ какъ описываетъ приготовленія къ открытію намѣстничества самъ Мельгуновъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Императрицѣ Екатеринѣ II: «Вашему Императорскому Величеству пріемлю смѣлость всеподданнѣйше донести, что я, кончивъ теперь всѣ распоряженія, какія только слѣдовало исполнить къ приготовленію учреждаемаго Костромского намѣстничества, съ помощію Божіею начну производить открытіе сей губерніи съ 4-го числа сего декабря мѣсяца. Дворянства по сіе время въ Кострому съѣхалось 606 человѣкъ, въ числѣ которыхъ только два полковника, прочихъ же штабъ-офицеровъ находится довольное число, но большая часть оберъ-офицерскихъ чиновъ, между которыми многіе весьма достойные люди. Не малое притомъ количество пріѣхали и съ фамиліями, а уповательно и еще прибудутъ, ибо таковыхъ, коимъ при семъ случаѣ быть должно, самая малая часть не съѣхалась. Что же касается до прочихъ, о коихъ не надежно, чтобъ въ собраніи были, то не иначе остались, какъ одни только мелкопомѣстные и безчиновные дворяне, и тѣ, коимъ за болѣзненными припадками быть не можно. Съѣхавшіеся всѣ весьма обрадованы Высочайшимъ Вашего Императорскаго Величества благоволеніемъ о учрежденіи сей губерніи. Впрочемъ, какъ скоро кончатся выборы новыхъ дворянскихъ предводителей, а потомъ и уѣздныхъ судей, тогда Вашему Императорскому Величеству съ глубочайшимъ моимъ повиновеніемъ о семъ чрезъ нарочнаго донесу. Село Воскресенское по повелѣнію Вашего Императорскаго Величества у княгини Бѣлосельской я купилъ и заплатилъ за него съ пошлинами 8600 рублей; а какъ оно способнѣе всѣхъ тамошнихъ мѣстъ, то тутъ новый городъ Ветлугъ и учрежденъ будетъ» [1]).

Наконецъ, когда всѣ подготовительныя работы были окончены, 4 декабря 1778 года, по данному сигналу изъ пушекъ, собрались къ генералъ-губернатору Мельгунову всѣ губернскіе, какъ высшіе,

---

[1]) «Доклады» рукопись XVIII стол., находящаяся въ библіотекѣ Костромской ученой архивной комиссіи, стр. 42 и 43.

такъ и низшіе чины, все дворянство и купечество. Затѣмъ, во главѣ съ генералъ-губернаторомъ всѣ отправились въ соборъ, гдѣ слушали Божественную литургію, совершенную преосвященнымъ Павломъ I, епископомъ Костромскимъ, въ сослуженіи соборнаго духовенства. По окончаніи литургіи дѣйствительный тайный совѣтникъ Мельгуновъ прочиталъ манифестъ отъ 7 ноября 1775 г. объ учрежденіи въ Россіи губерній и указъ объ открытіи Костромского намѣстничества, послѣ чего преосвященный сказалъ приличное сему случаю слово. Послѣ рѣчи преосвященнаго отслуженъ былъ благодарственный молебенъ съ колѣнопреклоненіемъ и многолѣтіемъ царствующей Императрицѣ Екатеринѣ II, во время котораго съ костромского кремля произведенъ былъ 101 пушечный выстрѣлъ. По окончаніи молебна, по поводу предстоящихъ выборовъ, произведена была присяга.

Когда церемонія открытія окончилась, преосвященный съ духовенствомъ, губернское начальство и дворяне приглашены были генералъ-губернаторомъ къ обѣденному столу.

7 декабря избраны были всѣ уѣздные предводители дворянства, 10 и 11—судьи и засѣдатели уѣздныхъ и нижнихъ земскихъ судовъ. Въ слѣдующіе дни были выборы городского головы, засѣдателей губернскаго магистрата, бургомистровъ, ратмановъ и судей словеснаго суда. Первымъ городскимъ головой города Костромы былъ избранъ купецъ Дмитрій Солодовниковъ.

Наконецъ, 14 декабря избранъ былъ губернскій предводитель дворянства, костромской помѣщикъ генералъ-маіоръ Александръ Мощковъ, человѣкъ весьма похвальныхъ качествъ, какъ отозвался о немъ генералъ-губернаторъ во всеподданнѣйшемъ докладѣ Государынѣ. [1]).

Для открытія присутственныхъ мѣстъ въ уѣздахъ посланъ былъ Мельгуновымъ въ города Нерехту, Лухъ, Юрьевецъ, Кинешму и Плесъ губернаторъ Шишкинъ; въ Кадый Макарьевъ, Ветлугу и Варнавинъ—вице-губернаторъ Алалыкинъ, а въ Буй, Галичъ, Чух-

---

[1]) Рукопись, стр. 26.

лому, Солигаличъ и Кологривъ—предсѣдатель гражданской палаты Нелидовъ.

Введеніе новыхъ учрежденій коснулось, конечно, многихъ сторонъ жизни жителей города: такъ, костромская Рыбная слобода причислена была къ городу, рыбаки вошли въ число городскихъ жителей, а самыя рыбныя ловли предоставлены во владѣніе городской думѣ. Кирпичная слобода также вошла въ черту города, а кирпичники и каменщики обращены въ костромской цехъ, который поступилъ въ вѣдомство городского магистрата. Точно также и Полянская слобода вошла въ черту города, и многіе ея жители, по распоряженію начальства, отправлены въ старорусскіе заводы для обученія солеваренію. [1]).

Костромскіе дворяне, довольные введеніемъ новыхъ учрежденій, избрали депутацію для личнаго выраженія Государынѣ чувствъ благодарности и признательности за ея попеченія о благѣ подданныхъ. Въ эту депутацію избраны были: губернскій предводитель дворянства Мошковъ, уѣздные предводители: Чухломскій—Котенинъ, Плесской—Овцынъ, Буйскій—Шиповъ и засѣдатели верхняго земскаго суда—маіоръ Чагинъ, асессоръ Ростовцевъ и маіоръ Щулепниковъ. Кромѣ того, дворяне постановили ходатайствовать объ открытіи въ губернскомъ городѣ училища, на содержаніе котораго обязались внести достаточную сумму денегъ.

Несомнѣнно, что введеніе новыхъ учрежденій было уже назрѣвшей потребностью, а поэтому принято было всѣми слоями общества съ большимъ сочувствіемъ, на что много разъ генералъ-губернаторъ Мельгуновъ указываетъ въ своихъ всеподданнѣйшихъ докладахъ Императрицѣ. Такъ, въ одномъ изъ докладовъ объ открытіи Вологодскаго намѣстничества онъ пишетъ: «не могу преминуть не свидѣтельствуя, съ какимъ удовольствіемъ и благодарностію всѣ пріемлютъ Высокомонаршія милости, ибо всѣ выборы весьма единодушно окончены и выбранные—всякъ съ удовольствіемъ принималъ на себя налагаемую отъ общества должность, и симъ дворяне чрезмѣрно обрадованы, что вышніе суды будутъ

[1]) Памятная книга Костр. губ. 1862 года, стр. 265, 266 и 268.

находиться по близости домовъ ихъ. Поселяне несказанно ободрены, что судъ и расправа впредь производима будетъ надъ ними подобными имъ собратіями; и по истинѣ сказать, что ощущаемая всѣми радость, даже до восхищенія, во всѣхъ и при всякомъ случаѣ видна совершенно». [1]).

Въ 1779 году Костромское намѣстничество присоединено было къ Нижегородскому, гдѣ въ то время генералъ-губернаторомъ былъ сенаторъ, генералъ-поручикъ Алексѣй Алексѣевичъ Ступишинъ.

Въ этомъ году, 13 мая, пожаръ, начавшись въ домѣ Зузина, около Богоявленскаго монастыря, опустошилъ большую часть города Костромы. Въ этотъ пожаръ особенно пострадалъ Богоявленскій монастырь. Та стѣна юго-западной башни, на штукатуркѣ которой еще въ 1672 году изображенъ былъ образъ Смоленской Божіей Матери, была объята волнами пламени; однако св. икона и деревянный на ней кіотъ чудесно остались невредимыми. Съ того времени среди жителей города началось особенное чествованіе этой иконы [2]).

Въ этотъ же пожаръ сгорѣлъ деревянный мостъ черезъ ровъ отъ новаго города къ старому городу или кремлю. Вмѣсто этого моста устроена была гать съ каменною трубою для стока воды. Въ 1781 году Высочайше конфирмованъ на Кострому генеральный планъ, по которому и начали сооружаться казенныя и частныя зданія и гостинный дворъ. Тогда же по Высочайшему повелѣнію указано, чтобъ въ костромскомъ кремлѣ не было никакихъ частныхъ зданій. Въ томъ же 1781 году, 30 іюня, лѣкарь Петръ Говій съ дозволенія начальства въ собственномъ домѣ открылъ первую въ Костромѣ аптеку [3]).

Въ 1782 году Костромское намѣстничество присоединено было къ Владимірскому, гдѣ генералъ-губернаторомъ былъ сенаторъ, генералъ-аншефъ графъ Романъ Илларіоновичъ Воронцовъ, сынъ Илларіона Григорьевича Воронцова, бывшаго костромскимъ воеводой съ 1736 по 1738 годъ.

---

[1]) «Доклады», рукопись XVIII вѣка, стр. 94.
[2]) Козловскій, стр. 192; Баженовъ И. Костр. Богоявл. Анаст. мон., стр. 15.
[3]) М. Діевъ. Костр. Губ. Вѣдом. 1856 года, № 23.

Съ 1784 г. по 1787-й владимірскимъ и костромскимъ генералъ-губернаторомъ былъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, а съ 1787 по 1797 годъ Иванъ Александровичъ Заборовскій.

Ни одинъ изъ генералъ-губернаторовъ не жилъ въ Костромѣ, но для пріѣзда его въ Костромѣ былъ особый домъ на Никольской улицѣ. Генералъ-губернаторами обыкновенно назначались люди очень богатые и облеченные большою властію, такъ что одного ихъ слова обыкновенно было достаточно для того, чтобы всякое ихъ приказаніе было исполнено. Генералъ-губернаторы должны были жить въ Костромѣ нѣсколько мѣсяцевъ въ году и обязаны быть на дворянскихъ выборахъ, куда съѣзжалось множество дворянъ съ семействами, и Кострома сильно оживлялась. Дворяне съ семьями переселялись въ намѣстническій городъ и на время пріѣзда генералъ-губернатора, и балы и торжества непрерывно слѣдовали другъ за другомъ. Въ это время каждый намѣстническій городъ изображалъ изъ себя столицу.

Хотя пребываніе генералъ-губернатора, окруженнаго могочисленной и блестящей свитой, было временнымъ въ Костромѣ, тѣмъ не менѣе это много содѣйствовало украшенію и увеличенію города, такъ какъ богатые помѣщики, занимая должности по выборамъ и отъ короны, строили себѣ въ Костромѣ дома со всѣми удобствами. Около трети городской земли застроено было домами дворянъ и чиновниковъ [1]).

22 сентября 1786 года, въ день коронаціи Императрицы Екатерины II, открыто было «главное народное училище» [2]).

Въ 1789 году учреждена въ Костромѣ ярмарка, подъ названіемъ «девятой», а въ 1790 году начатъ постройкой губернаторскій домъ близь церкви Всѣхъ Святыхъ. Въ 1791 году на Павловской площади былъ устроенъ сѣнной рядъ. Въ 1793 г. основана Г. Журaковскимъ первая въ Костромѣ типографія, въ которой до 1796 г., т. е. впродолженіи 3-хъ лѣтъ, напечатано было только девять

[1]) Прот. Діевъ М. Костромск. Губ. Вѣдом. 1856 г.; №№ 21—24.

[2]) Н. Андрониковъ. Историческ. записка о Костромской Духовной Семинаріи и Костр. Губернск. Гимназіи. 1874 г., стр. 3—5.

книгъ [1]). Эта типографія была закрыта правительствомъ въ началѣ царствованія Императора Павла I, когда были закрыты всѣ частныя типографіи и усилена цензура за книгопечатаніемъ.

Сохранились названія всѣхъ девяти книгъ, напечатанныхъ въ первой Костромской типографіи:

1. Повариха, или приготовленіе разныхъ постныхъ кушаньевъ. Костр. 1793 года, въ 8-ю долю листа.

2. Андріада, или мужественная битва. Костр. 1794 г., 8 д. л.

3. Чувствительное путешествіе въ С., перев. съ французск. Костр. 1794 года, 8 д. л.

4. Слово на торжественный день мира Россійской Имперіи съ Оттоманскою Портой. Костр. 1794 г., 4 д. л.

5. Списокъ гусарскаго копейнаго рейтарскаго и солдатскаго строю. Полковникамъ, подполковникамъ и иныхъ нижныхъ чиновъ начальнымъ людямъ Русскимъ, сочин. 1696 г., 5 ч. Костр. 1794 г., въ 8 д. л.

6. Цвѣты пчеламъ, медъ женамъ, а соръ дуракамъ. Костр. 1795 года, въ 8 д. л.

7. Безполезно излишне умствовать, нравоучительная сказка, перев. съ нѣмецк. Костр. 1795 г., въ 4 д. л.

8. Разумная нянюшка. Костр. 1796 г., въ 8 д. л.

9. Опытъ Россійской библіографіи [2]).

---

[1]) П. И. Андрониковъ. Костр. Губерн. Вѣдом. 1858 г., № 52; Прот. П. Островскій. Записки о Костромѣ и ея святынѣ, стр. 112, примѣчаніе.

[2]) М. Діевъ. Костр. Губерн. Вѣд., стр. 208.

XV.

Императоръ Павелъ I. Уничтоженіе Костромского намѣстничества. Новый губернскій гербъ. Встрѣча Императора Павла I въ г. Нерехтѣ. Императоръ Александръ I. Открытіе губернской гимназіи, уѣздныхъ и приходскихъ училищъ. Высочайшая грамота Костромскому дворянству по случаю учрежденія милиціи. Усиленное строительство въ г. Костромѣ каменныхъ церквей и зданій. Отечественная война. Посѣщеніе Костромы великимъ княземъ Михаиломъ Павловичемъ.

По смерти Императрицы Екатерицы II, на престолъ вступилъ сынъ ея *Павелъ Петровичъ.*

Императорскимъ указомъ отъ 1797 года Владимірское и Костромское генералъ-губернаторство было закрыто, а званіе намѣстника, или правителя намѣстничества замѣнено званіемъ начальника губерніи, или губернатора, который подчиненъ былъ вѣдѣнію Правительствующаго Сената.

Правителей Костромского намѣстничества, со времени его введенія, т. е. съ 1778 года по 1797 годъ, было пять, именно: генералъ-маіоръ Алексѣй Семеновичъ Шишкинъ, бригадиръ Александръ Ильичъ Алалыкинъ, генералъ-маіоръ Иванъ Львовичъ Чернышевъ, бригадиръ Алексѣй Давидовичъ Голостѣновъ и генералъ Иванъ Варѳоломеевичъ Ламбъ. Такимъ образомъ, въ 1797 году Костромское намѣстничество сдѣлалось самостоятельною губерніею, подъ управленіемъ особаго губернатора. Первымъ костромскимъ губернаторомъ былъ Борисъ Петровичъ Островскій.

При образованіи губерніи нужно было назначить одинъ изъ городовъ намѣстничества губернскимъ. По этому поводу составилось совѣщаніе для рѣшенія вопроса, какой городъ долженъ сдѣлаться губернскимъ. Голоса на совѣщаніи раздѣлись: одни указывали на Кинешму, другіе на Юрьевецъ и третьи на Макарьевъ на Унжѣ, какъ болѣе всѣхъ центральный городъ въ губерніи. Каж-

дый защищалъ предложенный имъ городъ и выставлялъ его преимущества. Споръ было окончательно рѣшенъ въ пользу Костромы только тогда, когда въ числѣ преимуществъ указано было на явленіе и пребываніе въ этомъ городѣ Ѳеодоровской иконы Богоматери.



Гербъ города Костромы.

Въ 1797 году по повелѣнію Императора Павла I пожалованъ былъ городу Костромѣ новый губернскій гербъ, изображающій щитъ, раздѣленный на четыре части, изъ которыхъ въ первой на красномъ полѣ изображенъ золотой крестъ, а въ четвертой на зеленомъ полѣ серебряный полумѣсяцъ, обращенный внизъ рогами; во второй и третьей частяхъ пустое золотое поле.

Въ 1798 году вмѣсто управы благочинія учреждена полиція, при чемъ городъ Кострома раздѣленъ былъ на три полицейскихъ части, а черезъ годъ—на двѣ. Въ 1801 году устроенъ каменный квасной рядъ, состоящій изъ семи лавокъ. Въ періодъ времени съ 1797 года по 1800 костромское народное училище перешло въ вѣдѣніе Приказа Общественнаго Призрѣнія, для помѣщенія его пріобрѣтенъ каменный двухъэтажный домъ около церкви Бориса и Глѣба [1]), и директоромъ этого училища назначенъ былъ флота капитанъ 1-го ранга Германъ Ивановичъ Шурманъ.

Императоръ Павелъ I намѣревался посѣтить Кострому проѣздомъ изъ Казани, но, доѣхавъ до города Нерехты и переночевавъ тамъ, отправился прямо въ Ярославль.

Для встрѣчи Государя въ Нерехту прибылъ преосвященный костромской Павелъ и гражданскій губернаторъ Островскій съ чиновниками губерніи. За нѣсколько часовъ до пріѣзда Государя прибылъ въ Нерехту изъ Императорской свиты князь Нелединский

[1]) Теперешній губернаторскій домъ.

скій, родственникъ костромского губернатора и вмѣстѣ тайный его недоброжелатель, и далъ коварный совѣтъ губернатору, чтобы онъ приказалъ городничему встрѣтить Государя у городской заставы съ отрядомъ гусаръ и съ обнаженными саблями. Неизвѣстно, по этой или другой причинѣ Императоръ отдалъ Высочайшій приказъ о немедленномъ удаленіи губернатора изъ Нерехты. Государь не заѣхалъ даже въ соборъ, такъ что и преосвященный выѣхалъ изъ Нерехты вслѣдъ за губернаторомъ. Императоръ ночевалъ въ Нерехтѣ въ домѣ купца Хворинова, который получилъ въ награду золотые часы. Неизвѣстно, по какому случаю въ Нерехтѣ Императору представлялся Костромской купецъ Дмитрій Дмитріевичъ Солодовниковъ, съ женою своею Ѳеклою Васильевною, и костромскіе татары [1].

1801 годъ нужно считать годомъ введенія въ Россіи вакцинаціи—прививки телячьей оспы. Введеніе и распространеніе вакцинаціи тѣсно связаны съ именемъ Императрицы Маріи Ѳеодоровны, супруги Императора Павла I. Въ Костромѣ и Костромской губерніи оспопрививаніе начало производиться съ 1805 года, въ каковомъ году телячья оспа была привита 127 дѣтямъ; въ 1806—27; въ 1808—1003; въ 1809—2076 и въ 1810 году—3928 дѣтямъ [2].

Въ 1801 году, во время приготовленій къ войнѣ съ Англіей, Императоръ Павелъ I скончался и на престолъ вступилъ старшій сынъ его *Александръ*, любимый внукъ Екатерины II. Въ его царствованіе реформы внутреннихъ, общегосударственныхъ учрежденій получили дальнѣйшее развитіе. Коллегіи Петра I замѣнены были министерствами, учреждены Комитетъ министровъ и Государственный Совѣтъ, изданъ указъ, дозволяющій помѣщикамъ отпускать на волю крестьянъ цѣлыхъ деревень, отмѣнены пытки при допросахъ и запрещено продавать крѣпостныхъ людей на торгахъ и ярмаркахъ. Реформы Александра I коснулись и народнаго образованія. Такъ открыты университеты Казанскій, Харьковскій и С.-Петербургскій, главныя народныя училища переименованы въ гимназіи и учреждены приходскія училища для первоначальнаго образованія.

---

[1] Вознесенскій. Воспомин. о путешеств. Высоч. Особъ дома Романовыхъ, стр. 42 и 43.
[2] В. О. Губертъ. Оспа и оспопрививаніе, стр. 491 и 513.

15 сентября 1804 года торжественно открыта была Костромская губернская гимназія. Первымъ директоромъ гимназіи остался директоръ главнаго народнаго училища Германъ Ивановичъ Шурманъ. Въ 1805 году открыто было въ Костромѣ уѣздное училище. Хотя распоряженіе объ открытіи приходскихъ училищъ было издано еще въ 1803 году, однако въ г. Костромѣ первое приходское училище, именно Александровское, было открыто позднѣе, именно въ 1814, а Константиновское приходское—въ 1824 году.

Въ 1806 году Пищальная слобода вошла въ черту города и экономическіе крестьяне этой слободы приписаны были въ мѣщанское сословіе Въ томъ-же году скончался костромской губернаторъ тайный совѣтникъ, командоръ ордена св. Іоанна Іерусалимскаго, Николай Ивановичъ Кочетовъ и погребенъ въ Бабаевскомъ монастырѣ, Костромской губерніи.

Въ 1807 году изданъ былъ указъ объ учрежденіи милиціи или земскаго войска, и организація этого дѣла поручена россійскому дворянству. Костромское дворянство хорошо выполнило эту задачу, что видно изъ слѣдующей грамоты Императора Александра I: «всѣмъ извѣстно, съ какою ревностію и усердіемъ благородное россійское дворянство по воззванію Нашему подвизалось въ образованіи земскаго войска. Знаменитые опыты единодушнаго его содѣйствія въ лѣтописяхъ общественныхъ дѣяній всегда будутъ незабвенны, и къ чести россійскаго имени вмѣстѣ съ памятію происшествій прейдутъ къ позднѣйшему потомству. Въ семъ общемъ подвигѣ благородное дворянство Костромской губерніи, не щадя не трудовъ, ни жертвъ своего достоянія, ознаменовало себя отличнымъ соревнованіемъ ко благу общему. Именемъ благодарнаго отечества, воздавъ въ свое время симъ достохвальнымъ побужденіямъ принадлежащую справедливость, признали мы за благо вящее оное утвержденіе сею особенною Нашею грамотою изобразить благородному сословію дворянства Костромской губерніи свидѣтельство Нашей признательности и непремѣняемаго благоволенія. Въ удостовѣреніе чего, мы сію Нашу грамоту рукою Нашею подписали и государственною печатью утвердить повелѣли». Первымъ коман-

диромъ костромской милиціи былъ капитанъ Иванъ Антоновичъ Карповъ. [1]).

Въ 1810 году костромскимъ помѣщикомъ Кологривовымъ устроенъ въ костромскомъ тюремномъ замкѣ прекрасный храмъ и на обезпеченіе отдѣльнаго причта въ этомъ храмѣ въ 1817 году этимъ же благотворителемъ пожертвована была значительная сумма денегъ. Этотъ тюремный храмъ былъ единственнымъ тогда во всей Россіи и послужилъ примѣромъ для устройства таковыхъ и въ другихъ мѣстахъ Имперіи. [2]).

Въ первое десятилѣтіе XIX вѣка Кострома продолжала обстраиваться и украшаться каменными зданіями. За это время выстроены каменныя церкви: Борисоглѣбская, Благовѣщенская, Власьевская и Спасская на Запрудне, кромѣ того устроены каменныя лавки Масляного и Сѣнного рядовъ. Усиленное строительство каменныхъ церквей и зданій въ г. Костромѣ относится къ концу XVIII и началу XIX в., что показываетъ, что въ это время городъ имѣлъ большіе достатки, что можно объяснить ни чѣмъ инымъ, какъ быстрымъ развитіемъ фабричной промышленности въ городѣ. Знаменитый митрополитъ Платонъ, который въ 1792 г. пріѣзжалъ въ Кострому для поклоненія ея святынямъ, въ своихъ путевыхъ запискахъ, между прочимъ, отмѣчаетъ, что «жители Костромы всѣхъ нами видимыхъ городовъ—Переяславля, Ростова и Ярославля—достаточнѣе и приборнѣе» [3]).

Наступилъ знаменитый въ исторіи Россіи 1812 годъ, когда войска всей Западной Европы, во главѣ съ Наполеономъ, обрушились на Россію.

Какъ только непріятельскія войска въ іюнѣ 1812 г. перешли Нѣманъ и вступили во владѣнія Россіи, многіе жители Смоленска и Москвы, разныхъ сословій, устремились въ поволжскіе города и перевозили туда свое имущество. Это массовое переселеніе на берега Волги дало поводъ Василію Львовичу Пушкину, родному дядѣ знаменитаго впослѣдствіи поэта Пушкина, написать тогда оду, ко-

---

[1]) Кн. Козловскій, стран. 197, примѣчаніе.
[2]) Князь Козловскій—рукопись.
[3]) Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 130.

торая начиналась словами: «Примите насъ подъ свой покровъ, О, волжскихъ жители бреговъ». Не только жители, но цѣлыя учрежденія переведены были въ поволжскіе города. Изъ Москвы въ Кострому переведенъ былъ театръ съ чиновниками и воспитанниками, изъ Смоленска—губернаторъ Ушаковъ съ канцеляріею, воспитательный домъ, кадетскій корпусъ и архивы Смоленской губерніи, которые были помѣщены въ Богоявленскомъ монастырѣ. Болѣе 300 различныхъ фамилій переселились изъ разныхъ мѣстъ въ Кострому, между которыми были: графиня Каменская съ внучатами, княгиня Анна Васильевна Горчакова (сестра знаменитаго А. В. Суворова), князья Трубецкіе, Щербатовы, Мятлевы, Ступишины, Аленины, Тихменевы и Павловы. «Особеннаго примѣчанія достойно, говоритъ историкъ Костромы кн. Козловскій [1]), что, при попеченіи правительства и христіанскомъ соболѣзнованіи къ ближнему костромскихъ жителей, въ столь смутное время, могущее возбудить жадность къ обогащенію, цѣна ни на какія жизненныя потребности и въ то время ни мало противъ прежней не возвысилась». По воззванію Императора, гдѣ онъ выражаетъ увѣренность, что врагъ встрѣтитъ въ каждомъ дворянинѣ Пожарскаго, въ каждомъ духовномъ Палицына и въ каждомъ гражданинѣ Минина, костромское дворянство собрало ополченіе, состоявшее изъ 10.519 человѣкъ ратниковъ и раздѣленное на 4 полка и одинъ батальонъ пѣшихъ и одинъ конный полкъ. Во главѣ всего Костромского ополченія былъ генералъ-лейтенантъ П. Г. Бардаковъ; полковыми начальниками: полковникъ Черевинъ, князь Вяземскій, подполковникъ Щулепниковъ и капитанъ 2 ранга Маковѣевъ, котораго вскорѣ замѣстилъ камергеръ Татищевъ; начальникомъ коннаго полка былъ Небольсинъ.

Передъ выступленіемъ отряда преосвященный Сергій благословилъ ополченіе Ѳеодоровской иконой Богоматери «въ знакъ Божія благословенія и въ залогъ будущихъ надъ врагомъ побѣдъ» [2]). Въ послѣднихъ числахъ августа 1812 года Костромское ополченіе

---

[1]) Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 117.
[2]) Тамъ же, стр. 137.

выступило изъ Костромы на театръ военныхъ дѣйствій. Кромѣ того, въ Костромѣ былъ собранъ еще резервный отрядъ, состоявшій изъ 500 человѣкъ, который былъ подъ командой статскаго совѣтника С. Ѳ. Аладьина.

Разореннымъ жителямъ гор. Смоленска и губерніи костромское дворянство пожертвовало 50.000 четвертей ржи и собрало деньгами 500.000 рублей (ассигнаціями), изъ которыхъ 50.000 употреблено было на поправку церквей Смоленской губерніи, 50.000 для солдатскихъ вдовъ и сиротъ и 400.000 на вспомоществованіе разореннымъ жителямъ Смоленской губерніи. И остальныя сословія Костромы также горячо отозвались на призывъ къ помощи. Такъ пожертвованія поступили: отъ архимандрита костромского Богоявленскаго монастыря съ братіею въ слиткахъ золота 19¼ золотн. и 9 фунт. 78 золотн. серебра; отъ протоіерея каѳедральнаго Троицкаго собора [1]) Даніила Груздева съ братіею червоннаго арабскаго золота въ слиткѣ и обрѣзкахъ 2 фунта; отъ протоіерея костромского Успенскаго собора Іакова Арсеньева съ братіею 1 фунтъ 53 золотн. серебра 63 пробы въ слиткѣ; отъ священника гор. Костромы Златоустовской церкви Соколова 1 фунтъ 72½ зол. 60 пробы въ слиткѣ и вещахъ; отъ священника Борисоглѣбской церкви Ѳеодора Пружининскаго 4 фун. 69 зол. въ слиткахъ и вещахъ; изъ костромской консисторіи серебра, доставленнаго изъ разныхъ мѣстъ, 76 фунт. 70⅗ зол. въ слиткахъ, привѣсахъ, вѣнчикахъ, крестахъ и медаляхъ; отъ корнета Павла Андреевича Мошкова и капитана Абрама Петровича Сумарокова, отъ каждаго по 100 древковъ для пикъ; отъ титулярнаго совѣтника Александра Пушкина холстины рубашечной и подкладочной 200 аршинъ; отъ Костромского первостатейнаго купца и фабриканта Петра Угличанинова равендуку 300 кусковъ, отъ первостатейнаго же купца Петра Дурыгина 100 кусковъ равендуку; отъ 1-й гильдіи купца Дмитрія Солодовникова 100 кусковъ равендуку; отъ 1-й гильдіи купца Александра Стригалева 50 кусковъ равендуку; отъ Алексѣя Дурыгина съ братьями 100 кусковъ фламскихъ; отъ Николая Стригалева съ братьями 60 кусковъ; отъ

---

[1]) Въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

Θеодора Ашастина съ братьями 150, отъ Θеодора Ознобихина 70 и отъ Василія Колодкина 50 кусковъ равендуку [1]). Ученики Костромской семинаріи пожертвовали на военныя нужды 200 рублей, завѣщанныя имъ умершимъ (7 дек. 1811 г.) преосвященнымъ Евгеніемъ; кромѣ того, весьма многіе изъ нихъ записались въ ополченіе, куда поступило по особому выбору начальника ополченія лишь 25 человѣкъ [2]).

Такъ костромичи отозвались на общественное бѣдствіе 1812 г.

Изъ костромичей, сражавшихся за отечество подъ командой Бардакова, многіе получили награды за храбрость. Крѣпость Глогау сдалась костромскому отряду и ключи этой крѣпости поднесены были въ Парижѣ Императору Александру I командиромъ одного изъ полковъ костромского ополченія дѣйствительнымъ камергеромъ -го класса и кавалеромъ С. П. Татищевымъ, [3]) который за это награжденъ орденомъ Св. Анны 2-й ст., украшеннымъ бриллiантами, а отъ короля Прусскаго орденомъ Краснаго Орла 2-го класса [4]).

По окончаніи Отечественной войны, когда побѣдоносныя русскія войска возвращались изъ Франціи, изъ всѣхъ губерній отправились въ Петербургъ депутаціи для поднесенія Императору поздравленій. Костромская депутація состояла изъ губернскаго предводителя дворянства князя Д. Н. Козловскаго, уѣздныхъ предводителей: солигаличскаго—полковника Купреянова и буйскаго—Насѣкина, дворянъ Постникова и Алалыкина, костромского городского головы Стригалева и купца Іюдина.

Въ 1813 году въ Костромѣ были построены каменныя кузницы и плову̀чій мостъ черезъ рѣку Кострому; въ томъ же году пожаромъ уничтожены всѣ зданія духовной семинаріи, находившейся на Запруднѣ, вслѣдствіе чего семинарія помѣщена была въ Богоявленскомъ монастырѣ, а духовное училище—въ домѣ, принадлежавшемъ Успенскому собору.

---

[1]) Кн. Козловскій. Взглядъ на истор. Костромы, стр. 193—197, примѣч.
[2]) Н. О. Андрониковъ. Историч. записки о Костром. духов. семин., стр. 40—41.
[3]) С. П. Татищевъ впослѣдствіи нѣсколько трехлѣтій служилъ костромскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства.
[4]) Кн. Козловскій, примѣчаніе на стр. 193.

19 августа 1817 года посѣтилъ Кострому великій князь Михаилъ Павловичъ. Тотчасъ по пріѣздѣ онъ отправился въ Успенскій соборъ, у святыхъ вратъ котораго его встрѣтилъ ректоръ костромской семинаріи архимандритъ Августъ. Послѣ поклоненія святынѣ собора—Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, великій князь, въ сопровожденіи знаменитаго героя Паскевича-Эриванскаго, отправился въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ его привѣтствовалъ, за отсутствіемъ мѣстнаго епископа, протоіерей Даніилъ Груздевъ слѣдующею рѣчью: «Быстрая молва—предтеча шествія Твоего всюду по счастливымъ берегамъ Волги разливаетъ жажду зрѣть Тебя, Великій Князь! Пришествіе Твое грады и веси наполняетъ веселіемъ. Но ни одно мѣсто въ пространной Имперіи не имѣетъ столь справедливыхъ причинъ радоваться при взглядѣ на Тебя, Высокій нашъ посѣтитель, какъ градъ нашъ, а наипаче сія древняя обитель, смиренію и молитвамъ посвященная. При имени Михаила она сотрясаетъ дряхлость свою, юнѣетъ и препоясуется веселіемъ. Всѣ сердца сущихъ здѣсь трепещутъ отъ радости, воскрешая въ памяти тѣ времена, когда не столько крѣпость сихъ стѣнъ, сколько крѣпость вѣрныхъ сердецъ предковъ нашихъ хранили въ ней послѣднюю надежду бѣдствующаго отечества нашего—отрасль фамиліи Романовыхъ, предопредѣленныхъ судьбами провидѣнія царствовать въ Россіи и назидать ея славу и благоденствіе. И се отверсты предъ тобою тѣ самыя врата, коими соименный Тебѣ предокъ, Государь Михаилъ Ѳеодоровичъ исшелъ отсюда устроить счастіе умолявшихъ его сыновъ Россіи. Гряди, второй Михаилъ, порфироносный сынъ Павла перваго, гряди въ достопамятныя для насъ врата сіи, посѣти обитель, которую Екатерина Великая милостиво посѣтить благоволила. Тамо узриши алтарь, на который древле юный Михаилъ первый возложилъ торжественный обѣтъ спасти Россію отъ бѣдствій и возвеличить паче всѣхъ царствъ земныхъ. А мы, въ сердечномъ умиленіи взирая на Тебя, высокаго Потомка его, возложимъ на оный же алтарь жертву благодаренія за исполненіе обѣтовъ знаменитаго предка, славнымъ и великимъ потомкомъ Его» [1]). Выслушавъ въ Ипатіев-

---

[1]) Свящ. Вознесенскій, стр. 45 и 46; кн. Козловскій, стр. 199 и 200.

скомъ монастырѣ молебенъ съ многолѣтіемъ и приложившись къ иконамъ, великій князь возвратился въ Кострому. На другой день онъ снова прибылъ въ Ипатіевскую обитель, гдѣ съ любопытствомъ обозрѣвалъ достопримѣчательности монастыря. Особенное его вниманіе было обращено на Евангеліе, которое, по преданію, написано рукою княжны Ксеніи Борисовны Годуновой. При осмотрѣ келій, гдѣ временно, въ февралѣ—мартѣ 1613 года, жилъ Михаилъ Ѳеодоровичъ съ своей матерью, великій князь былъ пораженъ крайней ихъ простотою и сказалъ: «вотъ каковы были царскіе чертоги!». Не укрылись отъ его наблюдательнаго взора и трещины, которыя были на сводахъ келій, и исправленіе ихъ онъ приказалъ отложить до пріѣзда Императора Александра, намѣревавшагося посѣтить Кострому [1]).

Заботясь объ улучшеніи города, костромской губернаторъ Карлъ Ивановичъ Баумгартенъ въ 1817—18 годахъ приказалъ срыть земляные валы съ сѣверо-восточной стороны бывшаго кремля и засыпать рвы, находившіеся около валовъ. На этомъ мѣстѣ въ 1819—20 годахъ былъ разбитъ садъ, а по юго-восточному валу бульваръ. Въ это же время городъ обстроился новыми красивыми зданіями. На Екатерининской площади (Сусанинская) были сломаны деревянныя лавочки, въ которыхъ производился торгъ овсомъ и сѣномъ, и на мѣстѣ ихъ устроены каменные дома генерала Борщова [2]) и Благовѣщенской церкви; позади сада, вмѣсто деревянныхъ лавочекъ, выстроенъ былъ каменный корпусъ лавокъ и домъ городского общества [3]). Въ 1822 г. городское общество устроило прекрасный плашкотный мостъ чрезъ рѣку Кострому, стоившій болѣе 8540 руб., но этотъ мостъ существовалъ только до первой весны, когда никакія укрѣпленія, устраиваемыя въ защиту береговыхъ подмостковъ, не могли устоять противъ напора льда изъ Волги въ рѣку Кострому [4]).

Въ 1823 году открыто въ Костромѣ попечительство о бѣдныхъ

---

[1]) Свящ. Е. П. Вознесенскій. Воспомин. о путеш. Высочайшихъ особъ, стр. 44—49; Кн. Козловскій, примѣч. на стр. 199—200.

[2]) Нынѣ Окружный Судъ.

[3]) Свѣдѣнія взяты у Островскаго, кн. Козловскаго и изъ Памятн. книжки Костром. губ. за 1862 годъ.

[4]) Островскій, прот. Истор. записки о Костромѣ, стр. 141.

духовнаго званія, на что изъ казны ассигновано было каждогодно 1355 руб.

Въ 1824 году Кострома продолжала украшаться каменными зданіями. Такъ, выстроенъ былъ, по мысли преосвященнаго костромского Самуила, большой каменный двухъэтажный домъ на углу Ильинской и Набережной улицъ для церковно-служителей Успенскаго собора, а на городской Екатеринославской площади величественная каланча и гауптвахта. Строителемъ каланчи и гауптвахты былъ ссыльный архитекторъ П. И. Фурсовъ [1]). Н. П. Колюпановъ въ своихъ (посмертныхъ) запискахъ говоритъ, что оба эти зданія въ настоящее время обезображены и мало похожи на свой первообразъ. Изящный, на четырехъ коринѳскихъ колоннахъ, портикъ каланчи сохранился до сихъ поръ и красиво выступаетъ на площади. Прежде вся каланча состояла изъ ажурныхъ ярусовъ, поддерживаемыхъ такими-же колоннами, и точно висѣла въ воздухѣ.

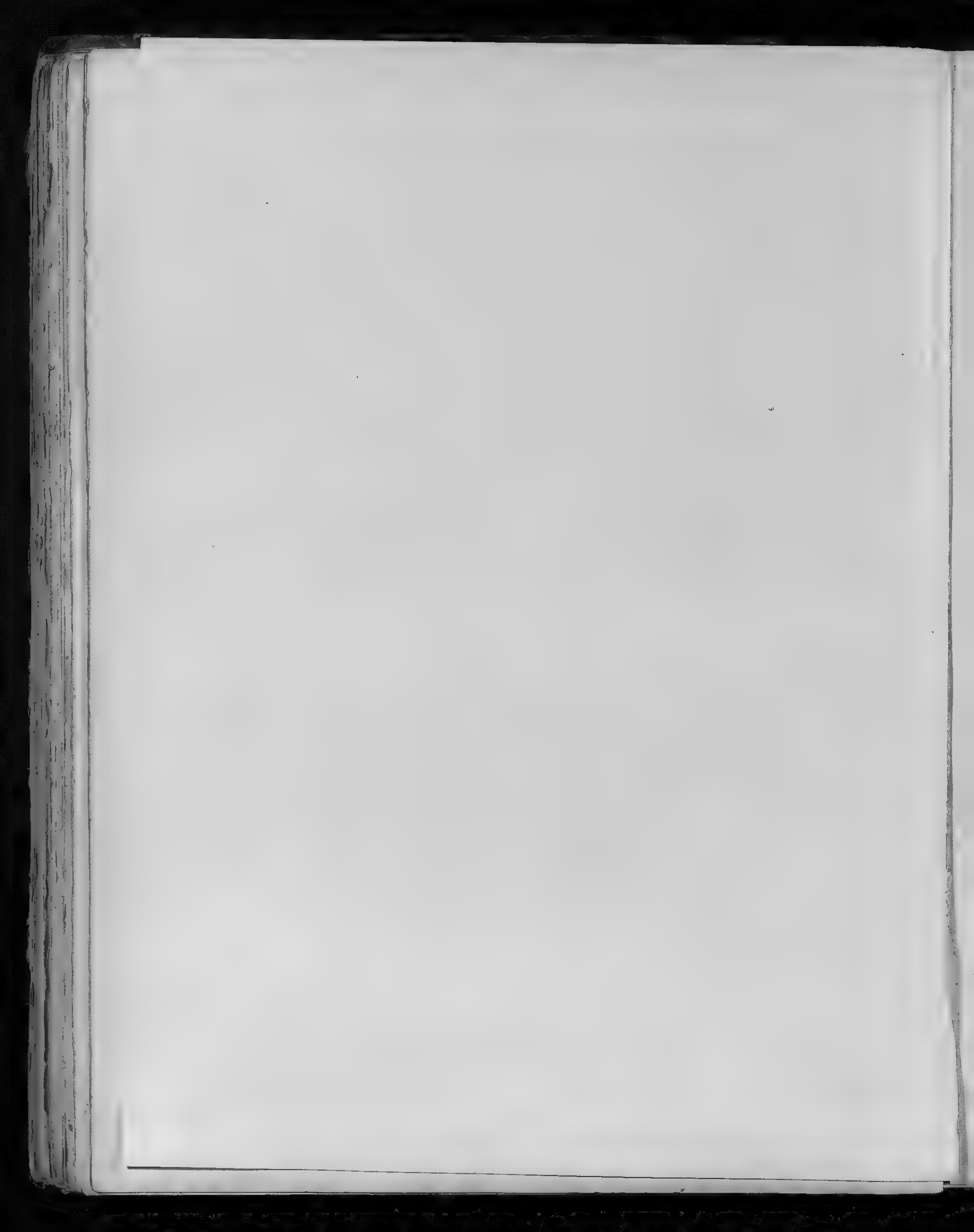
Въ томъ-же 1824 году въ Костромѣ открыто было Константиновское приходское училище, а кадетскій корпусъ снова переведенъ изъ Костромы въ Смоленскъ.

---

[1]) Русское Обозрѣніе 1895 года, янв. и мартъ—май.



1. Пожарная каланча.
2. Часовня на Святомъ озерѣ, на мѣстѣ битвы съ татарами.
3. Часовня на другой сторонѣ Святого оз., въ память битвы съ поляками.
4. Старый дворъ. 5. Успенскій соборъ.
6. Домъ начала XVIII ст. 7. Домъ Акатова.



XVI.

Императоръ Николай Павловичъ. Училище для дѣтей канцелярскихъ служителей. Попечительный о тюрьмахъ комитетъ. Пребываніе Императора Николая Павловича въ Костромѣ. Возбужденіе вопроса о памятникѣ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Пріѣздъ въ Кострому Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Закладка св. воротъ и надъ ними храма во имя св. Хрисанѳа и Даріи въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

---

19 НОЯБРЯ 1825 года скончался Императоръ Александръ Павловичъ и на престолъ вступилъ братъ его *Николай Павловичъ*, который въ 1826 году въ Москвѣ короновался на царство. На коронованіи, въ качествѣ депутата отъ костромского духовенства, какъ первослужитель у Ѳеодоровской иконы Богоматери, присутствовалъ протоіерей Іаковъ Арсеньевъ.

Въ 1826 году въ Костромѣ именитымъ гражданиномъ Угличаниновымъ устроенъ былъ инвалидный домъ на 10 человѣкъ [1]).

Въ 1827 году состоялся Высочайшій приказъ объ учрежденіи особыхъ училищъ для дѣтей канцелярскихъ служителей. Эти училища предположено было открыть для всей Россіи въ десяти губернскихъ городахъ. 25 декабря 1828 года такое училище было открыто въ Костромѣ для губерній Костромской, Ярославской, Владимірской и Вологодской. Въ 1830 году городъ Кострому постигло несчастье. Особеннаго свойства болѣзнь—холера, неслыханная доселѣ въ Россіи, появилась и въ Костромѣ и произвела страшныя опустошенія среди жителей города и губерніи. Болѣзнь повторилась и на слѣдующій годъ въ лѣтніе мѣсяцы. Администрація города Костромы принимала всевозможныя зависящія отъ нея мѣры къ прекращенію болѣзни, и особенную благодарность въ памяти костро-

---

[1]) Кн. Козловскій. Рукопись.

мичей оставилъ въ этомъ отношеніи, по свидѣтельству очевидца князя Козловскаго, костромской губернаторъ С. С. Ланской своею неутомимостью и самоотверженіемъ.

Въ 1831 году, вслѣдствіе Высочайшаго повелѣнія, приступлено было къ сформированію Костромского попечительнаго комитета о тюрьмахъ. При содѣйствіи епископа Костромского и Галичскаго Павла и по приглашенію губернатора многіе дворяне, чиновники и купцы отозвались на призывъ, какъ готовностью служить этому богоугодному дѣлу, такъ и своими единовременными и ежегодными взносами. Уже состоялось избраніе членовъ комитета и утвержденіе ихъ, но комитетъ не могъ быть тотчасъ же открытъ, такъ какъ губернаторъ Ланской былъ переведенъ во Владиміръ, поступившій же вмѣсто него губернаторъ Жемчужниковъ вскорѣ уволенъ отъ должности и многіе члены комитета выбыли. Вновь назначенный костромскимъ губернаторомъ Александръ Григорьевичъ Приклонскій поспѣшилъ приступить къ открытію тюремнаго комитета. 14 марта, въ день празднованія въ честь Ѳеодоровской иконы Божіей Матери, послѣ божественной литургіи, которую въ Успенскомъ соборѣ совершилъ Его Преосвященство съ произнесеніемъ назидательнаго слова, а въ тюремномъ замкѣ—ректоръ костромской семинаріи архимандритъ Аѳанасій, возвѣстившій узникамъ о милосердномъ о нихъ попеченіи Монарха, гг. вице-президенты, члены комитета и многочисленные посѣтители прибыли въ находящійся близъ собора архіерейскій домъ. Открытіе комитета началось концертомъ архіерейскихъ пѣвчихъ: «Кто Богъ велій, яко Богъ нашъ?». Затѣмъ Его Преосвященство произнесъ къ присутствующимъ краткую, но исполненную силою убѣжденія, рѣчь, послѣ которой прочитано было Высочайшее повелѣніе объ устройствѣ попечительнаго о тюрьмахъ комитета въ г. Костромѣ. Въ заключеніе всѣ присутствующіе сдѣлали во вновь открытый комитетъ пожертвованіе, превышающее 1000 рублей ас. (285 р. с.); торжество открытія закончено пѣніемъ пѣвчими «Боже Царя храни» и многолѣтія Государю. Въ томъ же году были открыты уѣздные попечительные о тюрьмахъ комитеты въ каждомъ уѣздномъ городѣ Костромской губерніи [1]).

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1838 года, №№ 14, 15 и 16.

Въ 1831 году въ г. Костромѣ умерла замѣчательная старица, которую современники звали «блаженная Дарьюшка». Дарьюшка 30 лѣтъ носила тяжелые вериги, явила въ жизни много опытовъ духовной прозорливости и пользовалась извѣстностью среди всѣхъ классовъ города Костромы. Дарьюшку, какъ удостовѣряетъ И. В. Баженовъ («Чуд. обр. Христа Спасителя въ Запрудн. храмѣ», стр. 7), принимали къ себѣ Государь Александръ Павловичъ и супруга Его Елизавета Алексѣевна.

7 октября 1834 г., въ 5 часовъ вечера, прибылъ въ Кострому изъ Москвы, черезъ Ярославль, Государь Императоръ Николай Павловичъ. Коляска Государя, быстро пронесшись сквозь разступившіяся толпы собравшагося со всѣхъ сторонъ народа, остановилась у Екатерининскихъ воротъ Ипатіевскаго монастыря. Здѣсь Государя встрѣтилъ преосвященный костромской Павелъ съ архимандритами, соборнымъ духовенствомъ и монашествующими, съ запрестольнымъ крестомъ, хоругвями и образомъ св. Троицы. Государь, выслушавъ привѣтственную рѣчь Преосвященнаго и приложившись къ Животворящему Кресту, прослѣдовалъ въ Троицкій соборный храмъ, гдѣ, по выслушаніи краткаго молебствія, осмотрѣлъ ризницу монастыря и всѣ мѣста, освященныя воспоминаніями о своемъ Царственномъ Родоначальникѣ. По окончаніи осмотра, Его Величество, сопровождаемый массой народа, при колокольномъ звонѣ церквей всего города, прибылъ въ домъ генералъ-лейтенанта Сергѣя Семеновича Борщова [1]), гдѣ былъ встрѣченъ начальникомъ губерніи Александромъ Григорьевичемъ Приклонскимъ. Народъ сплошь заполнилъ всю Сусанинскую площадь и прилегающія къ ней улицы. Прекрасная погода благопріятствовала иллюминаціи площади и всего города.

На другой день, въ 9 часовъ утра, представлялись Государю: костромское дворянство, чиновники и купечество, а также жители Татарской слободы и бѣлопашцы-потомки Сусанина. Въ 10 часовъ утра Его Величество, въ одномъ экипажѣ съ начальникомъ губерніи, запряженномъ парой лошадей, посѣтилъ костромской Успенскій

[1]) Гдѣ нынѣ Окружный Судъ.

соборъ, предъ святыми вратами котораго былъ встрѣченъ преосвященнымъ Павломъ съ Ѳеодоровской иконой Богоматери. Приложившись къ чудотворной иконѣ, Государь пошелъ къ собору по помосту, устланному бѣлыми полотнами. По выслушаніи молебствія, принявъ отъ преосвященнаго копію съ иконы Ѳеодоровской Богоматери, Государь освѣдомился: «сколь давно построенъ соборъ и при комъ?»

Въ соборѣ преосвященный представилъ Государю ректора семинаріи архимандрита Аѳанасія, архимандрита галичскаго Паисіева монастыря Никанора, соборныхъ протоіереевъ и городскихъ благочинныхъ. Изъ собора Государь Императоръ отправился для обозрѣнія богоугодныхъ заведеній приказа общественнаго призрѣнія, острога, училища дѣтей канцелярскихъ служителей, рабочаго и инвалиднаго домовъ. Осмотрѣвъ богоугодныя заведенія, Государь сказалъ: «развалины гнилы, а содержатся такъ, какъ, дай Богъ, у меня въ Петербургѣ». При обзорѣ училища дѣтей канцелярскихъ служителей Его Величество, замѣтивъ сырость въ нѣкоторыхъ комнатахъ, приказалъ штукатурку отбить, въ комнатахъ поставить желѣзныя печи и воспитанниковъ перевести въ новое зданіе тогда, когда оно будетъ сухо [1]. Въ 12 часовъ дня Государь посѣтилъ гимназію.

Въ тотъ же день, т. е. 8 октября, состоялся Высочайшій обѣдъ, на который, кромѣ лицъ Государевой свиты, приглашены были: начальникъ губерніи Приклонскій, губернскій предводитель дворянства Купреяновъ, генералъ Тришатный, окружный начальникъ гарнизоновъ внутренней стражи и хозяинъ Царской квартиры генералъ-лейтенантъ Борщовъ. Вечеромъ гостинный дворъ, присутственныя мѣста, домъ дворянскаго собранія, гауптвахта и весь городъ были иллюминованы; особенно изящно и красиво, подъ наблюденіемъ архитектора Фурсова, была освѣщена каланча, и Государь долго стоялъ и любовался ею, а затѣмъ сказалъ: «такой каланчи у меня и въ Петербургѣ нѣтъ» [2].

9 октября утромъ, около 9 часовъ, Государь Императоръ, по выходѣ изъ внутреннихъ покоевъ, милостиво поздоровавшись съ гу-

---

[1] Козловскій, стр. 123, 124; свящ. Е. П. Вознесенскій, стр. 55—60; Колюпановъ Н. П. Посмертныя записки. Русское Обозрѣніе 1895 года.

[2] Н. П. Колюпановъ. Русское Обозрѣніе 1895 года.

бернаторомъ Приклонскимъ, подозвалъ къ себѣ графа Бенкендорфа и сказалъ ему, «скажи Позену [1]), чтобы онъ вручилъ губернатору орденъ прежде, чѣмъ онъ выйдетъ изъ этого дома».

По выходѣ Государя для осмотра Костромского баталіона внутренней стражи, Позенъ тутъ же поднесъ Приклонскому рескриптъ и орденъ св. Владиміра III степ. [2]). Хозяину Царской квартиры Государь подарилъ золотую табакерку съ вензелевымъ изображеніемъ Имени Его Величества.

Въ 10-мъ часу утра, при колокольномъ звонѣ и крикахъ ура, Государь выбылъ изъ города Костромы, сказавъ на прощанье: «Я видѣлъ такую приверженность, любовь и усердіе народное только въ Ригѣ и Костромѣ» [3]).

18 октября 1834 года губернаторъ Приклонскій получилъ отъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ предписаніе слѣдующаго содержанія: «Государь Императоръ въ Высочайшее путешествіе по Костромской губерніи и пребываніе въ Костромѣ изволилъ найти слѣдующее: 1) острогъ въ порядкѣ и чистотѣ; 2) инвалидный домъ и богадѣльня въ порядкѣ; 3) школа дѣтей канцелярскихъ служителей въ старомъ домѣ въ порядкѣ; новый домъ отмѣнно хорошъ, но сыръ отъ ранней штукатурки, почему Его Императорское Величество изволилъ: запретить переводить туда нынѣ школу и приказать штукатурку снаружи сбить, а въ комнатахъ поставить желѣзныя печи и камины; 4) больница въ весьма ветхомъ деревянномъ домѣ, но въ порядкѣ и требуетъ непремѣнной постройки новыхъ общихъ зданій приказа по утвержденнымъ планамъ. Его Величество соизволилъ, чтобъ таковыя постройки были ускорены; 5) губернаторскій домъ большой, на хорошемъ мѣстѣ, но близокъ къ разрушенію. Его Величество Высочайше соизволилъ, чтобъ сей домъ нынѣ же былъ сданъ въ вѣдомство Министерства Народнаго Просвѣщенія, дабы отдѣлать его для гимназіи съ пансіономъ, къ чему онъ весьма удобенъ, а въ замѣнъ того нынѣшній домъ гимназіи отдать для помѣщенія губернатора, сдѣлавъ въ немъ нужныя передѣлки; 6) г. Кострома

---

[1]) Правителю походной Государевой канцеляріи.
[2]) Костромская старина, вып. IV Коробицынъ, стр. 204.
[3]) Костр. Губерн. Вѣд. 1847 года, № 48; Вознесенскій, стран. 64.

содержится чисто и хорошо; 7) дороги по губерніи въ самомъ прелестномъ видѣ и исправности и, послѣ Московскаго шоссе, первыя въ Россіи; 8) почтовые дома каменные и содержатся прекрасно. Его Императорское Величество повелѣть соизволилъ: за все сіе объявить вашему превосходительству особенную Монаршую благодарность.

Пребываніе Императора Николая I не осталось безъ послѣдствій и для посѣщеннаго имъ Ипатіевскаго монастыря. Высочайше повелѣно реставрировать дворецъ Михаила Ѳеодоровича, сохранивъ остатки архитектуры и вкуса древняго времени, и вновь возвести по сдѣланному извѣстнымъ въ Россіи архитекторомъ Тономъ плану Святыя ворота, устроивъ надъ ними храмъ во имя св. мучениковъ Хрисанѳа и Даріи, память которыхъ празднуется церковію 19 марта, чтобъ увѣковѣчить это историческое число, когда 19 марта 1613 г. Михаилъ Ѳеодоровичъ вышелъ изъ Ипатіевскаго монастыря въ Москву на царство и когда 19 же марта 1814 года Императоръ Александръ I съ побѣдоносными русскими войсками вступилъ въ столицу Франціи.

14 декабря 1834 года, какъ даръ Государя Императора Ипатіевскому монастырю, получены изъ Москвы: а) серебряный, внутри и снаружи вызолоченный, ковшъ, съ двуглавымъ орломъ внутри, вѣсомъ 1 ф. 27 зол., въ клеймахъ на поляхъ имѣющій рѣзную надпись: «Божіею милостію Государь Царь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ и всея Русіи Самодержецъ» и б) чернаго дерева посохъ, принадлежавшій Царю Михаилу Феодоровичу — хранившіеся до сихъ поръ въ Московской Оружейной Палатѣ.

Императоръ Николай Павловичъ обратилъ вниманіе на положеніе бѣлопашцевъ. Будучи освобождены отъ денежныхъ сборовъ и натуральныхъ повинностей, бѣлопашцы села Коробова однако не пользовались благосостояніемъ, стали заниматься торговлей и отхожими промыслами, а землю сдавали въ аренду. Императоръ Николай Павловичъ приказалъ привести потомковъ Сусанина въ «лучшее состояніе». Имъ отведены были добавочные удобные участки земли, въ количествѣ 742 десятинъ, а главное попечительство надъ потомками Сусанина ввѣрено было министру Двора, ближайшее же

наблюденіе костромскому гражданскому губернатору съ тѣмъ, однако, чтобы онъ не иначе въѣзжалъ въ ихъ селенія, какъ всякій разъ съ разрѣшенія министра Двора, кромѣ случаевъ особенной важности, не терпящихъ отлагательства, о коихъ въ тоже время доносилъ бы ему, министру [1]).

Приблизительно въ томъ же 1834 году среди дворянства и вообще образованныхъ людей того времени, подъ вліяніемъ героической эпохи 12-го года, а также подъ вліяніемъ развивающагося сознанія важности подвига И. О. Сусанина, появилась мысль о сооруженіи въ Костромѣ историческаго памятника спасителю Родоначальника Царствующаго Дома. Предполагалось сначала воздвигнуть среди Ипатіевскаго монастыря какой-либо величественный монументъ. Но когда объ этомъ желаніи дворянъ Костромской губерніи доведено было до свѣдѣнія Государя Императора, то Онъ, одобряя эту мысль, выразилъ желаніе, чтобы памятникъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Сусанину поставленъ былъ въ самомъ городѣ Костромѣ, и приказалъ представить на Его утвержденіе планъ мѣстности и проектъ памятника [2]).

Вскорѣ послѣ отъѣзда изъ Костромы Государя, костромское дворянство собралось на совѣщаніе по поводу открытія памятника. При этомъ присутствующій на совѣщаніи протоіерей костромского Успенскаго собора Іаковъ Арсеньевъ произнесъ передъ дворянами слѣдующую рѣчь:

«Почтеннѣйшее дворянское сословіе!

«Не можно представить ужаснѣе той картины, въ какой исторія изобразила Россію въ началѣ XVII столѣтія. Она начертана кровавыми, такъ скажу, буквами. Съ одной стороны, терзаема была враждебною всегда къ ней Польшею, съ другой -завистливою Швеціею, внутри раздираема была мятежными возстаніями, воздвигаемыми тѣми сынами отечества, которые ополчаться за нее, защищать ее до послѣдней капли крови долженствовали. Она не имѣла тогда ни царя спасающаго, ни вождя защищающаго, ни пастыря

---

[1]) Бирюковъ. Истор. очеркъ о селѣ Коробовѣ, стр. 6.
[2]) Костромская старина, вып. IV—Н. И. Коробицынъ, стр. 203.

утѣшающаго. Россія, говорю, подобно Іеремія, который оплакивалъ горькими слезами паденіе Іерусалима, рыдала тогда на стогнахъ перваго града Москвы—сего россійскаго Сіона, взирала на разореніе онаго и лютое озлобленіе сыновъ его. Тяжкое озлобленіе Израиля въ Египтѣ сноснѣе было, чѣмъ русскаго въ своемъ отечествѣ. Оно было самое горькое. Откуда же возсіяло для него солнце отрадъ, утѣшенія и спокойствія? Какой Моисей предсталъ къ избавленію его? Кто провелъ чрезъ бурное море всѣхъ бѣдствій и ввелъ оное въ покой свой? Это родоначальникъ славно нынѣ царствующаго дома, Государь и Великій Князь Михаилъ Ѳеодоровичъ, въ юности своей Богомъ сохраненный въ древней, знаменитой Ипатіевской обители града нашего. Благородные сыны Россіи! Древній мудрецъ Іисусъ сынъ Сираховъ о мужахъ благодѣтельныхъ слѣдующее оставилъ разсужденіе. «Тѣлеса ихъ, говоритъ онъ, въ мирѣ погребена быша, а имена ихъ живутъ въ роды. Премудрость ихъ повѣдятъ людіе и похвалу ихъ исповѣсть церковь». Слѣдуя сему мудрому наставленію, прекрасно, прехвально, свято и законно полагаете въ совѣтѣ своемъ, благороднѣйшіе мужи, прославить въ роды родовъ и повѣдать хвалы Государя и Великаго Князя Михаила Ѳеодоровича, миръ любезному отечеству нашему даровавшаго, сооруженіемъ достойнаго ему памятника. Господь Богъ заповѣдалъ Израилю совершать нѣкоторыя празднованія въ воспоминаніе великихъ событій, повелѣлъ хранить слово сіе законно себѣ и сыномъ ихъ до вѣка: «и будетъ, рекъ онъ, егда возглаголютъ вамъ сынове ваша, что есть служеніе сіе? возвѣстиши сыну твоему въ день онъ глаголя: рукою крѣпкаго изведе Господь Богъ изъ Египта».

«Подобно сему, мужи благороднѣйшіе, когда спросятъ васъ сыны, дщери ваши и ближніе ваши: что есть знаменіе сіе? что изображаетъ памятникъ сей, который соорудить предпріемлете? Возвѣстить не оставите любопытствующему потомству: сіе знаменіе, которое зрите предъ очами вашими, есть знаменіе избавленія любезнаго отечества нашего рукою Великаго Государя Михаила Ѳеодоровича отъ тягчайшаго, нежели Фараонова, озлобленія; есть знаменіе того воспоминанія, что россіянинъ, со дня избавленія своего отъ наитія внѣшнихъ и внутреннихъ напастей, почилъ без-

печально подъ мирнымъ кровомъ своимъ, яко же Израиль во дни Соломона подъ виноградомъ своимъ и подъ смоковницею своею.

«Достопочтеннѣйшіе мужи! Ваше сословіе, руководимое всегда честію, благородными чувствами, никогда и никому не уступало въ безпредѣльной любви своей къ Престолу Монаршему, ко благу общему и въ благодарности къ доблестнымъ подвигамъ своихъ соотечественниковъ. Пожарскій и Мининъ — великіе поборники Россіи, когда текли съ ополченіями своими для спасенія гибнущей Москвы, тогда Кострома, принявъ оныхъ съ отверстыми объятіями, не щадила никакихъ иждивеній для напутствованія оныхъ. Великая Екатерина, по случаю внезапнаго нападенія отъ Швеціи, когда воззвала къ костромскому благородному дворянству, чтобы оно отъ усердія своего представило для кораблестроенія нужныхъ людей; оно со всѣмъ рвеніемъ явило свою готовность для сего и ознаменовало свое усердіе Монаршимъ благоволеніемъ. Я уже не говорю о той годинѣ искушенія, когда всеобщій врагъ мыслилъ поработить, разрушить и изгладить съ лица земли Россію,—тогда вы и самихъ себя, и людей вашихъ, и всѣ стяжанія ваши принесли на алтарь сего общественнаго служенія съ патріотическою ревностію. При настоящемъ случаѣ не вы сами, не кровь ваша, не великія сокровища ваши потребны, но только посильное и съ каждаго состояніемъ сообразное приношеніе. Сія жертва Государю нашему, почитающему Кострому своею отчизною, есть благоугодна; сія жертва благородныхъ вашихъ чувствъ достойна, для потомства вашего присноnамятна и назидательна.

«Не угашайте духа вашего, милостивые государи, при семъ похвальномъ вашемъ предпріятіи; воспламеняйте сію искру, зароненную въ благородныхъ сердцахъ вашихъ; пусть она возгорится и къ чести вашей, и ко благу поздняго потомства вашего, и откроется дѣйствительно въ блистательномъ явленіи» [1]).

Эта рѣчь произвела сильное впечатлѣніе на присутствующихъ и дѣйствительно разожгла ту искру, которая только тлѣлась во многихъ сердцахъ присутствующихъ, и они постановили слѣдующее:

---

[1]) Е. П. Вознесенскій. Воспоминан. о путешеств. Высочайш. особъ дома Романовыхъ, стр. 68—71.

«Костромская губернія, вотчина Романовыхъ, первая внимала священному завѣту Михаила уврачевать язвы отечества, нанесенныя крамолами самозванцевъ и завистью иноплеменниковъ; она первая, въ обители святого монастыря, при очахъ юнаго, единодушно избраннаго помазанника Божія, пролила радостныя слезы и вознесла теплыя мольбы къ Царю царствующихъ, да укрѣпитъ сердце его на великомъ подвигѣ царствованія. Но воспоминаніе о сихъ событіяхъ осталось только въ устномъ преданіи, въ письменахъ исторіи и еще въ благоговѣйныхъ молитвахъ церкви, каждогодно совершающей, въ память сего событія, 14 марта празднество Пресвятыя Богородицы Θеодоровскія въ Костромѣ. Никакое, къ прискорбію, видимое знаменіе не указываетъ пришельцу, что смиренная обитель св. Ипатія была мѣстомъ, въ которомъ, послѣ годины искушенія, возсіялъ первый лучъ счастія отечества нашего. Мысль увѣковѣчить сооруженіемъ памятниковъ память великихъ людей не должна быть болѣе сокрытою въ сердцѣ и къ проявленію оной въ дѣйствіе нѣтъ болѣе благопріятнѣйшей минуты, какъ при настоящемъ всерадостнѣйшемъ и счастливѣйшемъ случаѣ Высочайшаго посѣщенія града нашего Его Императорскимъ Величествомъ Государемъ Императоромъ Николаемъ Павловичемъ, великимъ потомкомъ Михаила Θеодоровича и вмѣстѣ премудрымъ исполнителемъ судебъ Промысла, избравшаго здѣсь на царство юнаго Родоначальника Его».

Это постановленіе костромского дворянства во время посѣщенія Государемъ Костромы, чрезъ шефа жандармовъ графа А. Х. Бенкендорфа, было повергнуто на Высочайшее благоусмотрѣніе.

Государь Императоръ положилъ такую резолюцію: «Когда будутъ собраны деньги и составленъ планъ памятника, тогда представить на мое утвержденіе». Поэтому вскорѣ губернскій предводитель дворянства Купреяновъ учредилъ въ Костромѣ комитетъ для сбора пожертвованій на устройство памятника.

Костромской губернаторъ Ал. Григ. Приклонскій представилъ Государю проектъ сооруженія памятника. На это представленіе Государь изволилъ отозваться, что «нѣтъ никакого препятствія воздвигнуть памятникъ Сусанину, если изберется оному приличное

мѣсто». Приклонскій донесъ, что мѣсто избрано на главной площади города Костромы, представилъ планъ и ситуацію мѣстности и просилъ Высочайшаго утвержденія о наименованіи этой площади Сусанинскою. Въ 1838 году получено было Высочайшее повелѣніе «соединить суммы, собираемыя для памятниковъ царю Михаилу Ѳеодоровичу, согласно изъявленному въ 1834 году желанію дворянства Костромской губерніи, и поселянину Сусанину, по представленію дѣйствительнаго статскаго совѣтника Приклонскаго, и употребить для сооруженія одного памятника по рисунку, составленному въ академіи художествъ художникомъ В. И. Демутъ-Малиновскимъ, на назначенной, по представленію губернатора Приклонскаго, площади» [1]) Пожертвованія на памятникъ быстро стекались. Изъ списка, опубликованнаго комитетомъ въ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ [2]), видно, что главными жертвователями были дворяне, затѣмъ уже и другія сословія, не исключая и крестьянъ.

13 мая 1837 года, въ 7 час. пополудни, при безчисленномъ стеченіи костромскихъ гражданъ, ожидавшихъ съ утра на берегу Волги, прибылъ изъ Нерехты на правый берегъ Волги Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Николаевичъ. Костромское дворянство черезъ губернскаго предводителя С. Ѳ. Купреянова просило дозволенія самимъ перевезти драгоцѣннаго гостя чрезъ рѣку Волгу въ красивомъ катерѣ, приготовленномъ отъ города Костромы; но Его Высочество, поблагодаривъ дворянъ, приказалъ сѣсть въ лодку обыкновеннымъ гребцамъ. Переѣхавъ Волгу, Наслѣдникъ Цесаревичъ, въ сопровожденіи безчисленнаго множества народа, отправился въ Успенскій соборъ, при святыхъ вратахъ котораго былъ встрѣченъ преосвященнымъ Владиміромъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ и, выслушавъ молебствіе и приложившись къ чудотворной Ѳеодоровской иконѣ Богоматери, отправился въ домъ генерала Борщова, приготовленный для принятія Его Высочества. На другой день, 14 мая, въ 10 часовъ утра, Цесаревичъ принималъ представляв-

---

[1]) Н. И. Коробицынъ. Историч. замѣтка о памятникахъ Царю Михаилу Ѳеодоровичу и поселянину И. Сусанину. Костр. стар., вып. IV, стр. 200—204).

[2]) №№ 41, 42, 43 и 44.

шихся Ему чиновъ губерніи, дворянство, купечество, бѣлопашцевъ и татаръ. Затѣмъ Его Высочество отправился въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ, по выслушаніи краткаго молебствія въ Троицкомъ соборѣ, обозрѣвалъ достопримѣчательности монастыря, кельи Михаила Ѳеодоровича и пилъ кофе въ покояхъ преосвященнаго Владиміра. При отъѣздѣ изъ монастыря Его Высочество на приготовленномъ листѣ бумаги написалъ слѣдующее: «Съ особеннымъ вниманіемъ и удовольствіемъ осматривалъ я тѣ кельи, въ коихъ вмѣстѣ съ родоначальницею своею жительствовалъ юный Михаилъ Ѳеодоровичъ Романовъ. Въ память, для храненія въ оныхъ, оставляю сей листъ за подписомъ моимъ. Маія 14 дня, 1837 года. Ипатіевскій монастырь. Александръ».

Возвратившись въ Кострому, Наслѣдникъ Цесаревичъ осматривалъ «Выставку мануфактурныхъ издѣлій и особенныхъ произведеній костромской природы», находившуюся въ домѣ купца Стригалева. Его Высочество настолько заинтересовался выставкой, что со вниманіемъ обозрѣвалъ ее болѣе часа и изъявилъ устроителямъ ее полное свое удовольствіе. Посѣтивъ заведенія приказа Общественнаго Призрѣнія, училище дѣтей канцелярскихъ служителей и гимназію, Его Высочество прибылъ въ свою квартиру, гдѣ состоялся обѣдъ, къ которому приглашены были губернаторъ, преосвященный, губернскій предводитель дворянства, хозяинъ дома генералъ-лейтенантъ Борщовъ, генералъ-маіоръ Тимротъ и городской голова. Губернскій предводитель дворянства С. Ѳ. Купреяновъ не участвовалъ на обѣдѣ, такъ какъ внезапно заболѣлъ, почему Наслѣдникъ Цесаревичъ неоднократно посылалъ къ нему своего доктора Енохина. Послѣ обѣда Его Высочество удостоилъ своимъ присутствіемъ бульваръ, гдѣ для гулянья собралось все лучшее и многочисленное общество города Костромы. Гуляя по бульвару, Цесаревичъ разговаривалъ съ дочерями губернскаго предводителя Купреяновыми, а также съ дѣвицами Корниловыми и Зворыкиными [1]). День 14 мая закончился катаньемъ на лодкахъ на рѣкѣ Волгѣ, въ которомъ участвовалъ и Августѣйшій Путешественникъ на особомъ для этого случая приготовленномъ

---

[1]) Кн. Козловскій, рукопись, стр. 129,

катерѣ. 15 мая, въ 6 часовъ утра, Его Императорское Высочество выбылъ на лошадяхъ изъ Костромы, пожертвовавъ на бѣдныхъ жителей города 5000 рублей. Предъ самымъ отъѣздомъ жена коллежскаго ассесора М. Я. Травіанская поднесла Его Высочеству портфель, шитый золотомъ собственной работы, каковое подношеніе благосклонно было принято Цесаревичемъ. Въ изъявленіе своей признательности за поднесеніе портфеля Государь Цесаревичъ пожаловалъ г-жѣ Травіанской бриллiантовыя серьги, препровожденныя впослѣдствіи изъ Казани чрезъ генералъ-адъютанта Кавелина.

Съ января мѣсяца 1838 года начали выходить Костромскія Губернскія Вѣдомости. 1839 года 1 мая въ Костромѣ открыта была Палата Государственныхъ Имуществъ. Въ томъ же году Костромскимъ дворянствомъ пріобрѣтенъ отъ купца Дурыгина домъ, находящійся на Павловской улицѣ, который былъ ремонтированъ особо избранной дворянствомъ строительной комиссіей. 25 іюня 1840 года совершена въ Ипатіевскомъ монастырѣ торжественная закладка святыхъ воротъ и надъ ними храма во имя св. Хрисанѳа и Даріи. Прежнія св. ворота, чрезъ которыя въ 1613 году Михаилъ Ѳеодоровичъ вышелъ для принятія московскаго посольства и чрезъ которыя посольство со святынями вступило въ монастырь, построены были боярами Годуновыми еще въ 1586 году и отъ времени пришли въ ветхость, почему и были разобраны до основанія.

По случаю торжества закладки, 25 іюня гражданскій губернаторъ Жуковъ, губернскій предводитель дворянства Купреяновъ, городской голова Рыльцевъ, губернскіе чиновники, дворянство и купечество собрались въ Ипатіевскомъ монастырѣ къ началу Божественной литургіи, которую совершалъ преосвященный Владиміръ. Послѣ литургіи, духовенство всѣхъ церквей города Костромы съ хоругвями и иконами, а за нимъ дворянство, чиновники и купечество прослѣдовали на мѣсто закладки, окруженное многочисленнымъ стеченіемъ народа всѣхъ сословій, гдѣ послѣ молебствія положены были первые камни: подъ престолъ епископомъ Владиміромъ отъ имени Его Императорскаго Величества, отъ имени святѣйшаго Синода и всего костромского духовенства; подъ первый уголъ церкви — губернаторомъ отъ имени администраціи; подъ второй — губернскимъ

предводителемъ дворянства; подъ третій — городскимъ головой отъ городского общества и, наконецъ, подъ четвертый уголъ — отъ имени всѣхъ прочихъ сословій. Послѣ этого пѣвчіе пропѣли «Тебе Бога хвалимъ» и, при колокольномъ звонѣ, провозглашено было многолѣтіе Государю Императору, вѣчная память Царю Михаилу Ѳеодоровичу и Императору Александру Павловичу. Послѣ торжества закладки предложена была трапеза въ покояхъ Его Преосвященства [1]) «Но, выражаясь словами протоіерея Успенскаго собора Островскаго, — какъ бы въ урокъ послѣдовательности событій, по которой памятникъ Сусанину, положившему своимъ подвигомъ начало событію 19 марта, долженъ былъ явиться свѣту прежде памятника 19 марта, храмъ Хрисанѳа и Даріи, оконченный уже каменной кладкой, разрушился 2 августа 1841 года» [2]) вслѣдствіе слишкомъ поспѣшной (съ 25 іюня до октября 1840 г.) стройки, притомъ при крайне неблагопріятной для кладки дождливой погодѣ въ концѣ сентября.

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣд., 1841 г., № 25.
[2]) Прот. Островскій. Историч. записк. о Костромѣ, стр. 105.

XVII.

Торжества въ Костромѣ по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича. Торжественная закладка фундамента для памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Ревизія Костромской губерніи. Пожары въ Костромѣ.

16 АПРѢЛЯ 1841 года совершилось бракосочетаніе Наслѣдника Цесаревича Александра Николаевича.

Жители города, живо помнившіе пребываніе Цесаревича три года тому назадъ въ Костромѣ, нетерпѣливо ожидали дня торжественнаго празднованія этого событія. Наконецъ, оно назначено было на 29 апрѣля.

Вотъ какъ описано это торжество въ Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостяхъ за 1841 годъ очевидцомъ и участникомъ его [1]).

«Утро 29 апрѣля явилось въ полномъ весеннемъ блескѣ, экипажи и легкіе открытые дрожки мчались со всѣхъ сторонъ. Народъ стремился на Сусанинскую площадь. Здѣсь взору ихъ представился парадъ, составленный изъ чиновъ Суздальскаго пѣхотнаго полка и внутренней стражи. Дивизіонный штабъ занималъ свое мѣсто. Раздался звонъ колоколовъ къ Божественной литургіи; заиграла военная музыка и весь парадъ, подъ предводительствомъ начальника 16 пѣхотной дивизіи, весело двинулся въ соборный храмъ, туда же ѣхали во множествѣ чиновники, военные и гражданскіе, спѣшило дворянство, купечество и шли прочіе обыватели города. Литургію совершалъ преосвященный Владиміръ съ двумя архимандритами и соборнымъ духовенствомъ; передъ началомъ прочтенъ Высочайшій манифестъ, а по окончаніи литургіи и по про-

[1]) № 17, прибавленіе.

изнесеніи преосвященнымъ слова принесено благодарственное Господу Богу молебствіе съ колѣнопреклоненіемъ. По выходѣ изъ соборнаго храма войска съ музыкою и церемоніальнымъ маршемъ возвратились на Сусанинскую площадь, гдѣ былъ приготовленъ отъ города для нижнихъ чиновъ завтракъ. Начальникъ губерніи Николай Николаевичъ Жуковъ пригласилъ къ себѣ на обѣдъ духовенство, военныхъ генераловъ, штабъ и оберъ офицеровъ, дворянъ, гражданскихъ чиновниковъ и купцовъ. Столъ былъ накрытъ на 100 кувертовъ. Между тѣмъ, во время обѣда, на Сусанинской площади, противъ дома Борщева, занимаемаго губернаторомъ [1]), готовилось отъ купцовъ для народа вино и пиво. Когда обѣдъ склонялся къ концу, противъ балкона квартиры губернатора выстроилась военная музыка съ пѣвчими. Народъ переполнялъ всю площадь. По окончаніи обѣда, окруженный генералами и почетнѣйшими лицами города, начальникъ губерніи вышелъ на балконъ и, обращаясь къ народу, провозгласилъ тостъ за здоровье Государя Императора, Наслѣдника Цесаревича и супруги его. Мгновенно раздалось могучее «ура», музыка заиграла «Боже Царя храни».

«Сусанинская площадь и городской бульваръ представляли привлекательную картину: кто слушалъ неумолкаемые весь день звуки военной музыки и пѣвчихъ, кто катался въ экипажахъ вокругъ устроенныхъ качелей, а нѣкоторые изъ крестьянъ и дѣвушекъ сами пѣли народныя свои пѣсни и съ довольными простодушными лицами прохаживались вокругъ зрителей. Вечеръ былъ великолѣпный, небо звѣздное, иллюминація города блистательная. Все это располагало къ гулянью до поздняго времени, никому не хотѣлось расходиться по домамъ».

Въ тотъ же день Костромское дворянство въ залахъ дворянскаго собранія дало торжественный балъ, на который были приглашены чиновники и купцы. Въ 12 часовъ ночи губернскимъ предводителемъ дворянства провозглашенъ былъ тостъ за здравіе Государя Императора и новобрачныхъ, покрытый громкимъ и едино-

---

[1]) По всей вѣроятности потому, что въ то время губернаторскій домъ отдѣлывался подъ гимназію.

душнымъ «ура» присутствующихъ. 30 апрѣля торжества продолжались. 1-го мая, въ послѣдній день торжествъ, состоялся въ дворянскомъ домѣ торжественный купеческій балъ. Танцы и богатое угощеніе открылись въ 10 час. вечера; число приглашенныхъ простиралось до 420 человѣкъ. «Пріятно было видѣть, пишетъ участвовавшій въ этомъ балѣ, какъ военные и гражданскіе чиновники, въ мундирахъ, пользующіеся по заслугамъ своимъ почтительнымъ уваженіемъ, ходили рука объ руку съ хозяевами бала купцами, одѣтыми большею частію въ національные свои костюмы; нельзя было не полюбоваться, какъ благородныя дамы и жены купцовъ, съ ихъ взрослыми дѣтьми, вели дружный разговоръ и непритворно довольные общимъ радушіемъ обоюдно благодарили за столь счастливую встрѣчу, какую имъ доставилъ сей балъ». Въ 12 часовъ городской голова Рыльцевъ провозгласилъ тостъ за здравіе Государя Императора и Новобрачныхъ; громкое ура и гимнъ «Боже Царя храни» было отвѣтомъ на этотъ тостъ. Этимъ баломъ окончились въ Костромѣ празднества по случаю бракосочетанія Наслѣдника Цесаревича [1])

1843 года, 2 августа, въ Костромѣ происходила торжественная закладка фундамента для памятника Царю Михаилу Θеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. Въ 11 часовъ утра начался крестный ходъ изъ Успенскаго собора съ чудотворной Θеодоровской иконой Богоматери при многочисленномъ стеченіи народа. Молебствіе съ водоосвященіемъ совершено костромскимъ преосвященнымъ Виталіемъ. Мѣсто, назначенное для памятника, окроплено св. водою, послѣ чего превозглашено было многолѣтіе Государю Императору Николаю Павловичу и всему Царствующему дому. Вслѣдъ за многолѣтіемъ началась закладка бута. На материкѣ земли положены кирпичи въ углахъ: преосвященнымъ Виталіемъ къ востоку, губернаторомъ Жуковымъ къ сѣверу, правящимъ должность губернскаго предводителя дворянства М. П. Купреяновымъ къ западу и городскимъ головой Н. И. Малышевымъ къ югу. Костромской купецъ А. Ермолинъ, одинъ изъ потомковъ знаменитыхъ костромскихъ

---

[1]) Костромск. Губернск. Вѣдом. 1841 года.

кирпичниковъ, спеціально для бута намятника приготовилъ 100,000 кирпича желѣзняка, самаго лучшаго по своей добротѣ [1]).

Въ началѣ августа, въ усадьбѣ Бурмачки, находящейся въ 7 верстахъ отъ гор. Костромы по Нерехтскому тракту, открытъ дочерью генералъ-маіора Софіей Шкотъ благородный пансіонъ для воспитанія дѣвицъ изъ дворянъ, оберъ-офицеровъ, священнослужителей и купцовъ. Въ числѣ условій для поступленія въ этотъ пансіонъ было одно оригинальное обязательство имѣть двѣ серебряныя ложки — столовую и чайную, которыя, по окончаніи курса обученія воспитанницы, поступаютъ въ собственность пансіона [2]).

Въ томъ же году вышло Высочайшее повелѣніе объ установленіи съ обывателей города Костромы и Костромской губерніи сбора, въ продолженіи 4-хъ лѣтъ, на устройство тюремъ и присутственныхъ мѣстъ города и губерніи. Сборъ этотъ взимался съ купеческихъ капиталовъ по $^{10}/_{40}$ ежегодно, а съ податныхъ душъ въ первые 3 года по 4, а въ послѣдній по 3 коп. серебромъ [3]).

Къ концу 1844 года прибылъ въ Кострому сенаторъ тайный совѣтникъ князь Лобановъ-Ростовскій, для обревизованія губерніи. Ревизія его продолжалась весь 1845 годъ, но результаты этой ревизіи остались неизвѣстны. Опубликовано было только въ № 36 Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей за 1845 годъ для всеобщаго свѣдѣнія, что въ Ветлугѣ въ портфелѣ подпоручика Золотова, командированнаго туда ревизующимъ сенаторомъ, найденъ неизвѣстно кѣмъ положенный съ неблаговидною цѣлью бумажный свертокъ съ двадцатью полуимперіалами и тремя сорокафранковыми французскими монетами, каковыя деньги и переданы въ капиталъ приказа Общественнаго Призрѣнія.

Принимая во вниманіе, что въ г. Костромѣ и нѣкоторыхъ уѣздахъ губерніи весьма развита мануфактурная фабричная промышленность, въ Кострому назначенъ былъ въ 1845 году губернскій механикъ съ помощникомъ, дѣятельность котораго должна была

---

[1]) Е. П. Вознесенскій, стр. 72; Костр. Губ. Вѣд. 1842 года.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1843 года, № 24, стр. 86.
[3]) Костр. Губ. Вѣд. 1843 г., № 44, стр. 359.

заключаться въ осмотрѣ мануфактурныхъ заведеній, въ совѣтахъ относительно возможныхъ улучшеній въ фабричномъ дѣлѣ и производствѣ различныхъ фабричныхъ построекъ [1]).

15 января 1847 года, вслѣдствіе словеснаго предложенія начальника губерніи Константина Никифоровича Григорьева, открыто было въ г. Костромѣ Губернское попечительство о дѣтскихъ пріютахъ. На открытіе собрались: почетный членъ попечительства преосвященный Іустинъ, епископъ Костромской и Галичскій, и дѣйствительные члены: губернскій предводитель дворянства Григорій Ивановичъ Головнинъ, вице-губернаторъ Иванъ Лукичъ Крыловъ, управляющій палатою государственныхъ имуществъ Александръ Павловичъ Шиповъ и городской голова Василій Ивановичъ Стоюнинъ. Губернское попечительство, въ составѣ вышеозначенныхъ лицъ, постановило открыть въ г. Костромѣ пріютъ для дѣтей обоего пола на средства попечительства, состоящія изъ пожертвованныхъ разными лицами 5370 руб. 58½ коп. въ домѣ, также пожертвованномъ для пріюта князьями Козловскими, и избрать администрацію этого пріюта. Попечительницей пріюта избрана была супруга начальника губерніи Надежда Ивановна Григорьева, директоромъ Александръ Павловичъ Шиповъ и врачемъ медикъ, состоящій при удѣльной конторѣ Густавъ Моравекъ. Кромѣ того, постановлено было ходатайствовать о присвоеніи устраиваемому пріюту имени великой княгини Маріи Николаевны. 8 марта того же года послѣдовало утвержденіе администраціи пріюта, а также и Высочайшее соизволеніе на присвоеніе пріюту названія Маріинскаго [2]). Средства на устройство пріюта продолжали стекаться и пополнились солидной суммой въ 3000 р., пожертвованный костромскимъ уроженцемъ, Платономъ Васильевичемъ Голубковымъ [3]).

Наконецъ, 10 іюня 1847 года состоялось торжественное открытіе пріюта. Администрація, военные и гражданскіе чиновники и именитые граждане собрались въ церковь св. Сергія, что въ Полянской слободѣ, недалеко отъ которой на время былъ нанятъ домъ для

[1]) Губерн. Вѣд. 1845 года, № 21.
[2]) Костр. Губерн. Вѣд. 1847 года, № 14.
[3]) Прот. П. Островскій, стр. 154.

помѣщенія пріюта. Послѣ литургіи преосвященный съ духовенствомъ и со всѣми присутствующими отправился въ домъ пріюта, гдѣ предъ чудотворной Ѳеодоровской иконой Богоматери совершилъ молебствіе съ водосвятіемъ и, по возглашеніи многолѣтія Государю Императору, Государынѣ Императрицѣ и всему Царствующему дому, окропилъ комнаты пріюта святою водою. Тутъ-же, между присутствующими, собрана была въ пользу пріюта сумма въ 287 р. 30 к. серебромъ. При открытіи пріюта находились на лицо 40 челов. дѣтей, изъ которыхъ 8 мальчиковъ и 32 дѣвочки [1]).

1847 годъ былъ однимъ изъ самыхъ несчастныхъ годовъ для города Костромы, такъ какъ въ теченіе одной недѣли четыре пожара опустошили лучшія части города и оставили массу людей безъ крова и имущества. Причина пожаровъ, не смотря ни на какія строгія слѣдствія, производившіяся нѣсколько разъ, такъ и осталась невыясненной, хотя народный голосъ упорно приписывалъ это поджогамъ. Одинъ изъ современниковъ, перенесшій на себѣ это несчастіе, слѣдующимъ образомъ описываетъ его: «въ первыхъ числахъ сентября начали ходить по городу слухи, будто Кострома скоро сгоритъ. Слухи эти распространялись разнаго сословія мальчиками, которые слышали злыя вѣсти отъ другихъ своихъ сверстниковъ, будто бы находившихъ записки съ предсказаніями о бѣдѣ, грозившей Костромѣ. Такъ какъ доказательствъ, т. е. зловѣщихъ записокъ, налицо не было, то ни жители Костромы, ни правительство не обратили никакого вниманія на эти слухи, казавшіеся нелѣпою болтовнею легковѣрныхъ мальчиковъ. Прошли спокойно 4 и 5 сентября, и даже самые мнительные изъ жителей Костромы успокоились. Но съ 5 на 6 сентября, часа въ 2 заполночь, вспыхнулъ пожаръ на Никольской улицѣ, въ надворныхъ строеніяхъ купца Энгерта и крестьянина Литова. Огонь, забравшись въ огромныя деревянныя строенія, при сильномъ вѣтрѣ, не болѣе какъ въ одинъ часъ, обнялъ девять каменныхъ домовъ на Никольской и Марьинской улицахъ. Трудно было прекратить пожаръ, но трудность эта и вмѣстѣ ужасъ усилились, когда въ тоже время вспыхнуло пустое зданіе за горо-

[1]) Костром. Губерн. Вѣд. 1847, № 24.

домъ и большой складъ дровъ на берегу рѣки Костромы, въ разстояніи отъ начала пожара не менѣе полутора верстъ, и когда въ тоже время начали пробѣгать слухи между народомъ, будто горитъ Ипатіевская слобода, горитъ Нижняя Дебря, лежащія въ совершенно противоположныхъ концахъ города. Народъ, видя необыкновенный пожаръ и увлеченный новыми зловѣщими слухами, разъединился, а между тѣмъ пожаръ, перейдя поперекъ Марьинской, Павловской и Еленинской улицъ, распространился опустошительною огненною лавою по Богоявленской и перешелъ въ Пятницкую, Царевскую, Кадыевскую и Спасскую улицы. Въ 7 час. утра загорѣлись зданія Богоявленскаго монастыря и такъ скоро объяты были пламенемъ, что монахи и народъ, собравшійся тамъ для спасенія церковной движимости, не могли выйти изъ монастыря иначе, какъ черезъ отверстіе, наскоро пробитое въ каменной стѣнѣ. Здѣсь, казалось, пожаръ пріостановился, но сильный юговосточный вѣтеръ снова раздулъ пламя въ догоравшихъ зданіяхъ, отъ которыхъ оно пошло по направленію вѣтра и истребило зданія по всей Власьевской улицѣ, въ концѣ которой, у церкви Власія, сохранилось отъ огня не болѣе 10 домовъ. Такимъ образомъ, менѣе, чѣмъ въ 10 часовъ, пожаръ уничтожилъ 118 домовъ и весь Богоявленскій монастырь, за которымъ обгорѣла и приходская церковъ св. Троицы. Къ несчастью, въ это время не было въ городѣ начальника губерніи, за три дня передъ тѣмъ выѣхавшаго для ревизіи губерніи.

«Миновали 6 и 7 сентября. Къ вечеру послѣдняго дня возвратился въ Кострому губернаторъ, извѣщенный о бѣдствіи, постигшемъ губернскій городъ. 8 сентября попечительный начальникъ губерніи, спѣшившій открыть подписку на пожертвованія въ пользу погорѣвшихъ жителей, къ 11 часамъ утра получилъ вѣсть, что въ Троицкой улицѣ, при домѣ чиновника удѣльной конторы Полянскаго, загорались въ двухъ мѣстахъ надворныя службы со стороны сада, но хозяева скоро увидѣли огонь и затушили. Эта вѣсть промчалась по Костромѣ, какъ вѣсть о поджогѣ, но нѣкоторые, и преимущественно губернаторъ, увѣряли, что это могло произойти отъ прежняго пожара, раздутаго вѣтромъ. Но умы жителей Костромы волновались: многіе начали подозрѣвать, что въ Костромѣ есть

злодѣи-зажигатели. Между тѣмъ подметныя письма съ угрозами пожаровъ не прекращались. Губернаторъ всячески старался успокоить городъ, но не далѣе какъ 9 сентября, въ 7 час. по полудни, вспыхнулъ пустой флигель и съ нимъ рядомъ домъ Зворыкиныхъ. Народъ, воодушевленный присутствіемъ и дѣятельнымъ участіемъ губернатора, вырвалъ, такъ сказать, изъ огня другой флигель Зворыкиныхъ, стоявшій рядомъ съ сгорѣвшимъ домомъ, и пожаръ прекратился. Въ это время нѣкоторыя незначительныя лица изъ пріѣзжихъ, оказавшіяся безъ паспортовъ, заподозрѣны въ поджигательствѣ и взяты подъ стражу. На слѣдующій день, 10 сентября, подметныя письма, грозившія новыми пожарами появились еще въ большемъ количествѣ, нѣкоторые изъ нихъ и мѣловая подпись на заборѣ близъ Ильинской церкви заключали въ себѣ злую вѣсть о пожарѣ, именно въ этотъ день, на Русиной улицѣ съ означеніемъ времени въ 8 часовъ вечера. И дѣйствительно, еще безъ четверти въ 7 часовъ вспыхнулъ пожаръ на Русиной улицѣ, въ тѣсномъ дворѣ при домѣ Потоцкой. Этотъ пожаръ, съ такою точностью предсказанный, нагналъ такой ужасъ на жителей Костромы и поселилъ такое вѣрованіе въ силу и дерзость злодѣевъ, что всѣ почти прибѣжавшіе на пожаръ для прекращенія его, немедленно въ ужасѣ возвратились въ свои дома, ожидая и себѣ подобной участи. Хозяева погорѣвшихъ домовъ спасали свое имущество, а пламя при вѣтрѣ быстро распространялось. Безпримѣрная дѣятельность губернатора, безъ народа, при утомленной пожарной командѣ, не въ состояніи была ни прервать пожара, ни возстановить строгій порядокъ въ охраненіи отовсюду выносимаго имущества. Въ эту ночь пожаръ опустошилъ другую лучшую часть города: почти половину Русиной улицы, на которой были всѣ лучшіе постоялые дворы и гостинницы, половину Никольской, половину Богоявленской, часть Марьинской улицъ и фабрику Дурыгина—всего 66 домовъ.

Многіе изъ жителей начали громко говорить, что они признаютъ виновниками сего бѣдствія поляковъ, но это было только какое то неясное подозрѣніе, не имѣющее прямыхъ доказательствъ. Поводомъ къ подозрѣнію было то обстоятельство, что, не далѣе какъ за мѣсяцъ до пожаровъ, были привезены въ Кострому барельефы

для памятника Сусанина и уже утверждены на пьедесталы, а на одномъ изъ нихъ изображены поляки, убивающіе Сусанина.

«Настало, продолжаетъ очевидецъ, 11 сентября. Солнце освѣтило дымящіяся развалины города, пламя еще добирало остатки, жители еще не опомнились отъ ужасовъ минувшей ночи, какъ въ 7 час. утра снова услышали тревогу съ колокольни Покровской церкви, что въ Крупеникахъ: въ дальнемъ разстояніи отъ вчерашняго пожара увидѣли новый пожаръ; огонь мгновенно охватилъ надворныя строенія, флигель и самый домъ купца Вавилова. Этотъ послѣдній ударъ по свѣжимъ ранамъ совершенно уничтожилъ остатки бодрости жителей Костромы. Хотя этотъ пожаръ ограничился однимъ домомъ со службами, но жители въ уныніи, въ безотчетномъ страхѣ робко собирали свое имущество и шли съ нимъ на окраины города. Нельзя вообразить болѣе безотраднаго положенія, въ какомъ находились жители Костромы; чтобы имѣть объ этомъ понятіе, надобно было быть очевидцемъ невыразимаго страха и бѣгства изъ своихъ домовъ. Городъ опустѣлъ, потому что не осталось ни одного дома, откуда жители не выбрали бы своихъ имуществъ и не перенесли бы его на окраины города, гдѣ не погорѣвшіе смѣшались съ погорѣвшими въ одинаковомъ безпорядкѣ. Состояніе наше, говоритъ очевидецъ, было ужасно, безотрадно. Мы ждали врага изъ-за угла. По урочнымъ часамъ, назначеннымъ для пожаровъ, мы ожидали ихъ; въ часы свободные отъ угрозъ, мы не знали, что дѣлать, да и не могли спокойно заниматься своими дѣлами отъ всеобщаго разстройства, отнявшаго у насъ всю дѣятельность. Кто имѣлъ нужду въ свиданіи съ своимъ знакомымъ, или сосѣдомъ, тотъ съ великимъ трудомъ могъ отыскать его, не зная, гдѣ онъ помѣстился съ своимъ имуществомъ. Погорѣвшіе и не погорѣвшіе одинаково нуждались въ жизненныхъ припасахъ и болѣе всего въ хлѣбѣ, потому что и торговля разстроилась, а печенаго хлѣба требовалось несравненно болѣе противъ обыкновеннаго. День за днемъ проходили въ разныхъ толкахъ и томительныхъ ожиданіяхъ или новыхъ пожаровъ, или раскрытія злоумышленниковъ, а на ночь весь городъ обращался въ стражу: каждый домъ охраняемъ былъ или хозяиномъ или прислугой, а между тѣмъ, по окраинамъ города,

при имуществахъ, слышались и говоръ кочующихъ и ихъ охранителей, и плачъ дѣтей, и ревъ скота, и лай собакъ.

«Городъ раздѣленъ былъ на участки, принятые подъ свое попечительство значительными лицами изъ обывателей; каждый изъ нихъ съ патрулемъ изъ обывателей объѣзжалъ по ночамъ нѣсколько разъ свой участокъ.

«20 сентября жители Костромы начали водворяться въ свои жилища, но ни стража съ домовъ не снималась, ни имущество не разбиралось до половины октября, когда мало-по-малу начали разбираться съ имуществами» [1]).

Для разъясненія причины этихъ пожаровъ назначена была слѣдственная комиссія, результатомъ работъ которой былъ арестъ нѣсколькихъ поляковъ, подозрѣваемыхъ въ поджогахъ [2]). Однако вскорѣ

---

[1]) Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 154—159. Описаніе пожара очевидцемъ приведено почти дословно.

[2]) Дѣло принимало серьезный оборотъ. Вотъ какъ описываетъ это дѣло Михаилъ Соколовскій въ Историческомъ Вѣстникѣ. (Августъ 1908 г., стр. 546).

Время было строгое. Разговоровъ тогда не любили. Полиціи нужно было дѣйствовать, и дѣйствовать рѣшительно. Безъ большихъ церемоній было арестовано 54 человѣка, въ томъ числѣ и нижніе чины: 12 человѣкъ мѣстнаго гарнизоннаго батальона, 4 человѣка Суздальскаго пѣхотнаго полка и одинъ инвалидъ. Поводомъ къ аресту послужили: какія-нибудь слова относительно пожаровъ, бытность въ питейномъ домѣ и хожденіе по городу въ пьяномъ видѣ, имѣніе при себѣ табаку, трубокъ, сигаръ, фосфорическихъ спичекъ по нѣскольку штукъ, или цѣльными коробочками.

При первомъ пожарѣ гражданскій губернаторъ, дѣйствительный статскій совѣтникъ Григорьевъ находился въ Макарьевѣ, но, получивъ свѣдѣніе о пожарѣ, 8 сентября явился въ Кострому, гдѣ тотчасъ назначилъ комиссію для производства слѣдствія. Вмѣстѣ съ тѣмъ губернаторъ отдалъ распоряженіе объ арестованіи чиновниковъ поляковъ, состоящихъ на службѣ въ Костромѣ, при чемъ были отправлены въ мѣстный тюремный замокъ врачъ Ходоровичъ, губернскій архитекторъ Кудоровскій, его братъ лѣсничій Кудоровскій, гражданскій инженеръ Свѣнцицкій, коллежскій секретарь Султановъ, отставной штабсъ-ротмистръ Свирщевскій, дворяне: Кучаровскій, Бѣляновичъ и Кондрацкій. Поводомъ къ такому арестованію послужило общественное мнѣніе костромитянъ, видѣвшихъ въ полякахъ поджигателей. По этой же причинѣ губернаторъ вошелъ въ сношеніе съ военными властями о томъ, чтобы нижніе чины изъ поляковъ были отдѣлены отъ остальныхъ военнослужащихъ, состояли подъ надзоромъ начальства и отнюдь не наряжались въ караулъ.

Какъ доносилъ губернаторъ на Высочайшее имя, «уныніе, наведенное поджигательствомъ, столь велико, что не только погорѣвшіе, но и жители домовъ, уцѣлѣвшихъ отъ пожаровъ, выбрались на берегъ Волги, гдѣ ночуютъ подъ открытымъ небомъ».

Вскорѣ отыскался мальчикъ Богомоловъ, явившійся свидѣтелемъ разговора о якобы сдѣланномъ въ кружкѣ мѣстныхъ поляковъ заговорѣ на поджогъ. Богомоловъ удостовѣрялъ, что онъ слышалъ слова Кондрацкаго къ Кучаровскому: «надо же помянуть Сусанина», а также вопросъ Ходоровича на обѣдѣ: «когда же начнемъ поминать Сусанина»? Этотъ же свидѣтель показалъ, что къ Кучаровскому часто заходилъ унтеръ-офицеръ Ярошевичъ, которому тотъ совѣтовалъ уговаривать нижнихъ чиновъ «выжечь» Кострому. Съ другой стороны, кантонистъ Степановъ показалъ, что поляки раздавали солдатамъ спички, свѣчи и деньги, и рѣшили «сдѣлать поджогъ вблизи памятника Ивана Сусанина»; при этомъ Степановъ указалъ на рядового Щепковскаго, какъ на перваго человѣка, произведшаго поджогъ. Наконецъ, служившая у Ходоровича женщина Мельникова подтвердила существованіе польскаго заговора.

Различныя власти увѣдомляли центральные органы, что въ поджогахъ подозрѣваются поляки Нуженъ былъ въ слѣдственной комиссіи вѣрный и безпристрастный человѣкъ.

послѣдовало Высочайшее повелѣніе немедленно освободить заключенныхъ подъ стражу, отозвать костромского гражданскаго губернатора Григорьева въ Петербургъ и предать его военному суду при С.-Петербургскомъ ордонансгаузѣ за превышеніе власти [2]).

Такимъ оказался адъютантъ дежурнаго генерала главнаго штаба капитанъ Огаревъ, который и былъ командированъ въ Кострому. Туда же былъ отправленъ и флигель-адъютантъ фонъ-Бринъ, съ пособіемъ въ 7.500 рублей въ пользу пострадавшихъ; послѣдній также сталъ принимать участіе въ слѣдственныхъ дѣлахъ.

Съ прибытіемъ свѣжихъ лицъ, свободныхъ отъ слуховъ стоустой молвы и отъ мелкаго мірка глухой провинціи, слѣдствіе повернуло свое теченіе. Эти новыя лица установили, что нижніе чины принимали дѣятельное участіе въ тушеніи пожара; они обнаружили, что «губернаторъ былъ самъ увлеченъ молвою» и что Ярошевичъ и Щепковскій, въ надеждѣ «исторгнуть у нихъ признаніе», были при допросахъ наказываемы розгами, а Ходоровичъ былъ водимъ по городу подъ конвоемъ солдатъ и жандармовъ.

Императоръ Николай Павловичъ, получивъ объ этомъ свѣдѣнія, былъ крайне возмущенъ дѣятельностью губернатора. Въ силу справедливости, забывъ польское возстаніе, Государь принялъ сторону поляковъ и на рапортѣ флигель-адъютанта Брина, 28 октября 1847 года, положилъ резолюцію: «представить сегодня же въ комитетъ министровъ и послать фельдъегеря арестовать губернатора и привезть сюда, гдѣ и отдать военному суду, подъ арестомъ». Въ тоже время въ управленіе губерніей вступилъ генералъ-адъютантъ князь Италійскій, графъ Суворовъ-Рымникскій, внукъ знаменитаго Суворова.

Продолжая слѣдственныя дѣйствія, флигель-адъютантъ Бринъ, замѣтивъ на очныхъ ставкахъ, что кантонистъ Степановъ говорилъ неувѣренно, обнаруживалъ робость и блѣднѣлъ, сталъ усовѣщевать его показывать одну только правду. На другой день Степановъ, явившись въ комиссію, показалъ, что онъ ложно оговорилъ Ходоровича, такъ какъ на первомъ допросѣ у губернатора онъ былъ наказанъ розгами и очень испугался. Чрезъ нѣсколько дней отреклась отъ своихъ прежнихъ показаній и свидѣтельница Павлова. По донесенію о семъ Государю, послѣдовало Высочайшее повелѣніе объ опубликованіи всѣхъ слѣдственныхъ дѣйствій въ мѣстной губернской газетѣ.

Выяснившаяся фальшивость направленія слѣдствія, вызванная излишнею довѣрчивостью губернатора къ циркулировавшимъ въ Костромѣ слухамъ, оправдывалась, по донесенію князя Суворова, тѣмъ, что Григорьевъ имѣлъ «ложно направленное усиліе отыскать виновниковъ непостижимыхъ бѣдствій города»; личной же непріязни губернаторъ не питалъ ни къ одному арестованному.

Военно-судная комиссія приговорила губернатора Григорьева къ содержанію подъ арестомъ на четыре мѣсяца и къ отставленію отъ службы. Дѣло поступило на заключеніе генералъ-аудиторіата, который призналъ, что губернаторомъ Григорьевымъ «безвинно-подвергнуты были тюремному заключенію и позору многія лица изъ польскихъ уроженцевъ по неосновательному подозрѣнію въ злонамѣренныхъ зажигательствахъ, а двое изъ нижнихъ чиновъ тѣлесному наказанію въ видѣ пытки, строго запрещенной закономъ, и что эти несообразныя дѣйствія его утвердили въ народѣ заблужденіе о существованіи между поляками заговора на зажигательство». Поэтому генералъ-аудиторіатъ полагалъ «написать дѣйствительнаго статскаго совѣтника въ рядовые и опредѣлить на службу. Вмѣстѣ съ тѣмъ генералъ-аудиторіатъ установилъ наличность обстоятельствъ, могущихъ служить въ облегченіе участи подсудимаго Григорьева—наличность безпорочной службы, высокихъ нравственныхъ его качествъ, разумныхъ его распоряженій послѣ пожара учрежденіемъ комитета для сбора пособій и нарядомъ для охраны имущества карауловъ; кромѣ того, нужно было принять во вниманіе долговременное, болѣе года, содержаніе Григорьева подъ арестомъ. Въ виду изложеннаго, генералъ-аудиторіатъ полагалъ вмѣнить Григорьеву въ наказаніе бытность подъ судомъ.

9 декабря 1848 года Государь конфирмовалъ дѣло резолюціей: «вмѣнить судъ въ наказаніе, г. Григорьева уволить отъ службы, а въ прочемъ быть по сему».

Вотъ какимъ образомъ разсѣялся призракъ мнимаго польскаго заговора. Губернаторъ, введенный въ заблужденіе слухами и сильно повѣрившій пословичному афоризму: «гласъ народа — гласъ Божій», превысилъ свою власть и очутился подъ строгимъ военнымъ судомъ, кончившимся, въ общемъ, для него благополучно.

[2]) Прот. П. Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 160.

5 ноября прибылъ вновь назначенный военнымъ губернаторомъ г. Костромы и костромскимъ гражданскимъ губернаторомъ генералъ-адъютантъ Александръ Аркадьевичъ князь Италійскій, графъ Суворовъ Рымникскій. Первымъ дѣломъ новаго начальника губерніи было успокоить жителей Костромы и возстановить нормальный ходъ жизни. Молва и разсказы о поджогахъ, одни другихъ нелѣпѣе, продолжали циркулировать по городу, что заставило начальника губерніи издать циркуляръ по городской и земской полиціи и увѣщаніе къ жителямъ города, въ которыхъ, между прочимъ, генералъ-губернаторъ говоритъ, что «молва насчетъ заговора поляковъ истреблять все русское не имѣетъ ни малѣйшаго основанія, какъ то показало строжайшее слѣдствіе, и что виновные въ поджогахъ, если они дѣйствительно были, не избѣгнутъ законной кары, но что за всякіе толки въ народѣ о мнимомъ заговорѣ разглашатели будутъ подвергаемы отвѣтственности, какъ нарушители общественнаго спокойствія [1]).

По этому же поводу генералъ-губернаторъ Суворовъ писалъ слѣдующее письмо отъ 12 ноября 1847 года бывшему тогда костромскимъ губернскимъ предводителемъ дворянства Головнину: «М. Г. Григорій Ивановичъ! Дошло до свѣдѣнія моего, что проживающій здѣсь въ Костромѣ г. помѣщикъ Варенцовъ, вечеромъ 8 сего ноября, бывъ въ числѣ другихъ гостей у князя Козловскаго, между разговорами о постигшихъ городъ несчастіяхъ, съ непонятною для меня увѣренностію, продолжаетъ донынѣ относить вину пожаровъ къ умысламъ г. надворнаго совѣтника Ходоровича и его семейства. Небезызвѣстно вашему превосходительству, сколь неосновательно было взводимо обвиненіе на г. надворнаго совѣтника Ходоровича и его семейство, и Государь Императоръ, по собственному въ томъ убѣжденію, немедленно Высочайше повелѣть соизволилъ освободить г. Ходоровича съ семействомъ изъ-подъ стражи. Въ день моего прибытія въ Кострому, я имѣлъ честь принимать ваше превосходительство съ нѣкоторыми изъ лучшихъ г.г. дворянъ и лично выразилъ предъ вами это убѣжденіе Его Императорскаго Величества. Высочайшая воля Государя Императора не подлежитъ даже одоб-

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1847 г., № 45.

ренію нашему: она только принимается съ благоговѣніемъ; тѣмъ менѣе имѣетъ кто-либо право охуждать распоряженія священной власти Его Величества. Съ другой стороны, я еще до сихъ поръ не вижу никакихъ основаній, почему нѣкоторые безпокойные умы, подобно г. Варенцову, приписываютъ постигшее ихъ зло исключительно урожденцамъ западныхъ губерній и не обратятся къ самимъ себѣ? Большое количество уголовныхъ дѣлъ въ здѣшнемъ краѣ вовсе не доказываетъ, чтобы дѣйствительный виновникъ зла рѣшительно не могъ быть изъ среды самихъ-же коренныхъ жителей. Сколько ни странно для меня въ настоящемъ случаѣ поведеніе г. Воронцова, я не рѣшился однакожъ на первый разъ дать дѣлу оффиціальной гласности и счелъ долгомъ обратиться къ вашему превосходительству, какъ представителю дворянства Костромской губерніи, съ покорнѣйшею просьбою внушить г.г. дворянамъ, что повтореніе прежнихъ нелѣпыхъ толковъ будетъ нынѣ уже не нелѣпость, а дерзость—осуждать распоряженія высшей власти, и я на будущее время найдусь въ непріятной необходимости донести о томъ непосредственно Его Императорскому Величеству».

Между тѣмъ отовсюду въ комитетъ для погорѣльцевъ г. Костромы поступали деньги, теплая одежда, разнаго рода платье, обувь и новина; кромѣ того пожертвовали: кинешемскій городской голова Полѣновъ 85 кулей ржаной муки и извѣстный костромской благодѣтель Платонъ Васильевичъ Голубковъ 3000 руб. на разорившихся жителей города и 1000 руб. на поправку обгорѣвшей церкви Св. Троицы.

9 ноября, послѣ архіерейскаго служенія въ Успенскомъ соборѣ, уполномоченный флигель-адъютантъ полковникъ фонъ-Бринъ, въ присутствіи членовъ комитета, раздавалъ наиболѣе нуждающимся денежное пособіе изъ суммъ, пожертвованныхъ на сей предметъ Государемъ Императоромъ. Такимъ образомъ первыя, необходимыя потребности крайне нуждавшихся погорѣвшихъ жителей были по возможности удовлетворены [1]).

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1847 г., №№ 41 и 48; прот. Островскій. Историч. записки о Костромѣ и ея святыняхъ, стр. 161.

XVIII.

Холера въ Костромѣ. Закрытіе мужского Богоявленскаго монастыря. Дарованіе льготъ погорѣльцамъ города Костромы. Прощаніе костромичей съ преосвященнымъ Іустиномъ. Пріѣздъ въ Кострому великихъ князей Николая Павловича и Михаила Павловича Открытіе памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину.

---

1 НОЯБРЯ 1847 года въ Костромѣ г. Пріоровою открытъ пансіонъ для воспитанія дѣвицъ дворянскаго, духовнаго и купеческаго званій, принятый вnoслѣдствіи подъ покровительство Государыни Императрицы Александры Ѳеодоровны [1]).

Въ декабрѣ мѣсяцѣ того же года, благодаря вторичному пожертвованію 3000 рублей П. В. Голубковымъ въ пользу Маріинскаго дѣтскаго пріюта, явилась возможность пріобрѣсти для пріюта собственный домъ, купленный у Натальи Яковлевны Купреяновой, причемъ, при продажѣ дома, Купреянова пожертвовала на нужды пріюта 300 рублей, за что получила Высочайшую благодарность Государыни Императрицы [2]).

Въ 1848 году новое несчастіе постигло Кострому. Весной появилась холера, которая вырвала изъ среды жителей города массу жертвъ [3]). Сильному развитію холеры много способствовала скученность народонаселенія города, такъ какъ, послѣ пожара прошлаго года, жители еще не успѣли выстроиться. Смертность заболѣвшихъ доходила до 73% [4]). Для борьбы съ эпидеміей образованъ былъ губернскій холерный комитетъ, усилено количество врачей, городъ раздѣленъ былъ на 6 участковъ и къ завѣдыванію каждымъ

---

1) Прот. П. Островскій, стр. 164.
2) Костр. Губернск. Вѣдом. 1848 года.
3) По изслѣдованіямъ врача И. С. Иванова, въ Костромѣ умерло во время эпидеміи 576 человѣкъ.
4) Костр. Губернск. Вѣдом. 1848 года, № 25.

участкомъ назначенъ былъ участковый попечитель, обязанностью котораго было освѣдомляться въ своемъ участкѣ, нѣтъ ли больныхъ и не нуждаются ли больные въ какой либо помощи.

Въ августѣ мѣсяцѣ 1848 года послѣдовало Высочайшее повелѣніе закрыть мужской Богоявленскій монастырь и перевести его обратно въ Песошенскій монастырь [1]), обгорѣвшія зданія передать въ духовно-учебное вѣдомство для постройки Семинаріи, а угодья отдать Ипатіевскому монастырю.

Желая предоставить болѣе средствъ Маріинскому пріюту, генералъ-губернаторъ г. Костромы князь Illаріонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ предложилъ жителямъ города въ праздники Рождества Христова и Пасхи замѣнить обычные визиты своимъ знакомымъ денежнымъ пожертвованіемъ въ пользу пріюта. Предложеніе это было принято сочувственно, и въ день Рождества Христова, 1848 года денежныя пожертвованія поступили отъ 145 человѣкъ.

Въ мартѣ мѣсяцѣ 1849 года послѣдовало, вслѣдствіе ходатайства бывшаго Костромского генералъ-губернатора Александра Аркадьевича Суворова-Рымнинскаго, Высочайшее повелѣніе о дарованіи льготъ погорѣльцамъ г. Костромы. Льготы эти состояли въ слѣдующемъ: 1) четыремъ купцамъ 2-й гильдіи и 28-ми третьей, изъ числа пострадавшихъ отъ пожара 1847 года, предоставить льготу на пять лѣтъ отъ платежа гильдейскихъ повинностей съ тѣмъ, чтобы льгота опредѣляема была этимъ лицамъ по тѣмъ гильдіямъ, въ которыхъ каждый изъ нихъ состоялъ въ 1847 году, чтобы они воспользовались ею, начиная съ 1847 года; 2) 74-мъ лицамъ предоставить также пятилѣтнюю льготу отъ платежа податей, начиная съ 1849 г.; 3) числящуюся на мѣщанахъ города Костромы податную недоимку въ числѣ 10092 руб. серебромъ сложить; 4) отнести на земскій сборъ Костромской губерніи отопленіе и освѣщеніе тюремнаго замка и гауптвахты съ караульнымъ домомъ и отпустить изъ этого же сбора 9500 рублей на постройку, вмѣсто погорѣвшихъ, домовъ для городскихъ частей, каланчи, магистрата и сиротскаго суда; 5) назначить

---

[1]) Песошенскій монастырь находится въ 15 верстахъ отъ г. Костромы по Старо-Ярославскому тракту.

изъ земскихъ же сборовъ въ пособіе квартирному сбору по 5000 руб. ежегодно, въ теченіе 5 лѣтъ [1]).

За всѣ эти милости, оказанныя съ высоты престола, костромичи совершили въ Успенскомъ соборѣ благодарственное молебствіе. 14 мая 1850 года костромичи прощались со своимъ преосвященнымъ Іустиномъ, переведеннымъ во Владиміръ. Насколько всѣ любили и уважали этого преосвященнаго, показываютъ его проводы. Когда послѣ литургіи преосвященный съ ясною печатью скорби вышелъ изъ алтаря и со слезами на глазахъ сталъ испрашивать себѣ прощеніе у своей паствы, стѣны собора огласились искренними рыданіями. Г. военный губернаторъ Иванъ Васильевичъ Каменскій далъ въ честь преосвященнаго торжественный обѣдъ, другими обѣдами чествовали преосвященнаго костромское духовенство. 21 марта преосвященный Іустинъ оставилъ Кострому, призывая Божіе благословеніе на городъ, на Ипатіевскую обитель, на всѣ грады и веси и на всѣ дома и семейства костромской епархіи. [2])

8 августа того же года, въ 11 часовъ утра, прибыли въ Кострому великіе князья Николай и Михаилъ Николаевичи. Они, въ сопровожденіи своего воспитателя генерала Философова и губернатора Каменскаго, прямо подъѣхали къ собору, гдѣ у святыхъ воротъ были встрѣчены преосвященнымъ костромскимъ Леонидомъ и духовенствомъ. Выслушавъ краткое молебствіе и осмотрѣвъ достопримѣчательности собора, великіе князья отправились въ приготовленную для нихъ квартиру, въ домѣ А. П. Шипова. Здѣсь великимъ князьямъ представлялся преосвященный Леонидъ съ членами духовной консисторіи, причемъ Августѣйшіе братья выразили особое удовольствіе по поводу того, что «Господь привелъ ихъ посѣтить Кострому». Кромѣ Успенскаго собора великіе князья посѣтили Ипатіевскій монастырь и приходскую церковь Воскресенія Христова, что на Дебрѣ, замѣчательную по архитектурѣ XVII вѣка. Въ Ипатіевскомъ монастырѣ, въ царскихъ покояхъ, хранится слѣдующій

---

[1]) Предписаніе генералъ-губернатора Городской Думѣ отъ 23 марта 1849 года, см. въ архивѣ Городской Управы.

[2]) Костромск. Губернск. Вѣдом. 1850 года, № 12., стр. 100, 101

листъ, какъ памятникъ посѣщенія монастыря великими князьями: «Съ душевнымъ удовольствіемъ, по прибытіи въ Кострому, мы осмотрѣли древнюю обитель Ипатіевскую и сохраняемыя въ ней достопримѣчательныя вещи, въ особенности тѣ смиренныя кельи, гдѣ нѣкогда любезнѣйшій предокъ нашъ, юный Михаилъ Ѳеодоровичъ съ матерью своею, инокинею Марѳою Іоанновною, обиталъ. Въ память чего мы оставляемъ за собственноручнымъ нашимъ подписомъ сей листъ. 8 августа 1850 года Николай. Михаилъ».

Вечеромъ Ихъ Императорскія Высочества приняли участіе въ народномъ гуляньи, устроенномъ на костромскомъ бульварѣ. Площади, улицы и оба бульвара были переполнены народомъ, въ особенности, маленькій бульваръ, когда великіе князья появились въ бесѣдкѣ, устроенной на берегу Волги, откуда представился Ихъ Высочествамъ видъ на Волгу и на село Городище, первоначальное мѣсто г. Костромы, гдѣ устроенъ былъ въ древнемъ стилѣ замокъ великолѣпно иллюминованный. Этотъ замокъ окруженъ былъ со всѣхъ сторонъ горящими смоляными бочками.

Утромъ великій князь Николай Николаевичъ воспринималъ сына А. П. Шипова. Крещеніе назначено было въ залѣ г. Шипова. Въ 10 часовъ утра, предъ самымъ выходомъ Его Императорскаго Высочества, прибылъ въ залъ генералъ-адъютантъ Философовъ, который, при обозрѣніи всѣхъ принадлежностей для предстоящаго крещенія, обратился къ хозяину дома съ вопросомъ: «вѣроятно, и крестикъ приготовленъ для возложенія на крещаемаго?» На утвердительный отвѣтъ г. Шипова генералъ сказалъ: «крестикъ для сего изготовленъ собственный у Его Императорскаго Высочества и освященъ въ здѣшнемъ Успенскомъ соборѣ».

Въ $10^1/_4$ часовъ прибылъ въ залъ со своимъ, совоспитанникомъ Шуваловымъ великій князь Николай Николаевичъ для крещенія младенца. Воспріемницею съ Его Императорскимъ Высочествомъ была вдова полковника Павла Яковлевна Сытина, теща г. Шипова. Когда началось крещеніе, туда же прибылъ и великій князь Михаилъ Николаевичъ со своимъ совоспитанникомъ княземъ Трубецкимъ. Когда великій князь, по принятіи на свои руки младенца, два раза обошелъ купель, воспріемница просила у Его Высочества

позволенія принять младенца на свои руки для несенія его въ третій разъ вокругъ купели, но Его Высочество сказалъ: «младенецъ мальчикъ, поэтому и въ третій разъ я долженъ нести воспринятаго мною младенца». Совершавшій таинство крещенія протоіерей городской Спасской церкви Малиновскій, поднося св. крестъ для цѣлованія Августѣйшему воспріемнику, по его собственному сознанію отъ избытка душевной радости, забылъ осѣнить крестомъ новокрещеннаго младенца и хотѣлъ уже положить крестъ, какъ великій князь сказалъ ему: «Батюшка! позвольте поцѣловать св. крестъ новопросвѣщенному».

Тотчасъ послѣ крещенія великіе князья, при колокольномъ звонѣ и стеченіи массы народа, выѣхали на лошадяхъ изъ г. Костромы по Кинешемскому тракту [1]).

22 февраля 1851 года на имя губернскаго предводителя дворянства Ѳ. Ѳ. Чагина поступило отношеніе военнаго губернатора г. Костромы И. В. Каменскаго, въ которомъ онъ извѣщалъ, что, по всеподданнѣйшему докладу г. министра внутреннихъ дѣлъ, Государь Императоръ Высочайше повелѣть соизволилъ открыть памятникъ Сусанину 14 марта 1851 года.

Губернскій предводитель тотчасъ же извѣстилъ объ этомъ всѣхъ дворянъ губерніи, а дворянское депутатское собраніе постановило: «дабы драгоцѣнное для каждаго гражданина въ память незабвеннаго отечественнаго событія торжество совершить приличнымъ образомъ, слѣдуетъ произвести расходы изъ суммъ дворянства до 2500 рублей». Эта сумма ассигнована была на наемъ квартиръ на случай пріѣзда въ Кострому потомковъ Сусанина, коробовскихъ бѣлопашцевъ, одновотчинниковъ съ ними крестьянъ села Домнина, угощеніе ихъ и подарки, иллюминацію дворянского дома, выписку изъ Ярославля 3-го резервнаго пѣхотнаго полка, полнаго хора музыки, а также на угощеніе духовенства, штабъ и оберъ-офицеровъ и почетныхъ купцовъ.

14 марта 1851 года, въ $9^1/_2$ часовъ утра, преосвященнымъ Леонидомъ съ соборнымъ духовенствомъ начата была въ соборѣ литургія въ

[1]) Е. П. Вознесенскій. Путешеств. Высочайш. Особъ, стр. 107—114.



Памятникъ Царю Михаилу Θеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину.

присутствіи г. военнаго губернатора Каменскаго, вице-губернатора князя Гагарина, губ. предводителя дворянства Чагина, ярославскаго губ. предводителя дворянства А. А. Волкова, нарочно прибывшаго для участія въ торжествѣ, военныхъ и гражданскихъ чиновниковъ, дворянъ, купечества, коробовскихъ бѣлопашцевъ, крестьянъ села Домнина и массы народа. По окончаніи литургіи начался изъ собора къ памятнику крестный ходъ. При появленіи церковныхъ хоругвей, выстроенные у св. воротъ батальонъ внутренней стражи съ военною музыкою и взводъ конныхъ жандармовъ отдали подобающую честь святынѣ. Когда духовная процессія дошла до лѣваго фланга батальона, то парадъ, перестроившись въ колонну справа, двинулся вслѣдъ за процессіею церемоніальнымъ маршемъ на Сусанинскую площадь, предшествуемый взводами жандармовъ. По прибытіи на площадь, войска построились вокругъ памятника съ трехъ сторонъ, а на четвертой передней сторонѣ памятника, обращенной къ Волгѣ, на устроенной эстрадѣ, остановился крестный ходъ и всѣ почетныя лица, принимавшія участіе въ процессіи. Крыши окружающихъ площадь гостинныхъ дворовъ и другихъ зданій, балконы и окна унизаны были зрителями, число коихъ простиралось до 3000 человѣкъ. По окончаніи построенія войскъ, по данному г. генералъ-губернаторомъ знаку, мгновенно упалъ съ памятника покровъ и глазу зрителей предсталъ величественный памятникъ Немедленно войска отдали памятнику честь и могучее ура огласило воздухъ. Когда все умолкло, нижніе чины, сдѣлавъ на молитву, сняли кивера и началась молитва съ водосвятіемъ и возглашеніемъ многолѣтія Государю Императору и всему Царствующему Дому.

Преосвященный Леонидъ, въ сопровожденіи духовенства, окропилъ памятникъ св. водою; затѣмъ началась панихида Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину. По окончаніи духовной церемоніи крестный ходъ возвратился въ соборъ, а военная музыка заиграла «Боже Царя Храни».

По окончаніи торжества открытія памятника, всѣ начальствующія лица отправились въ домъ купца Первушина, бывшій Борщова, гдѣ приготовленъ былъ отъ дворянства обѣдъ для коробовскихъ



Бывшій домъ генерала Борщова, затѣмъ купца Первушина, гдѣ, при посѣщеніи г. Костромы, имѣлъ жительство Государь Императоръ Николай Павловичъ 7, 8, 9 и 10 октября 1834 года. Въ этомъ же домѣ 13, 14 и 15 мая 1837 г. имѣлъ пребываніе Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, будучи наслѣдникомъ престола. Въ настоящее время въ этомъ домѣ помѣщается Окружный Судъ.

бѣлопашцевъ. Обѣденный залъ былъ украшенъ портретами и сложенными изъ оружія вензелями Государя Императора Николая Павловича, Царя Михаила Ѳеодоровича и картиною, изображающею подвигъ Сусанина.

Въ углахъ залы установлены были въ пирамидахъ заказанныя отъ дворянъ на память торжества бархатныя шапки для потомковъ Сусанина, опушенныя мѣхомъ, съ серебрянымъ позументомъ, на которомъ вышитъ день открытія памятника: «14 марта 1851 года».

Предъ окончаніемъ обѣда староста бѣлопашцевъ произнесъ: «миряне мои, встаньте и молитесь!» Потомъ, обратясь къ портрету Государя Императора, возгласилъ слѣдующіе тосты: 1) за Его Императорское Величество многія лѣта; 2) за Его Превосходительство, г. военнаго губернатора, многія лѣта и 3) за всѣхъ Костромскихъ дворянъ многія лѣта. При каждомъ тостѣ бѣлопашцы кричали «ура»! Затѣмъ староста провозгласилъ: «вѣчная память Царю Михаилу Ѳеодоровичу и прадѣду Ивану Сусанину»!

Посуда на этомъ обѣдѣ была вся русская, деревянная; чашки, тарелки, стаканы, кружки, стопы были окрашены пунцовою крас-

кою съ позолоченными клеймами; ложки и черенки у ножей и вилокъ были вызолочены. По окончаніи обѣда, каждому бѣлопашцу на память были даны бархатныя шапки, посуда, изъ которой они пили и ѣли, и по кульку, сшитому изъ малиноваго бархата, съ золотыми звѣздами, наполненному разными сластями.

Всѣмъ нижнимъ чинамъ, находившимся въ строю, комиссіонеромъ костромского питейнаго откупа, полковникомъ Шиповымъ, отпущено было по фунту рыбы и по 2 чарки вина на человѣка.

Въ 4 часа по полудни былъ обѣденный столъ отъ костромского дворянства на 250 кувертовъ, во время котораго губернскимъ предводителемъ дворянства провозглашены были тосты за здравіе Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома. Памятникъ, дворянскій домъ и весь городъ были иллюминованы. Въ теченіе цѣлаго дня продолжался колокольный звонъ.

Такимъ образомъ, въ день 14 марта 1851 года, костромичи воскресили въ своей памяти тотъ историческій, знаменательный не только для Костромы, но и для всей Россіи день, когда въ то же число, 238 лѣтъ тому назадъ, Кострома праздновала восшествіе на престолъ Михаила Θеодоровича. [1])

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣд. 1851 г., № 12; Е. П. Вознесенскій, свящ., стран. 77, 78, 80, 81 и 82; Коробицынъ. Историч. замѣтки и памятникъ Сусанина. Костр. Старина, стр. 207, 208, 209 и 210.

XIX.

Празднованіе 25-лѣтія царствованія Императора Николая Павловича въ Костромѣ. Крымская война. Открытіе попечительнаго о бѣдныхъ комитета. Выставка сельскихъ произведеній Костромской, Ярославской, Владимірской, Тверской и Вологодской губерній. Императоръ Александръ II. Призывъ ополченцовъ. Костромское ополченіе. Прибытіе въ Кострому депутатовъ черниговскаго дворянства. Открытіе въ Костромѣ губернскаго училища для дѣвицъ.

---

22 АВГУСТА 1851 года Кострома праздновала 25-лѣтіе царствованія Николая Павловича.

Послѣ торжественнаго молебствія въ соборѣ у генералъ-губернатора состоялся обѣдъ, на которомъ провозглашены были заздравные тосты въ честь Ихъ Императорскихъ Величествъ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. Устроенные у городской заставы на Волгѣ тріумфальныя ворота были залиты огнемъ. Но костромичи не удовольствовались только наружнымъ проявленіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ, они захотѣли увѣковѣчить этотъ день какимъ-либо добрымъ дѣломъ на пользу бѣдныхъ ближнихъ.

Одинъ изъ костромичей, отставной коллежскій секретарь Дмитрій Ѳедоровичъ Суворовъ, пожертвовалъ 30000 руб. на бѣдныхъ г. Костромы. Это пожертвованіе послужило основаніемъ для ходатайства объ учрежденіи въ г. Костромѣ попечительнаго о бѣдныхъ комитета, а также ходатайства открыть подписку по всей губерніи для увеличенія средствъ этого комитета, на что въ скоромъ времени и послѣдовало Высочайшее разрѣшеніе. Жители губерніи быстро откликнулись на призывъ помочь бѣднымъ, и уже къ ноябрю мѣсяцу поступило пожертвованій 4812 рублей $17^1/_4$ коп. [1]).

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1851 г., № 44.

8 декабря въ Успенскомъ соборѣ преосвященый костромской Леонидъ, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, совершилъ отпѣваніе тѣла умершей Ольги Васильевны Рымшиной, родной сестры извѣстнаго благотворителя Платона Васильевича Голубкова. Ольга Васильевна имѣла большой капиталъ, вела весьма скромный образъ жизни и все ея занятіе заключалось въ дѣлахъ благотворительности и помощи бѣднымъ г. Костромы [1]).

Въ августѣ мѣсяцѣ 1852 года за рѣкой Волгой, въ загородномъ домѣ, открытъ былъ былъ г. Юрьевой частный пансіонъ для воспитанія дѣвицъ. Въ томъ-же году былъ основанъ въ Костромѣ полковникомъ Д. П. Шиповымъ чугуноплавильный заводъ.

Въ 1853 году началась Крымская война, по случаю которой костромское дворянство и купечество, движимые любовью къ престолу и отечеству, тотчасъ же пожертвовали на нужды войскъ,— первое 25000 рублей единовременно и 40000 рублей ежегодно, на все время продолженія войны, а второе 3500 рублей, за что были удостоены Монаршей благодарности [2]).

16 мая 1854 года костромичи провожали партію юношей, въ количествѣ 20 человѣкъ, преимущественно учениковъ гимназіи, пожелавшихъ отправиться въ дѣйствующую армію на защиту отечества. Послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ, въ домъ дворянскаго собранія принесена была чудотворная Ѳеодоровская икона Божіей Матери, предъ которой преосвященный Филоѳей совершилъ молебствіе и благословилъ отправляющихся на великій подвигъ. Губернскій предводитель дворянства А. А. Мироновъ обратился къ юношамъ съ патріотической рѣчью, начавъ ее такими словами:

«Благородные юноши! Насталъ часъ, многознаменательный въ вашей жизни, часъ, когда вы скажете «прости» всему родному тому, что окружало васъ любовію и попеченіемъ, съ чѣмъ свыклись вы отъ колыбели и что, утрачивая надолго, быть можетъ теперь только оцѣниваете. Часъ этотъ многознаменателенъ для васъ и потому, что съ него начинается ваша самостоятельная жизнь, за которую

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1851 г., № 50.

[2]) Памятн. книжка Костр. губ., 1862 года, стр. 240; Костромск. Губернск. Вѣдом. 1854 года, № 10-й.

вы уже отвѣтите сами собою, лишась съ тѣмъ вмѣстѣ охранительнаго руководства вашихъ достойныхъ наставниковъ, такъ попечительно соблюдающихъ вашу юность. Выслушайте же въ этотъ часъ прощальное мое слово къ вамъ съ полнымъ вниманіемъ и запечатлѣйте его въ самомъ сердцѣ». Продолжая далѣе рѣчь г. предводитель выяснилъ всю трудность пути, избраннаго юношами, пути полнаго лишеній и трудовъ, совѣтовалъ имъ съ терпѣніемъ и мужествомъ переносить ихъ и полюбить солдатское званіе во всей простотѣ его, такъ какъ воинъ, будучи защитникомъ вѣры, престола и отечества долженъ быть чистъ душею, благороденъ, безкорыстенъ, великодушенъ, трудолюбивъ и дѣятеленъ. Далѣе, одобряя ихъ похвальное стремленіе послужить ратному дѣлу, А. А. Мироновъ сказалъ: «вглядитесь пристальнѣе на прощаньи въ вашъ родной городъ и пусть воспоминаніе о немъ приведетъ вамъ на память тѣ событія, которыхъ онъ былъ свидѣтелемъ. Эта икона, предъ свѣтлымъ ликомъ которой мы сейчасъ только молебствовали о вашемъ благополучномъ пути и просили на васъ благословенія небеснаго, есть чудотворный образъ Θеодоровской Божіей Матери, явившейся здѣсь князю Василію; этотъ образъ, подъятый выборными всей Россіи, подвигнулъ мать благословить сына на царство. Возьмите же образъ себѣ въ спутники и усердно молитесь, чтобъ Заступница соблюла васъ вѣрными, полезными и усердными слугами государства». Затѣмъ, приведя на память подвигъ Сусанина, г. предводитель закончилъ свою рѣчь словами: «теперь проститесь съ вашими родными, поблагодарите вашихъ почтенныхъ воспитателей за всѣ ихъ попеченія о васъ, поблагодарите дворянство за все добро вамъ оказанное—и Господь съ вами!»

Послѣ рѣчи предводителя дворянства молодые люди приложились къ чудотворной иконѣ Богоматери и прощались съ родными и знакомыми. Послѣ завтрака, которымъ угощало дворянство отъѣзжающихъ, молодые защитники отечества отправились въ Москву, въ сопровожденіи юрьевецкаго предводителя дворянства П. Д. Козловскаго [1]).

[1]) Прот. Островскій. Истор. записки о Костр., стр. 172, 226 и 229.

22 августа 1854 года, кромѣ празднованія дня коронованія Императора Николая Павловича, Кострома праздновала еще знаменитую побѣду надъ врагами, одержанную въ азіатской Турціи генераломъ Бебутовымъ. На литургію, которую служилъ преосвященый костромской Филоѳей, собраны были воспитанники гимназіи, училища дѣтей канцелярскихъ служителей и Маріинскаго дѣтскаго пріюта, которые общимъ хоромъ пропѣли въ соборѣ «Отче нашъ». Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ. [1]).

20 ноября 1854 года торжественно открытъ въ Костромѣ попечительный о бѣдныхъ комитетъ, состоящій въ непосредственномъ вѣдѣніи Императорскаго Человѣколюбиваго Общества и имѣющій цѣлію облегченіе судьбы бѣднаго люда. Открытіе происходило въ домѣ костромского дворянства.

На основаніи нормальныхъ правилъ для губернскихъ выставокъ сельскихъ произведеній, по распоряженію г. Министра Государственныхъ Имуществъ, назначена была въ г. Костромѣ, въ послѣдней половинѣ сентября 1854 года, выставка сельскихъ произведеній Костромской, Ярославской, Владимірской, Тверской и Вологодской губерній. Вслѣдствіе чего г. начальникомъ губерніи открытъ былъ подъ его предсѣдательствомъ комитетъ, состоявшій изъ губернскаго предводителя дворянства, управляющихъ—удѣльной конторы и палаты государственныхъ имуществъ и трехъ коммиссаровъ изъ помѣщиковъ, по приглашенію губернскаго предводителя дворянства. Одинъ изъ коммиссаровъ выставки П. А. Сальковъ приступилъ 13 сентября къ пріему вещей на выставку. [2]).

18 февраля 1855 года скончался Императоръ Николай Павловичъ и на престолъ вступилъ сынъ его *Александръ II Николаевичъ*. Война продолжалась, и уже объявленъ былъ Высочайшій манифестъ о созывѣ государственнаго ополченія. Быстро начали по губерніи сформировываться ополченія и уже въ началѣ мая 1855 года костромскіе ополченцы, подъ руководствомъ опытныхъ, старыхъ солдатъ, начали обучаться военнымъ пріемамъ.

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1854 года, № 43-й.
[2]) Подробности объ этой выставкѣ см. въ статьѣ «Промышленность и торговля».

12 іюля 1855 года произошло торжественное освященіе двухъ знаменъ, Высочайше дарованныхъ Костромской и Буйской дружинамъ. Знамя имѣло видъ прикрѣпленнаго къ древку четырехъугольнаго платка, на зеленомъ полѣ котораго изображенъ золотой крестъ съ вензелемъ Императора Николая I, по призыву котораго образовалось ополченіе. На нижнихъ поляхъ знамени была помѣщена надпись: «за Вѣру, Царя и Отечество».

Освященіе знаменъ происходило на Сусанинской площади. Послѣ литургіи въ Успенскомъ соборѣ преосвященный Филоѳей съ крестнымъ ходомъ прослѣдовалъ на Сусанинскую площадь. Торжественное шествіе происходило въ такомъ порядкѣ: 8 причетниковъ въ стихаряхъ съ хоругвями, по два въ рядъ; 10 чиновъ городского общества, по два въ рядъ, съ значками Костромской дружины 1812 года; 10 діаконовъ, по два въ рядъ, съ финифтяными образками, на одной сторонѣ которыхъ было изображеніе Ѳеодоровской Божіей Матери, а на другой св. Николая чудотворца, пожертвованными соборомъ для раздачи каждому ополченцу; губернскій и уѣздный предводители дворянства съ Ѳеодоровской иконой Богоматери и св. Николая чудотворца, пожертвованныя дворянствомъ для Костромского и Буйскаго ополченій; два протоіерея Успенскаго собора: одинъ съ Ѳеодоровской иконой Богоматери, а другой съ напрестольнымъ крестомъ, пожертвованными ополченію; архіерейскіе пѣвчіе, причетники, дьяконы, по два въ рядъ; діаконъ съ запрестольнымъ крестомъ; 4 діакона съ иконой Спасителя, 4 священника, съ чудотворной иконой Ѳеодоровской Богоматери; всѣ городскіе священники, по два въ рядъ, два архимандрита и епископъ Филоѳей.

Какъ только процессія приблизилась къ памятнику Сусанина, барабанщики и горнисты исполнили торжественный маршъ, которому наскоро были обучены, и дружины отдали военную почесть. На помостѣ, противъ памятника Сусанина, началось водоосвященіе и освященіе знаменъ. Затѣмъ преосвященный вручилъ знамена начальнику ополченія Ѳеодору Ивановичу Васькову, иконы—начальникамъ дружинъ, а финифтяными образками наградилъ каждаго ополченца. Приведши дружины къ присягѣ и окропивъ ихъ св. водою, прео-

священный Филоѳей во главѣ процессіи тѣмъ же порядкомъ возвратился въ соборъ. [1]).

4 августа назначено было днемъ выступленія Костромского и Буйскаго ополченій, почему 2 августа городъ во дворѣ при домѣ Дворянскаго Собранія угощалъ обѣдомъ 2200 ратниковъ, а въ самомъ домѣ былъ обѣдъ отъ дворянства на 160 человѣкъ для начальниковъ ополченія и губернскихъ властей. Послѣ обѣда ратниковъ былъ обѣдъ отъ города для всѣхъ ихъ родственниковъ, собравшихся провожать ополченцевъ.

Все ополченіе Костромской губерніи раздѣлялось на 10 дружинъ. Для каждой дружины ратники набирались въ своихъ уѣздахъ, причемъ нѣкоторые уѣзды сводились вмѣстѣ. Во всемъ ополченіи находилось 199 офицеровъ, изъ числа коихъ 186 потомственныхъ дворянъ и 13 личныхъ. Выборъ офицеровъ въ дружины производился въ уѣздахъ, причемъ нѣкоторые уѣзды по малому числу дворянъ сводились вмѣстѣ [2]).

Въ сентябрѣ мѣсяцѣ 1855 года открылась первая библіотека для чтенія и книжная лавка въ домѣ г-жи Колычевой на Русиной улицѣ. Открылъ ее костромской мѣщанинъ и переплетчикъ И. В. Солониковскій. Какъ библіотека, такъ и лавка снабжены были только русскими книгами по богословію, поэзіи и беллетристикѣ. Были также учебныя книги и журналы: Отечественныя записки, Современникъ, Библіотека для чтенія и Пантеонъ [3]).

Съ весны 1855 года акціонерное общество «Польза» открыло правильное пароходное движеніе между Рыбинскомъ и Нижнимъ.

25 декабря того-же года скончался въ Варшавѣ костромской дворянинъ Ѳ. И. Васьковъ, костромскимъ дворянствомъ избранный начальникомъ Костромского ополченія. Тѣло его привезено было въ Кострому и торжественно погребено преосвященнымъ Филоѳеемъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ.

27 іюля 1856 года въ Кострому прибыла депутація черниговскаго дворянства, состоявшая изъ губернскаго предводителя,

---

[1]) П. И. Андрониковъ. Костр. Губ. Вѣд. 1855 г. № 32; Протоіерей Островскій, стр. 176.
[2]) Памятная книжка Костр. Губ. 1862 г., стр. 240 и 241.
[3]) Костр. Губ. Вѣд. 1855 г., №№ 47 и 48.

трехъ уѣздныхъ предводителей и четырехъ депутатовъ, и привезла съ собою въ даръ Ипатіевскому монастырю отъ черниговскаго дворянства мозаичный образъ святителя Николая Чудотворца, превосходной работы русскаго художника Сиверса, стоящій болѣе 12000 р. серебромъ.

Черниговское дворянство, по случаю исполнившагося двадцатипятилѣтія царствованія Императора Николая I, постановило сдѣлать два образа св. Николая Чудотворца, — одинъ для черниговскаго собора, другой для Ипатіевскаго монастыря, откуда вышелъ на царство родоначальникъ Императора Николая I. 28 іюля, послѣ литургіи, образъ былъ освященъ преосвященнымъ Филоѳеемъ, который пригласилъ депутацію въ свои покои на завтракъ. Того же числа депутація была приглашена начальникомъ губерніи на обѣдъ. 29 числа депутацію чествовало обѣдомъ костромское дворянство, а 30 городское общество. На дворянскомъ обѣдѣ губернскіе предводители обмѣнялись рѣчами, причемъ Костромской губернскій предводитель А. А. Мироновъ въ заключеніе своей рѣчи сказалъ: «отнынѣ между вами и нами, кромѣ общаго всему Россійскому дворянству единомыслія, устанавливается еще общеніе духовное! Всякій разъ, когда мы будемъ молиться предъ изображеніемъ принесеннаго вами угодника Божія, первая мысль по мольбѣ будетъ о васъ — мысль любовная и задушевная! Вы также вспомните иногда и о насъ съ сочувствіемъ и общее чувство наше, основанное на преданности къ престолу и любви къ отечеству, въ духѣ православной вѣры, есть и пребудетъ съ нами и въ насъ непреложно». Отвѣчая на эту рѣчь, черниговскій предводитель дворянства въ заключеніе сказалъ: «да будетъ эта святая икона предъ Богомъ — теплою молитвою нашею о благоденствіи Царя и царства; предъ Государемъ — священнымъ выраженіемъ вѣрноподданническихъ чувствъ нашихъ; передъ вами костромскіе дворяне — доброю памятью о насъ, древнихъ славянскихъ братьяхъ вашихъ, хотя и отдаленныхъ, но тѣсно соединенныхъ съ вами несокрушимыми узами вѣры и вѣрноподданичества. Мы же свято хранимъ признательную память о вашемъ истинно-братскомъ гостепріимствѣ» [1]).

[1]) Костр. Губернск. Вѣд. 1856 г.; Островскій, стр. 237.

31 іюля депутація черниговскаго дворянства выѣхала изъ Костромы.

29 іюля 1856 года преосвященный костромской Филоѳей выѣхалъ въ Москву, вызванный туда для присутствованія при коронаціи Императора Александра II, 3-го августа выѣхалъ туда же губернскій предводитель дворянства А. А. Мироновъ, а 6 августа Костромской городской голова Дурыгинъ. Преосвященный взялъ съ собою копію съ Ѳеодоровской иконы Богоматери для поднесенія ея Ихъ Величествамъ, а предводитель и голова—блюда съ солонками для принесенія поздравленій Ихъ Величествамъ. Блюдо дворянства было серебряное вызолоченное съ изображеніемъ Ипатіевскаго монастыря, окруженнаго гербами 12 уѣздовъ, солонка въ русскомъ деревенскомъ стилѣ. Какъ блюдо, такъ и солонка работы костромского купца В. Савельева. Блюдо городского общества—также серебряное, вызолоченное, съ изображеніемъ двухъ моментовъ въ исторіи: мольбы московскаго посольства и Михаилъ Ѳеодоровичъ, уже сидящій на тронѣ, окруженный духовенствомъ и дворянами; солонка изображала точный снимокъ памятника Сусанину, работы Костромского купца Костицына [1]).

30 сентября, по возвращеніи изъ Москвы, губернскій предводитель, пригласилъ въ домъ дворянскаго собранія дворянъ и передалъ имъ слова Монарха, сказанныя Имъ дворянству послѣ коронаціи: «Еще разъ благодарю васъ, господа, за усердіе и заслуги дворянства. Дворянство всегда было первымъ примѣромъ усердія и любви къ престолу и отечеству: такъ было всегда, и, Я увѣренъ, что такъ будетъ впередъ. Вы усладили послѣднія минуты моего незабвеннаго родителя. Отзывы ваши, которые Я самъ читалъ Ему, были лучшею, послѣднею душевною Его отрадою. Онъ говорилъ Мнѣ: надѣйся на нихъ и вѣрь имъ— и Я вамъ вѣрю, господа»—«Государь, вся наша жизнь принадлежитъ Вамъ, какъ принадлежала Вашему Августѣйшему родителю,» сказали нѣкоторые предводители.—«Вѣрю вамъ, господа, вѣрю. Благодаря Бога, тяжелые времена миновались; но еслибы они воротились, то Я убѣжденъ и всегда буду увѣренъ, что

[1]) Островскій, стран. 181.

найду въ васъ вѣрную опору и тѣ же чувства, которыя мнѣ такъ пріятны. Передайте вашимъ дворянамъ, что Я искренно благодарю ихъ за ихъ любовь и преданность». «Мы счастливы, Государь, отвѣчали предводители, милостивымъ словомъ Вашимъ къ нашимъ дворянамъ и милостивымъ вниманіемъ, котораго лично мы удостоились отъ Вашего Величества». «Вы близки Моему сердцу. Мнѣ отрадно видѣть васъ вокругъ Себя въ эти священныя для Меня дни, благодарить васъ и передать чрезъ васъ всему дворянству, что Я вамъ вѣрю, вѣрю, вѣрю!».

Выслушавъ эти милостивыя слова, дворяне тотчасъ же отправились въ соборъ и выслушали Божественную литургію и благодарственное молебствіе съ провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору. Затѣмъ у губернскаго предводителя состоялся обѣдъ. [1]).

Въ 1856 году въ Костромѣ, при библіотекѣ Солониковскаго открылась зала для чтенія газетъ. Между прочими газетами были: Московскія и Петербургскія Вѣдомости, Русскій Инвалидъ и Сѣверная Пчела. [2]).

Въ томъ-же году попечительный о бѣдныхъ комитетъ пріобрѣлъ за 2714 рублей 30 коп. каменный двухъэтажный домъ, находящійся на Мшанской улицѣ, причемъ попечитель комитета Дмитрій Ѳеодоровичъ Суворовъ для этой цѣли пожертвовалъ 1500 рублей.

Въ началѣ января 1857 года въ Костромѣ, на Никольской улицѣ,въ домѣ г. Апошнянскаго, открылось первое фотографическое и дагерротипное заведеніе художника Эдуарда Мюкке. [3]).

1857 годъ былъ годомъ дворянскихъ выборовъ. Со всей губерніи въ началѣ января съѣхалось очень много дворянъ, причемъ, въ числѣ буйскихъ дворянъ, прибыли защитники Севастополя, черноморцы—Михаилъ и Павелъ Александровичи Перелешины. Костромское дворянство 13 января дало торжественный обѣдъ, на которомъ чествовало славныхъ защитниковъ Севастополя. По окончаніи обѣда

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1856 г., № 39-й; Островскій, стр. 182.
[2]) П. И. Андрониковъ. Костр. Губ. Вѣд. 1856 г., № 48.
[3]) Костр. Губ. Вѣд. 1857 года, № 1-й.

галичскій дворянинъ г. Вороновъ, обращаясь къ г.г. Перелешинымъ, сказалъ слѣдующіе имъ сочиненные стихи.

Во имя Руси православной
Отъ насъ привѣтъ, герои, вамъ!
Вы совершили подвигъ славный
На память будущимъ вѣкамъ.
Мы смѣло скажемъ вамъ, безъ лести:
Вы лавръ побѣдный обрѣли;
Для русской славы, русской чести
Вы больше сдѣлать не могли.
За то и Русь богатырями
Признала доблестными васъ;
Свиданье радостное съ вами
Всего отраднѣе для насъ.
Дай Богъ, сердечно мы желаемъ,
Вамъ въ мірѣ всякаго добра;
Привѣтъ нашъ общій заключаемъ:
Всѣмъ храбрымъ—«русское ура!» [1]).

По окончаніи выборовъ состоялись: торжественный актъ въ губернской гимназіи и три бала, данные дворянствомъ, купечествомъ и начальникомъ губерніи.

21 марта 1857 года Кострома прощалась со своимъ любимымъ архипастыремъ Филоѳеемъ, переведеннымъ въ Тверь. Духовенство поднесло преосвященному Ѳеодоровскую икону Богоматери, а дворянство складень съ изображеніемъ угодниковъ Божіихъ, почивающихъ въ Костромской губерніи.

Въ іюнѣ мѣсяцѣ того же года съ верфи механическаго завода г. Шипова спущены два первыхъ пассажирскихъ парохода—«Алексѣй» и «Владиміръ», каждый по 60 силъ.

26 августа, въ день коронованія Императора Александра II, въ Костромѣ, въ домѣ Солодовникова, на Павловской улицѣ, торжественно открыто было губернское училище для дѣвицъ, первое не только въ Костромѣ, но и во всей Россіи. Слѣдовательно, Кострома

---

[1]) Андрей Васьковъ. К. Г. В. 1857 г., № 3.

была первымъ городомъ, откликнувшимся на слѣдующія слова, произнесенныя съ высоты престола: «да развивается повсюду и съ новою силою стремленіе къ просвѣщенію и всякой полезной дѣятельности».

29 марта 1858 г. жители города Костромы наблюдали великолѣпное сѣверное сіяніе, продолжавшееся съ 9 до 11 часовъ вечера. Сначала появились два неправильныхъ столпа свѣтло-оранжеваго цвѣта. Затѣмъ эти столпы слились между собой въ видѣ дуги и въ такой формѣ стали выдвигаться на средину горизонта, разрѣзавши его на двѣ равныя части. Въ это время дуга, раздѣлявшая горизонтъ, имѣла красно-багровый и, по мѣстамъ, малиновый цвѣтъ, а радіусы ея состояли изъ блѣдно-зеленыхъ и желтоватыхъ полосъ. Промежутки между полосами были залиты слабымъ малиновымъ свѣтомъ [1]).

---

[1]) П. И. Андрониковъ. Костр. Губерн. Вѣд. 1858 г., № 13.

XX.

Высочайшій рескриптъ костромскому дворянству объ открытіи особаго комитета о помѣщичьихъ крестьянахъ. Прибытіе въ Кострому Императора Александра II, спускъ парохода въ присутствіи Ихъ Величествъ съ завода г. Шипова. Составъ комитета по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Открытіе комитета. Воскресныя школы въ Костромѣ. 1861 годъ.

Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ 1858 года дворяне Костромской губерніи получили Высочайшій рескриптъ, въ которомъ, на изъявленное костромскимъ дворянствомъ желаніе открыть особый комитетъ для составленіи проекта положенія о лучшемъ устройствѣ быта помѣщичьихъ крестьянъ, повелѣвалось: во 1-хъ, открыть въ Костромѣ особый комитетъ подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства изъ членовъ: а) двухъ отъ каждаго уѣзда губерніи, выбранныхъ изъ среды своей дворянами и в) двухъ опытныхъ помѣщиковъ, по назначенію губернатора; во 2-хъ, комитету сему тотчасъ же приступить къ работамъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ Костромской губерніи. Причемъ въ Высочайшемъ рескриптѣ указывались и главныя основанія, которыя должны быть приняты во вниманіе при работахъ комитета.

15 августа 1858 года, въ 7 часовъ вечера, прибыли въ Кострому изъ Ярославля на пароходѣ Эстафетъ, принадлежавшемъ обществу Самолетъ, Государь Императоръ Александръ Николаевичъ, Государыня Императрица Марія Александровна и Августѣйшая дочь ихъ Марія Александровна. Уже съ утра Молочная гора, Сусанинская площадь и берега Волги наполнились множествомъ народа, желавшаго видѣть своего Государя. Въ седьмомъ часу вечера показался дымъ отъ парохода и раздался звонъ тысячепудоваго колокола Успенскаго собора. Какъ только царскій пароходъ поравнялся

съ Ипатіевскимъ монастыремъ, начался звонъ во всѣхъ городскихъ церквахъ и монастыряхъ. Сотни лодокъ понеслись навстрѣчу пароходу, многотысячная толпа заволновалась. Наконецъ, пароходъ подошелъ къ пристани; на палубѣ его стояли Государь съ Государыней, окруженные сопровождающей ихъ свитой, въ числѣ которой находился наслѣдный принцъ Виртембергскій. Могучее народное «ура» потрясало воздухъ. Государь Императоръ сошелъ съ парохода на пристань, убранную цвѣтами и флагами, гдѣ начальникъ губерніи Иванъ Васильевичъ Романусъ представилъ Государю рапортъ о благополучномъ состояніи губерніи.

Послѣ сего Августѣйшіе посѣтители и свита сѣли въ приготовленные для нихъ экипажи и отправились въ Успенскій соборъ, а великая княжна проѣхала прямо во дворецъ. Коляска Ихъ Величествъ медленно подвигалась къ собору среди массы восторженнаго народа. Въ св. воротахъ собора Ихъ Величества встрѣтилъ со всѣмъ городскимъ духовенствомъ преосвященный Платонъ, который, осѣнивъ Царя и Царицу крестомъ, указалъ на Ѳеодоровскую икону Богоматери и объяснилъ, что она находилась при избраніи въ Ипатіевскомъ монастырѣ на царство Михаила Ѳеодоровича. Выслушавъ объясненіе, Государь спросилъ: «у васъ сегодня здѣсь праздникъ»? «Двойной, Ваше Императорское Величество», отвѣчалъ преосвященный. Послѣ чего Государь и Государыня отправились въ соборъ, гдѣ провозглашено было многолѣтіе и, при пѣніи тропаря «Пречистому Твоему Образу поклоняемся», Ихъ Величества прикладывались къ образу Спасителя и Ѳеодоровской иконѣ Божіей Матери. Принявъ отъ Преосвященнаго иконы Спасителя и Ѳеодоровской Богоматери и небольшіе золотые кресты для всѣхъ дѣтей Ихъ Величествъ, снятые съ чудотворной иконы, Государь спросилъ: «а который крестъ для Наслѣдника», и, получивъ отвѣтъ, что тотъ, который побольше, Государь этотъ крестъ взялъ себѣ. Осмотрѣвъ соборъ, Ихъ Величества отправились въ губернаторскій домъ, надъ кровлей котораго уже развѣвался штандартъ, украшенный Императорскимъ гербомъ. У подъѣзда губернаторскаго дома Ихъ Величествъ встрѣтили начальникъ губерніи съ супругою и губернскій предводитель дворянства. Императрица отправилась въ приготовленные для нея

покои, а Государь Императоръ обошелъ и поздоровался съ почетнымъ карауломъ отъ Перновскаго полка.

Вечеромъ Его Величеству представлялись начальникъ губерніи съ супругою и губернскій предводитель дворянства. Народъ въ большомъ количествѣ окружалъ дворецъ и восторженное «ура» смѣнялось стройнымъ пѣніемъ «Спаси Господи люди твоя». Государь Императоръ нѣсколько разъ выходилъ на балконъ и раскланивался съ народомъ, причемъ, въ одинъ изъ такихъ выходовъ, взявъ на руки великую княжну, показалъ ее народу. Многіе изъ народа остались ночевать около дворца.

Въ 11 час. утра 16 августа Государю Императору представлялись военные и гражданскіе чиновники и дворяне. При пріемѣ дворянъ Государь Императоръ сказалъ слѣдующее: «Господа! Костромская губернія по историческимъ воспоминаніямъ близка семьѣ Моей, и Мы считаемъ ее родною; поэтому то Мнѣ особенно пріятно находиться среди васъ. Вчерашній пріемъ глубоко тронулъ меня. Прошло слишкомъ двадцать лѣтъ, какъ я былъ здѣсь. Благодарю васъ за готовность, съ какою встрѣтили вы желаніе мое улучшить бытъ крестьянъ. Этотъ близкій сердцу моему вопросъ слишкомъ важенъ для будущности Россіи. Надѣюсь, что вы въ этомъ жизненномъ вопросѣ оправдаете вполнѣ Мои ожиданія примѣненіемъ главныхъ началъ, выраженныхъ въ Моихъ рескриптахъ, къ мѣстнымъ удобствамъ, и окончите его, при помощи Божіей, обоюдно, безъ обиды, какъ для себя, такъ и для крестьянъ. Для объясненія справедливости и вашихъ выводовъ, Я позволяю вамъ избрать изъ среды себя двухъ депутатовъ, которые должны будутъ, по окончаніи работъ комитета здѣсь на мѣстѣ, прибыть въ С.-Петербургъ для окончательнаго пересмотра предположеній вашихъ. Надѣюсь, что вы оправдаете Мое къ вамъ довѣріе. Еще разъ благодарю Васъ, Господа, за оказанное вами усердіе въ прошедшую войну, за службу вашу и за всѣ пожертвованія». Отвѣтомъ на эти слова было восторженное и единодушное «ура».

По окончаніи представленія дворянъ Государь Императоръ сдѣлалъ смотръ Перновскому гренадерскому Его Величества Короля Прусскаго полку и Костромскому внутреннему гарнизонному ба-

тальону и изволилъ найти эти войска въ отличномъ во всѣхъ отношеніяхъ порядкѣ и устройствѣ, за что объявилъ Монаршее благоволеніе всѣмъ начальствующимъ лицамъ. Нижнимъ чинамъ, бывшимъ въ строю, Его Величествомъ пожаловано по 50 коп. на человѣка.

Возвратившись во дворецъ, Его Величество принималъ купечество, которое поднесло Государю хлѣбъ-соль и рыбу мѣстныхъ водъ. Въ разговорѣ съ купечествомъ Государь коснулся условій, препятствующихъ широкому развитію мѣстной торговли. Затѣмъ Государь Императоръ, вмѣстѣ съ Государыней Императрицей, посѣтивъ Маріинскій дѣтскій пріютъ и губернское училище для дѣвицъ, отправились въ Ипатіевскій монастырь, осмотрѣвъ который и собственноручно вписавъ свои имена на листѣ, осчастливили своимъ присутствіемъ кельи преосвященнаго Платона. Послѣ отъѣзда изъ монастыря, Ихъ Величества присутствовали при спускѣ вновь устроеннаго на заводѣ Шипова парохода, который, съ разрѣшенія Его Величества, получилъ названіе «Императрица Марія». Во время спуска парохода Ихъ Величества находились въ особомъ павильонѣ, спеціально устроенномъ на правомъ берегу рѣки Костромы.

По пріѣздѣ во дворецъ Государь принималъ чиновъ вѣдомства Государственныхъ Имуществъ, костромскихъ татаръ, а затѣмъ, въ саду, потомковъ Ивана Сусанина, жены которыхъ при сходѣ Ихъ Величествъ съ террасы снимали съ себя платки и клали ихъ на дорогу подъ ноги Царя и Царицы, а затѣмъ поднесли Ихъ Величествамъ хлѣбъ-соль и разныя сельскія произведенія. Послѣ пріема бѣлопашцевъ Государь, въ сопровожденіи начальника губерніи, посѣтилъ губернскую гимназію, городскую больницу, выставку фабричныхъ произведеній Костромской губерніи и супругу начальника губерніи, помѣстившуюся на время пріѣзда Ихъ Величествъ недалеко отъ дворца, въ домѣ священника А. А. Андроникова.

Въ 6 часовъ вечера у Ихъ Императорскихъ Величествъ состоялся Высочайшій обѣдъ, на который приглашены были: преосвященный, кавалерственная дама Котенина, начальникъ губерніи съ

супругою, губернскій предводитель съ супругою, вице-губернаторъ, начальникъ І-й гренадерской дивизіи генералъ-лейтенантъ фонъ-Рейтернъ, начальникъ 2-го округа корпуса внутренней стражи генералъ-лейтенантъ Пантелѣевъ, командиръ Перновскаго гренадерскаго полка генералъ-маіоръ Шорнваль, генералъ-маіоръ Баумгартенъ, жандармскій полковникъ Политковскій, капитанъ 1-го ранга Перелешинъ. Во время обѣда въ саду играла музыка Перновскаго полка. По окончаніи обѣда Государь съ Государыней въ сопровожденіи свиты вышли на террасу двора, гдѣ ихъ встрѣтило громогласное народное «ура».

Въ $9^1/_2$ час. вечера Ихъ Императорскія Величества посѣтили балъ, устроенный дворянствомъ, на которомъ было до 800 человѣкъ приглашенныхъ. Балъ открылся польскимъ въ такомъ порядкѣ: 1) Ея Величество съ губернскимъ предводителемъ, Его Величество съ супругой губернскаго предводителя; 2) Ея Величество съ начальникомъ губерніи, Его Величество съ кавалерственною дамою Котениною, и 3) Ея Величество съ генералъ-лейтенантомъ фонъ-Рейтернъ, а Его Величество съ супругой начальника губерніи. Затѣмъ Государь и Государыня удалились во внутреннія комнаты, гдѣ Имъ представлены были жены уѣздныхъ предводителей дворянства, уѣздные предводители и нѣкоторыя дамы. Ихъ Величества оставались на балѣ до $11^1/_4$ часовъ.

17 августа Ихъ Величества, отслушавъ божественную литургію въ Успенскомъ соборѣ, отправились на пристань и, сѣвши на пароходъ, въ 11 час. утра благополучно отплыли въ Нижній-Новгородъ, прощаясь съ народомъ, толпами бѣжавшимъ за быстро удаляющимся пароходомъ. Дворянство, городское сословіе и масса народа, во главѣ съ начальникомъ губерніи, по отъѣздѣ Ихъ Величествъ, тотчасъ же отправились въ соборъ, гдѣ преосвященнымъ отслуженъ былъ молебенъ о благополучномъ путешествіи Ихъ.

За все время пребыванія Ихъ Величествъ въ Костромѣ, городъ былъ по вечерамъ прекрасно иллюминованъ; особеннымъ убранствомъ и освѣщеніемъ отличалась гора, на которой стоитъ губернаторскій домъ, соборъ, корпусъ присутственныхъ мѣстъ, дворян-

ское собраніе, каланча, торговые корпуса и тріумфальная арка на Молочной горѣ [1]).

3 іюля 1858 года началъ свои работы Костромской губернскій дворянскій комитетъ по улучшенію быта помѣщичьихъ крестьянъ. Въ составъ комитета, подъ предсѣдательствомъ губернскаго предводителя дворянства А. А. Миронова, вошли членами дворяне: Алексѣй Сергѣевичъ Бирюковъ, Николай Павловичъ Карцовъ, Константинъ Карловичъ Бошнякъ, Иванъ Дмитріевичъ Лермонтовъ, Николай Ивановичъ Коровинъ, Василій Васильевичъ Мошковъ, Михаилъ Матвѣевичъ Корсаковъ, князь Платонъ Алексѣевичъ Мещерскій, Антонъ Михайловичъ Мицкевичъ, камергеръ Семенъ Павловичъ Бакунинъ, Николай Дмитріевичъ Бологовскій, Александръ Гавриловичъ Герасимовъ, Михаилъ Ксенофонтовичъ Болотовъ, Алексѣй Дмитріевичъ Бартеневъ, Алексѣй Николаевичъ Бартеневъ, Николай Николаевичъ Волковъ, Константинъ Борисовичъ Черняевъ, Михаилъ Яковлевичъ Жоховъ, Ѳедоръ Егоровичъ Крѣпишъ, Сергѣй Николаевичъ Кетовъ, Всеволодъ Николаевичъ Кетовъ, Петръ Ивановичъ Домашневъ, Валентинъ Александровичъ Новиковъ, Андрей Васильевичъ Шигоринъ, Левъ Харитоновичъ Владиміровъ, Петръ Алексѣевичъ Микулинъ, Алексѣй Андреевичъ Лопухинъ, Ѳеодоръ Николаевичъ Лугининъ, Геннадій Александровичъ Макаровъ, Кириллъ Васильевичъ Готовцевъ и Николай Ивановичъ Котенинъ. Кромѣ того, избраны были кандидатами въ комитетъ дворяне: Владиміръ Никоноровичъ Кетовъ, Александръ Петровичъ Струговщиковъ, Петръ Ивановичъ Коровинъ, Яковъ Яковлевичъ Ахмановъ, Аполлонъ Петровичъ Свиньинъ, Петръ Ѳедоровичъ Васьковъ, Дмитрій Петровичъ Мамаевъ и Константинъ Павловичъ Бѣлявскій. Правителемъ дѣлъ комитета былъ избранъ дворянинъ Дмитрій Ксенофонтовичъ Болотовъ [2]).

Въ день открытія комитета приглашенъ былъ преосвященный и въ залъ дворянскаго собранія принесенъ Ѳеодоровскій образъ

---

[1]) П. И. Андрониковъ. Императоръ Александръ II въ Костромской сторонѣ. Костр. Губ. Вѣдомости 1858 года, №№ 33, 34 и 39.

[2]) Костромскія Губ. Вѣдомости 1861 года, № 23.

Богоматери для совершенія предъ нимъ молебствія по случаю начатія комитетомъ работъ.

Члены комитета, чтобы болѣе и основательнѣе уяснить себѣ положеніе помѣщичьихъ имѣній и условій хозяйственнаго быта, два мѣсяца лично собирали и повѣряли свѣдѣнія объ имѣніяхъ на мѣстахъ и внесли въ комитетъ свои труды и свое полное практическое знаніе края [1]). Можетъ быть, поэтому Костромской коми-



Стоящіе, съ лѣва на право:

1. Дмитрій Ксенофонтовичъ Болотовъ.
2. Сергѣй Никонoровичъ Кетовъ.
3. Николай Ивановичъ Котенинъ.
4. Михаилъ Ксенофонтовичъ Болотовъ.
5. Алексѣй Николаевичъ Бартеневъ.
6. Иванъ Васильевичъ Романусъ (губернаторъ).
7. Константинъ Карловичъ Бошнякъ.
8. Иванъ Дмитріевичъ Лермонтовъ.
9. Михаилъ Матвѣевичъ Корсаковъ.
10. Николай Павловичъ Карцовъ.
11. Платонъ Алексѣевичъ князь Мещерскій.
12. Петръ Алексѣевичъ Микулинъ.
13. Константтинъ Борисовичъ Черняевъ.
14. Всеволодъ Никонoровичъ Кетовъ
15. Геннадій Александровичъ Макаровъ.

Сидящіе, смотря также съ лѣва:

1. Алексѣй Сергѣевичъ Бирюковъ.
2. Семенъ Павловичъ Бакунинъ.
3. Михаилъ Ивановичъ Жоховъ.
4. Левъ Харитоновичъ Владиміровъ.
5. Θеодоръ Николаевичъ Лугининъ.
6. Алексѣй Андреевичъ Лопухинъ.
7. Александръ Алексѣевичъ Мироновъ.
8. Валентинъ Александровичъ Новиковъ.
9. Николай Ивановичъ Коровинъ.
10. Θеодоръ Егоровичъ Крѣпишъ.
11. Николай Ивановичъ Щигоринъ.

[1]) Другіе комитеты работали гораздо долѣе, такъ Нижегородскій комитетъ—244 дня, Ковенскій—255 дней, Гродненскій—262 дня, Виленскій—293 дня и Петербургскій—294 дня.

тетъ быстро разрѣшилъ свою задачу и окончилъ работы въ 175 дней [1]).

Костромской комитетъ закончилъ свои работы 24 декабря 1858 года, а совершенно былъ закрытъ 15 января 1859 года. Въ этотъ день, какъ и въ день открытія, приглашенъ былъ преосвященный для совершенія молебствія предъ Ѳеодоровской иконой Божіей Матери. Г. начальникъ губерніи Иванъ Васильевичъ Романусъ, закрывая комитетъ, сказалъ: «много-бы слѣдовало говорить по этому дѣлу, но я скажу только шесть словъ: благодареніе Господу Богу и хвала комитету!».

17 января члены комитета и начальникъ губерніи собрались въ залѣ дворянскаго собранія для того, чтобы сняться группою, для каковой цѣли изъ Ярославля былъ выписанъ фотографъ Лавровъ [2]).

10 мая 1859 года въ Ипатіевскомъ монастырѣ происходило освященіе храма во имя св. мучениковъ Хрисанѳа и Даріи, построеннаго по Высочайшему повелѣнію надъ тѣми воротами монастыря, чрезъ которыя проходило Московское посольство для приглашенія Михаила Ѳеодоровича на царство.

22 октября 1859 года вышло Высочайшее повелѣніе, въ силу котораго 14 семействъ и 3 бобылки бѣлопашцевъ села Коробова, въ полномъ ихъ составѣ, были исключены изъ званія бѣлопашцевъ, лишены соединенныхъ съ этимъ званіемъ преимуществъ, а также пожалованныхъ кафтановъ, кто ихъ имѣлъ, и выселены изъ села Коробова въ разныя отдаленныя удѣльныя селенія, съ учрежденіемъ надъ ними строгаго надзора. Между прочимъ, четыре такихъ семейства высланы были въ Симбирскую губернію. Причиной такого строгаго наказанія бѣлопашцевъ было слѣдующее: земледѣліе не привилось въ Коробовѣ, ибо нашлось болѣе выгодное занятіе—притонодержательство. Въ предѣлы полицейской недосягаемости стекались бродяги и бѣглые крѣпостные. Здѣсь же находили пріютъ воры, фальшивомонетчики и всѣ, кто имѣлъ счеты съ полиціей. Въ

---

[1]) А. А. Мироновъ. Костр. Губернск. Вѣдом., 1858 г., № 6.
[2]) П. И. Андрониковъ. Костр. Губ. Вѣд. 1859 года, №№ 1 и 4-й

результатѣ изъ Коробова образовался разбойничій вертепъ. Императоръ Александръ II уничтожилъ въ грамотѣ Николая I параграфъ о неприкосновенности бѣлопашцевъ, которые отказались подчиниться новому порядку. Тогда въ Коробово введены были войска, и дѣло кончилось высылкою нѣсколькихъ семей. [1])

Въ томъ же 1859 году открылась въ Костромѣ вторая библіотека для чтенія г-жи Штекенбургъ, состоящая изъ 2000 книгъ, изъ которыхъ 1200 книгъ было русскихъ, 400 французскихъ и 400 нѣмецкихъ; г. Линевъ началъ постройку лѣсопильной и мукомольной мельницъ, а г. Андрониковъ открылъ частную типографію, при которой въ началѣ 1860 года открыто было переплетное заведеніе, гдѣ, между прочимъ, вырабатывались изъ заграничныхъ матеріаловъ портфели, портъ-монэ, портъ-сигары и другія издѣлія. [2])

Съ 1859 года при Приказѣ общественнаго призрѣнія открыта сберегательная касса, цѣлью которой было дать возможность небогатому классу народа сохранять лишнюю копейку. Взносъ денегъ и возвратъ ихъ не сопровождался никакими затрудненіями и могъ простираться только до 750 рублей отъ одного лица. Вкладчику выдавалось 3% съ рубля. [3])

Въ 1860 году открылась типографія Костромской Палаты Государственныхъ Имуществъ, для удовлетворенія собственныхъ надобностей, а потому частные заказы въ эту типографію не принимались. [4]).

Въ томъ-же 1860 году открыты въ Костромѣ двѣ воскресныя школы, одна для мужчинъ при костромскомъ уѣздномъ училищѣ, другая для женщинъ при губернскомъ училищѣ для дѣвицъ. Иниціаторами и поборниками устройства и желательнаго развитія воскресныхъ школъ были начальникъ губерніи И. В. Романусъ и директоръ гимназіи Евгр. Егор. Егоровъ.

Г. начальникъ губерніи циркулярно обращался ко всѣмъ уѣзднымъ предводителямъ дворянства объ урегулированіи воскресныхъ школъ, говоря, что, со времени разрѣшенія крестьянскаго вопроса, отно-

---

[1]) Н. Виноградовъ. Потомки Сусанина. Костр. 1912, стр. 8.
[2]) Костр. Губерн. Вѣд 1859 г., № 3; 1860 года, № 8.
[3]) Памятная книжка Костромск. Губерніи 1862 года, стр. 371 и 372.
[4]) остр. Губ. Вѣд. 1860 года, № 19-й.

шенія владѣльцевъ къ крестьянскому сословію должны измѣниться, настоящее юридическое право должно замѣниться общечеловѣческими правами, а потому то въ настоящее время, болѣе, чѣмъ когда-либо, необходимо укрѣпить слабѣющую связь между помѣщикомъ и крестьяниномъ, и это укрѣпленіе г. начальникъ губерніи видитъ главнымъ образомъ въ осуществленіи идеи религіозно-нравственнаго образованія народа именно посредствомъ воскресныхъ школъ, гдѣ крестьяне могли бы безъ всякаго принужденія и особенныхъ формальностей, пугающихъ нашего простолюдина, обучиться чтенію, письму и молитвамъ [1]).

16 сентября 1860 года при Костромской телеграфной станціи отрытъ пріемъ частныхъ телеграммъ, причемъ плата бралась по разстоянію: такъ, за телеграмму въ 20 словъ до Москвы взималось 1 р. 50 к., до Петербурга 2 р. 50 к., до Митавы 3 р. 50 к., а до Херсона 4 рубля, причемъ, за каждыя 10 словъ, сверхъ двадцати, приплачивалось 1 рубль 75 коп. Частная корресподенція принималась только днемъ.

«Къ 1861 году, въ отношеніи частновладѣльческаго хозяйства, Костромская губернія представляла изъ себя такого рода картину. Помѣщичьихъ имѣній насчитывалось здѣсь — 4439 (наименьшее число имѣній было въ Ветлужскомъ у. — 71, наибольшее въ Галичскомъ — 729). Они занимали 1.551.529 десятинъ земли, изъ которой усадебной было — 33.513 десятинъ, пашни — 579.042 десятинъ, сѣнокосу — 225.415 десятинъ, выгону — 41.479 десятинъ, лѣсу — 561.028 десятинъ и земли нераздѣленной на угодья — 111.050 дес. На этой обширной территоріи насчитывалось — 11.720 селеній съ болѣе чѣмъ полумилліоннымъ населеніемъ крестьянъ (всего 587.925 человѣкъ), и еще при усадьбахъ находилось 32.144 человѣка дворовыхъ. Мужского населенія среди помѣщичьихъ крестьянъ по 9 ревизіи числилось 292.269 душъ, изъ нихъ, по формѣ отбыванія подушной повинности, издѣльные составляли 12,1%, чисто оброчные — 67,2% и отбывавшіе повинности смѣшаннаго характера —

---

[1]) Циркуляръ начальника Костр. губерніи уѣзднымъ предводит. двор. о воскресныхъ школахъ. остр. Губ. Вѣд. 1860 г., № 48.

20,7%. Такимъ образомъ, болѣе $^2/_3$ помѣщичьихъ крестьянъ губерніи находились на оброкѣ и занимались, по большей части, отхожими промыслами или собственными работами, не зная барщины въ тѣсномъ смыслѣ этого слова.

«По количеству душъ помѣщичьи имѣнія Костромской губерніи представляли изъ себя довольно пеструю картину, съ явнымъ перевѣсомъ въ сторону мелкопомѣстья. Владѣльцевъ 1—10 душъ крестьянъ насчитывалось — 1324;

отъ 10 до 20 душъ имѣли 831 помѣщ.
20— 50 душъ—977.
50—100 душъ—604.
100—150 душъ—255.
150—200 душъ—131.
200—300 душъ—141.
300—400 душъ—48.
400—500 душъ—37.
500—700 душъ—39.
700—1000 душъ—19.
1000—1500 душъ—13.
1500—2000 душъ—6.
2000—4000 душъ—4.

Болѣе 1000 душъ насчитывалось имѣній:

Въ Буйскомъ уѣздѣ . . . 1 (1428 душъ).
Въ Варнавинскомъ уѣздѣ . 5 (9457 душъ).
Въ Ветлужскомъ уѣздѣ . 5 (9002 души).
Въ Кологривскомъ уѣздѣ . 2 (3206 душъ).
Въ Костромскомъ уѣздѣ . 1 (1100 душъ).
Въ Макарьевскомъ уѣздѣ . 2 (5008 душъ).
Въ Нерехтскомъ уѣздѣ . . 6 (8953 души).
Въ Юрьевецкомъ уѣздѣ . 1 (1295 душъ).

Наиболѣе крупныя имѣнія принадлежали Лугинину, кн. Е. Трубецкой, кн. П. Мещерскому, кн. Долгоруковой, гр. Д. Шереметеву, г.г. Челищеву, Поповой, Смецкой, Столыпиной, Павленковой, Жемчужникову, Пущиной и др. Такъ же неодинаковъ былъ и земельный надѣлъ крестьянъ въ различныхъ уѣздахъ губерніи, отъ $3^3/_4$ десят.

(въ Нерехтскомъ у.) доходя до 13 десятинъ (въ Кологривскомъ у.). Такова была, въ общихъ чертахъ, статистическая сторона помѣщичьихъ хозяйствъ Костромской губерніи наканунѣ великой реформы 19 февраля» [1]).

Наконецъ наступилъ великій, историческій и незабвенный въ жизни и исторіи русскаго народа 1861 годъ! Величайшій и Благословеннѣйшій изъ Монарховъ, Императоръ Александръ Николаевичъ, 19 февраля далъ свободу двадцати пяти милліонамъ крѣпостныхъ людей и возродилъ ихъ, а вмѣстѣ съ ними и всю Россію, къ новой жизни. Всемилостивѣйшій манифестъ съ заключительными историческими словами: «осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ Нами Божіе благословеніе на свой свободный трудъ, залогъ твоего домашняго благосостоянія и блага общественнаго», объявленъ былъ въ Костромѣ всенародно 9 марта, а по всей губерніи 10 и 12 марта.

Какъ отнеслись жители Костромы и губерніи къ великому историческому событію, видно изъ циркуляра г. начальника губерніи земскимъ исправникамъ и становымъ приставамъ, который необходимо привести дословно, какъ историческій документъ Костромского края. Г. начальникъ губерніи И. В. Романусъ пишетъ: «объявленіе Высочайшей воли принято было всѣми сословіями съ чувствомъ сердечной благодарности Государю Императору, но бывшими крѣпостными въ особенности. Основываясь на полученныхъ мною отовсюду оффиціальныхъ и частныхъ свѣдѣніяхъ и по моему собственному наблюденію, я могу сказать, что 12 марта, какъ я и ожидалъ, былъ день истинно народнаго торжества, который составитъ свѣтлую и навсегда незабвенную страницу въ скромныхъ лѣтописяхъ Костромской губерніи. Крестьяне всюду были веселы и довольны дарованною имъ Царскою милостію, а въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ восторгъ ихъ былъ исключительно замѣчателенъ, такъ, напримѣръ, въ Ветлужскомъ уѣздѣ представители всѣхъ сословій тотчасъ же составили всеподданнѣйшій адресъ Государю Императору, прося меня представить чрезъ г. Министра Внутреннихъ Дѣлъ на всемилости-

[1]) Н. Виноградовъ. Историч. записка о проведеніи крестьянск. реформы 19 февр. 1861 г. въ Костр. губ. Костр. 1911 г.

вѣйшее воззрѣніе Его Величества; затѣмъ крестьяне поднесли нѣкоторымъ изъ г.г. помѣщиковъ благодарственныя письма за ихъ попеченія; въ Юрьевецкомъ уѣздѣ открыта подписка на учрежденіе богадѣльни, которую крестьяне просятъ дозволенія осчастливить наименованіемъ Александровской; наконецъ, въ одномъ изъ сборныхъ пунктовъ Кинешемскаго уѣзда, у чиновника, который объявлялъ имъ Высочайшій манифестъ, отпрягли лошадей и, не слушая никакихъ убѣжденій, везли нѣсколько верстъ сани его. Замѣчательно, что содержатели откуповъ 12-го марта 1861 года выручили за продажу вина денегъ гораздо менѣе, чѣмъ въ прошедшемъ году въ этотъ же день.

«Такъ, съ помощію Божіею, совершилось въ Костромской губерніи начало великаго земскаго дѣла.

«Благодаря васъ, милостивые государи, за вашу предусмотрительность, я надѣюсь, что, съ началомъ новой народной жизни для бывшаго крѣпостного сословія, ваши служебныя къ нему отношенія докажутъ, что эта жизнь началась для нихъ не только на словахъ, но и на дѣлѣ. Правотою дѣйствій, благоразумною гуманностію и безкорыстіемъ вы должны возвысить въ нихъ великое достоинство человѣка, а потому прошу васъ, господа, не забывать моего правила, что я надѣюсь видѣть во всѣхъ чиновникахъ, а полицейскихъ—въ особенности, не самопроизвольнаго исполнителя своихъ личныхъ желаній, подкрѣпленныхъ только матеріальною силою, но разумнаго и безпристрастнаго исполнителя закона» [1]).

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣд. 1861 г., № 12-й.

XXI.

Мировые посредники. Польскій мятежъ. Всеподданнѣйшіе адресы костромского дворянства и гражданъ города Костромы. Пребываніе въ Костромѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Выставка въ Костромѣ. Обѣдъ, данный Наслѣднику Цесаревичу дворянами и купцами.

10 МАРТА 1861 года открыто было въ Костромѣ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе. Составъ присутствія былъ таковъ: предсѣдатель—начальникъ губерніи И. В. Романусъ, члены—губернскій предводитель дворянства А. А. Мироновъ, управляющій палатой Государственныхъ имуществъ Д. Д. Даниловъ, губернскій прокуроръ И. Н. Кащіевъ; члены съ Высочайшаго соизволенія: К. В. Готовцевъ и Г. А. Макаровъ, и члены по выбору дворянства: Н. Н. Прохоровъ и Н. Н. Котенинъ.

1-го мая произошли уѣздные съѣзды для выбора мировыхъ посредниковъ по крестьянскимъ дѣламъ.

Какое важное значеніе Костромское дворянство придавало выборамъ въ мировые посредники, показываетъ прекрасная и интересная статья одного изъ Костромскихъ помѣщиковъ К. В. Готовцева подъ заглавіемъ «1-е мая 1861 года», помѣщенная въ № 14 неоффиціальной части Костромскихъ Губернскихъ Вѣдомостей отъ 8 апрѣля, въ которой авторъ говоритъ слѣдующее: «Въ то время, когда подъ европейскою почвою глухо кипятъ разнородныя, враждебныя другъ другу силы и ежеминутно грозятъ страшнымъ взрывомъ,—у насъ, по волѣ благодушнаго Царя нашего и по сочувствію лучшей, образованнѣйшей части нашего общества, мирно

совершается великій переворотъ, знаменательнѣйшее событіе въ тысячелѣтней жизни Россіи. Высочайшимъ манифестомъ 19 февраля 1861 года Государь даровалъ свободу 25 милліонамъ крѣпостныхъ людей нашихъ. Но этого мало. Съ довѣріемъ великой души, Онъ поручилъ дворянству устройство экономическаго быта ихъ; а теперь, въ лицѣ мировыхъ посредниковъ, дѣлаетъ насъ воспитателями двадцати пяти милліоновъ на новомъ, непривычномъ для нихъ поприщѣ гражданской полноправности. Выборъ мировыхъ посредниковъ по Костромской губерніи назначенъ 1 мая. Это время можно по справедливости назвать страшнымъ судомъ дворянства надъ самимъ собою. Тутъ оно покажетъ, въ какой мѣрѣ созрѣло оно для такого великаго дѣла, можетъ ли пріобрѣсти вновь давно потерянныя права на довѣріе народа и стать передовыми людьми его, или, съ тупоуміемъ озлобленнаго эгоизма, вручивъ званіе мировыхъ посредниковъ въ руки нечистыя, навсегда обречетъ себя смерти и тлѣнію. Внѣшнія силы, которыя до сихъ поръ насъ поддерживали, давали намъ вѣсъ и значеніе, оставляютъ насъ и никогда уже не возвратятся. Надо искать силы въ самихъ себѣ. Съумѣемъ ли мы бодро встать на ноги, отбросить безъ сожалѣнія прошедшее, и, осѣнивъ себя, вмѣстѣ съ православнымъ народомъ, крестнымъ знаменіемъ, сможемъ ли мы выйти съ чистыми помыслами на новый трудъ, и съ мечемъ, и съ словомъ, и съ сохою, и съ заступомъ,—что кому по силамъ? Вотъ гдѣ жизненный вопросъ нашъ! И его рѣшитъ предстоящій выборъ мировыхъ посредниковъ, которыми должны быть лучшіе люди земли Русской. 1-е мая—недалеко. Да не оскорбится никто скромнымъ голосомъ моимъ, напоминающимъ согражданамъ о страшной отвѣтственности передъ судомъ потомства, если они легкомысленно наложатъ на себя руки! Тамъ, гдѣ дѣло идетъ о жизни и смерти, всякій голосъ долженъ быть выслушанъ снисходительно. Да подумаетъ каждый, кому попадутся эти строки, о томъ, что спокойствіе родного края, непостыдное существованіе дворянства—въ рукахъ будущихъ мировыхъ посредниковъ. Вспомнимъ, что весь образованный міръ смотритъ на насъ! Воинское мужество наше извѣстно цѣлому свѣту; покажемъ, что мы не лишены и гражданской доблести».

1 мая состоялся выборъ мировыхъ посредниковъ и кандидатовъ къ нимъ, а 15 мая они уже начали исполнять свои обязанности. Мировыми посредниками назначены были слѣдующія лица:

По Костромскому	уѣзду:	К. П. Дмитріевъ, А. О. Андреевъ и И. Н. Готовцевъ.
» Нерехтскому	»	А. Ѳ. Васьковъ, Н. Д. Черневъ, И. В. Исаковъ, В. П. Смольяниновъ, А. К. Бошнякъ и Б. Н. Симоновъ.
» Юрьевецкому	»	С. Н. Кетовъ и И. Б. Липинскій.
» Чухломскому	»	О. К. Моллеръ, Н. Ѳ. Сумароковъ, Ф. И. Доливо-Добровольскій.
» Солигаличскому	»	Н. А. Купріяновъ, А. Д. Бартеневъ, А. Н. Бартеневъ и М. К. Болотовъ.
» Кологривскому	»	М. Я. Жоховъ, А. А. Волженскій, И. Е. Сальковъ и О. П. Готовцевъ.
» Галичскому	»	П. А. Микулинъ, Л. Х. Владиміровъ, С. Н. Постниковъ и Ф. А. Баскаковъ.
» Буйскому	»	П. Д. Лермонтовъ, В. В. Мошковъ, Н. И. Коровинъ и С. П. Шестинскій.
» Ветлужскому	»	В. М. Глумилинъ и Г. Н. Макаровъ.
» Макарьевскому	»	К. Б. Черняевъ, П. М. Верховскій и В. И. Нелидовъ.
» Варнавинскому	»	П. Н. Поливановъ и П. А. Шахровъ.
» Кинешемскому	»	А. Н. Куломзинъ, А. П. Грекъ, И. Т. Сыроватскій и М. Я. Яковлевъ.

Работа мировыхъ посредниковъ была громадная, приходилось подвергать ломкѣ вѣками созданныя отношенія между крестьянами и помѣщиками. Работа коснулась: 11.720 селеній съ 587925 крестьянъ и 32.144 дворовыхъ людей. (И. А. Рязановскій).

Во время освобожденія крестьянъ отъ крѣпостной зависимости предводителями дворянства Костромской губерніи были: губернксимъ—А. А. Мироновъ, уѣздными: Костромского—Е. А. Голостьяновъ, Нерехтскаго—Н. П. Карцовъ, Кинешемскаго—А. А. Пушкинъ, Юрьевецкаго — Ф. И. Петропавловскій, Макарьевскаго — А. П. Петровъ, Варнавинскаго—А. М. Мицкевичъ, Ветлужскаго —

Н. П. Колюпановъ, Кологривскаго—Н. И. Коровинъ, Галичскаго—князь А. А. Вяземскій, Буйскаго—К. П. Бѣлявскій, Чухломскаго—В. А. Новиковъ и Солигаличскаго—В. П. Щулепниковъ.

Высочайшимъ указомъ отъ 17 апрѣля 1861 года учреждены золотыя и серебряныя медали для ношенія въ петлицѣ на Александровской лентѣ, и ими награждены всѣ дѣятели по освобожденію крестьянъ отъ крѣпостной зависимости. Съ одной стороны медаль имѣла оттискъ Высочайшаго изображенія съ надписями: «благодарю», и «19 февраля 1861 года»; съ другой стороны надпись: «за труды по освобожденію крестьянъ».



Медали «за труды по освобожденію крестьянъ».

17 мая 1861 года, въ праздникъ преполовенія, въ первый разъ костромичи провожали чудотворную Ѳеодоровскую икону Богоматери въ г. Галичъ. Временное пребываніе иконы въ Галичѣ разрѣшено Святѣйшимъ Синодомъ, вслѣдствіе ходатайства преосвященнаго Платона и жителей города Галича [1]).

8 іюня, послѣ кратковременной болѣзни, скончался военный губернаторъ г. Костромы и костромской гражданскій губернаторъ Иванъ Васильевичъ Романусъ, а въ концѣ августа прибылъ новый губернаторъ—генералъ-лейтенантъ Николай Александровичъ Рудзевичъ.

6 апрѣля открылся въ Костромѣ кабинетъ для чтенія, имѣвшій до 1000 томовъ книгъ и получавшій 38 періодическихъ изданій. Въ этомъ кабинетѣ читающіе пользовались всевозможными льготами для полученія книгъ. Иниціатива учрежденія кабинета

---

[1]) Прот. П Островскій. Историч. записки о Костромѣ, стр. 192.

для чтенія принадлежала студентамъ и воспитанникамъ разныхъ учебныхъ заведеній во время празднованія ими 12 января сто пятой годовщины основанія Московскаго университета. Деньги на устройство кабинета для чтенія собирались помощію концертовъ, спектаклей и литературныхъ вечеровъ, а также жертвовались по подпискѣ. Распорядителемъ кабинета былъ г. Лаговскій.

Лѣтомъ 1861 года построены въ Костромѣ два корпуса каменныхъ рядовъ внутри гостиннаго двора.

Великая реформа освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права отразилась на всемъ строѣ государства. Городская жизнь, находящаяся въ прямой зависимости отъ общественнаго и хозяйственнаго устройства города, не смотря на всевозможныя мѣропріятія со стороны правительства, требовала коренного переустройства. Города требовали своего рода раскрѣпощенія. И вотъ, правительство начало это раскрѣпощеніе обращеніемъ къ содѣйствію самого городского общества, въ лицѣ депутатовъ отъ всѣхъ сословій города, которые занялись бы разрѣшеніемъ вопросовъ, намѣченныхъ правительствомъ. Такую комиссію костромское городское общество избрало изъ среды своей въ 1862 году, и она тотчасъ же и приступила къ разрѣшенію предложенныхъ ей вопросовъ [1]).

Въ началѣ 1863 года вспыхнулъ польскій мятежъ. Въ виду тревожныхъ событій костромское дворянство, въ числѣ первыхъ, поспѣшило поднести Государю Императору всеподданнѣйшій адресъ, гдѣ заявляло своему Монарху, только что освободившему милліоны своихъ подданныхъ отъ крѣпостной зависимости, чувства безпредѣльной преданности и готовности всѣмъ пожертвовать для защиты Россіи отъ ея враговъ, какъ внутреннихъ, такъ и внѣшнихъ. Адресъ былъ составленъ въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «Ваше Императорское Величество! манифестъ Царству Польскому и указъ Правительствующему Сенату относительно западныхъ губерній, обнародованные Вашимъ Императорскимъ Величествомъ въ великій день Св. Пасхи, день всеобщаго христіанскаго примиренія и все-

---

[1]) Подробности объ этой комиссіи см. ч. II, гл. «Городъ и городское самоуправленіе».

прощенія, глубоко тронули и искренно порадовали насъ, Костромичей, которыхъ Ваше Величество удостоиваете именовать родственными себѣ по историческимъ событіямъ. Въ этихъ торжественныхъ актахъ мы видимъ новое свидѣтельство Вашего благодушія, воистинну Царскаго, и залогъ будущаго гражданскаго, мирно совершаемаго преуспѣянія нашего отечества и сохраненія въ цѣлости Государства, которому царствованіе Ваше, послѣ тысячи лѣтъ возрастанія, открываетъ начало новой, плодотворной и здоровой жизни возмужанія. Одушевляемые горячею любовію къ отечеству, проникнутые чувствомъ глубокаго уваженія и преданности къ Вашему Императорскому Величеству, мы, костромскіе дворяне, сколько есть насъ въ настоящую минуту, въ сознаніи своего долга и во имя дворянской чести, позволяемъ себѣ высказать Вамъ, Государь, все, что есть на нашемъ русскомъ сердцѣ. Напрасно враги наши думаютъ, что, въ виду польскихъ смутъ и возгласовъ европейскихъ агитаторовъ, дворянство останется безучастнымъ, раздраженное и озлобленное будто бы упраздненіемъ крѣпостныхъ нашихъ отношеній къ крестьянамъ. Никогда не возставало дворянство противъ принципа освобожденія крестьянъ, а, напротивъ, содѣйствовало ему съ самаго начала отреченіемъ отъ своего крѣпостного права и теперь содѣйствуетъ окончательно введеніемъ повсемѣстно уставныхъ грамотъ. Антагонизма между нами и крестьянами нѣтъ и не было, а случившіяся и неизбѣжныя при новыхъ порядкахъ частныя замѣшательства всегда прекращались мирнымъ путемъ. Не отрицаясь своего дворянскаго званія, мы сознаемъ себя, вмѣстѣ съ тѣмъ, передовою дружиною народа, всецѣло преданнаго своему Государю.

«Правда, что дворяне понесли и сейчасъ несутъ не мало потерь и лишеній, неизбѣжныхъ, конечно, при громадной реформѣ, насъ охватившей, и при неустановившемся еще на новыхъ началахъ хозяйствѣ; но эти потери и лишенія не поколебали нашей дворянской чести и не могутъ сдѣлать изъ насъ предателей отечества и измѣнниковъ престолу. Въ Монархѣ нашемъ мы видимъ мужа чести и добра, предначертавшаго широкія начала будущаго государственнаго и народнаго строя; мы уповаемъ на него вмѣстѣ со всѣми сословіями и радостно, съ полнымъ довѣріемъ, встрѣчаемъ зарю

нашего общаго возрожденія. Въ виду ли этихъ знаменательныхъ началъ мы будемъ враждебно относиться къ правительству?

«Не отчуждаться, а помогать правительству желаемъ и надѣемся мы и словомъ и дѣломъ. Мы не забываемъ унаслѣдованнаго нами девиза отцовъ нашихъ, что дворянство есть честь и опора престола. Этотъ же девизъ мы передадимъ и дѣтямъ нашимъ съ завѣтомъ единенія съ народомъ, на началахъ свободныхъ уже отношеній.

«Польское возстаніе и посягательство на цѣлость имперіи даже въ тѣхъ краяхъ, которые искони составляютъ Русь, и гдѣ народъ исповѣдуетъ православіе, изумляютъ насъ дерзостію замысловъ и оскорбляютъ наше народное чувство чести. Не взывая къ отмщенію, которое не свойственно ни духу русскаго православнаго народа, ни великодушію нашего монарха, мы не можемъ однако-жъ не выразить, что русское право наше по отношенію къ Польшѣ освящено временемъ, историческими судьбами обоихъ народовъ и получило дѣйствительную политическую законность. Основывать свои притязанія на началахъ, существовавшихъ до раздѣла Польши, или даже на вѣнскихъ трактатахъ 1815 года немыслимо послѣ того, какъ польское возстаніе 1830 года смыто русскою кровью и сдѣлало Польшу краемъ завоеваннымъ. Мы никогда не отрицались и теперь не отрицаемся подать дружескую руку полякамъ, нашимъ собратамъ по славянскому племени, но позволяемъ себѣ думать, что имѣемъ такое же право на патріотизмъ, какъ и поляки; національности ихъ никто не угрожаетъ и она можетъ ужиться рядомъ съ нашею, подъ одною державою, не нарушающею ничьихъ религіозныхъ и народныхъ началъ. Дарованіе Вашимъ Императорскимъ Величествомъ самостоятельныхъ основаній общаго самоуправленія и расширеніе этихъ началъ въ будущемъ, соотвѣтственно указаній самой жизни народовъ, позволяютъ намъ надѣяться, что объединеніе государственное совершится по времени путемъ мира и нравственнаго гражданскаго преуспѣянія во всѣхъ концахъ нашей обширной Имперіи, безъ всякаго исключенія. Питая эту надежду, мы вмѣстѣ съ тѣмъ положительно отвергаемъ развитіе однихъ польскихъ интересовъ въ ущербъ русскимъ и взамѣнъ того не желаемъ присваивать русской національности преобладанія надъ польскою. Братья-славяне по

племени, мы надѣемся быть равноправными же и въ общемъ государственномъ строѣ.

«Что касается до возгласовъ западной журналистики и агитаторовъ, такъ называемаго, народнаго права, то, зная свою исторію не по придуманнымъ въ порывахъ увлеченія теоріямъ, а по правдивымъ лѣтописямъ и тѣмъ тяжелыми урокамъ, которые заповѣдала намъ тысячалѣтняя жизнь, мы почитали себя настолько сильными своею историческою жизнью, чтобы стать выше всякихъ клеветъ и оскорбленій, на насъ расточаемыхъ; почитаемъ себѣ за честь сказать во всеуслышаніе, въ отвѣтъ на всѣ возгласы, что мы имѣемъ теперь свой народный, всѣмъ понятный и возлюбленный кличь: «да здравствуетъ нашъ благодушный вождь Императоръ Александръ Николаевичъ»! Ваше Императорское Величество! примите откровенную политическую исповѣдь нашу, какъ знакъ полнаго къ Вамъ довѣрія и готовности костромскихъ дворянъ отозваться словомъ и дѣломъ на Ваше Царское, всегда доступное сердцу нашему, слово. Имѣемъ счастье именовать себя Вашего Императорскаго Величества искренно преданными и глубоко уважающими вѣрноподданными».

Граждане города Костромы также поспѣшили поднести Императору всеподданнѣйшій адресъ слѣдующаго содержанія: «Всемилостивѣйшій Государь! Въ то время, какъ отъ лица Твоего исходятъ на лицо всей земли Русской милость и истина, и мы подъ благотворнымъ ихъ вліяніемъ наслаждаемся миромъ и благоденствіемъ,— въ виду событій, возмущающихъ Твое спокойствіе, священный долгъ вѣрныхъ сыновъ церкви и престола призываетъ насъ донести до твоего заботливаго о благѣ твоихъ народовъ и любящаго сердца и нашъ слабый голосъ о безпредѣльной къ Тебѣ преданности нашей. Мы не искусны и не сильны въ словахъ, какими владѣетъ языкъ краснорѣчивый; но, сознавая въ себѣ силу любви и преданности къ Тебѣ, которая не ослабѣетъ въ насъ до послѣдняго вздоха жизни, принимаемъ смѣлость сказать Тебѣ, что эта сила не позволитъ намъ задуматься ни на одинъ часъ, ни передъ какою жертвою за Твое спокойствіе и цѣлость Россіи, которая свободно смотритъ на свѣтъ Божій глазами, открытыми Твоею, Государь, христіанскою любовію. Во свидѣтельство искренности вѣрноподданническихъ

чувствъ нашихъ къ Тебѣ и безграничной преданности Церкви, Престолу и Отечеству, призываемъ память Минина—сосѣда нашего, и Сусанина—нашего родича; духъ ихъ живетъ въ насъ такъ же, какъ и во всѣхъ Русскихъ» [1]).

29 іюня 1863 года прибылъ въ Кострому Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ на пароходѣ общества Самолетъ—«Поспѣшный». Въ этотъ день уже съ утра весь берегъ Волги, передъ пароходной пристанью, занятъ былъ большимъ количествомъ народа. Благовѣстъ соборнаго колокола извѣстилъ ожидавшихъ о приближеніи Цесаревича. Прибывши къ пристани, Его Высочество въ экипажѣ отправился въ Успенскій соборъ, гдѣ выслушалъ благодарственный молебенъ и затѣмъ прослѣдовалъ въ приготовленные для него покои въ домѣ г. начальника губерніи. Въ день пріѣзда Его Высочество никого не принималъ и къ обѣденному столу приглашенъ былъ только начальникъ губерніи. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и эта иллюминація возобновлялась каждый день во все время пребыванія Государя Наслѣдника въ Костромѣ. 30 іюня Его Высочество слушалъ божественную литургію въ Ипатіевскомъ монастырѣ и, осмотрѣвъ монастырскія церкви и покои Михаила Өеодоровича, возвратился во дворецъ, гдѣ принималъ костромское дворянство, чиновниковъ, купечество и представителей солигаличскаго и кинешемскаго купечества. При представленіи Государю Наслѣднику г.г. дворянъ, Его Высочество передалъ имъ благодарность Государя Императора за чувства, выраженныя во всеподданнѣйшемъ адресѣ по поводу польскихъ событій, присовокупивъ, что Его Высочество вполнѣ убѣжденъ, что все сказанное въ адресѣ подтвердится на дѣлѣ и что г.г. дворяне съ единодушною готовностью всегда исполнятъ то, что было ими выражено въ адресѣ. Равнымъ образомъ удостоились получить благодарность Его Величества купцы и представители крестьянства. Затѣмъ Государю Наслѣднику представлялись старшины и старосты временно обязанныхъ крестьянъ, волостные головы и бывшіе дворовые люди, поднесшіе Его Высочеству хлѣбъ-соль на кипарисномъ блюдѣ, на которомъ былъ изоб-

---

[1]) Прот. Островскій. Истор. зап. о Костр., стр. 109—203.

раженъ памятникъ Сусанину, гербъ Костромской губерніи и сдѣлана надпись: «Отъ бывшихъ дворовыхъ людей Костромской губерніи. 1863 годъ».

Послѣ пріема представителей сословій Его Высочество посѣтилъ выставку мануфактурныхъ и ремесленныхъ произведеній, сельскаго хозяйства, литейнаго и механическаго заводовъ, устроенную въ домѣ губернской гимназіи. Экспоненты ждали Его Высочество у выставленныхъ ими предметовъ. Объясненія давалъ: по сельскому хозяйству Н. П. Карцовъ, по сельско-хозяйственнымъ машинамъ— Н. П. Прохоровъ, производствъ фермы—Л. Д. Даниловъ, по рогознымъ издѣліямъ—Ѳ. Лугининъ, по войлочнымъ, рѣшемскимъ и макарьевскимъ издѣліямъ—А. П. Шиповъ, по механическимъ—Д. П. Шиповъ, по химическимъ—Бочаровъ, по кожанымъ и полотнянымъ— Брюхановъ, Зотовъ и Михинъ.

30 іюня Государь Наслѣдникъ удостоилъ принять обѣдъ отъ дворянъ и купцовъ. За обѣдомъ при тостѣ за Государя Императора, губернскій предводитель дворянства А. А. Мироновъ обратился къ Государю Наслѣднику со слѣдующими словами: «Ваше Императорское Высочество! Трудное время, пережитое нами, имѣетъ для нашего дорогого отечества великое значеніе, еще доселѣ небывалое: оно ясно указуетъ, что для Россіи единственно прочный и искренній союзъ—есть союзъ Государя съ своими вѣрными подданными; въ этомъ союзѣ наша непреоборимая сила и вся наша будущность. Доложите Его Величеству, что сознавая все добро, Имъ совершенное, совершаемое и имѣющее совершиться по времени, мы усердно желаемъ Ему дожить до той счастливой поры, когда въ обновленной Имъ Россіи повсюду и безраздѣльно водворится порядокъ, благоденствіе и мирное преуспѣяніе. Ему одному Россія обязана будетъ своимъ гражданскимъ развитіемъ. Усердно просимъ Ваше Высочество удостовѣрить Государя Императора въ нашихъ вѣрноподданническихъ чувствахъ и готовность исполнить все, что Его Величеству угодно будетъ намъ повелѣть. Господа! Вѣрно-ли я передалъ Его Высочеству нашу задушевную мысль?» Со всѣхъ сторонъ раздались при этихъ словахъ громкіе крики; «да, да! правда, правда!» [1])

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1866 года, № 28; Островскій, стр. 206.

Послѣ обѣда Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ вечеромъ посѣтилъ любительскій спектакль, данный въ только что построенномъ на Павловской улицѣ новомъ театрѣ.

1-го іюля Его Высочество слушалъ въ Ипатіевскомъ монастырѣ панихиду по въ Бозѣ почившей Государынѣ Императрицѣ Александрѣ Ѳеодоровнѣ. Затѣмъ Его Высочество посѣтилъ льнопрядильныя фабрики купцовъ Зотова, Брюханова и Михина, гвоздильный заводъ купца Колодезникова и литейный г.г. Шиповыхъ, которыхъ удостоилъ посѣщеніемъ въ ихъ домѣ. Въ 5 часовъ былъ обѣдъ во дворцѣ, къ которому были приглашены преосвященный Платонъ, начальникъ губерніи, губернскій и всѣ наличные уѣздные предводители дворянства, градскій голова, ярославскій губернскій предводитель дворянства, г.г. Шиповы и капитанъ парохода «Поспѣшный»—Ренненкампфъ. Послѣ обѣда Его Высочество посѣтилъ женскій Анастасіинскій монастырь, церковь Воскресенія Христова на Дебрѣ, а потомъ осматривалъ больницу и тюремный замокъ.

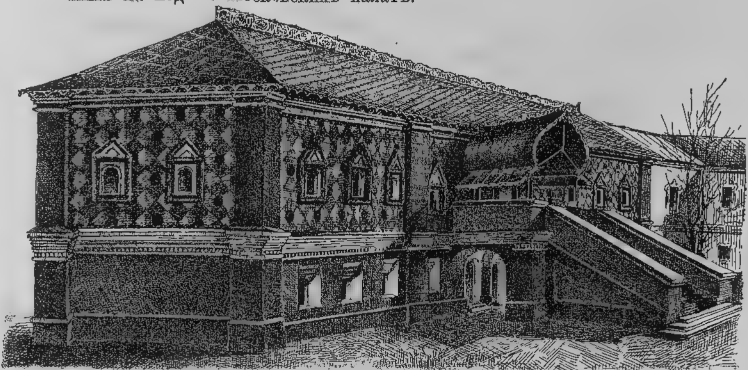
2-го іюля, въ $7^1/_2$ часовъ утра, Государь Наслѣдникъ отправился въ село Ивановское, Владимірской губерніи. На обратномъ пути посѣтилъ Челпановское волостное правленіе и прибылъ въ Кострому 3-го іюля, въ 9 час. вечера.

4-го іюля Цесаревичъ, въ сопровожденіи графа Строганова и профессора К. П. Побѣдоносцева, посѣтилъ губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе Его Высочество былъ весьма заинтересованъ обсужденіемъ вопросовъ, бывшихъ въ тотъ день на разсмотрѣніи присутствія, неоднократно выражалъ потомъ свое удовольствіе начальнику губерніи и при отъѣздѣ изъ Костромы подарилъ присутствію экземпляръ положенія 19 февраля съ собственноручной надписью: «на память Костромскому по крестьянскимъ дѣламъ Присутствію. 4 іюля 1863 года. Четвергъ. Николай». Изъ дѣлъ, бывшихъ въ этотъ день на обсужденіи присутствія особенно оживленны были пренія по вопросу о крестьянскихъ опекахъ и о земляхъ, купленныхъ въ прежнее время на имя помѣщиковъ и оспариваемыхъ крестьянами.

Послѣ обѣда Наслѣдникъ Цесаревичъ осмотрѣлъ зданіе женской гимназіи, развалины Богоявленскаго монастыря, откуда про-

слѣдовалъ къ костромскому преосвященному, и, по возвращеніи въ губернаторскій домъ, принималъ г.г. дворянъ и купцовъ, собравшихся откланяться Его Высочеству. Наконецъ, вечеромъ того-же дня Его Высочество удостоилъ посѣщеніемъ представленіе, данное волтижерами въ циркѣ, и оттуда прослѣдовалъ прямо на пароходъ, на которомъ 5 іюля, въ $3^1/_2$ часа пополуночи, отбылъ изъ г. Костромы внизъ по Волгѣ. [1]). Во время пребыванія Наслѣдника Цесаревича въ г. Костромѣ мѣстный художникъ Бранденбургъ удостоился поднести Его Величеству альбомъ костромскихъ видовъ, за что получилъ драгоцѣнный подарокъ.

28 сентября 1863 года состоялось освященіе Палатъ Михаила Ѳеодоровича Романова въ Ипатіевскомъ монастырѣ, реставрированныхъ на подобіе Московскихъ палатъ.



Дворецъ Михаила Ѳеодоровича въ Ипатіевскомъ монастырѣ.
(Видъ послѣ реставраціи).

Въ томъ-же мѣсяцѣ пріѣзжалъ въ Кострому чиновникъ особыхъ порученій Министерства Внутреннихъ Дѣлъ г. Богдановичъ, съ цѣлью убѣдить городскихъ жителей въ пользѣ и выгодности взаимнаго страхованія отъ огня имуществъ. Для этой цѣли онъ

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1866 года, № 28, стр. 199—200.



Изразцоваѧ печь во дворцѣ
Михаила Θеодоровича въ г. Костромѣ.

2-го сентября, въ собранiи домовладѣльцевъ города Костромы, прочиталъ лекцiю и раздавалъ брошюры.

4 октября костромское общество праздновало торжественное открытiе новаго театра.

Въ январѣ мѣсяцѣ 1864 года вышло Высочайшее повелѣнiе о введенiи земскихъ учрежденiй, и 6 февраля на обѣдѣ, данномъ г. губернатору костромскимъ купечествомъ, между прочими тостами провозглашенъ былъ тостъ за развитiе и процвѣтанiе земства.

10 марта 1864 года домашней учительницей М. Егоровой открыта была въ Костромѣ частная школа для обученiя дѣвицъ отъ 7 до 16 лѣтъ съ платой съ приходящихъ ученицъ по 50, а съ живущихъ по 175 рублей въ годъ. [1]).

12 мая положено начало возобновленiю разрушеннаго Богоявленскаго монастыря. Торжественность обряда и архiерейское богослуженiе привлекли массу народа на закладку пристроекъ къ старинному Богоявленскому соборному храму и части стѣнъ монастыря.

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1864 года, № 15.

XXII

Открытіе комитета о земскихъ учрежденіяхъ. Губернское и уѣздныя земства. Пожаръ въ театрѣ. Совѣщаніе о мѣрахъ для борьбы съ холерой. Злодѣйское покушеніе на жизнь Императора Александра II 4 апрѣля 1866 года. О. И. Комисаровъ-Костромской.

---

10 ІЮЛЯ открытъ въ Костромѣ губернскій комитетъ о земскихъ учрежденіяхъ.

Въ августѣ мѣсяцѣ открыто женское приходское училище съ безплатнымъ обученіемъ для лицъ всѣхъ сословій.

16 февраля 1865 года открыто первое костромское уѣздное земское собраніе, которое прежде всего избрало Управу. Въ составъ ея вошли: предсѣдатель—Н. Н. Прохоровъ и члены—Н. К. Бошнякъ, Г. Д. Солодовниковъ и В. М. Шиповъ.

9 марта открыто было первое губернское земское собраніе. Открывая его, костромской губернаторъ генералъ-лейтенантъ Рудзевичъ обратился къ губернскимъ гласнымъ съ слѣдующими словами: «Государю Императору благоугодно было управленіе мѣстнымъ хозяйствомъ ввѣрить самому земству. Вамъ, господа первые представители нынѣшняго земства, выпала на долю завидная обязанность доказать своими дѣйствіями, что русскій народъ вполнѣ достоинъ даруемаго ему права; что въ общемъ дѣлѣ каждый изъ васъ съумѣетъ дѣйствовать, забывая свои личные и сословные интересы и хорошо понимая, что благосостояніе каждаго тогда только можетъ быть обезпечено, когда благоденствуетъ цѣлое общество; что всѣ вы глубоко проникнуты чувствомъ справедливости, и каждый изъ васъ въ предлежащемъ вамъ дѣлѣ будетъ заботиться, чтобы бѣдный не былъ отягощенъ въ пользу богатаго, и повинности распредѣлялись сообразно средствамъ тѣхъ, которые ихъ несутъ.

При такомъ дружномъ и справедливомъ образѣ дѣйствій, земское дѣло быстро пойдетъ къ высокому его назначенію—возвысить благосостояніе общества.

«Открывая губернское земское собраніе, привѣтствую васъ съ этимъ знаменательнымъ днемъ. Принесемъ же теплыя мольбы о здравіи Государя Императора и всего Августѣйшаго Дома и да поможетъ вамъ Богъ въ предстоящемъ трудѣ!» Затѣмъ преосвященнымъ Платономъ совершено было молебствіе и приведены къ присягѣ всѣ гласные. Первый день губернскаго земскаго собранія закончился рѣчью преосвященнаго, въ которой онъ, между прочимъ, выразился, что «земскія учрежденія тогда только будутъ полезны, тогда только будутъ сильны, когда сдѣлаются вѣрнымъ выраженіемъ народной мысли, народнаго сознанія, народнаго духа». Далѣе въ своей рѣчи преосвященный особенно отмѣтилъ одну отрасль, къ завѣдыванію которой призвано земство, именно—народное образованіе. «Царство небесное, сказалъ онъ, прежде всего принадлежитъ дѣтямъ. Образованіе и воспитаніе ихъ въ духѣ вѣры и въ духѣ русской народности да будетъ для васъ предметомъ живѣйшихъ заботъ, если вы желаете видѣть въ нихъ новое, сильное духомъ поколѣніе» [1]).

Въ одномъ изъ первыхъ засѣданій губернскаго земскаго собранія избрана была губернская управа, въ составъ которой вошли: губернскій предводитель дворянства А. А. Мироновъ — предсѣдателемъ управы, и членами — А. А. Акатовъ [2]), Н. П. Корниловъ, П. Е. Лаговскій, Н. В. Френевъ, А. Н. Маринъ и крестьянинъ А. Е. Финиковъ.

12 апрѣля 1865 года Кострома одѣлась въ трауръ по случаю полученной телеграммы о кончинѣ въ Ниццѣ Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича. Къ полудню всѣ спѣшили въ Успенскій соборъ, гдѣ назначена была панихида по усопшемъ. Костромичи тѣмъ болѣе были поражены смертью Цесаревича, что такъ недавно у себя видѣли Его полнымъ силъ и здоровья.

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1865 года, № 11.

[2]) Костромской городской голова.

Представителемъ Костромской губерніи при погребеніи Наслѣдника Цесаревича былъ командированъ макарьевскій уѣздный предводитель дворянства г. Петровъ, который, вмѣстѣ съ представителями другихъ губерній, представлялся Его Величеству Государю Императору 29 мая въ Бѣлой залѣ Зимняго Дворца [1]).

Въ ночь на 10 октября пожаромъ уничтожено новое зданіе театра. Пожаръ театра произвелъ сильное впечатлѣніе на горожанъ, и многіе изъ обывателей видѣли причину пожара въ Божіемъ наказаніи за то, что масса кирпича для постройки театра куплена была при разборкѣ сгорѣвшихъ зданій и храмовъ Богоявленскаго монастыря.

31 декабря происходило совѣщаніе въ общемъ присутствіи губернскаго правленія и врачебной управы о принятіи предупредительныхъ мѣръ на случай появленія и развитія въ губерніи холеры. На это засѣданіе приглашены были: предсѣдатель губернской земской управы, членъ ея, городской голова, воинскій начальникъ, полиціймейстеръ, депутатъ духовнаго вѣдомства и врачи. Комитетъ опредѣлилъ раздѣлить городъ на участки по числу врачей, обративъ особенное вниманіе на вентиляцію въ тюрьмахъ и арестантскихъ ротахъ, на близость боенъ къ городскимъ строеніямъ, на помѣщенія фабричныхъ рабочихъ, и обязалъ жителей города особыми подписками къ соблюденію чистоты въ домахъ и отхожихъ мѣстахъ [2]).

Кромѣ того, въ домѣ, гдѣ прежде было училище дѣтей канцелярскихъ служителей, устроена была больница спеціально для пріема холерныхъ больныхъ.

27 февраля 1866 года происходило торжественное открытіе костромского общественнаго клуба.

28 февраля, послѣ непродолжительной болѣзни, скончался бывшій губернскій предводитель дворянства и первый предсѣдатель губернской управы Александръ Алексѣевичъ Мироновъ, который принадлежалъ къ крупнымъ общественнымъ дѣятелямъ г. Костромы и губерніи. Онъ былъ человѣкъ дѣла, а не фразы. П. Е. Лаговскій

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1865 г., № 23.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1866 г., №№ 1 и 2.

въ краткомъ очерки жизни покойнаго говоритъ, что онъ никому не былъ врагомъ, никому не желалъ зла и за зло, какъ истинный христіанинъ, платилъ добромъ. Кругъ его гражданской дѣятельности былъ обширенъ; умъ, практичность, разсудительность, особенный тактъ и умѣнье взяться за дѣло, доступность для всѣхъ и каждаго, отсутствіе рутинерства и прогрессивное движеніе наравнѣ съ вѣкомъ—вотъ главныя характерныя черты его общественной дѣятельности.

5 апрѣля 1866 года начальникомъ Костромской губерніи получена была телеграмма слѣдующаго содержанія: «4-го сего апрѣля, въ четвертомъ часу пополудни, въ то время, когда Государь Императоръ, окончивъ свою прогулку въ Лѣтнемъ саду, изволилъ садиться въ коляску, неизвѣстный выстрѣлилъ въ Его Величество изъ пистолета. Божіе провидѣніе предохранило драгоцѣнные дни Августѣйшаго нашего Государя. Преступникъ задержанъ. Разслѣдованіе производится». Быстро разнесся слухъ по городу о злодѣйскомъ покушеніи на жизнь обожаемаго Государя. Вечеромъ того же числа старшины и члены костромского общественнаго клуба телеграммою просили Министра Внутреннихъ Дѣлъ передать Его Императорскому Величеству ихъ живой восторгъ и благодарность Всевышнему, что Онъ сохранилъ жизнь Благодѣтеля Россіи. На это г. Министръ Внутреннихъ Дѣлъ 8 апрѣля отвѣтилъ слѣдующей телеграммой: «старшинамъ и членамъ общественнаго клуба. Государь Императоръ изволитъ благодарить за вѣрноподданническія чувства».

6 апрѣля, въ 12 час. дня, въ Успенскомъ соборѣ ректоромъ костромской духовной семинаріи архимандритомъ Іосифомъ съ городскимъ духовенствомъ было совершено благодарственное молебствіе, въ присутствіи чиновъ всѣхъ вѣдомствъ и безчисленнаго множества народа.

Скоро узнали, что получена 5-го апрѣля еще телеграмма на имя предсѣдателя губернской земской управы, въ которой петербургскій генералъ-губернаторъ, обращаясь къ костромичамъ, говоритъ: «поздравляю костромичей съ подвигомъ бывшаго крестьянина Буйскаго уѣзда, села Молвитина, Осипа Иванова Комисарова,

нынѣ дворянина, спасшаго жизнь Царя». На эту телеграмму губернскій предводитель дворянства Н. П. Карцовъ съ исправляющимъ должность предсѣдателя костромской губернской земской управы г. Лаговскимъ, тотчасъ же отъ имени костромичей отвѣтили г. генералъ-губернатору слѣдующею телеграммою: «Внезапная вѣсть объ угрожавшей опасности Царю-Освободителю глубоко поразила насъ; вѣсть же о спасеніи породила радостное чувство и подкрѣпила убѣжденіе, что духъ Сусанина живетъ въ сердцахъ костромичей. Идемъ молить Бога за спасеніе дорогой для насъ жизни обожаемаго Монарха. Да здравствуетъ Императоръ!»

На эту телеграмму г. генералъ-губернаторъ отвѣтилъ: «Имѣлъ честь докладывать о вѣрноподданнѣйшихъ чувствахъ. Государь Императоръ отъ души благодаритъ всѣхъ».

Извѣстіе о подвигѣ Комисарова переполнило сердца всѣхъ живѣйшею радостію. Всѣ костромичи спѣшили чѣмъ-либо ознаменовать это событіе. Костромское дворянство выразило свои чувства въ адресахъ Ихъ Императорскимъ Величествамъ и Наслѣднику Престола. Городское общество, собравшись 6 апрѣля въ домѣ городской управы, постановило: 1) для увѣковѣченія памяти событія ежегодно праздновать 4 апрѣля, день спасенія возлюбленнаго Монарха наравнѣ съ двунадесятыми праздниками, чтобы въ этотъ день не производилась торговля и чтобъ ежегодно собираться въ городскую думу для разсужденія и распоряженій по дѣламъ благотворительности, 2) желая увѣковѣчить въ памяти достославный подвигъ родича, крестьянина Осипа Ивановича Комисарова, спасшаго жизнь Монарха, тутъ же открыть подписку для сбора суммы на содержаніе бѣдныхъ гражданъ г. Костромы въ богадѣльнѣ и излеченіе ихъ въ больницѣ; 3) предложить Осипу Ивановичу Комисарову званіе *перваго* гражданина г. Костромы. Городской голова А. А. Акатовъ, сверхъ того, изъявилъ желаніе устроить на свой счетъ богадѣльню для призрѣнія 8 человѣкъ въ память этого событія.

Того же числа было экстренное собраніе членовъ Костромского общественнаго клуба, причемъ единодушно было выражено желаніе предложить званіе почетнаго члена Осипу Ивановичу Комисарову безъ баллотировки, въ знакъ живой признатель-



Первый гражданинъ г. Костромы О. И. Комисаровъ.

ности къ оказанной имъ отечеству услугѣ.

Общество ремесленниковъ, въ собраніи 8 апрѣля составило приговоръ: «Въ память объ избавленіи Его Императорскаго Величества Государя Императора Александра Николаевича 4 апрѣля отъ руки злодѣя, покусившагося на жизнь Августѣйшаго Монарха, собирать съ ремесленниковъ, имѣющихъ купеческія свидѣтельства по 10 р. серебромъ, имѣющихъ свидѣтельства промысловыя въ 15 рублей— по 3 руб; въ 7 руб. 50 коп. — по 1 руб. 50 коп.; въ 2 руб. 50 коп. — по 1 руб. и съ подмастерьевъ или работниковъ—по 1-му же рублю, на содержаніе больныхъ ремесленниковъ всѣхъ сословій и на обученіе грамотѣ и мастерству бѣдныхъ малолѣтнихъ сиротъ и не имѣющихъкъ тому никакихъ средствъ.

Подвигъ О. И. Комисарова радостно отозвался не только въ сердцахъ жителей г. Костромы, но и тѣхъ костромичей, которые живутъ вдали отъ родины. Такъ, костромской губернскій предводитель дворянства получилъ 7 апрѣля изъ г. Вильны слѣдующую телеграмму: «дворяне, чиновники и крестьяне Костромской губерніи, проживающіе въ Вильнѣ, пьютъ здоровье своего земляка Осипа Ивановича Комисарова и просятъ Ваше Превосходительство передать низкій поклонъ крестьянамъ Молвитинскаго общества, изъ среды котораго явился второй Сусанинъ, спасшій нашего обожаемаго Монарха, Царя Освободителя, и поздравить костромское дворянство съ новымъ сочленомъ, имя котораго займетъ блистательное мѣсто въ лѣтописяхъ Русской исторіи».

Даже преступники не остались хладнокровными и праздными при общей радости. Такъ, арестанты, содержавшіеся въ отдѣленіи арестантской роты, узнавъ о спасеніи жизни Государя Императора, просили отслужить благодарственный молебенъ. Желаніе ихъ было

исполнено, и молебствіе совершено 7 апрѣля въ отдѣленіи роты. Съ тою же цѣлію, арестанты, содержавшіеся въ костромскомъ тюремномъ замкѣ, просили пригласить въ церковь тюремнаго замка чудотворный образъ Θеодоровской Божіей Матери, для чего и назначено было 11 апрѣля [1]).

Юрьевецкій помѣщикъ Г. А. Сальковъ по поводу событія 4-го апрѣля написалъ слѣдующее стихотвореніе:

Быстрѣе молній вѣсть промчалась
Во всѣ Россіи уголки,
Что смерть Царю приготовлялась
Отъ святотатственной руки;
Что милость Вышняго Творца,
Намъ Солнце наше сохранила—
Рукой лихого молодца
Ударъ злодѣя отвратила.
Вздрогнула Родина Святая;
Къ измѣнѣ злобою кипитъ,
И въ храмы Божьи поспѣшная,
Творца небесъ благодаритъ.
Благодаритъ за жизнь Владыки,
За счастье Русской всей земли;
И вотъ восторженные клики,
Какъ громъ, все Царство потрясли.
Отвсюду шлются поздравленья
Къ Царю отъ вѣрныхъ Россіянъ
И чувствъ глубокихъ заявленья
Вновь дворянину изъ крестьянъ.
Прими, Державный Повелитель,
Тѣ чувства радости живой,
Что сохранилъ Тебя Спаситель,
Закрывъ крестьянина рукой.
Прими и ты, землякъ родимый,
Привѣтъ восторженныхъ сердецъ—

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1886 г., № 13.

Тобой спасенъ нашъ Царь любимый,
Нашъ Благодѣтель и Отецъ [1]).

17-го апрѣля, на Высочайшемъ выходѣ въ Зимнемъ дворцѣ, кромѣ лицъ, имѣвшихъ пріѣздъ ко Двору, находились также депутаціи отъ разныхъ губерній, которыя и были приняты Государемъ Императоромъ, послѣ божественной литургіи и молебствія, въ Бѣломъ залѣ. Самая многочисленная депутація была костромская, во главѣ которой находились: кіевскій митрополитъ Арсеній, уроженецъ села Воронья, Галичскаго уѣзда, Костромской губерніи, прибывшій изъ Костромы губернскій предводитель дворянства Н. П. Карцовъ и О. И. Комисаровъ-Костромской. При вступленіи въ Бѣлое зало, Его Величество былъ встрѣченъ привѣтственнымъ словомъ митрополита Арсенія, который благословилъ Государя Императора образомъ Θеодоровской Божіей Матери, которымъ благословляла на Царство Михаила Θеодоровича мать его, инокиня Марθа, когда онъ оставлялъ Ипатіевскій монастырь. Потомъ костромской губернской предводитель дворянства прочелъ адресъ, поднесенный Государю Императору костромскою депутаціею, ему отвѣтило громкое, продолжительное и единодушное «ура»! Затѣмъ одинъ изъ почетнѣйшихъ, проживавшихъ въ Петербургѣ, костромскихъ гражданъ, С. И. Быковъ поднесъ Государю хлѣбъ-соль съ краткимъ привѣтствіемъ. То же громогласное и продолжительное «ура!» было отвѣтомъ. Государь Императоръ, въ отвѣтъ на эти привѣтствія, изволилъ выразить свою благодарность и заключилъ слова свои тѣмъ, что онъ въ этой единодушной къ нему преданности видитъ свое утѣшеніе и благодаритъ Провидѣніе, которое, сохранивъ его на пользу Россіи, сподобило Его видѣть такое живое свидѣтельство любви къ Нему народной. Потрясающее стѣны «ура!» было отвѣтомъ, всѣ бросились и окружили Государя, махали шляпами, платками, тѣснились на пути, такъ что Государь едва среди толпы могъ пройти черезъ залу. Государь былъ видимо растроганъ. Онъ подошелъ въ концѣ залы, къ казанской депутаціи и нѣсколько разъ повторилъ, обращаясь къ тѣснившимся къ Нему лицамъ всѣхъ сословій и состояній: «Я среди васъ, какъ среди родныхъ!»

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд 1866 г., № 15.

Въ виду болѣзни, Государыня Императрица не могла принимать депутацій, почему Ей представлено было отъ костромского дворянства слѣдующее всеподданнѣйшее письмо: «Ваше Императорское Величество! Преступный замыселъ едва не лишилъ Васъ, Всемилостивая Государыня, драгоцѣннаго для сердца Вашего Супруга и всей Россіи обожаемаго Монарха. Невознаградимая потеря была близка, но Провидѣнію угодно было посѣтить Ваше Величество и всѣхъ русскихъ Своею милостію и злодѣйское намѣреніе остановлено рукою нашего собрата, костромича. Мы съ дѣтства привыкли, Ваше Величество, скорби и радости Державнаго Семейства нашего Государя близко принимать къ сердцу и потому, принося вѣрноподданическое поздравленіе объ избавленіи Вашего Державнаго Супруга и нашего Великаго Государя отъ грозившей Ему опасности, смѣемъ надѣяться, что Ваше Величество соблаговолите принять его отъ Вашихъ вѣрноподданныхъ, глубоко потрясенныхъ настоящимъ событіемъ и готовыхъ, по одному слову нашего обожаемаго Монарха, составить вокругъ Августѣйшаго Вашего Семейства живой оплотъ, чрезъ который не пройдутъ никакія козни и замыслы враговъ». (40 подписей) [1]).

15-го апрѣля, въ залѣ Благороднаго собранія, находившіеся въ Петербургѣ костромичи собрались для предварительныхъ совѣщаній объ основаніи, въ память спасенія жизни Государя Императора 4-го апрѣля Комисаровымъ-Костромскимъ, учрежденія, полезнаго для всего костромского края. Совѣщанія происходили неоффиціальнымъ образомъ костромичи толпились въ кучѣ, въ кружкахъ, въ которыхъ стояли: тѣсно и рядомъ генералы и крестьяне, священники и учителя, дворяне и купцы. Всѣ единодушно желали сдѣлать или, вѣрнѣе, предпринять что нибудь полезное и доброе. Сдѣлано было множество въ разныхъ кружкахъ разныхъ предложеній. Одно предложеніе, сдѣланное въ одномъ кружкѣ, переходило въ другой, обсуживалось, оцѣнивалось и т. д., но ни одно изъ нихъ не получило еще рѣшительнаго утвержденія. Предлагали, напримѣръ, основать какое либо благотворительное учрежденіе, какое?—не опредѣлилось. Совѣтовали нѣкоторые собрать капиталъ для окончательнаго выкупа земли

---

[1]) Русскій Инвалидъ 1866 г., № 99; Петерб. Вѣдомости 1866 г., № 103

молвитинскихъ крестьянъ отъ помѣщика, основать реальную гимназію, политехническую или земледѣльческую школу. Пущена была мысль, нельзя ли основать въ Костромѣ университетъ. Но болѣе практическою оказалась мысль основать учительскую семинарію для первоначальныхъ школъ. Это послѣднее предложеніе встрѣчалось съ большимъ сочувствіемъ во всѣхъ кружкахъ и людьми всѣхъ сословій [1]).

24-го апрѣля въ Казанскомъ соборѣ собралась огромная масса жившихъ въ Петербургѣ костромичей. Послѣ обѣдни на молебствіе вышелъ кіевскій митрополитъ Арсеній, костромской уроженецъ, съ двумя архимандритами, также костромичами. Въ толпѣ костромичей стоялъ блѣдный, исхудалый О. И. Комисаровъ; костромичи молились съ колѣнопреклоненіемъ за чудесное избавленіе Государя Императора и потомъ длинною вереницею потянулись въ гостинницу Демута. На собраніи костромичей 24 апрѣля, въ гостинницѣ Демутъ, было около 300 лицъ разныхъ званій. Тутъ были, между прочимъ, два мѣстные предводители дворянства, нѣсколько писателей—уроженцевъ Костромской губерніи: г.г. А. Потѣхинъ, Максимовъ, Колюпановъ, профессоръ Шульгинъ, генералъ Марковъ, секретарь американскаго посольства Г. Куртинъ, какъ гость и Ѳ. М. Толстой. Предсѣдатель собранія Н. П. Карцовъ пригласилъ желающихъ высказаться на счетъ мѣръ, могущихъ увѣковѣчить великую память событія 4-го апрѣля. Первымъ высказался А. А. Потѣхинъ: «послѣ благодарственнаго молебствія, только что принесеннаго нами, мы всѣ, земляки, уроженцы одной губерніи, собрались сюда, чтобы вмѣстѣ, одной семьей, отпраздновать общую народную радость сохраненія драгоцѣнной жизни нашего Государя, того Государя, который освободилъ отъ крѣпостной зависимости милліоны своихъ подданныхъ, который даровалъ своей землѣ земскія учрежденія и гласное судопроизводство, который велъ ее быстрыми шагами къ развитію и благоденствію. Вмѣстѣ съ тѣмъ мы избираемъ этотъ день нашего общаго праздника, этотъ моментъ, когда всѣ мы проникнуты единымъ, искреннимъ чувствомъ, избираемъ для того, чтобы положить начало такому дѣлу,

[1]) Голосъ 1866 г., № 114-й.

которое могло-бы служить вѣковѣчнымъ памятникомъ празднуемаго событія. Если Правидѣнію угодно было, для спасенія Русскаго Царя Освoдителя, изъ всей 60 милліонной одинаково преданной ему семьи избрать единаго, тѣмъ же Царемъ освобожденнаго, и если этотъ избранникъ—дитя Костромского края, то, безъ сомнѣнія, въ предлагаемомъ нами памятникѣ должны выразиться и наше сочувствіе къ стремленіямъ Государя объ улучшеніи участи его бѣднѣйшихъ подданныхъ, и наша благодарность къ тому краю и сословію тружениковъ, которые дали человѣка, отведшаго злую руку, грозившую всей Россіи великимъ несчастіемъ. Само собою, вся Россія равно благодарна костромичу, бывшему крестьянину О. И. Комисарову; безъ сомнѣнія, вся она откликнется съ радостью на призывъ принести лепту на устройство памятника общей любви русскаго народа къ своему Государю; но мы, какъ земляки Осипа Ивановича, какъ дѣти той же почвы, которая и его воспитала, должны посильнымъ приношеніемъ положить начало дѣлу и указать, что особенно нужно Костромскому краю и его крестьянину. Нуждъ этихъ много. Наша губернія небогата, природа не была щедра для нея: скудная почва, суровый климатъ, громадные, но дешевые лѣса, вотъ въ общихъ чертахъ непривлекательная картина нашего родного края. Есть у насъ только одно неоцѣненное богатство, которое мы сами накопили и которымъ мы дѣлимся со всей Россіей: это необыкновенная смышленность костромского крестьянина, это—выработанное горькою нуждой мастерство его на всѣ руки, на всякую работу. Кто не знаетъ костромскихъ плотниковъ, костромскихъ каменщиковъ и пр. и пр. Костромичъ—по преимуществу мастеровой человѣкъ, ремесленникъ, но по этому самому онъ уже не принадлежитъ самому себѣ, онъ вѣчно чужой слуга, всю жизнь внѣ родной семьи и вдали отъ родины. Костромичъ идетъ и въ Петербургъ, и въ Харьковъ, и въ Казань, и за Уралъ—и вездѣ ему рады, вездѣ даютъ работу, потому что онъ и ловокъ и дешевъ, а дешевъ потому, что костомичей, ищущихъ работы, много. И, не смотря на смышленность своей головы, на ловкость привыкшихъ къ работѣ и устали не знающихъ рукъ, костромичъ никогда почти не бываетъ богатъ: всѣхъ его заработковъ едва остается на то,

чтобы прокормиться самому на чужбинѣ, прокормить семью дома да уплатить подати и оброки. А какимъ тяжелымъ и горькимъ путемъ доходитъ костромской крестьянинъ хоть бы до этого счастья, чтобы безъ недоимокъ прожить съ семьей! Съ дѣтскаго возраста отрывается онъ отъ родной семьи и идетъ куда-нибудь далеко отъ родины съ отцомъ, или дядей, или братомъ, чтобы выстрадать тяжелую школу своего ремесла. Эта школа, къ сожалѣнію, до сихъ поръ основана на битьѣ да трясоволоскахъ, да на растратѣ молодыхъ силъ въ тасканіи матеріала къ работѣ мастерамъ. И никакія врожденныя способности, ничто не спасетъ отъ этой школы, въ которой нерѣдко безвозвратно и задаромъ пропадаютъ и физическія и нравственныя силы. Если иной и пройдетъ ее благополучно, то долго еще, долго ему придется быть чернорабочимъ, хотя бы, повторяю, онъ былъ, какъ говорится, семи пядей во лбу. А затѣмъ, эксплуатація труда капиталомъ, которая еще такъ груба и безжалостна при нашихъ не развитыхъ экономическихъ отношеніяхъ, при отсутствіи какого либо образованія въ рабочей массѣ! Каждый рабочій, нынѣ уже свободный человѣкъ по милости Государя освободителя, къ сожалѣнію, до сихъ поръ дѣлается нерѣдко крѣпостнымъ —или по милости изстари заведенныхъ въ его ремеслѣ порядковъ, или по милости своего хозяина, или капиталиста, а чаще всего по недостатку личнаго развитія, по невозможности употреблять разумно и своевременно свои способности. Вотъ гдѣ, по нашему мнѣнію, предстоитъ великое дѣло, крайне необходимое, безмѣрно полезное для Костромского края. Устройствомъ ремесленныхъ школъ въ Костромской губерніи, въ которыхъ дѣти крестьянскія, не оторванныя отъ семьи, получали бы хорошее и безвозмездное обученіе разнымъ ремесламъ и выходили бы оттуда не измученными полукрѣпостными работниками, но образованными мастерами и свободными, развитыми людьми, мы можемъ соорудить вѣковѣчный памятникъ нашей любви и преданности Государю, разбившему въ Россіи крѣпостныя оковы, нашей благодарности О. И. Комисарову, по всей вѣроятности, прошедшему всю тяжелую школу ученика-ремесленника и способному вполнѣ оцѣнить всю пользу учрежденія ремесленныхъ школъ на новыхъ, разумныхъ основаніяхъ. Подробности осущест-

вленія этой мысли вслѣдъ за симъ разовьетъ въ своей рѣчи Н. П. Колюпановъ. Выслушавши его, можетъ быть, мы всѣ единымъ сердцемъ одобримъ мысль и, благословясь, положимъ посильною подпиской начало дѣлу, которое будетъ полезно и дѣтямъ, и правнукамъ нашего труженика-крестьянина и всему нашему родному Костромскому краю».

Вслѣдъ за рѣчью А. А. Потѣхина г. Максимовъ прочелъ рѣчь Н. П. Колюпанова о значеніи и развитіи народныхъ ремесленныхъ школъ. Г. Колюпановъ разсмотрѣлъ устройство ихъ въ Бельгіи и провелъ параллель между прежнимъ положеніемъ этой страны и теперешнимъ положеніемъ нашего отечества. По его словамъ: «въ Бельгіи было главное производство ручной обработки холста, достоинство его обусловливалось качествомъ воды, въ которой вымачивался первоначальный матеріалъ. Съ открытіемъ фабричнаго производства, множество людей остались въ Бельгіи свободными и обнищали до такой степени, что принуждены были существовать на счетъ общественнаго призрѣнія. Горю этому помогло единственно основаніе общинами ремесленныхъ школъ, развитіе которыхъ сдѣлало славу г. Розье. Точно также и мы, богатѣвшіе нѣкогда отъ сбыта грубыхъ произведеній, должны надѣяться на возстановленіе нашего равновѣсія на торговомъ рынкѣ только при помощи усовершенствованія нашихъ ремеслъ, а это прямо сопряжено съ устройствомъ ремесленныхъ школъ. Отдаваніе мальчиковъ въ ученіе, всегда сопряженное съ трудностями для крестьянъ, никогда не можетъ замѣнить собою ремесленныхъ школъ, для которыхъ первымъ подспорьемъ можетъ служить множество мастеровыхъ изъ дворовыхъ, приписавшихся къ мѣсту своей родины. Мы собрались увѣковѣчить полезнымъ для края образомъ память великаго событія. Ничто достойнѣе и прочнѣе не можетъ увѣковѣчить эту память, какъ забота о народномъ образованіи».

Затѣмъ П. П. Кадниковъ обратился къ собранію съ слѣдующею рѣчью: «Позвольте, М.м. Г.г., высказать нѣсколько словъ временнообязанному крестьянину. Въ настоящемъ собраніи, нѣкоторые изъ среды вашей сказали, что нужно событіе 4-го апрѣля въ Лѣтнемъ саду и чудесное избавленіе Государя Императора отъ

смерти, въ память потомству, увѣковѣчить какимъ либо полезнымъ учрежденіемъ для Костромского края, и предложили устроить ремесленныя школы съ обученіемъ грамотѣ и другія полезныя учрежденія. Я, какъ собратъ крестьянъ, желалъ бы видѣть прежде всего устройство школъ грамотности на основаніяхъ или приходскихъ или уѣздныхъ училищъ. Эти школы необходимы, по моему, какъ хлѣбъ къ обѣду. Я полагалъ бы всего удобнѣе заботу объ учрежденіи этихъ школъ возложить на земскія управы и предоставить имъ обсудить—какъ и куда обратиться съ представленіемъ, чтобы на нашей родинѣ введено было обученіе дѣтей обоего пола—обязательное. Это было бы добро неоцѣненное и жертва Богу, живая и неугасимая долго. Тогда, я льщу себя, мы будемъ имѣть честныхъ гражданъ, любящихъ отцовъ, мужей и женъ, потому что всѣмъ извѣстно, что нѣтъ сильнѣе средства къ искорененію пороковъ, какъ правильное просвѣщеніе. Теперь всѣ члены семействъ плачутъ отъ своихъ же семейныхъ, но кто виноватъ? Виноваты тѣ же родители, потому что не заботились объ ученіи своихъ дѣтей. Но, когда у насъ будутъ школы и будутъ учить дѣвочекъ, льщу себя надеждою, что многіе будутъ имѣть умныхъ женъ, которыя не встрѣтятъ мужа, послѣ маленькаго проступка, грубою бранью, съ презрѣніемъ, упреками и укорами, отъ которыхъ мужъ дѣлается звѣремъ и начинаетъ драку. Жены у крестьянъ, получившіи образованіе, безъ сомнѣнія, сдѣлаются ласковыми, кроткими; все выскажутъ мужу въ ласковомъ духѣ, и тогда ему уже станетъ себя самого стыдно. Тоже, я думаю, получатъ и другіе члены семьи. Въ школѣ не худо обучать дѣтей ручнымъ ремесламъ, но это будетъ уже слишкомъ дорого. По моему, нужно прежде всего школы снабдить больше полезными книгами по всѣмъ отраслямъ знанія. На первыхъ же порахъ—устроить правильныя школы грамотности и дать людямъ ключь ко всѣмъ отраслямъ знанія. Изъ крестьянъ большая часть учиться желаютъ, но ждутъ, пока ихъ пригласитъ правительство, ждутъ распоряженій начальства. Церковь—лучшая школа для ученыхъ, но неученымъ мало прививается ея ученіе по огрубѣлости ихъ воззрѣній на хорошее. Итакъ нужны прежде всего школы грамотности».

По окончаніи рѣчи г. Кадникова, большинство присутствовавшихъ окружило его и благодарило за его теплое и многознаменательное выраженіе нуждъ и положенія большинства.

За г. Кадниковымъ говорилъ г. Кузнецовъ, предлагавшій собрать для школъ грамотности деньги подпискою по всей Россіи, и, если подписка не будетъ достаточна, то, по крайней мѣрѣ, озаботиться устройствомъ учительской семинаріи. Изъ числа прочихъ говорилъ предсѣдатель костромской уѣздной земской управы Н. Н. Прохоровъ. Онъ сказалъ, что, какъ имѣется въ настоящее время въ виду проведеніе желѣзной дороги отъ Троице-Сергіевой лавры къ Волгѣ, то не мѣшало бы испросить дозволеніе общимъ голосомъ костромичей назвать ее Романовскою. Было также заявленіе въ пользу чисто земледѣльческаго училища, сдѣланное макарьевскимъ уѣзднымъ предводителемъ дворянства графомъ Мусинымъ-Пушкинымъ.

Послѣ всѣхъ этихъ заявленій собраніе приняло слѣдующее рѣшеніе: 1) просить Т. М. Толстого принять на себя трудъ составленія біографіи О. И. Комисарова и описанія событія 4-го апрѣля; 2) ходатайствовать о введеніи обязательнаго образованіи въ Костромской губерніи; 3) передать всѣ предложенія на мѣсто родины г. Комисарова на обсужденіе земскихъ собраній, которымъ могутъ быть лучше извѣстны и средства, и нужды, и 4) выбрать въ Петербургѣ членовъ комитета, который бы занимался пріемомъ пожертвованій.

Во время обѣда непрерывно повторялись тосты за здоровье Государя Императора и всей Августѣйшей фамиліи. Музыка часто играла народный гимнъ, одушевленіе было всеобщее. Послѣ рѣчи губернскаго предводителя дворянства Н. П. Карцова, графъ Мусинъ-Пушкинъ сказалъ слѣдующее: «Почтенные сограждане-костромичи! Святое писаніе гласитъ: «сердце Царево въ рукахъ Божіихъ». Исторія наша представляетъ два несомнѣнныя тому знаменія: Иванъ Сусанинъ воспринимаетъ смертельные удары, замышляемые на Царя; Комисаровъ-Костромской направляетъ на воздухъ смертельный выстрѣлъ злодѣя-безумца, отводя оный отъ того, кто вдохнулъ новую жизнь настоящей Россіи. Въ томъ и другомъ событіи—неисповѣдимый Промыслъ Божій. Изъ 70 милліоновъ, одинаково преданныхъ Царю, избираетъ Онъ своимъ орудіемъ костромичей.

Чудесное спасеніе свершилось: вздрогнула Русь и разразилась восторженными криками радости при словѣ о спасеніи. Въ этихъ кликахъ слышится не одинъ только присущій всѣмъ народамъ, и въ особенности русскому, святой долъ преданности къ Монарху: въ нихъ явно гремитъ еще сознаніе величія дѣлъ, которыя неразрывно связаны съ именемъ Александра II. Онъ даровалъ свободу мильонамъ, предоставилъ земству въ его дѣлахъ самоуправленіе посредствомъ выборныхъ изъ всѣхъ сословій; смягчилъ уголовные законы сообразно съ понятіемъ о человѣчности; водворилъ гласный судъ, «да правда и милость царствуютъ въ судахъ»; даровалъ равноправность сословіямъ, свободу печати; предпринялъ многія другія преобразованія и начинанія, вдохновенныя высокою заботливостію о счастіи и преуспѣваніи своего народа по пути матеріальнаго и нравственнаго развитія.... и чего еще не совершитъ онъ въ цвѣтущіе годы, умудренный государственнымъ опытомъ своей жизни! Всѣ эти великія преобразованія, великія реформы, во имя любви къ человѣчеству и своему народу, задуманы и совершены имъ въ теченіе 10 лѣтъ, посреди твердаго мира и ничѣмъ ненарушимаго на Руси порядка, среди общей любви и безпредѣльной преданности подданныхъ. Десять лѣтъ на то, что у другихъ народовъ создавалось усиліями вѣковъ и борьбою многихъ поколѣній! Сосѣди современники поражены величіемъ дѣлъ нашего Государя въ такое малое время; что же сказать о насъ самихъ? Со всѣхъ концовъ Россія шлетъ къ нему благословенія, и изліянія благодарности 70 милліоновъ сливаются въ немъ въ одну любовь, въ одно желаніе.... Сограждане! такъ да сольемся мы въ общемъ стремленіи къ труду и знанію; забудемъ нашу сословную рознь и единодушнымъ служеніемъ общему благу Россіи явимъ себя достойными великихъ преобразованій нашего великаго Государя, одушевленнаго одною мыслью — о счастіи его подданныхъ, о счастіи Россіи. Господа! предлагаю тостъ за благоденствіе Россіи». Рѣчь гр. Пушкина постоянно прерывалась знаками одобренія и криками «ура», а тостъ его былъ принятъ съ единодушнымъ восторгомъ. Затѣмъ предсѣдатель объявилъ, что проситъ слова секретарь американскаго посольства. Ему отвѣтомъ были общія рукоплесканія, не умолкавшія ни одну минуту и смѣшанныя

съ криками: «ура, Америкѣ»! Г. Куртинъ на русскомъ языкѣ сказалъ слѣдующее: «Теперь, когда вся Россія приноситъ благодарственныя молитвы за спасеніе возлюбленнаго Царя, когда скорбь и ужасъ превратились въ радость и всеобщее ликованіе, костромичи, уроженцы родины Царствующаго Дома, родины Ивана Сусанина и Осипа Ивановича Комисарова, собрались сюда чествовать доблестнаго земляка.

«На этомъ знаменательномъ празднествѣ да позволено мнѣ будетъ высказать нѣсколько словъ, хотя я и не русскій по рожденію, но, любя Россію отъ всей души, я не могу оставаться равнодушнымъ въ виду происшедшихъ событій. Когда Россія, раздробленная и разслабленная, стонала подъ гнетомъ чужеземцевъ, въ Москвѣ родилась лучезарная мысль о единствѣ Русскаго Государства. Воодушевленная этою мыслію Москва вступила въ борьбу, восторжествовала надъ врагами и создала единую, цѣлую и крѣпкую Россію. Кострома дала Государя этому государству и два раза сохранила Отца Россіи. Позвольте мнѣ предложить совокупный тостъ, тостъ за Русскаго Царя, съ тостомъ за Москву, создавшую государство, и за Кострому, давшую и два раза сохранившую Государя».—«Ура! за благоденствіе Америки»! раздались отвѣтные крики и при продолжительныхъ возгласахъ музыка заиграла народный гимнъ, звуки котораго какъ будто освящали неожиданный, представшій предъ слушателями, но вѣчно присущій обоимъ народамъ, союзъ двухъ дружественныхъ молодыхъ членовъ великой семьи образованнаго міра.

Вслѣдъ затѣмъ А. А. Потѣхинъ сказалъ воодушевленное, сильное слово. Онъ указалъ на дружественное влеченіе другъ къ другу двухъ великихъ народовъ и на глубокій смыслъ присутствія представителя Америки на русскомъ семейномъ обѣдѣ. «Онъ недаромъ между нами, говорилъ г. Потѣхинъ, этотъ членъ великой націи, среди которой, больше чѣмъ гдѣ нибудь, самоуправленіе и самодѣятельность служатъ основою всего гражданскаго строя націи, которая на неизвѣстныхъ, вновь открытыхъ материкахъ, сама создала могущественное государство, силѣ и прогрессу котораго завидуютъ и удивляются всѣ народы,—нація, которая всѣмъ обязана одной себѣ!

Онъ недаромъ между нами въ ту самую минуту, когда мы, люди одной губерніи, затѣваемъ такое дѣло, гдѣ мы также усиліемъ нашей собственной самодѣятельности стремимся поставить на ноги цѣлое большое дѣло—народнаго образованія. Никто не въ состояніи болѣе русскихъ стать въ уровень съ американцами въ способности къ самоуправленію и къ самодѣятельности. Покажемъ же нашему дорогому гостю, что мы достойны его присутствія на нашемъ семейномъ праздникѣ, что мы крѣпко стоимъ за начатое дѣло, что мы можемъ вынести на своихъ плечахъ ту задачу, которую мы приняли, разсчитывая только на самихъ себя, что въ самодѣятельности мы не уступимъ американцамъ и что дружественный союзъ между нами крѣпокъ, какъ союзъ товарищей, связанныхъ между собою сходствомъ своихъ національныхъ достоинствъ!» Слова А. А. Потѣхина вызвали самый восторженный пріемъ: многіе подходили къ нему и благодарили за краснорѣчивое и вѣрное выраженіе общихъ чувствъ. Тотчасъ-же открыта была подписка и собрано было около 500 рублей для устройства школъ въ Костромской губерніи.

Къ концу обѣда генералъ Марковъ прочелъ написанное имъ по поводу событія 4-го апрѣля стихотвореніе-оду:

Потрясъ ударъ сердца столицы....
Ужель случилось на яву,
Что поднялась рука убійцы
На Вѣнценосную Главу?—
Главу Того, Кому съ любовью
Пожертвуетъ Россія кровью
И достояньемъ—до куска;
Кого по царственнымъ заслугамъ,
Зоветъ народъ отцомъ и другомъ?
И на Него-ль нашлась рука?
Нашлась: то былъ не сонъ безплодный;
Но чья?—и гдѣ возникъ злодѣй?
Не все-ль равно: наростъ негодный—
Онъ чуждъ и почвы и людей;
Онъ въ каждой націи—комета....
Онъ—парія, бродяга свѣта;

Служитель смутъ всемірныхъ онъ;
Онъ гнусный пасынокъ вселенной,
Отъ революціи рожденный,
И нагилизмъ—его законъ.
На каждой почвѣ сыщешь яды;
Но ужъ не русскій честный складъ,
А наши напускные взгяды
Виной тому, что вызрѣлъ гадъ:
Его зародышъ—отрицанье,
Плоды—анархіи желанье....
Но есть Господь! Не дремлетъ Тотъ,
Кто бережетъ Царя незримо:
Зловѣщій громъ ударилъ мимо—
И радостно вздохнулъ народъ!
Кого, когда и гдѣ поставить—
Всевышній знаетъ лучше насъ:
Онъ бѣдняка рѣшилъ прославить,
Внушилъ ему, чтобъ шелъ и. спасъ.
Къ молитвѣ вышелъ скромный житель—
Назадъ пришелъ Цареспаситель.
Его съ небесной высоты
Подъялъ Творецъ на подвигъ славный,
Привелъ—и цѣлъ Отецъ Державный!
Но кто жъ избранникъ Божій?—Ты.
Прими, родоначальникъ новый,
Кому дано спасать Царей,
Привѣтъ, давно въ душѣ готовый,
У сына родины твоей;
Ее любя, какъ мать родную,
Я за нее тебя цѣлую....
И вспомню съ гордостью всегда,
Что насъ одна земля взростила,
Что насъ обоихъ окрестила
Родная волжская вода.
Осыпанъ славою обильно—

Въ туманѣ ты, но, подожди,
Заходитъ кровь свѣжо и сильно—
Твое блаженство впереди:
Настанетъ мигъ, когда въ объятья
Тебя сожмутъ былые братья,
Когда знакомый гряньетъ кличъ—
И надъ Сусанина костями
Заплачетъ братскими слезами
Родной по славѣ костромичъ.

Обѣдъ окончился тостомъ за здоровье Государя Императора. Вообще, обѣдъ, пишетъ рецензентъ С.-Петербургскихъ Вѣдомостей (№ 111-й, 1866 г.), отличался задушевностью, безцеремонностью и вмѣстѣ съ тѣмъ строгимъ порядкомъ. Это былъ именно семейный, земскій праздникъ, въ которомъ забыта была всякая сословная рознь, въ которомъ одно великое народное чувство соединило и ровняло между собою всѣхъ, въ которомъ дѣйствительно высказывалась та общественная зрѣлость русскаго народа, съ которой онъ является вездѣ, гдѣ нѣтъ чиновничьей, офиціальной обстановки [1]).

---

[1]) С.-Петерб. Вѣд., № 111; Голосъ, № 114—1866 г.

XXIII.

Пребываніе въ Костромѣ Наслѣдника Цесаревича Александра Александровича и Великаго Князя Владиміра Александровича. Выставка сельскихъ мануфактурныхъ издѣлій Костромской губерніи. Пребываніе въ Костромѣ посольства отъ Вашингтонскаго конгресса. Проводы губернатора Рудзевича. Перепись Костромы. Пребываніе въ Костромѣ Великаго Князя Алексѣя Александровича.

---

14 АВГУСТА 1866 года, въ 4 часа по полудни, прибыли въ г. Кострому на пароходѣ «Поспѣшный» Ихъ Императорскія Высочества—Государь Наслѣдникъ Цесаревичъ Александръ Александровичъ и Великій Князь Владиміръ Александровичъ.

Радостно встрѣтилъ народъ дорогихъ гостей и радостные крики «ура!» сливались съ торжественнымъ звономъ во всѣхъ церквахъ города. На пристани Ихъ Высочества были встрѣчены губернаторомъ, губернскимъ предводителемъ дворянства, военными и гражданскими чинами и городскимъ обществомъ. Принявъ хлѣбъ-соль отъ городского головы, Ихъ Высочества прослѣдовали въ Успенскій соборъ, гдѣ были встрѣчены костромскимъ преосвященнымъ Платономъ и всѣмъ городскимъ духовенствомъ. Изъ собора Ихъ Высочества отправились въ губернаторскій домъ, приготовленный для ихъ помѣщенія, гдѣ имѣли обѣденный столъ, къ которому приглашены были начальникъ губерніи съ сыномъ, губернскій предводитель дворянства, предсѣдатель губернской земской управы и городской голова. Послѣ обѣда Ихъ Высочества посѣтили Маріинскій дѣтскій пріютъ и городскую больницу.

15 августа въ 10 час. утра Его Высочеству Наслѣднику Цесаревичу представлялись: вице-губернаторъ, губернскій и уѣздные предводители, общество дворянъ, мировые посредники, военные и гражданскіе чины, предсѣдатели губернской и уѣздной управъ,

представители отъ купцовъ Костромы, Галича, Солигалича, Нерехты и Плеса и общества ремесленниковъ г. Костромы, при чемъ депутаты городского общества Костромы поднесли Его Высочеству трехъ стерлядей. Ихъ Высочества обратили особенное вниманіе на уборъ трехъ галичскихъ купчихъ, представлявшихся въ старинныхъ галичскихъ костюмахъ съ кокошниками на головахъ, унизанными жемчугомъ; при этомъ Цесаревичъ спросилъ, въ какомъ употребленіи этотъ костюмъ въ г. Галичѣ, постоянно ли носятъ этотъ костюмъ, или только въ извѣстныхъ случаяхъ? Получивъ отвѣтъ, Ихъ Высочества вышли въ садъ, гдѣ принимали коробовскихъ бѣлопашцевъ, во главѣ со священникомъ села Коробова, волостныхъ старшинъ Молвитинской и Домнинской волостей и представителей подгородной Татарской слободы. Послѣ пріема Ихъ Высочества отправились въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ слушали литургію и осматривали дворецъ Михаила Ѳеодоровича и достопримѣчательность монастыря. Посѣтивъ кельи преосвященнаго Платона, Ихъ Высочества отправились для осмотра чугунноплавильнаго завода г.г. Шиповыхъ, гдѣ пробыли около часа времени, удостоивъ подарковъ нѣкоторыхъ служащихъ на заводѣ. Съ завода г.г. Шиповыхъ Ихъ Императорскія Высочества отправились на льнопрядильную фабрику Зотова, послѣ осмотра которой благоволили принять въ квартирѣ г. Зотова завтракъ.—Затѣмъ Ихъ Высочества посѣтили Григоровскую женскую гимназію и Романовскій пансіонъ, гдѣ была устроена выставка сельскихъ мануфактурныхъ произведеній Костромской губерніи. На выставкѣ Цесаревичъ купилъ троечную русскую сбрую работы костромского купца Кулакова. Послѣ выставки Ихъ Высочества отправились въ Богоявленскій монастырь, гдѣ посѣтили Смоленскую церковь и приложились къ чудотворной Смоленской иконѣ Божіей Матери и разсматривали монастырскую церковную утварь и строящійся Богоявленскій соборъ.

Въ 6 часовъ вечера во дворцѣ былъ обѣдъ, къ которому были приглашены: губернаторъ, вице-губернаторъ, губернскій и всѣ наличные уѣздные предводители дворянства, предсѣдатели губернской и уѣздной управъ, городской голова съ нѣсколькими купцами и начальники отдѣльныхъ частей. Вечеромъ весь городъ былъ иллюмино-

ванъ, а на Сусанинской площади былъ устроенъ народный праздникъ, который Ихъ Императорскія Высочества удостоили своимъ посѣщеніемъ. Когда Августѣйшіе посѣтители прибыли на площадь и вошли въ бесѣдку, раздался народный гимнъ, пропѣтый хоромъ пѣсенниковъ Молчанова съ аккомпаниментомъ конногвардейскихъ музыкантовъ, и въ то же время зажжены были синимъ огнемъ возлѣ монумента вензелевыя изображенія имени Ихъ Величествъ и Ихъ Высочествъ съ надписью надъ ними: «Боже Царя Храни». 16 августа, посѣтивъ кафедральный соборъ, Ихъ Высочества отправились на пристань, среди густой толпы народа, и въ 8½ часовъ утра отбыли изъ Костромы въ Нижній-Новгородъ [1]).

Въ первыхъ числахъ августа мѣсяца 1866 года пріѣхало въ Петербургъ посольство отъ Вашингтонскаго Конгресса съ поздравительнымъ адресомъ къ Государю Императору Александру II, по случаю чудеснаго спасенія жизни Его Величества отъ руки злодѣя 4-го апрѣля 1866 года.

Посольство это выразило желаніе посѣтить коренную Русь и, главнымъ образомъ, г. Кострому, какъ родину Царствующаго Дома Романовыхъ, равно и родину крестьянъ Сусанина и Комисарова.

Въ 11 часу утра 21 августа пароходъ «Депеша», имѣя на себѣ американскій флагъ, привезъ въ Кострому американское посольство, состоявшее изъ товарища министра Сѣверо-Американскихъ Штатовъ, капитана Густава Вазы Фокса, и нѣсколькихъ офицеровъ его эскадры, въ сопровожденіи свиты Его Величества контръ-адмирала С. С. Лесовскаго и нѣсколькихъ русскихъ морскихъ офицеровъ. Въ Костромѣ ждали гостей не ранѣе 2-хъ часовъ пополудни и потому еще не были готовы къ пріему ихъ, тѣмъ не менѣе на пристани ихъ встрѣтилъ костромской губернаторъ Н. А. Рудзевичъ, а чрезъ нѣсколько минутъ, какъ пристань, такъ и берега Волги украсились флагами и наполнились костромичами, привѣтствовавшими своихъ дважды драгоцѣнныхъ гостей. Отдавъ визиты г. губернатору, губернскому предводителю дворян-

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1866 г., № 33; Русское Обозрѣніе 1897 г., іюль, стр. 67—74.

ства Н. П. Карцову и городскому головѣ А. А. Акатову, который отъ лица всего городского общества поднесъ посольству хлѣбъ-соль, Американцы расположились завтракать на палубѣ своего парохода, между тѣмъ тѣмъ на Набережной собрались большія толпы народа, и пароходъ окружили лодки, съ которыхъ дамы бросали на палубу цвѣты, а одна изъ жительницъ Костромы взошла на бортъ и поднесла Г. Фоксу большой букетъ изъ георгинъ; съ барокъ, стоявшихъ тутъ-же и наполненныхъ преимущественно крестьянами, раздавались громкія привѣтствія. Вообще, берегъ Волги и подъемъ на гору представляли въ эту минуту чрезвычайно красивую и оживленную картину.

Въ отвѣтъ на тостъ г. губернатора за здоровье г. Фокса, послѣдній, обращаясь къ народу, сказалъ слѣдующія слова, тутъ-же переведенныя С. С. Лесовскимъ: «пью за здоровье г. губернатора и за священный городъ Кострому съ ея святынями». Слова эти произвели пріятное впечатлѣніе на присутствовавшихъ, выразившееся въ крикахъ «ура!» и «да здравствуютъ Американцы!». Затѣмъ гости отправились въ приготовленныхъ для нихъ экипажахъ къ памятнику Сусанина и въ Ипатіевскій монастырь. Здѣсь они осматривали церковь и находящееся въ ней рѣзное изъ дерева царское мѣсто, присланное сюда изъ Москвы Михаиломъ Ѳеодоровичемъ. Въ монастырской ризницѣ ихъ вниманіе было обращено на Евангеліе, написанное рукой Ксеніи Борисовны Годуновой, пелену, шитую ею же, сосуды, пожертвованные боярами Годуновыми, и икону, которою былъ благословленъ на царство Михаилъ Ѳеодоровичъ. Осмотрѣвъ домъ Романовыхъ и записавъ здѣсь въ книгу свои имена, Американцы посѣтили находящійся недалеко отъ монастыря механическій заводъ Шиповыхъ, а потомъ возвратились на пароходъ. Здѣсь крестьянинъ Вязниковскаго уѣзда, слободы Мстеры, Рачковъ поднесъ г. Фоксу икону своего издѣлія, изображающую св. Николая Чудотворца; икона эта написана въ греческомъ вкусѣ на полотнѣ, наклеенномъ на деревянной доскѣ. Посланникъ принялъ этотъ подарокъ съ благодарностью и сказалъ, что, возвратившись въ Америку, онъ будетъ хранить его въ воспоминаніе своего пребыванія въ Костромѣ. Въ 6 час. пополудни былъ

обѣдъ, устроенный городскимъ обществомъ. Прекрасная зала дворянскаго собранія была убрана деревьями и гирляндами изъ зелени, между которыми въ глубинѣ залы помѣщался портретъ Государя Императора во весь ростъ, а подъ нимъ бюстъ О. И. Комисарова, также убранный зеленью на противоположной стѣнѣ висѣли щиты съ изображеніемъ начальныхъ буквъ именъ Вашингтона, Линкольна и Джонсона. Съ улицы слышались звуки русскихъ народныхъ пѣсенъ. Гостей встрѣтили маленькія дѣти, дочери нѣкоторыхъ костромичей и въ томъ числѣ губернатора; онѣ поднесли г.г. Фоксу и Куртину большіе букеты, перевязанные лентами американскимъ цвѣтовъ. Затѣмъ посланнику представлялась депутація изъ села Молвитина, состоявшая изъ старшины и родственниковъ О. И. Комисарова; депутаты эти поднесли хлѣбъ соль и были приглашены г. предводителемъ дворянства обѣдать вмѣстѣ съ остальными гостями. За обѣдомъ, состоявшимъ преимущественно изъ любимыхъ американцами блюдъ, первое слово сказалъ г. губернскій предводитель дворянства Н. П. Карцовъ:

«Милостивые Государи! Присутствіе между нами достопочтеннаго г. Фокса, представителя могущественной Сѣверо-Американской націи, есть не только явное доказательство ея сочувствія радости народа, которому по милосердію Всевышняго сохранена драгоцѣнная жизнь Государя, но служитъ намъ залогомъ, что дружественный союзъ между сѣверо-американцами и русскими на столько крѣпко, на сколько можетъ быть твердъ союзъ сочувствія двухъ народовъ. Милостивые Государи! Россія и Сѣверо-Американскіе Штаты, хотя разными путями, но почти одновременно достигли однихъ результатовъ, доставивъ своимъ народамъ право труда, утвержденнаго на законной свободѣ. Благодѣтельная реформа, даровавшая двадцати милліонамъ нашего народа свободу, приведена въ исполненіе дворянствомъ, служащимъ основой новаго гражданскаго строя, для водворенія коего нашъ возлюбленный Монархъ, при содѣйствіи всего народа, предпринялъ великія преобразованія, задуманныя и совершенныя Имъ въ короткое время, среди общей къ Нему любви и не нарушеннаго порядка. Намъ дорого американское сочувствіе этому національному дѣлу; намъ дорого также вниманіе нашихъ гостей къ Костромѣ, въ которой они чтутъ олицетвореніе русскаго

патріотизма. Всѣ мы искренно благодарны достопочтенному г. Фоксу за посѣщеніе имъ и его спутниками нашего родного края, родины Русскаго Царствующаго Дома и двухъ спасителей русскихъ Царей. Имѣю честь привѣтствовать достопочтеннаго г. Фокса и предлагаю тостъ за здоровье президента Соединенныхъ Американскихъ Штатовъ и за благоденствіе великой и дружественной намъ Сѣверо-Американской націи».

Затѣмъ всталъ г. Фоксъ и предложилъ тостъ: «за того изъ Романовыхъ, кто унаслѣдовалъ благословеніе, дарованное въ Костромѣ христіанскою матерью начальнику этой династіи и въ чьемъ сердцѣ это благословеніе произрастило божественные плоды въ усиліяхъ его творить добро своему народу, за Императора Россійскаго».

Слѣдующіе тосты были: тостъ, предложенный г. Придчардомъ, старшимъ лейтенантомъ американскаго парохода «Августа», за здоровье Государыни Императрицы, и тостъ г. губернатора за здоровье Наслѣдника Цесаревича. Во время этихъ тостовъ, заглушаемыхъ криками «ура!» присутствовавшіе подходили чокаться бокалами съ американцами и губернаторомъ; народный русскій гимнъ и Соединенныхъ Штатовъ постоянно смѣняли другъ друга.

Предсѣдатель костромской уѣздной земской управы Н. Н. Прохоровъ сказалъ слѣдующее: «Исполлать Вамъ дорогимъ гостямъ, добрымъ друзьямъ, молодцамъ-богатырямъ націи американской — это народный кличъ, которымъ чествуетъ и привѣтствуетъ Васъ простой русскій людъ! Не даромъ же онъ васъ чествуетъ и привѣтствуетъ, не даромъ: вы переплыли море-океанъ, чтобы возобновить радость и ликованіе во всей Руси о спасеніи жизни нашего возлюбленнаго Монарха, нашей славы, нашей надежды на лучшее грядущее Россіи. Глубоко цѣнимъ мы желаніе Ваше познакомиться со всѣмъ тѣмъ, что дорого русскому сердцу; мы радуемся, что вы видѣли нашу родную землю, видѣли нашего Царя, видѣли памятники нашей славы, нашей преданности царямъ, что вы здѣсь въ Костромѣ посѣтили смиренную обитель св. Ипатія, откуда вышелъ на царство родоначальникъ нынѣ царствуюшаго Императора Александра II, что вы разсматривали памятникъ Сусанину, положившаго жизнь свою за предка нашего Монарха..

«Скажите сами, какъ же намъ, Васъ, дорогихъ гостей, добрыхъ людей не привѣтствовать, когда радость ваша и наша общая? Вы цѣною крови и громадныхъ денегъ разбили цѣпи рабства; у насъ рабства не было, но было крѣпостное право, тяготѣвшее надъ владѣльцами и владѣемыми; оно отмѣнено державною волею Монарха и тою же державною волею сняты во имя правды цѣпи съ мысли и слова. Вы радуетесь освобожденію невольниковъ; мы радуемся отмѣнѣ крѣпостного права и свободѣ слова во имя правды. Радость общая; но если радость общая, то и горе наше должно быть общее, и отъ него впредь да избавитъ насъ Господь. Мм. Гг.! Пожелаемъ, чтобы отнынѣ не было горя ни у Америки, ни у Россіи; если же Промыслу угодно послать его кому либо изъ насъ, то и его раздѣлимъ. Мы просимъ Васъ, послы великаго народа, передать командировавшему васъ съ благородной и безкорыстной цѣлью вашему конгрессу нашъ сердечный привѣтъ и могучей странѣ вашей наши благопожеланія мира, успѣховъ въ истинномъ просвѣщеніи и примѣненіи его къ разумному труду. Закрѣпимъ же наши пожеланія, братья, тостомъ за благоденствіе Россіи и ея возлюбленнаго Монарха».

Вслѣдъ за этою рѣчью была составлена, а потомъ послана телеграмма въ Вашингтонъ слѣдующаго содержанія: «Кострома, колыбель Дома Романовыхъ, привѣтствуя г. Фокса, выражаетъ свои желанія счастія американскому народу». Далѣе слѣдовала рѣчь Бошняка, который сказалъ: «Безобразное событіе 4 апрѣля послужило поводомъ къ величайшимъ послѣдствіямъ. Двѣ націи, далекія другъ отъ друга по пространству и разнохарактерности развитія, начинаютъ узнавать другъ друга и понимать, что кажущаяся громадная разница между ними есть только видимая: тѣ же интересы, тѣ же потребности, тѣ же условія быта и та же любовь къ родинѣ и единству. Мы, русскіе, надѣемся погнаться за вами, г.г. американцы, въ нашемъ промышленномъ развитіи и съ чувствомъ гордаго и сознательнаго достоинства скоро протянуть славянскую руку нашимъ заатлантическимъ друзьямъ. Тогда окончательно взойдетъ полуденное солнце, о которомъ говорилъ командиръ американской эскадры. 4 апрѣля, чуждое русскому духу, привело васъ благород-

ные гости, въ центръ русскаго монархизма съ существованіемъ котораго связаны всѣ историческія традиціи Костромы. Костромичи благословляютъ вашъ пріѣздъ и тѣ теплыя чувства, съ которыми американская нація привѣтствовала Нашего Государя, олицетворяющаго въ себѣ единеніе Руси, обновленное когда-то въ Костромѣ, въ тѣсныхъ сводахъ Ипатьевскаго собора. Поднимая теперь бокалъ за здоровье пославшаго васъ конгресса, костромичи съ особеннымъ чувствомъ привѣтствуютъ васъ, Господа, какъ представителей молодой и славной американской націи. Господа, за здоровье конгресса и нашихъ дорогихъ гостей, смѣлыхъ моряковъ доблестнаго американскаго флота».

На всѣ эти рѣчи Г. Фоксъ сказалъ: «Кострома со всѣхъ сторонъ окружила насъ привѣтами. Внѣ этихъ стѣнъ густая толпа народа распѣваетъ свои вдохновляющія русскія пѣсни; внутри сливаются мелодіи двухъ націй и сочетаются славные флаги, освященные побѣдами. На хорахъ, слишкомъ далеко отъ насъ, благословляютъ своимъ присутствіемъ наше собраніе ангелы (аплодисменты). Странники изъ «Новаго свѣта», мы пришли сюда, желая связать съ вашею славною исторіей имя Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, насадить на этой священной почвѣ сочувствіе, которое народъ нашей великой страны поручилъ мнѣ передать вамъ по случаю опасности, угрожавшей вашему возлюбленному монарху. И мы молимъ Всевышняго, чтобы сѣмени, брошенному такимъ образомъ, дозволено было давать непрерывную жатву взаимнаго братскаго чувства между обѣими націями на вѣки и вѣки. Провозглашаю тостъ за губернатора, за предводителя дворянства, за городского голову и за весь народъ города Костромы».

Затѣмъ г. Бошнякъ предложилъ тостъ за честнаго и благороднаго труженика С. С. Лесовскаго, который во время своей экспедиціи въ Америку завязалъ столь сочувственныя сношенія между русскими и американцами. Отвѣчая на это, С. С. Лесовскій предложилъ тостъ за всѣхъ русскихъ моряковъ, раздѣлявшихъ его труды; тостъ этотъ былъ принятъ всѣми съ живѣйшимъ одушевленіемъ.

Г. Куртинъ произнесъ затѣмъ на русскомъ языкѣ слѣдующую рѣчь, которую постоянно перебивали крики: «браво!»—«Милостивыя Государыни (обращаясь къ хорамъ, наполненнымъ дамами) и Милостивые Государи! Есть мѣста, которыя по своимъ священнымъ и славнымъ преданіямъ имѣютъ такое значеніе, что при видѣ ихъ сердца наши невольно трепещутъ. На одномъ изъ этихъ мѣстъ мы сегодня стоимъ. Во время смутъ и испытаній, когда Россія сиротѣла безъ Царя и враги надѣялись сгубить и уничтожить ее, въ Костромѣ нашелся юный бояринъ, достойный того, что весь русскій народъ избралъ его на царство. Когда жизнь вновь избраннаго вождя была въ опасности, въ Костромѣ нашелся крестьянинъ, который радостно положилъ животъ свой за Царя и землю Русскую! Когда черезъ столѣтья поднялась злодѣйская рука на потомка Михаила Ѳеодоровича, то Божественное провидѣніе, осѣняющее Русь, не допустило злодѣянію совершиться и рукой костромского же крестьянина вторично избавило Россію отъ бѣдствія. Вотъ значеніе Костромы, давшей и два раза сохранившей Государя для Россіи! Оттого то Кострома въ Россіи и почитается. Оттого мы, американцы, стоимъ сегодня у колыбели Дома Романовыхъ, пріѣхавъ изъ нашей далекой родины отдать поклонъ Костромѣ и васъ поздравить съ избавленіемъ Царя и съ героизмомъ и доблестью вашихъ земляковъ крестьянъ Сусанина и Комисарова-Костромского. Оттого я прошу провозгласить тостъ за твое счастіе и благоденствіе красавицы Костромы».

За рѣчью г. Куртина послѣдовалъ тостъ за его здоровье. Въ заключеніе крестьянинъ Финиковъ, членъ губернской земской управы, произнесъ слѣдующее: «позвольте и мнѣ, достопочтенный г. Фоксъ, привѣтствовать васъ, какъ представителю крестьянъ, освобожденныхъ нашимъ добрымъ Царемъ отъ крѣпостной зависимости. Здѣсь вы видите изображеніе одного изъ насъ, спасшаго жизнь нашего Государя, и этому случаю мы считаемъ себя обязанными вашимъ, дорогимъ для насъ, посѣщеніемъ. Примите же въ лицѣ моемъ искреннюю признательность всѣхъ костромскихъ крестьянъ за вашу дружбу и любовь къ нашему отечеству и Царю-

Освободителю и позвольте предложить тостъ за дружбу американцевъ съ русскими».

Обѣдъ кончился тостами за О. Ив. Комисарова и за всѣхъ русскихъ и американскихъ дамъ. Костромичи, въ благодарность г. Куртину, такъ вѣрно выставившему въ своей рѣчи историческое значеніе Костромы, подняли его на руки при восторженныхъ крикахъ «ура!».

Изъ дома дворянскаго собранія посольство и костромичи, бывшіе на обѣдѣ, отправились въ лѣтнее помѣщеніе общественнаго клуба, а затѣмъ посольство посѣтило льнопрядильную фабрику гг. Зотовыхъ [1]).

Между тѣмъ, съ самаго начала вечера на главныхъ улицахъ города была устроена иллюминація; передъ дворянскимъ собраніемъ высился большой щитъ съ вензелями Вашингтона, Линкольна и Джонсона; передъ домомъ присутственныхъ мѣстъ щитъ съ изображеніемъ гербовъ Костромской губерніи и ея уѣздовъ. Зданія на Сусанинской площади были усѣяны шкаликами и плошками, а когда американцы стали спускаться съ пристани, около нея, на берегу, были зажжены бенгальскіе огни, ярко и красиво озарившіе рѣку, пристань и стоящіе у нея пароходы. Не прежде полуночи пароходъ «Депеша» отошелъ отъ костромской пристани [2]).

По постановленію костромской думы, представитель сѣвероамериканскаго посольства Г. Фоксъ былъ избранъ почетнымъ гражданиномъ г. Костромы.

4 сентября 1866 года при Богоявленскомъ храмѣ каѳедральнаго собора совершилась закладка придѣльнаго храма въ честь Ѳеодоровской иконы пресв. Богоматери и во имя святыхъ — преподобнаго Іосифа Пѣснописца и благовѣрнаго великаго князя Александра Невскаго [3]).

19 декабря въ залѣ дворянскаго собранія губернскими земскими гласными и мѣстными дворянами данъ былъ обѣдъ въ честь началь-

---

[1]) Подробности пребыванія г. Фокса въ общественномъ клубѣ см. ч. II, «Общественный клубъ».

[2]) Московск. Вѣд. 1866 г., № 180; Костр. Губерн. Вѣд. 1866 года, № 35; Дѣло о прибытіи американскаго посольства въ Кострому.

[3]) Костр. Губерiск. Вѣдом. 1866 года, № 38.

ника губерніи Николая Александровича Рудзевичъ, оставившаго управленіе губерніею, а 2 января 1867 года въ залѣ общественнаго клуба чествовало Николая Александровича обѣдомъ костромское общество.

Предъ началомъ обѣда купецъ К. В. Логиновъ поднесъ Николаю Александровичу букетъ цвѣтовъ и сказалъ слѣдующее: «Ваше Превосходительство! такъ какъ жены и сестры участвующихъ здѣсь лично не могутъ присутствовать и быть сегодня съ Вами, то поручили мнѣ передать Вамъ этотъ букетъ съ тѣмъ, чтобы Вы его поставили во время обѣда передъ собою, какъ выраженіе мысленнаго присутствія ихъ на этомъ обѣдѣ». Первый тостъ провозглашенъ былъ за Государя Императора, Государыню Императрицу и Царствующій Домъ. Этотъ тостъ былъ встрѣченъ дружнымъ и восторженнымъ «ура»!— Затѣмъ предложенъ былъ тостъ за виновника обѣда, встрѣченный всеобщимъ сочувствіемъ, послѣ чего Влад. Андр. Зотовымъ произнесена была рѣчь, которую онъ закончилъ слѣдующими словами: «Благодарная память о васъ останется неизгладимою. Не забудьте Николай Александровичъ,—вы разстаетесь съ обществомъ, которое глубоко васъ уважало. Пусть этотъ альбомъ напоминаетъ вамъ, что часы отрады, проведенные съ вами, останутся для насъ навсегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ». При этомъ подпесенъ былъ альбомъ съ фотографическими портретами всѣхъ присутствовавшихъ на обѣдѣ.

Слѣдующею рѣчью, обращенною къ Н. А., была рѣчь И. В. Волкова, въ которой онъ указалъ на служебную дѣятельность Н. А., въ которой каждый день, каждый часъ ознаменованъ его участіемъ въ проведеніи въ дѣйствіе тѣхъ великихъ реформъ, которыя, по волѣ Государя, совершились въ народной и государственной жизни Россіи. Освобожденіе отъ крѣпостного права, устройство быта удѣльныхъ крестьянъ (26 іюня 1863 года), передача въ мировыя учрежденія государственныхъ крестьянъ (18 янв. 1866 г.), введеніе въ жизнь земскихъ учрежденій—все это спокойно, безъ всякихъ волненій, безъ жертвъ совершилось, говорилъ ораторъ, благодаря Вашимъ, Н. А., стараніямъ, свѣтлому и вѣрному взгляду на дѣло и находчивости». Далѣе И. В. Волковъ, перечисливъ заслуги по устройству пожарной части, медицинской, народнаго образованія и

призрѣнія бѣдныхъ, коснулся личныхъ качествъ Н. А., какъ человѣка гуманнаго, справедливаго, покровителя бѣдныхъ и горячаго защитника угнетенныхъ, и закончилъ свою рѣчь словами: «какъ костромичъ, отъ имени костромичей прошу Васъ принять искреннее, сердечное желаніе всего лучшаго, какъ Вамъ самимъ, такъ и всему, что только дорого для Васъ».

На эти рѣчи сильно взволнованный Николай Александровичъ отвѣтилъ слѣдующее: «Я глубоко тронутъ, Господа, знаками вниманія, которое вы мнѣ оказываете, и не нахожу словъ благодарить васъ за любовь и сочувствіе, которое встрѣчаю между вами. Эта любовь, это сочувствіе служатъ для меня лучшею наградою за труды, которые выпали на мою долю по управленію губерніею». Обращаясь къ Волкову Н. А. сказалъ: «заслуга моя не такъ велика, какъ вы ее представили въ своемъ словѣ: простой исполнитель при великихъ реформахъ Отца-Государя, Царя-Освободителя, Монарха-человѣка, стяжавшаго названіе «Благодушнаго», могъ ли я быть инымъ, какъ былъ, или какимъ казалось мнѣ, долженъ былъ быть? Съ другой стороны, могъ ли я что сдѣлать для устройства нѣкоторыхъ полезныхъ учрежденій, возникшихъ за мое время въ губерніи, еслибы не встрѣтилъ теплаго сочувствія общества и не нашелъ въ представителяхъ его усердныхъ сотрудниковъ? Итакъ, Господа, слава Государю—Благодѣтелю Россіи, хвала обществу, всегда откликавшемуся на всякое полезное дѣло; сотрудникамъ по службѣ—душевное спасибо!—Предлагаю тостъ за преуспѣяніе и благосостояніе Костромской губерніи, которая навсегда останется для меня дорогою. Ура!» Затѣмъ Н. А. провозгласилъ тостъ за городского голову А. А. Акатова, по болѣзни не присутствовавшаго на обѣдѣ. Послѣ этого тоста старшиною клуба М. А. Вонлярлярскимъ поднесенъ былъ Н. А. билетъ на званіе почетнаго члена Костромского общественнаго клуба. [1])

22 января 1867 года вступилъ въ управленіе Костромскою губерніею дѣйствительный статскій совѣтникъ Владиміръ Ипполитовичъ Дорогобужиновъ.

---

[1]) Костромск. Губ. Вѣд. 1867 года, № 1-й.

27 мая въ Костромѣ получена была телеграмма о благополучномъ избавленіи Государя Императора отъ злодѣйскаго покушенія на Его жизнь въ Парижѣ, почему въ 5 часовъ вечера того же числа въ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Платономъ совершено было благодарственное молебствіе въ присутствіи властей и множества народа. На другой день преосвященнымъ Платономъ и викаріемъ преосвященнымъ Іоанаѳаномъ, со всѣмъ городскимъ духовенствомъ, на Сусанинской площади снова совершено было благодарственное Господу Богу молебствіе за чудесное избавленіе Государя Императора отъ угрожавшей ему опасности. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ [1]).

По случаю празднованія, 5 августа 1867 года, юбилея полувѣковаго служенія въ святительскомъ санѣ Высокопреосвященнѣйшаго митрополита московскаго Филарета, въ Успенскомъ соборѣ преосвященнымъ Платономъ была совершена божественная литургія и молебствіе о здравіи маститаго іерарха, въ присутствіи начальствующихъ лицъ города Костромы и массы народа. Послѣ молебствія большое количество присутствовавшихъ отправилось въ зданіе городской думы для составленія адреса Его Высокопреосвященству [2]).

По тому же случаю посланъ былъ юбиляру адресъ отъ Попечительнаго о бѣдныхъ комитета, на каковой отъ Высокопреосвященнаго московскаго митрополита Филарета полученъ былъ отвѣтъ слѣдующаго содержанія: «Ваше превосходительство и почтенные мужи и граждане Богоспасаемаго града Костромы! Сверхъ моего чаянія, милостью Божіею даровано мнѣ достигнуть совершенія пятидесяти лѣтъ въ священноначальномъ служеніи Православной Церкви. Сверхъ моего чаянія и то, что на сіе обращено много доброжелательнаго вниманія не только отъ общниковъ моего церковнаго служенія, но и вообще отъ благовѣрныхъ чадъ Христовой Церкви. Взираю на все не съ мнѣніемъ о себѣ, но съ духовнымъ утѣшеніемъ о томъ, что въ семъ дѣйствуетъ общая любовь къ право-

---

[1]) Костромск. Губерн. Вѣдом. 1867 г., № 21.
[2]) Костромск. Губерн. Вѣдом. 1867 г., № 31.

славной вѣрѣ, къ святой Церкви, а вслѣдствіе сего и къ ея священноначалію. Господи, благослови являющихъ сіе общеніе вѣры благословеніями духовными. Примите за благое и благожелательное о мнѣ воспоминаніе благодарность мою, искренно чувствуемую и почтительно изъявляемую [1]).

Въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1867 года, по инииціативѣ Г. В. Карцова, открылось въ Костромѣ «Дамское отдѣленіе тюремнаго комитета». По этому случаю 21 ноября, въ церкви тюремнаго замка, куда принесена была чудотворная Ѳеодоровская икона Божіей Матери, совершена была преосвященнымъ викаріемъ Іонаѳаномъ божественная литургія въ присутствіи начальника губерніи, предсѣдательницы дамскаго отдѣленія Александры Ипполитовны Дорогобужиновой, директрисъ и директоровъ тюремнаго комитета.

Въ декабрѣ мѣсяцѣ 1867 года произведена была перепись населенія г. Костромы, причемъ оказалось 14863 мужч. и 13594 женщ., а всего 28457 челов., въ томъ числѣ грамотныхъ 7307 мужч. и 4090 женщинъ, а всего грамотныхъ 11397 человѣкъ. Потомственныхъ дворянъ 648 мужч. и 800 женщ., личныхъ дворянъ 436 м. и 485 женщ. Духовенства бѣлаго 1017 м. и 587 женщ., монашествующихъ 3 мужч. и 176 женщ.; потомственныхъ почетныхъ гражданъ 127 челов. мужч. и 134 женщ.; личныхъ гражданъ 525 мужч. и 485 женщ.; купцовъ 468 мужч. и 495 женщ.; мѣщанъ 5024 мужч. и 5072 женщ.; крестьянъ 3925 мужч. и 2176 женщ.; нижнихъ чиновъ, состоявшихъ на службѣ, 682 м.; безсрочно и временно отпускныхъ 389 человѣкъ; отставныхъ нижнихъ чиновъ 565, солдатскихъ дѣтей 561 мужч., солдатскихъ женъ и дочерей 2055 женщ.; иностранныхъ подданныхъ 54 мужч. и 48 женщ.; лицъ не принадлежавшихъ къ вышеозначеннымъ разрядамъ 439 м. и 451 женщ. Православныхъ 14702 м. и 13443 ж., раскольниковъ 14 м. и 24 женщ., единовѣрцевъ 8 м. и 11 женщ.; католиковъ 49 м. и 40 женщ.; лютеранъ 35 мужч. и 27 женщ.; евреевъ 46 мужч. и 49 женщ.; магометанъ 9 мужч. Неженатыхъ 5133 чел., незамужнихъ 3160 чел., женатыхъ 5205 чел., замуж-

---

[1]) Костромск. Губерн. Вѣдом. 1867 г., № 47.

нихъ 4629 чел., вдовыхъ 480 мужч. и 2096 женщ., дѣтей моложе 15 лѣтъ 4045 м и 3709 ж. Общее число дворовыхъ мѣстъ 2024, въ томъ числѣ застраховано 283. Общее число жилыхъ строеній 2841, нежилыхъ построекъ 4345. Число воспитанниковъ учебныхъ заведеній 1277 м. и 234 женщ., торговцевъ 917 мужч. и 213 женщ., торговыхъ приказчиковъ 274 м. и 4 ж., ремесленниковъ 1663 м. и 237 женщ. Работающихъ на фабрикахъ и заводахъ 2864 м. и 1872 женщины. Чернорабочихъ и поденщиковъ 716 м. и 89 женщ., прислуги 1009 мужч. и 1605 женщ. Не имѣющихъ опредѣленныхъ занятій 3807 мужщ. и 8942 женщ. [1]).

1868 года 15 мая на пароходѣ «Поспѣшный», въ 8 часовъ утра, прибылъ въ Кострому Великій Князь Алексѣй Александровичъ. Густыя толпы народа собрались для встрѣчи высокаго гостя. Его Высочество, встрѣченный на пристани начальникомъ губерніи, военными и гражданскими чинами, городскимъ и ремесленнымъ головами и депутатами отъ городского и ремесленнаго обществъ, удостоилъ принять хлѣбъ-соль и три стерляди, поднесенныя ему отъ городского общества, и затѣмъ отправился въ каѳедральный соборъ, гдѣ Его встрѣтилъ Высокопреосвященный Платонъ, архіепископъ Костромской и Галичскій съ городскимъ духовенствомъ. По выслушаніи краткаго молебствія, Великій Князь приложился къ чудотворному Ѳеодоровскому образу Богоматери. Изъ собора Его Высочество черезъ площадь, мимо памятника Царю Михаилу Ѳеодоровичу и крестьянину Ивану Сусанину, отправился въ возобновляемый тогда Богоявленскій монастырь, гдѣ, выслушавъ благодарственный молебенъ въ древней Никольской церкви, осмотрѣлъ церковь въ честь Смоленской иконы Божіей Матери, усыпальницу и вообще всѣ памятники старины. Послѣ осмотра монастыря Великій Князь удостоилъ своимъ посѣщеніемъ кельи настоятельницы монастыря игуменіи Маріи и кушалъ у нея чай. Затѣмъ Его Высочество возвратился на пароходъ и по р. Костромѣ прибылъ въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ, выслушавъ молебствіе и осмотрѣвъ всѣ достопримѣчательности монастыря, посѣтилъ архіепископа Платона въ его

---

[1]) Костромск. Губернск. Вѣдом. 1868 года, № 25.

кельяхъ. Въ 12 часовъ дня на пароходѣ «Поспѣшный» состоялся завтракъ, къ которому были приглашены костромской губернаторъ В. И. Дорогобужиновъ, вице-губернаторъ Н. А. Арсеньевъ, исправляющій должность губернскаго предводителя дворянства В. М. Шиповъ, воинскій начальникъ С. О. Нелидовъ, предсѣдатель губернской управы П. Я. Лаговскій и городской голова А. А. Акатовъ. По окончаніи завтрака Его Высочеству угодно было посѣтить Григоровское женское I-го разряда училище и Романовскій пансіонъ, чугуннолитейный заводъ Шипова и льнопрядильный Зотовой. Послѣ осмотра фабрики Его Высочество кушалъ у Зотовыхъ чай. Въ 5 час. по-полудни Великій Князь Алексѣй Александровичъ, обозрѣвъ губернскую гимназію и благородный пансіонъ, изволилъ обѣдать у начальника губерніи. Послѣ обѣда Его Высочество посѣтилъ концертъ, данный артистами Императорскихъ театровъ Радонежскимъ и Гордѣевымъ, и затѣмъ катался на площади и Русиной улицѣ среди массы собравшагося народа. Возвратясь на пароходъ, Его Высочество въ 11 час. вечера отбылъ изъ г. Костромы. При отъѣздѣ Его Высочеству поднесенъ былъ начальникомъ губерніи альбомъ съ фотографическими видами города Костромы [1]).

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1868 г., № 19.

XXIV.

Городовое положеніе 1870 г. Введеніе въ Костромской губерніи новыхъ судебныхъ уставовъ. Холера. Введеніе всеобщей воинской повинности. Ходатайство о желѣзной дорогѣ. Война съ Турціей. Федоръ Васильевичъ Чижовъ. Злодѣяніе 1 марта 1881 года. Пребываніе въ Костромѣ Императора Александра III, Императрицы Маріи Θеодоровны, Наслѣдника Цесаревича Николая Александровича и Великихъ Князей Георгія и Алексѣя Александровичей.

---

18 ФЕВРАЛЯ 1869 года утвержденъ уставъ Общества потребителей въ г. Костромѣ и оно начало свои дѣйствія, съ цѣлью доставить лицамъ недостаточнаго состоянія возможность получать предметы потребленія по уменьшеннымъ цѣнамъ. Кругъ дѣятельности общества былъ ограниченъ предметами первой необходимости съ изъятіемъ всѣхъ предметовъ роскоши [1]).

20 марта въ Костромѣ открылось мѣстное управленіе общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, съ цѣлью споспѣшествованія высокому христіанскому и патріотическому дѣлу облегченія тяжкаго положенія раненыхъ воиновъ, призываемыхъ охранять честь и славу дорогого отечества [2]).

17 іюня 1870 года послѣдовало утвержденіе новаго городового положенія и 18 августа того же года открылось въ Костромѣ губернское по городскимъ дѣламъ присутствіе.

1 ноября 1870 года происходило торжественное освященіе и открытіе городского водопровода.

На основаніи 48 ст. новаго городового положенія избрана костромская городская дума въ составѣ 72 гласныхъ. Выборы по

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1869 г., № 12.
[2]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1869 г, № 13.

1 разряду происходили 26 ноября, по второму 30 ноября и по третьему 3 декабря 1870 года [1]).

20 мая 1871 года вышло Высочайшее повелѣніе о введеніи съ 1 іюля 1871 года въ дѣйствіе новаго судебнаго устава въ Костромской губерніи въ полномъ его объемѣ, причемъ открытіе Костромского Окружнаго Суда возложено было на старшаго предсѣдателя Московской Судебной Палаты, сенатора Шахова [2]).

22 іюня для обозрѣнія судебныхъ учрежденій прибылъ въ Кострому г. министръ юстиціи, статсъ-секретарь графъ Паленъ [3]). Зданіе Окружнаго Суда, купленное на счетъ губернскаго и уѣзднаго земствъ и мѣстныхъ городскихъ обществъ и вновь отремонтированное, произвело на осматривавшаго его министра юстиціи весьма хорошее впечатлѣніе.

1 іюля 1871 года послѣдовало торжественное открытіе Костромского Окружнаго Суда, которое началось съ чтенія Высочайше утвержденнаго мнѣнія Государственнаго Совѣта о введеніи въ Костромской губерніи новыхъ общихъ судебныхъ установленій. Послѣ чего сенаторъ Шаховъ обратился къ присутствующимъ съ слѣдующею рѣчью: «М.м. Г.г. Сегодня завершается территоріальное развитіе Московскаго судебнаго Округа присоединеніемъ къ нему Костромской губерніи, при дѣйствіи судебныхъ уставовъ 1864 года въ полномъ ихъ объемѣ; сегодня въ исторіи здѣшней мѣстности, отмѣченной подвигами, которыхъ не забудетъ вся Россія, открывается новая эпоха — окончательнымъ преобразованіемъ судебной части.

«Всемилостивѣйше дарованныя Августѣйшимъ Монархомъ новыя судебныя учрежденія, опираясь на сочувствіе къ нимъ общественнаго мнѣнія, поддерживаясь честнымъ трудомъ своихъ дѣятелей, уже 6-й годъ достойнымъ образомъ отвѣчаютъ своему назначенію. Успѣхъ судебнаго преобразованія, можно сказать не обинуясь, превзошелъ самыя смѣлыя ожиданія; благія, плодотворныя послѣдствія его слишкомъ очевидны. Правда, были немногіе неудачные случаи въ теперешней судебной практикѣ, но они стоятъ особнякомъ и не

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 8.
[2]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 22.
[3]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., № 25.

могутъ омрачить общаго успѣха преобразованія; ихъ вполнѣ извиняетъ уже самая новизна только что устанавливающагося порядка.

«Вамъ, Господа, первымъ проводникамъ примѣненія въ здѣшнемъ краѣ правилъ, предначертанныхъ законодательствомъ для общихъ судебныхъ установленій, предстоитъ особенно важная и почтенная задача. Вы должны положить осуществленію этихъ правилъ начало, которое бы вполнѣ соотвѣтствовало ихъ цѣли и подтвердило то высокое довѣріе къ вамъ правительства, въ силу котораго вы призваны къ отправленію вашихъ будущихъ обязанностей. Трудясь неутомимо на предназначенномъ вамъ поприщѣ, вы оправдаете возлагаемыя на васъ надежды и добросовѣстная дѣятельность ваша будетъ лучшимъ средствомъ для борьбы съ тѣми неудобствами, съ тѣми препятствіями, которыя должны предстоять предъ вами на первыхъ же порахъ вашего здѣсь служенія государству и обществу.

«Костромская губернія, самая обширная изъ всѣхъ губерній Московскаго судебнаго Округа, раскинута на огромномъ пространствѣ, имѣетъ населеніе, превышающее по числу душъ милліонную цифру. Губернскій ея городъ, расположенный на окраинѣ, представляетъ вслѣдствіе этого неудобное средоточіе для мѣстной администраціи. Сюда слѣдуетъ добавить: отсутствіе желѣзныхъ дорогъ, недостаточное развитіе вообще путей сообщенія, наконецъ отдаленность отъ правительственныхъ центровъ. Помимо всего этого васъ ожидаетъ въ одно и тоже время и разсмотрѣніе новыхъ дѣлъ, и окончаніе значительнаго количества дѣлъ прежняго порядка. Въ виду такого рода обстоятельствъ, нельзя не сознаться, что будущія занятія ваши не легки; что вамъ предстоитъ дѣятельность болѣе усиленная, болѣе сложная, нежели вашимъ сотоварищамъ другихъ мѣстностей Московскаго судебнаго Округа. Но усердіе и трудъ все превозмогаютъ, и тѣ затрудненія, которыя вы должны встрѣтить, утратятъ свое значеніе предъ честнымъ и ревностнымъ исполненіемъ вами своихъ обязанностей.

«Съ другой стороны, Господа, нельзя не сказать и того, что вы находитесь въ болѣе выгодномъ положеніи, сравнительно съ дѣятелями первыхъ годовъ судебнаго преобразованія въ Россіи. Пользованіе судебными уставами уже достаточно облегчено пяти-

лѣтней кассаціонной практикой и многіе вопросы законодательства, разрѣшеніе которыхъ еще недавно представляло нѣкотораго рода трудности, теперь выяснены правительствующимъ Сенатомъ и рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ его послужатъ надежнымъ руководствомъ въ предстоящихъ вамъ занятіяхъ. Кромѣ того, вы найдете для вашихъ трудовъ ободреніе въ томъ искреннемъ, живомъ участіи, съ какимъ, какъ мнѣ извѣстно, отозвались и относятся къ новому суду и костромское общество и лица, стоящія во главѣ здѣшней административной власти.

«Итакъ, да не будетъ сомнѣнія, что проникнутые сознаніемъ важности ожидающихъ васъ обязанностей, руководимые чувствомъ рвенія, надѣленные опытностію въ дѣлопроизводствѣ и примѣненіи законовъ, вы поставите учрежденіе, въ которомъ должны совершаться ваши дѣйствія на подобающую ему высокую степень значенія—суда скораго, правдиваго и милостиваго.

«Довершая въ нынѣшній день исполненіе Высочайше возложенныхъ на меня порученій открытіемъ Окружнаго Суда, я почитаю себя счастливымъ, что мнѣ довелось быть вѣстникомъ осуществленія окончательнаго судебнаго преобразованія въ губерніи, ознаменовавшей себя славными подвигами вѣрноподданности и любви къ престолу и отечеству.

«Объявляю Костромской Окружный Судъ открытымъ и приглашаю васъ, М.м. Г.г., помолиться Всевышнему, да благословитъ онъ начинаніе предстоящихъ вамъ трудовъ. Пустъ г.г. судьи принесутъ установленную закономъ присягу».

Затѣмъ Высокопреосвященнѣйшимъ Платономъ совершено было молебствіе, вновь назначенные судьи приведены къ присягѣ и началось судебное засѣданіе, въ которомъ прочитанъ былъ протоколъ объ открытіи суда. Торжество закончилось исполненіемъ пѣвчими народнаго гимна.

Въ тотъ же день въ залѣ дворянскаго собранія костромскимъ обществомъ данъ былъ обѣдъ, на которомъ, послѣ восторженныхъ тостовъ за Государя Императора и весь Царствующій Домъ, отправлена телеграмма на имя управляющаго министерствомъ юстиціи, съ просьбою повергнуть передъ Его Императорскимъ Величествомъ

выраженіе чувствъ вѣрноподданнической благодарности костромичей, по случаю окончательнаго введенія въ дѣйствіе въ Костромской губерніи судебной реформы.

На обѣдѣ сенаторъ А. Н. Шаховъ произнесъ слѣдующій, весьма интересный тостъ:



Первый предсѣдатель Костромского Окружнаго Суда Іосифъ Александровичъ Плецъ.

«Въ спискѣ земскихъ людей, говорилъ ораторъ, призванныхъ Державною волею великой Государыни въ думу о земскомъ дѣлѣ, о созданіи лучшихъ законовъ для Россіи, стоитъ одно прекрасное имя. Это былъ маршалъ комиссіи, образованной для составленія проэкта новаго уложенія — костромской депутатъ Александръ Ильичъ Бибиковъ. Въ наказѣ ему Костромское общество выразило желаніе, чтобы созданъ былъ скорый судъ и расправа». Бибиковъ прибывъ въ комиссію сказалъ: «и для того должны мы въ непремѣнный долгъ себѣ поставить, всеусиленное о томъ приложить старанье, чтобы сколь возможно преуспѣвало столь спасительное о насъ и потомкахъ нашихъ намѣреніе Государыни нашей. Докажемъ горячую и истинную ко благу общему ревность.

«М.м. г.г.! Давно желанное событіе сегодня совершилось; судъ, о которомъ мечталось 100 лѣтъ тому назадъ, здѣсь водворенъ. Но, чтобы судъ этотъ преуспѣвалъ, ему необходимы, помимо дѣятельности его членовъ, общественное довѣріе и поддержка. Будучи убѣжденъ, что въ настоящемъ случаѣ здѣшнее общество послѣдуетъ чувствамъ и мыслямъ своего достопамятнаго депутата Бибикова и покажетъ истинную ревность ко благу новаго суда, я провозглашаю тостъ, отъ искренняго моего сердца, за здоровье всего Костромского общества и достойныхъ его представителей» [1]).

Въ первыхъ числахъ Іюня мѣсяца 1871 года, по случаю появ-

[1]) Костр. Губ. Вѣдом. 1871 года, № 26.

ленія въ г. Костромѣ и губерніи азіатской холеры, открытъ былъ комитетъ общественнаго здравія. Городъ во врачебномъ отношеніи раздѣленъ былъ на участки и въ эти участки назначены были комитетомъ врачи и попечители. Кромѣ того, комитетъ издалъ для жителей г. Костромы инструкцію по случаю появленія холеры и учредилъ на Русиной улицѣ въ земскомъ домѣ спеціальную холерную больницу. Изъ слѣдующей таблицы виденъ весь ходъ развитія эпидеміи холеры по городу Костромѣ.

ТАБЛИЦА
развитія холерной эпидеміи въ 1871 году въ г. Костромѣ.

	Іюнь и Іюль.			Августъ.					Сентябрь		Итого.
	Съ 22 іюня по 14 іюля.	14—21.	21—28.	28—4.	4—11.	11—18.	18—25.	25—1.	1—8.	8—15.	
Прибыло . . .	246	93	66	33	71	154	81	35	Свѣдѣній нѣтъ.	3	782
Выздоровѣло . .	94	53	51	37	26	29	32	86		16	424
Умерло	108	38	20	16	22	87	24	25		5	345
Состоитъ . . .	44	46	41	21	44	82	107	31		1	—

Съ половины сентября число заболѣвшихъ стало быстро уменьшаться и къ октябрю мѣсяцу эпидемія совершенно прекратилась [1].

10 сентября 1873 года въ Костромѣ открытъ былъ первый съѣздъ земскихъ врачей Костромской губерніи. На засѣданіяхъ съѣзда, продолжавшихся 6 дней, обсуждались вопросы о врачебномъ персоналѣ, фельдшерахъ, о земскихъ больницахъ и пріемныхъ покояхъ, объ акушерскомъ пособіи въ уѣздахъ, объ оспопрививаніи, о сифилисѣ и т. д.

1 января 1874 года вышло Высочайшее повелѣніе о введеніи въ Россіи всеобщей воинской повинности, вслѣдствіе чего 16 февраля того же года, въ домѣ уѣзднаго земства, открыто было уѣздное по воинской повинности Присутствіе, а 20 февраля, въ

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1871 г., №№ 30—38.

домѣ г. Начальника губерніи, Костромское губернское по воинской повинности Присутствіе [1]).

Въ 1875 году Городская Дума возбудила ходатайство передъ министерствами внутреннихъ дѣлъ, путей сообщенія и финансовъ о проведеніи сѣверной Сибирской желѣзной дороги черезъ Кострому, а передъ обществомъ Московско-Ярославской желѣзной дороги о продолженіи рельсоваго пути отъ Ярославля до г. Костромы [2]).

10 ноября 1876 г. въ московскомъ Кремлѣ Государь объявилъ дворянству и другимъ сословіямъ о предстоящей европейской конференціи.

12 мая 1877 года въ селѣ Солониковѣ, находящемся въ 7 верстахъ отъ г. Костромы, въ дачномъ помѣщеніи, скончался высокопреосвященный Платонъ, архіепископъ Костромской и Галичскій, и 17 мая погребенъ подъ главнымъ алтаремъ теплаго Богоявленскаго храма. Чинъ отпѣванія совершалъ епископъ Ярославскій и Ростовскій Іонаѳанъ въ сослуженіи съ викаріемъ Костромскимъ, епископомъ Геннадіемъ, въ присутствіи всего городского духовенства.

27 мая 1877 года открытъ въ г. Костромѣ дамскій комитетъ общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, цѣль котораго состояла въ привлеченіи взносовъ и пожертвованій въ пользу раненыхъ и больныхъ воиновъ, въ пріемѣ вещественныхъ для сего пожертвованій, въ изготовленіи потребныхъ для госпиталей одежды и бѣлья и въ отправленіи заготовленныхъ вещей по принадлежности.

Того же числа преосвященнымъ Геннадіемъ освященъ въ зданіи упраздненнаго Крестовоздвиженскаго монастыря госпиталь для раненыхъ русскихъ воиновъ [3]).

28 августа, въ 5 часовъ вечера, прибыла первая партія больныхъ и раненыхъ нижнихъ чиновъ, состоявшая изъ 102 человѣкъ.

Раненые воины встрѣчены были массой народа и крестнымъ ходомъ, который совершенъ изъ собора преосвященнымъ епископомъ Геннадіемъ съ городскимъ духовенствомъ. 23 сентября прибыла

---

[1]) Костр. Губерн. Вѣдом. 1874 г., № 8.
[2]) Костр. Городск. Думы постановленія 1875 г., стр. 273.
[3]) Костр. Губ. Вѣдом. 1877 года, №№ 22 и 23.

вторая партія раненыхъ въ количествѣ 151 человѣка, а 27 и 28 октября прибылъ третій транспортъ, состоящій изъ 45 чел. Всѣ пріѣзжіе раненые и больные воины встрѣчались одинаково торжественнымъ образомъ [1]).

14 ноября 1877 года скончался Федоръ Васильевичъ Чижовъ, извѣстный дѣятель во многихъ финансово-промышленныхъ учрежденіяхъ и предпріятіяхъ. Онъ былъ весьма образованный человѣкъ, любилъ искусства и литературу, былъ другомъ И. С. Аксакова. Свою прекрасную библіотеку и дневникъ, который велся имъ съ 14 лѣтняго возраста, онъ оставилъ Московскому Румянцевскому музею, а многомилліонное состояніе своему родному городу Костромѣ на устройство техническихъ училищъ [2]).

«Я знаю, говорилъ Государь, что вся Россія вмѣстѣ со мною принимаетъ живѣйшее участіе въ страданіяхъ нашихъ братій по вѣрѣ и происхожденію; но для Меня истинные интересы Россіи дороже всего и Я желалъ бы до крайности щадить дорогую русскую кровь». По поводу этихъ словъ Государя Императора Костромская Городская Дума повергнула къ стопамъ Его Величества слѣдующій всеподданнѣйшій адресъ: «Всемилостивѣйшій Государь! Все славное царствованіе Твое есть непрерывное торжество мира. Да поможетъ Господь, чтобы и нынѣ милосердная заботливость Твоя о страдающихъ братьяхъ нашихъ по вѣрѣ и происхожденію увѣнчались успѣхомъ безъ нарушенія мира. Но чтобы ни было, во всякомъ случаѣ, мы примемъ Твои рѣшенія съ безпредѣльнымъ довѣріемъ и преданностію. Что Ты повелишь, Государь, то и будетъ. Изреки державное Твое слово, и всѣ мы принесемъ Тебѣ въ жертву наши имущества и жизнь, всѣ мы станемъ, какъ одинъ человѣкъ, за благоденствіе отечества, за славу и могущество возлюбленнаго своего Монарха. Всемилостивѣйшій Государь! Родоначальникъ Твой Михаилъ Ѳеодоровичъ благословленъ на Царство чудотворною Ѳеодоровскою иконою Богоматери. Предъ сею св. иконою мы пламенно молимъ и будемъ молить Царицу Небесную, чтобы она всегда и вездѣ осѣняла Тебя

---

[1]) Костр Губерн. Вѣд. 1877 года, №№ 36, 38 и 42.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1877 г., № 46.

своимъ всемощнымъ покровительствомъ. Мы вѣруемъ, что, при заступленіи Царицы Небесной, Твое державное слово обратится въ дѣло и станетъ дѣломъ несокрушимымъ и непреложнымъ» [1]).

Въ 1877 г. началась война съ Турціей. 25 апрѣля въ мечети Татарской слободы, находящейся около г. Костромы, совершено было молебствіе о здравіи Государя Императора и о дарованіи Ему побѣды надъ Турками, причемъ указнымъ имамомъ Сафаровымъ произнесено было на татарскомъ языкѣ слово, въ которомъ онъ указалъ собравшимся на великія милости къ нимъ, татарамъ, Русскаго Царя-Батюшки, который совершенно сравнялъ ихъ во всемъ съ русскими крестьянами и, благодаря этому, они пользуются теперь всѣмъ тѣмъ, чѣмъ пользуются всѣ подданные Россіи. «Будемъ же, закончилъ имамъ Сафаровъ, вѣчно, съ благоговѣніемъ молиться передъ Аллахомъ за Царя. Довольство и любовь наши принадлежатъ Ему» [2]).

12 декабря, по случаю исполнившагося столѣтія со дня рожденія Императора Александра I, преосвященнымъ Геннадіемъ совершена была въ соборѣ заупокойная литургія и панихида по Императорѣ Александрѣ I. Торжественныя панихиды по Императорѣ, вслѣдствіе распоряженія изъ округа, отслужены были въ мужской и женской гимназіяхъ и реальномъ училищѣ.

19 февраля 1878 года былъ заключенъ миръ съ турками вслѣдствіе чего, 20 февраля городъ разцвѣтился флагами и въ соборѣ преосвященнымъ Геннадіемъ совершена была литургія и благодарственное молебствіе. Торжество продолжалось три дня, въ которые играли два оркестра музыки, устраивались народныя гулянья, а по вечерамъ городъ былъ иллюминованъ [3]). По этому же поводу Костромское дворянство отправило къ Государю всеподданнѣйшій адресъ, въ которомъ, отмѣчая, что 19 февраля второй уже разъ знаменуется великимъ подвигомъ освобожденія народныхъ массъ отъ вѣкового безправія, дворяне говорятъ, что русскій народъ всегда признавалъ, своихъ единокровныхъ и единовѣрныхъ братьевъ,

---

[1]) Постан. Костр. Гор. Думы. 1876 г., стр. 136.
[2]) Костр. Губ. Вѣдом. 1877 г., № 20-й.
[3]) Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., № 8.

всегда сочувствовалъ ихъ страданіямъ, и поэтому Государь только осуществилъ давнюю святую мысль народа. Адресъ заключался словами: «да продлитъ Господь Ваше царствованіе, Государь, и да дастъ Вамъ, на счастье наше, новую славу подвига, подобнаго тѣмъ, которые уже дважды ознаменовали нашу исторію священнымъ для насъ днемъ 19 февраля» [1]).

27 марта 1878 года, въ 11 часовъ утра, прибылъ вновь назначенный на костромскую кафедру преосвященный Игнатій, который встрѣченъ былъ въ соборѣ массой народа и всѣмъ городскимъ духовенствомъ.

7 мая, послѣ молебствія передъ Ѳеодоровской иконой Божіей Матери, въ домѣ городского общественнаго управленія открытъ былъ комитетъ для сбора пожертвованій на сооруженіе судовъ добровольнаго флота, причемъ всѣмъ присутствующимъ раздавалась брошюра М. М. Дмитріева, въ которой говорилось о томъ, что такое крейсеръ добровольнаго флота и почему онъ необходимъ для Россіи [2]).

По случаю появленія 16 декабря 1888 года чумы въ Ветлянкѣ, въ началѣ 1879 года былъ открытъ въ Костромѣ комитетъ общественнаго здравія, который выработалъ мѣропріятія, необходимыя для борьбы съ этой болѣзнью. По поводу этой эпидеміи въ думѣ возбужденъ былъ вопросъ объ устройствѣ фильтра и общественныхъ боенъ, а дворянинъ г. Кетовъ предложилъ городу на собственныя средства устроить печи для сжиганія всѣхъ нечистотъ, но все это осталось въ области благихъ пожеланій [3]).

2 апрѣля 1879 года, въ 9 часовъ утра, совершено было покушеніе на Государя Императора и тотчасъ же, по полученіи этого печальнаго извѣстія, была отправлена телеграмма отъ всѣхъ сословій г. Костромы по случаю избавленія Государя Императора отъ угрожающей опасности, а 3 апрѣля совершены была преосвященнымъ въ соборѣ литургія и молебствіе на площади [4]).

Въ мартѣ мѣсяцѣ возвратился съ театра военныхъ дѣйствій

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., № 13.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1878 г., № 18.
[3]) Костр. Губ. Вѣд. 1879 г., № 11.
[4]) Костр. Губ. Вѣд. 1879 г., № 14.

квартировавшій ранѣе въ г. Костромѣ Зарайскій пѣхотный полкъ. По этому случаю на Молочной горѣ устроена была тріумфальная арка, украшенная орлами и большими георгіевскими крестами. На аркѣ находились надписи: «храбрымъ Зарайцамъ», «Карахасанъ-кіой. 18 августа 1877 г.» и «Мечка—Тростяникъ. 30 ноября 1877 года». Нижнимъ чинамъ на счетъ города была предложена закуска, а офицерамъ обѣдъ въ залахъ дворянскаго собранія. Во время обѣда посланы были телеграммы Наслѣднику Цесаревичу Александру Александровичу и Великому Князю Николаю Николаевичу Старшему [1]).

10 февраля 1880 года Кострома украсилась флагами и въ Успенскомъ соборѣ при громадномъ стеченіи молящихся совершено было молебствіе о чудесномъ спасеніи Царской семьи отъ опасности, вслѣдствіе взрыва, произведеннаго во дворцѣ. Вечеромъ городъ былъ иллюминованъ и передъ началомъ спектакля артистами совмѣстно съ оркестромъ пропѣтъ былъ народный гимнъ, повторенный нѣсколько разъ по требованію публики [2]).

Съ 21 по 30 марта 1880 года въ залѣ городской Думы открыта была по иниціативѣ Императорскаго Московскаго Общества Сельскаго Хозяйства пятая выставка льна.

22 мая скончалась Государыня Императрица Марія Александровна, почему 23 мая въ 12 часовъ дня, въ присутствіи администраціи и массы молящихся, совершена была въ соборѣ архіерейскимъ служеніемъ панихида по скончавшейся Императрицѣ [3]).

1 марта 1881 года совершилось великое злодѣяніе: ужасной мученической смертью погибъ величайшій и благороднѣйшій Императоръ Александръ II Николаевичъ.

Тотчасъ по полученіи печальнаго извѣстія вся Кострома одѣлась въ трауръ. 2 марта, въ часъ пополудни, въ соборѣ совершена была архіерейскимъ служеніемъ панихида по въ Бозѣ почившемъ Императорѣ Александрѣ II. При пѣніи словъ «со святыми упокой»

---

1) Костр. Губ. Вѣд. 1879 г., № 14.
2) Костр. Губ. Вѣд. 1880 г., № 7.
3) Костр. Губ. Вѣд. 1880 г., № 21.

послышались рыданія многочисленныхъ молящихся [1]), которыми переполненъ былъ храмъ. Среди костромского общества возникла мысль объ устройствѣ часовни въ память Государя Императора Александра II, Царя-Освободителя, Царя-Мученика.

22 іюля 1881 года, въ день тезоименитства Государыни Императрицы Маріи Ѳеодоровны, въ 12 часовъ дня, въ Кострому прибыли изъ Нижняго Новгорода Ихъ Величества Государь Императоръ Александръ Александровичъ, Государыня Императрица Марія Ѳеодоровна, Наслѣдникъ Цесаревичъ Николай Александровичъ и Великіе Князья Георгій Александровичъ и Алексѣй Александровичъ. Городъ украсился флагами и транспарантами съ вензелевымъ изображеніемъ Ихъ Императорскихъ Величествъ. Городской голова, поднося хлѣбъ-соль на серебряномъ блюдѣ и три волжскія большія стерляди, обратился къ Государю со слѣдующими словами: «Ваше Императорское Величество! Привѣтствуемъ отъ глубины души, Государь, Ваше посѣщеніе колыбели Царствующаго Дома; безпредѣльна радость костромичей и счастіе видѣть Васъ, Государь! Благоволите принять нашу хлѣбъ-соль, да здравствуетъ Государь, Государыня — дражайшая Именинница и Ихъ Августѣйшія дѣти — ура!» Затѣмъ Государыня Императрица приняла букетъ живыхъ цвѣтовъ, поднесенный костромскими дамами. По берегу размѣстились, съ одной стороны, почетный караулъ отъ Зарайскаго полка, съ другой, депутаціи ремесленной управы, ремесленныхъ обществъ и пригородной Татарской слободы. Государь обошелъ почетный караулъ отъ полка, бывшаго въ Его Рущукскомъ отрядѣ, и пропустилъ роту церемоніальнымъ маршемъ. У каѳедральнаго собора, въ святыхъ вратахъ, встрѣтилъ Государя преосвященный костромской Игнатій съ чудотворною Ѳеодоровскою иконою Богоматери. Выслушавъ молебствіе и приложившись къ иконамъ, Царственные Путешественники отправились въ Ипатіевскій монастырь, гдѣ, при входѣ въ него, ожидала депутація отъ крестьянъ бѣлопашцевъ и множество крестьянскихъ дѣвушекъ въ мѣстныхъ красивыхъ одеждахъ.

Въ Троицкомъ храмѣ Ипатіевскаго монастыря Ихъ Величества

---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1881 г., № 9.

и Ихъ Высочества выслушали краткое молебствіе. Осмотрѣвъ ризницу, они пошли въ Палаты Романовыхъ. У входа на крыльцо Палатъ старшина Шунгенской волости, Костромского уѣзда поднесъ Государю Императору хлѣбъ-соль и сказалъ слѣдующее: «Ваше Императорское Величество! За Отца Твоего мы молились день и ночь; за Его добро для насъ мы и теперь льемъ слезы благодарности. За Тебя, Государь, мы готовы пролить кровь свою; не забудь своею милостію, прими отъ насъ, мужиковъ, радушную крестьянскую хлѣбъ-соль». Государь, милостиво выслушавъ эти слова, изволилъ принять хлѣбъ-соль. При осмотрѣ Палатъ Государь Самъ показывалъ Императрицѣ и сыновьямъ Палаты своихъ предковъ и пояснялъ ихъ устройство. Здѣсь губернскій предводитель дворянства представилъ Его Величеству уѣздныхъ предводителей дворянства и многихъ дворянъ. Затѣмъ Царское Семейство посѣтило



Часовня въ память о почившемъ Царѣ-Мученикѣ, Императорѣ Александрѣ II.

Богоявленскій монастырь, гдѣ послѣ молебствія въ древнемъ Салтыковскомъ храмѣ, Ихъ Величества посѣтили кельи игуменьи Маріи. Изъ Богоявленскаго монастыря Ихъ Величества и Ихъ Высочества отправились на пристань, гдѣ Государю Императору поднесена была хлѣбъ-соль татарами и мѣщанскимъ обществомъ. Затѣмъ, въ 3 часа дня, Августѣйшее семейство отбыло изъ Костромы при восторженныхъ крикахъ провожавшаго Ихъ народа [1]).

30 сентября 1881 года въ Костромѣ происходила закладка часовни, устраиваемой костромскимъ уѣзднымъ земствомъ на стекавшіяся со всей губерніи и города Костромы средства въ память о почившемъ Царѣ-Мученикѣ, Императорѣ Александрѣ II. Въ 9 часовъ утра въ соборѣ была совершена преосвященнымъ Геннадіемъ литургія; затѣмъ изъ собора направился крестный ходъ къ мѣсту воздвигаемой часовни на Сусанинскую площадь. Самая закладка происходила при совершеніи молебствія, закончившагося провозглашеніемъ многолѣтія Государю Императору Александру III и всему Царствующему Дому и вѣчной памяти въ Бозѣ почившему Императору Александру II [2]).

КОНЕЦЪ ПЕРВОЙ ЧАСТИ.



---

[1]) Костр. Губ. Вѣд. 1881 года, №№ 28, 29 и 31.
[2]) Костр. Губ. Вѣд. 1881 года, № 37.

Губернаторы Костромскіе съ 1797 г. по настоящее время.

Съ 1797 г. Костромское и Владимірское Генералъ-Губернаторство упразднено, а званіе Намѣстника губерніи замѣнено было званіемъ Начальника губерніи или Губернатора. Съ этого времени Костромскими Губернаторами были:

1. Д. ст. сов. Борисъ Петровичъ Островскій (1797—1798 гг.).

2. Тайн. сов. Николай Ивановичъ Кочетовъ, командоръ ордена с. Іоанна Іерусалимскаго. Губернаторомъ съ 1798 г. Скончался въ 1806 г. въ г. Костромѣ и погребенъ въ Николо-Бабаевскомъ монастырѣ, Костром. уѣзда.

3. Дѣйств. ст. сов. Николай Θеодоровичъ Пасынковъ (1807—1815 гг.).

4. Тайн. сов. Карлъ Ивановичъ Баумгартенъ (1816—1827 гг.).

5. Яковъ Θеодоровичъ Ганскау (1827—1830 гг.).

6. Сергѣй Степановичъ Ланской, впослѣдствіи графъ и министръ внутреннихъ дѣлъ (1830—1832 гг.).

7. Дѣйствит. ст. сов. Михаилъ Николаевичъ Жемчужниковъ (1831—1833 гг.).

8. Дѣйств. ст. совѣт. Александръ Григорьевичъ Приклонскій (1833—1838 гг.).

9. Тайн. сов. Николай Ивановичъ Жуковъ (1838—1846 гг.).

10. Дѣйств. ст. сов. Константинъ Никифоровичъ Григорьевъ (1846—1847 гг.).

11. Ген.-адъютантъ, генералъ-маіоръ графъ Александръ Аркадьевичъ Суворовъ-Рымникскій, князь Италійскій (съ 5 марта по декабрь 1847 г.).

12. Свиты Его Величества генералъ-маіоръ князь Иларіонъ Иларіоновичъ Васильчиковъ (31 дек. 1847 г. по 2 апр. 1848 г.).

13. Генералъ-маіоръ Иванъ Васильевичъ Каменскій (1848 1852 гг.).

14. Статскій сов. Валеріанъ Николаевичъ Муравьевъ (1852—1853 гг.).

15. Генералъ-лейтенантъ Николай Андреевичъ Лангель (съ апр. по іюнь 1853 г.). Погребенъ въ Ипатіев. монастырѣ.

16. Генералъ-маіоръ Андрей Ѳеодоровичъ Войцехъ (1853—1857 гг.).

17. Генералъ-лейтенантъ Иванъ Васильевичъ Романусъ (1857—1861 гг.). Погребенъ въ г. Костромѣ на Запрудн. кладбищѣ.

18. Генералъ-лейтенантъ Николай Александровичъ Рудзевичъ (1861—1866 гг.).

19. Тайн. совѣтникъ Владиміръ Ипполитовичъ Дорогобужиновъ (1866—1878 гг.).

20. Тайн. совѣтникъ Николай Ефимовичъ Андреевскій (1878—1884 гг.).

21. Тайн. совѣтникъ Викторъ Васильевичъ Калачевъ (1884—1892 гг.).

22. Тайн. совѣтникъ Александръ Романовичъ Шидловскій (1892—1897 гг.).

23. Въ должн. егермейстера, дѣйст. ст. сов. Иванъ Михайловичъ Леонтьевъ (1897—1902 гг.). По мысли и заботами Ив. Мих. Леонтьева открыта (16 авг. 1900 г.) въ г. Костромѣ Ѳеодоровская община сестеръ милосердія Краснаго Креста.

24. Дѣйст. ст. сов. Леонидъ Михайловичъ Князевъ (1902—1905 гг.).

25. Генералъ-маіоръ Павелъ Сергѣевичъ Саввичъ (съ 10 окт. по 2 ноября 1905 г.); губерніи генералъ Саввичъ не принималъ.

26. Генералъ-маіоръ Александръ Александровичъ Ватаци (1905—1906 гг.).

27. Генералъ-маіоръ Алексѣй Порфирьевичъ Веретенниковъ (1906—1909 г.).

28. Въ званіи камеръ-юнкера ВЫСОЧАЙШАГО Двора, ст. сов. Петръ Петровичъ Шиловскій (съ февраля 1910 по 12 янв. 1912 г.).

29. Двора ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА камергеръ, дѣйств. стат. сов. Петръ Петровичъ Стремоуховъ (съ 14 янв. 1913 г.).



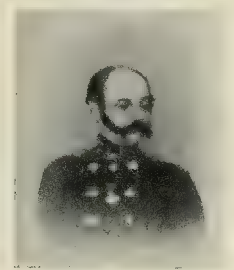
Сергѣй Степановичъ Ланской.



Александръ Григорьевичъ Приклонскій.



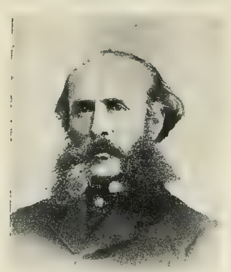
Князь Александръ Аркадьевичъ Суворовъ Рымнинскій.



Иванъ Васильевичъ Романусъ.

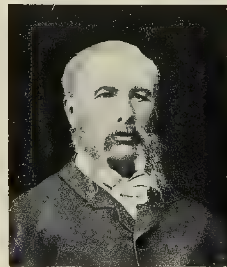


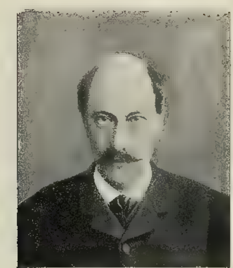
Николай Александровичъ Рудзевичъ.



Владиміръ Ипполитовичъ Дорогобужиновъ.

ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.


Николай Ефимовичъ Андріевскій.


Викторъ Васильевичъ Калачовъ.


Александръ Романовичъ Шидловскій.


Иванъ Михайловичъ Леонтьевъ.


Леонидъ Михайловичъ Князевъ.


Александръ Александровичъ Ватаци.

ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕМГ, СПБ.



Алексѣй Порфирьевичъ
Веретенниковъ.

Петръ Петровичъ
Шиловскій.

ХУДОЖ. ГР. ЗАВ. А. А. БЕМЕ, СПБ.



Петръ Петровичъ Стремоуховъ.

